

A detailed historical illustration of Moscow, showing the city's architecture, the Moskva River, and a bridge. The scene is set in a past era, likely the 17th or 18th century, with people and horse-drawn carriages visible on the bridge and streets. The title 'История московского нотариата' is overlaid in large, stylized yellow letters.

История московского нотариата

ХРОНИКА · СОБЫТИЯ · ЛЮДИ

Москва 2013

История московского нотариата

ХРОНИКА СОБЫТИЯ ЛЮДИ

Москва
2013

УДК 34.09
ББК Т63

История московского нотариата. Хроника. События. Люди. —
М.: ООО «Галерея», 2013. — 296 с.

Книга посвящена истории московского нотариата и имеет три главы. Каждая из глав описывает определенный этап в истории нотариата в связи с историей страны в целом. Первая глава книги посвящена истории дореволюционного нотариата, его деятелям и работе московских нотариусов, вторая – противоречивой истории нотариата в советское время. В третьей главе анализируются как роль московских нотариусов в возрождении свободного нотариата в России в начале 90-х годов, так и процессы, происходившие в самом нотариальном сообществе Москвы на протяжении последних двадцати лет.

Книга подготовлена на основе исследования разнообразных источников, в том числе архивных. Информационную и методическую поддержку авторам оказывала Комиссия по изучению исторического наследия московского нотариата МГНП.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Московской городской нотариальной палаты.

Оформление – А. Дегтярев
Корректор – Е. Николаева

105082, г. Москва, Спартаковская площадь, д. 10, стр. 12, оф. 205
Тел./факс: +7 (495) 665-48-37
info@galeria.ru www.galeria.ru

Подписано в печать 25.04.2013.
Бумага офсетная. Формат 70×100/16.
Гарнитура Cambria. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,23. Тираж 1100 экз.

© Калмыков С. В., текст 1 главы, 2013
© Чижков С. Л., текст 2 и 3 глав, 2013
© ООО «Галерея», 2013

*Как в прошедшем грядущее зреет,
Так в грядущем прошедшее тлеет...*

А. А. Ахматова «Поэма без героя»

Предисловие

Наша книга выходит в канун 20-летия нового, современного, независимого нотариата Российской Федерации. Это уже само по себе повод оглянуться, обозреть пройденное, проследить продолжающийся и поныне процесс становления свободного нотариата Москвы — неотъемлемой и важной части этого института российского общества.

Если вы, читатель, придете к выводу, что в течение прошедшего 20-летия нотариат российской столицы переживал не только многосложный период становления, но и непрерывно развивался, укреплялся, превращался в мощную правоприменительную структуру, то одна из главных целей книги достигнута. Ведь сегодня нотариат в пределах своих прав и компетенции способен обеспечить защиту имущественных прав, удовлетворить законные интересы граждан, юридических лиц, государственных и муниципальных органов, общественных организаций. В ответ на запросы общества продолжает повышаться квалификация нотариусов Москвы и всей страны, несравнимо выросла оснащенность нотариальных контор, а значит улучшились и условия обслуживания населения.

Свое повествование авторы разбили на три периода, начиная его с середины XIX века. Это — история российского нотариата до 1917 года, деятельность государственного нотариата в советское время и новый сегодняшний нотариат в истекающем 20-летии. Значение такого подхода трудно переоценить. И главный его смысл — в возможности обеспечить преемственность, почерпнуть весь положительный опыт полутора столетий в деятельности российских нотариусов, опереться на лучшие в ней традиции.

Как известно, на сегодняшний день не существует полного курса истории нотариата России. Видится достигнутой еще одна цель книги — не претендуя на звание исчерпывающего академического труда, все же восполнить до некоторой степени этот пробел.

Немаловажно и то, что становление нового нотариата показано не только в рамках сложного законотворческого процесса. Ведь новый закон разрабатывался с нуля. Показана также роль преданных делу нового нотариата разработчиков закона, чиновников, простых нотариусов и руководителей Московского нотариата. Книга позволяет сохранить имена, показать роль и заслуги людей, считавших нотариат делом своей судьбы и жизни, для тех, кто идет им на смену.

Сегодня среди московских нотариусов все больше и больше молодых коллег. Почти половина правления Московской палаты – представители нового поколения. Им предстоит не только жить и работать по правилам независимого нотариата, но и продолжать летопись нотариальных дел.

Авторы:

Калмыков Сергей Валерьевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН, специалист в области истории предпринимательства и финансовых институтов в России.

Чижков Сергей Львович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института философии РАН, специалист в области истории политических учений и философии права.

Информационная и консультационная поддержка: **Бочковенко В. А.**

Исторические документы и нотариальные акты XIX – начала XX века из личного архива **Бизякина А. В.**

Использованы фотографии **Окатова П. А.** и **Уриханяна А. П.**

Комиссия по изучению исторического наследия московского нотариата:

Председатель: **Бизякин А. В.**
Агамиров Н. И.
Потемкина В. Д.
Тоцкий Н. Н.
Шарафетдинов Н. Ф.
Сафонов В. А.
Тарасова Л. В.

Куратор комиссии: член Правления МГНП **Сопина Т. И.**

Глава первая

Нотариат в России и в Москве в XIX и начале XX века

История развития нотариата в России во многом совпадает с историей развития правовой системы в нашей стране, изменением отношений и содержания гражданского оборота. Ее можно условно разделить на несколько этапов, положив в основу этой периодизации различные классифицирующие признаки, например преобладающий характер тех нормативно-правовых актов, которыми регулировалась нотариальная сфера. Тогда первый этап можно будет начинать где-то с XVI в. и заканчивать принятием Соборного уложения 1649 г., и этот этап будет характеризоваться тем, что формирование нотариальных органов и порядок совершения нотариальных действий регламентировались отдельным законодательством – отдельными царскими указами царя. Уложение 1649 г. до некоторой степени систематизировало все принятые до этого законоположения, касающиеся нотариальной сферы, и с этой точки зрения вполне заслужило считаться этапным.

Второй этап будет охватывать период с 1649 по 1866 г. – до принятия первого всеобъемлющего нормативного акта, специально посвященного регулированию нотариальной сферы, каким явилось Положение от 14 апреля 1866 г.

Правда, развитие российского нотариата во второй половине XIX в. было включено в более общий контекст – проведения судебной реформы 1864 г., благодаря которой вся правовая система России перешла во многом в качественно новое состояние, и тесно с ней взаимосвязано. И с этой точки зрения будет вполне уместно начать даже не с Положения от 14 апреля 1866 г., а с Учреждения судебных установлений от 20 ноября 1864 г., вошедшего в состав Судебных Уставов¹, которое зафиксировало, что при судебных местах наряду с канцелярией, судебными приставами, присяжными поверенными, кандидатами на должности по судебному ведомству должны находиться и нотариусы (ст. 11), а в ст. 420 конкретизировалось, что они состоят в столицах, губернских и уездных городах, а в случае надобности и в уездах, и под наблюдением судебных мест заведуют совершением актов и другими действиями по нотариальной части на основании особого о них положения.

Однако справедливо будет сказать, что свое подлинное начало новый этап истории российского нотариата берет не отсюда, а с принятием в апреле 1866 г. сначала временного Положения о нотариальной части², которое в дальнейшем также вошло в состав Судебных Уставов. Оно содержало 217 статей, 41 из которых была прямо и непосредственно посвящена устройству нотариальной части.

И третий этап, согласно этой классификации, следует начинать с 14 апреля 1866 г. и заканчивать принятием декретов советской власти о земле (29 октября 1917 г.) и о суде № 1 (24 ноября 1917 г.), которые в совокупности ознаменовали начало процесса, по сути, ликвидации всей прежней системы частноправовых отношений, а на основании последнего на местах явочным порядком приступили и к реорганизации существующих органов нотариата.

¹ Св. Зак. Т. XVI, Ч. I, изд. 1892 г.

² ПСЗ-2. Т. 41. (1866 г.) СПб., 1868. № 43186.

Краткий очерк истории нотариальных учреждений в Москве до принятия Положения о нотариальной части от 16 апреля 1866 г.

Не протяжении длительных периодов история «Москвы» как конкретно-города или региона была тесно переплетена и практически трудно-отделима от истории всей страны. Это в полной мере касается и истории укоренения и развития в России частноправового института нотариата.

В России до Петра I (1672–1725, царствовал номинально с 1683, фактически с 1694) функционирование Москвы именно как столичного города во многих случаях настолько подменяло собой функционирование ее как вполне рядового, обычного города, что и некоторые ее учреждения и институты, изначально возникшие как городские, впоследствии не смогли ограничить свою деятельность рамками города или даже Московского региона и перерастали в учреждения и институты «всероссийского» охвата. Именно так, насколько мы имеем возможность судить, получилось и с институтом площадных подьячих. Возникнув как особая, если употребить западный термин, корпорация, участники которой специализировались на совершении за плату гражданских сделок в интересах обращающихся к ним лиц, и изначально имевшая четкую «привязку» к месту – Ивановской площади в Московском кремле – и, по смыслу, обслуживавшая преимущественно москвичей, она в то же время не отказывала в своих услугах и «гостям столицы» – жителям других городов и посадов, кто имел возможность обратиться непосредственно и лично и представить нужных свидетелей, чтобы дело (чаще всего, сделка) было засвидетельствовано с соблюдением всех необходимых формальностей и приобрело полностью законный вид.

На примере деятельности подьячих Ивановской площади мы видим, как понятие «Москва» незаметно разрастается до понятия «Вся Россия». И эта ситуация исчезает только при Екатерине II (1729–1796, царствовала с 1762), при которой развернулось систематическое отстраивание «матрицы» государственного устройства, единообразной системы учреждений вплоть до уровня губернии и уезда.

Поскольку истории нотариата в России в рамках серии предполагается посвятить специальное исследование, то и все моменты более ранней истории этого института в Москве целесообразно перенести в ту книгу, а здесь говорить непосредственно о развитии института нотариата в Москве и тяготевшем к ней регионе начиная с момента перехода к практической реализации [нотариального] Положения 1866 г. Однако, так как все же необходимо иметь совершенно четкое представление о конструктивных недостатках прежних способов совершения нотариальных действий и о том, какие кардинальные улучшения вводило по сравнению с ними Положение

1866 г., мы считаем нужным предпослать основному тексту беглый обзор, рассматривающий основные моменты постановки дела в различные эпохи преимущественно с технической стороны.

Как справедливо было отмечено в статье «Из истории российского нотариата» в возрожденном 1996 г. специальном профессиональном печатном органе — журнале «Нотариус»¹, в истории появления и развития в России нотариальных учреждений и самого института нотариата можно выделить три основных периода. Для первого периода, который принято начинать с XVI века², характерно появление и достаточно свободное развитие института т. н. площадных подьячих как особой, как уже говорилось, корпорации, специализировавшейся на совершении за плату гражданских сделок в интересах обращающихся к ним лиц под довольно номинальным контролем государства.

Совершенно точную дату появления института площадных подьячих источники для нас не зафиксировали. Однако упоминания о них встречаются в различных правовых документах XVI века. На основе совокупности этих упоминаний складывается следующая картина. Во-первых, площадные подьячие предстают как своеобразная корпорация профессиональных писцов, занимавшихся в качестве свободного промысла совершением всевозможных гражданско-правовых сделок — причем совершенные при их посредничестве акты приобретали доказательную силу для суда.

Во-вторых, общее число членов этой корпорации, насколько можно судить, было довольно ограниченным. Плата с клиентов бралась по соглашению и поступала, как это позднее было принято в артелях, в общий котел и делилась поровну. В то же время, опять-таки насколько возможно судить, общая доходность занятия была достаточно высокой «и отставка от площади» рассматривалась как серьезное несчастье и наказание.

В-третьих, если коснуться важного вопроса о характере взаимоотношений этой корпорации с государственной властью, то контроль за ее деятельностью со стороны государства первоначально, по всей видимости, начинался и заканчивался тем, что в английском праве того времени называлось *arpointment* — назначением указом царя, да и потом довольно долгое время оставался в значительной степени номинальным. (Претендент подавал челобитную с просьбой о назначении «на площадь», выборные представители от подobia органа местного самоуправления — старосты и сотские — давали ему деловую и нравственную характеристику, а вся корпорация принимала на себя солидарную ответственность за своего нового члена, включая и возмещение могущего произойти от его деятельности ущерба по принципу круговой поруки.)

Однако постепенно, по мере того как четче выявлялись некоторые отрицательные стороны слишком бесконтрольной деятельности подьячих, номинальный контроль со стороны государства начинает сменяться более жестким. Выборные старосты получают полномочия осуществлять надзор

¹ Нотариус. 1997. № 1. С. 79–84, № 2. С. 80–85.

² «Отследить» этот институт дальше вглубь веков на российском актовом материале представляется затруднительным.

за подьячими, чтобы: 1) подьячие не составляли актов «воровским образом», т. е. с прямыми нарушениями закона (например, не свидетельствовали сделки заочно или явно фиктивные сделки) и 2) «не пропадала», т. е. не утаивалась от государства, «пошлина» — та часть дохода подьячих от их клиентов, которую они обязаны были внести в виде налогов.

А по степени приоритетности для самого государства, можно сказать, второе в отдельные периоды было даже важнее первого. Здесь необходимо пояснить, что в XVI, XVII, XVIII и даже еще в значительной мере и в первой половине XIX века на первом месте среди забот правительства о том, чтобы в вопросах права собственности на конкретные объекты и перехода имущественных прав собственности на других лиц по возможности всегда имела полная ясность, находилась не более общая (и в этом смысле более абстрактная) забота об общественном благе, а куда более приземленные и конкретные интересы. И в первую очередь фискальные — чтобы в результате перехода собственности из одних рук в другие не происходило общего ухудшения качества налогооблагаемой базы в государстве и подрыва «налого-госпособности» конкретных лиц.

Условной границей этого первого периода, с чем также можно согласиться, принимается издание Соборного уложения 1649 г. царя Алексея Михайловича (1629–1676, царствовал с 1645), которое установило совершенно четкую и несколько иную конструкцию взаимоотношений частнопровового в основе института площадных подьячих с государством. Первый шаг в этом направлении был сделан на полстолетия раньше, когда в 1597 г. по указу царя Федора Иоанновича (1557–1598, царствовал с 1584) вводится обязательная «справка» (т. е. регистрация)¹ отдельных видов частнопрововых актов в Холопьем приказе и таким образом разделяются функции публичного органа, совершающего сделку, и органа, ее регистрирующего.

Однако в полном виде эту конструкцию утвердило именно Соборное уложение 1649 года, обязав стороны совершать все основные касающиеся имущества сделки *только* через площадных подьячих с *обязательной* последующей «справкой» в Поместном приказе и одновременно создав этим, по утверждению известного российского правоведа А. Гасмана, «целую эпоху» в развитии у нас института нотариата на его еще, если так можно выразиться, прото-фазе.

Исторически нотариальные учреждения в России включали в себя две по самому существу своему взаимосвязанные, но в то же время содержательно несколько различные части, которые можно определить как крепостную² — составление актов, касавшихся поземельной собственности в

¹ Процесс «справки» означал, выражаясь современным языком, регистрацию сделки и в качестве элементов процедуры включал обязательный допрос сторон, имевший целью подтвердить добровольность заключенной ими сделки и подлинность предъявленного удостоверяющего ее акта, а также проверить действительную принадлежность имущества и подтвердить отсутствие на нем каких-либо обременений или запрещений. После записи акта в книгу приказа и приложения печати сделка считалась «справленной», и право собственности на имущество возникало у приобретателя.

² Название происходит от понятия «купчая крепость», означавшего составление акта, удостоверяющего передачу прав собственности на землю и недвижимое имущество.

Здесь нам понадобится сделать небольшое отступление о самих причинах такого особого отношения. Оно было связано не только и даже не столько с вопросом налогов на землю и недвижимость, сколько с некоторыми важными историческими особенностями самого государственного устройства Московского царства, основу которого составлял родственный внутренней организации ряда государств Востока принцип наделения земель с «прикрепленными» к ней крестьянами за службу сначала московским великим князьям, а затем царям в качестве главного способа организации их [государевых слуг] жизнеобеспечения. Эта особенность Московского царства как бы «по наследству» перешла и к империи. Хотя сам принцип окончательно установился только в XVI столетии, однако в дальнейшем ассоциативная связь между владением землей и крепостными и военной или гражданской службой царю стала очень прочной и была разорвана (и то не окончательно) лишь с изданием Екатериной II в 1785 г. Жалованной грамоты дворянству, освободившей дворян от обязательной (причем фактически пожизненной) военной или гражданской службы, но сохранившей за ними землю и крепостных.

Поскольку на протяжении всего существования в России монархии дворянство считалось первенствующим и особым сословием, опорой престола, то и к вопросу движения поземельной собственности исторически установилось совершенно особое отношение и внимание, имевшее целью держать под постоянным контролем государства и при необходимости регулировать процесс оборота земли и в рамках самого дворянского сословия (в качестве своего рода пережитка актуальной заботы былых времен об «исправности» дворян прежде всего в функции основной военной силы страны), и в особенности всемерно сдерживать переход земли от дворян к представителям всех других сословий как в конечном счете вопрос поддержания стабильности всей политической системы.

Исходя из этих соображений, крепостная часть и была как бы искусственно «приподнята» в своем значении и поставлена под особый контроль уполномоченных государством органов. (С 1775 г. и вплоть до осуществленной в 60-х годах XIX века реформы органов нотариата ими были в основном палаты гражданских судов в губерниях и уездные суды.)¹

Однако само это выделение и обособление началось много раньше. В 1699 г. дотоле традиционно бывшие также в ведении площадных подъячих «крепостные дела» — составление крепостей — впервые были обособлены и переданы в ведение чиновников Московской ратуши. Однако они в функции нотариусов показали себя несравненно хуже, и в частности явили такую степень некомпетентности и мздоимства, что уже в 1701 г. Петр I повелел возвратить все обратно. Но это не стало буквальным возвратом к прежнему порядку вещей, а было сопряжено с существенными

¹ Фактически таких органов, ранжированных самим же государством по четырем разрядам сообразно степени важности и кругу подведомственных функций, было больше. К первому разряду относились палаты гражданского суда в губерниях, ко второму — уездные суды, к третьему — разного рода особые маклеры и нотариусы и к четвертому — уполномоченные совершать нотариальные действия учреждения при органах управления различными категориями крепостных крестьян, которые не принадлежали частным помещикам, — государственных, дворцовых, ведомства делов и др.

изменениями в самом статусе площадных подьячих, которые отныне стали, выражаясь современным языком, государственными чиновниками муниципального уровня — крепостными писцами, определенными отсиживать в [магистратской избе] по определенным дням определенные «присутственные» часы и получать за это не плату с клиентов за составление актов, а, согласно боярскому приговору, фиксированное жалование в 3 рубля 50 копеек в год. (Установленные им размеры денежного содержания по ценам того времени далеко не покрывали всех средств к жизни и предполагали обязательную необходимость иметь какое-то собственное хозяйство.)

В дальнейшем на протяжении XVIII века, в зависимости от того, какой конкретно облик принимала организация гражданского управления, крепостные и нотариальные дела в целом передавались в ведение различных учреждений. Государство, заинтересованное, как уже было сказано, в первую очередь, в контроле за движением поземельной собственности, а также и в сохранности нотариальных архивов, находилось в поиске оптимального варианта организации того и другого. После начала отстройки регулярных учреждений на уровне губерний с 1775 г. крепостные и нотариальные дела, как уже было сказано, были переданы губернским палатам гражданского суда и уездным судам, «при которых» они и просуществовали до реформы нотариата.

В составе судебных учреждений на уровне уезда и губернии крепостная и в более широком плане вся нотариальная часть была сосредоточена в особых структурных подразделениях, которые носили название крепостных отделений или крепостных экспедиций. Гражданские акты в них совершались без каких-либо ограничений — единственно, что сделки, которые могли совершаться в уездных судах, а также в органах управления крестьянами, были ограничены предельной суммой в 300 рублей.

Обязательному совершению крепостным порядком подлежали сделки, связанные: 1) с уступкой или частичным ограничением права собственности на недвижимое имущество, 2) с отчуждением крепостных людей¹, 3) с освобождением от крепостной зависимости², 4) с уступкой рекрутских квитанций³. Также «явке у крепостных дел» подлежали крепостные духовные завещания и крепостные заемные письма⁴.

¹ Пережиток былых времен, когда этот вопрос приобретал особую важность для способности владельца нести военную или другую службу государству.

² По тем же причинам, по которым в свое время приобретали большую важность пункты 1 и 2.

³ Вплоть до введения в 18[66] г. Всеобщей воинской повинности комплектование и пополнение рядов русской армии осуществлялось путем периодически проводимых рекрутских наборов. Подлежащее призыву число новобранцев — рекрутов — разверстывалось по губерниям и уездам и в конечном счете доводилось до каждого помещичьего имения или самого маленького городка или местечка. Важность более строгого оформления передачи другому лицу обязанности идти в солдаты (рекрутской квитанции) определялась необходимостью произвести в связи с этим перерасчет размера налогов, которые уплачивали помещики за своих крепостных, а податные сословия — за своих сочленов, объединенных по принципу круговой поруки.

⁴ По тем же причинам необходимости внесения изменений в учет распределения земельной собственности и в налоговый учет.

Сделки, совершенные крепостным порядком, признавались бесспорными, а при соблюдении всех предусмотренных деталей процедуры ввода во владение — еще и бесповоротными, и в случае сопротивления другой стороны введение в права могло принять и принудительный характер с задействованием административных органов.

При регистрации совершенной сделки стороны еще не были связаны, как это стало после проведения нотариальной реформы, обязанностью совершать ее только по месту нахождения имущества и могли выбирать его по своему усмотрению, где им было наиболее удобно.

Штаты крепостных экспедиций или крепостных отделений состояли из писцов, надсмотрщиков крепостных дел и секретаря. Конкретное количество занятых этим делом чиновников, вольнонаемных писцов определялось принадлежностью конкретного уезда или губернии к тому или иному классу местности, который, в свою очередь, определялся на основе целой группы факторов и не в последнюю очередь зависел от общей численности населения и интенсивности экономической жизни — что косвенно влияло и на число ежегодно совершаемых различных нотариальных действий. Если конкретно говорить о Москве, которая была отнесена ко второму классу, то предусмотренная штатная численность крепостной экспедиции Московской палаты гражданского суда определялась в 22 человека — 18 писцов, три надсмотрщика и секретарь¹.

Несколько слов нужно сказать и об особенностях и деталях процедуры.

Идеально представляемый себе процесс совершения крепостного акта² предполагал, что стороны обязаны, как того требовал закон, явиться в крепостную экспедицию лично или через своих доверенных, но при этом представить в доказательство того, что желающие совершить данный акт лица действительно являются тем, за кого себя выдают, справку из полиции о т. н. «самоличности», а в доказательство принадлежности отчуждаемого имущества и отсутствия на нем являющихся препятствием для совершения

¹ Справка о деятельности нотариальных органов в семи губерниях Московского [судебного] округа, составленная из сведений, собранных московским губернским прокурором Д. Н. Ровинским // Материалы по судебной реформе в России. Т. 75. Ч. 1. № 20. С. 2.

² Описание процедуры приводится по упомянутой выше справке прокурора Московской судебной палаты Д. Н. Ровинского (С. 1–5).

сделки различных обременений и запрещений — справку из органа местного самоуправления (для городов — т. н. Шестигласной думы) или акт укрепления в собственность. (Своды таких запрещений хранились в каждой крепостной экспедиции, при необходимости делались и запросы к другим столоначальникам палаты.)

Далее стороны должны были устно объявить надсмотрщику или писцу крепостных актов само содержание и условия акта, который они намереваются совершить. После установления по своду запрещений отсутствия видимых препятствий к его совершению как со стороны отчуждающего имущество, так и со стороны приобретателя (как того требовала чл. 745 ч. 1. Свода законов гражданских) далее писцом составлялся «проект» или черновик акта, в котором помимо основного его содержания — существа сделки — отражалась также и вся предварительно произведенная работа по установлению самоличности сторон, проверке их правоспособности, приводились доказательства принадлежности имущества, в конце приводились данные о свидетелях, проект заносился в особую алфавитную книгу и подписывался обоими заключающими акт в подтверждение того, что они с данным текстом согласны, что скреплялось подписями самого изготовлявшего проект писца, а также надсмотрщика и, наконец, секретаря.

После этого проект вносился в присутствие суда и оглашался во время одного из ближайших заседаний, после чего одним из членов палаты зачитывалось по другой также заранее составленной записке, сколько и каких именно следует взять с данной сделки в казну пошлин, и произносилась заключительная формула: «Совершить по закону».

После этого черновой проект акта переписывался писцом уже набело, обязательно на особой гербовой бумаге узаконенной таких случаев стоимости¹ и подписывался в присутствии членов палаты самим дающим акт (или его поверенным) и тремя свидетелями. Далее на нем делалась надпись о том, что таковой акт писал писец такой-то, что каких-либо запрещений на имуществе или на лицах нет и что все причитающиеся по сему случаю пошлины сполна уплачены и приняты казначеем палаты, ставилась «скрепа» секретаря и текст акта вносился в крепостную книгу.

На этом процедура еще не кончалась: для контроля акт «записывался перечнем» в особо заведенную в палате крепостных дел докладную книгу, и против этой записи одним из членов палаты собственноручно отмечалось, что резолюция присутствия по делу состоялась такого-то числа, акт дозволено совершить ввиду отсутствия денег и взыскать по нему столько-то денег, причем указывалась и цена листа гербовой бумаги. После того как правильность этой записи проверялась писцом или надсмотрщиком, в конце ее делалась собственноручная расписка заказчиков — сначала лица, принимающего акт, а затем дающего его. И в самом конце обо всем делалась еще одна контрольная запись в журнале заседаний присутствия суда.

¹ Покупка участниками сделки особой гербовой бумаги, цена листа которой устанавливалась пропорционально величине стоимости переходящего имущества по существовавшей особой шкале (сделки от одной до другой суммы писались на гербовой бумаге ценой в рубль лист, от другой до третьей — два рубля и т. д.), являлась формой уплаты обязательной государственной пошлины.

Эти записи, и прежде всего, важнейшая из них — запись в крепостную книгу, позволяющая безошибочно идентифицировать конкретную сделку, в дальнейшем служили бесспорным доказательством того, что сделка действительно имела место и все было совершено строго по закону¹.

На этом для сторон все кончалось, а в дальнейшие обязанности самой крепостной экспедиции входило оглашение самого существа акта, которое практически делалось через отсылку текста краткого объявления в сенатскую типографию в Санкт-Петербург для опубликования в «Сенатских ведомостях» (вместе с оплатой за это в сумме 2 рубля 50 копеек) и направление копий акта в палату гражданского суда и уездный суд соответствующей губернии и уезда по месту нахождения имущества, если само нотариальное действие было совершено в другом месте.

Несмотря на то что с чисто внешней стороны порядок совершения актов, имевших характер крепостей, отличали строгая продуманность всех процедур, упорядоченность и многоступенчатый контроль, надо отметить, что внутренне крепостная часть страдала массой недостатков, которые юристам того времени были хорошо известны. И на одно из первых мест они были склонны ставить смешение во время самого совершения нотариального действия функций судебной и нотариальной власти. Во всяком случае, именно на это ссылался по ходу обсуждения концепции будущей судебной реформы сменивший В. Н. Панина на посту министра юстиции Д. Н. Замятнин (1805–1881, министр юстиции в 1862–1867 гг.) как на одну из главных причин якобы «несостоятельности» существующего порядка совершения актов и источник также якобы «постоянных жалоб и недоумений».

Принимая во внимание, что по ходу важных обсуждений для придания большей весомости своим аргументам высокопоставленные сановники того времени не гнушались несколько сгущать краски, а то и подпускать некоторую толику демагогии, к этим словам, разумеется, следует отнестись критически. И тем не менее до какой-то степени принять их в расчет, безусловно, стоит.

Другие недостатки (и, несомненно, более существенные, чем те, которые назвал министр) сформулировал довольно известный автор того времени, публицист и журналист, специализировавшийся по финансовым и правовым вопросам, Н. П. Перозии (1819–1877)². По его словам, в кре-

¹ Однако, по свидетельству другого известного российского правоведа Ф. Н. Штраниха, этот «идеальный» регламент на практике выдерживался редко, имели место более-менее значительные отступления от него, и в частности то, что судебное присутствие обременялось заслушиванием актов, а в основном все совершалось в экспедиции через секретаря, который делал и саму надпись: «Совершить по закону». И лишь в самых значительных или затруднительных случаях секретарь обращался к помощи суда.

Граф В. Н. Панин (1801–1874, министр юстиции в 1841–1862 гг.), бывший одним из самых деятельных сотрудников в ходе подготовки крестьянской реформы 1861 г. и реформы судебных установлений 1866 г., в ходе обсуждения проекта реформы также признавал, что участие в процессе создания нотариальных актов членов судебного присутствия гражданского суда уже давно превратилось «в пустую и ненужную формальность» // Из истории российского нотариата / Нотариус. 1997. № 1. С. 81.

² См.: Обзорная записка о состоянии нотариата в России, составленная Н. П. Перозии (1863 г.) // Материалы по судебной реформе в России. Т. 75. Ч. 1. № 12. С. 1–6.

постных отделениях гражданских и коммерческих судов якобы незаконно собирались огромные деньги, основным назначением которых было «подмазать» где надо для устранения действительно имеющихся, или искусственно чинимых, или даже абсолютно вымышленных препятствий к совершению сделки, которые по большей части носили характер поборов. В зависимости от того, была ли «подмазана» машина закона или нет, искомое нотариальное действие могло быть учинено в самые короткие сроки, а могло затянуться (из-за затребования различных дополнительных справок) на долгие месяцы.

Более существенные злоупотребления, по словам того же автора, составляли якобы известные случаи утверждения продажи несуществующего имения или двойной продажи одного и того же имения; выдача залоговых свидетельств¹ по оценке, многократно превышающей действительную стоимость имения; сокрытие лежащего на объекте сделки запрещения или обременения; составление акта от имени лица, которому данная собственность вовсе не принадлежит, «и много других подобных действий».

Учитывая, что данная записка была написана в связи с подготовкой судебной реформы и что автор вряд ли осмелился сообщать в ней явную клевету, скорее всего мы можем принять как данность, что факты такого рода действительно имели место и спорить можно лишь вокруг степени их массовости.

В то же время другой довольно известный автор того времени Ф. Штраух, который также в той или иной мере касался этих тем, отмечал, что при весьма скромных размерах их, так сказать, официальных доходов, за счет подобных вынужденных «благодарностей» сторон писцы той же крепостной экспедиции Московской палаты гражданского суда имели годовой доход, простиравшийся до нескольких тысяч рублей².

Что касается собственно нотариальной части, то она имела в России одновременно и более короткую, и более, если так можно выразиться, разнообразную историю. Она возникла в России в эпоху преобразований Петра I как стремление по возможности перенять некоторые полезные обычаи и учреждения Европы (а если это не получится сделать буквально, то хотя бы в какой-то мере подражать им), сформировалась на протяжении всего XVIII и первой четверти XIX веков и была представлена маклерами и нотариусами нескольких видов³.

Должности упомянутых «маклеров» и «нотариусов», количество разновидностей которых со временем сильно умножилось, содержательно создавались довольно бессистемно — в разные годы, по разным конкретным

¹ Для предоставления их в учреждения Дворянской опеки для получения ссуды под залог имения или переоформления ссуды на новый срок и на новых условиях, а также для предоставления в залог по участию в исполнении каких-либо подрядов для казны.

² Из истории российского нотариата / Нотариус. 1997. № 1. С. 82.

³ При этом надо сказать, что сам термин «маклер» (по своей этимологии английский) впервые встречается в тексте указа Петра I 1721 г. об учреждении купеческих бирж, а термин «нотариус» (латинского происхождения) — в Вексельном уставе 1729 г. (По тексту т. н. протест векселей, означавший запуск процедуры принудительного взыскания суммы долга по векселю, начинался с «призвания публичного нотариуса»).

поводам, при различных учреждениях, для регулирования различных, как правило четко обособленных групп правоотношений.

Исполнявшие нотариальные функции органы можно разбить на четыре группы. Первые три составляли различные маклеры и нотариусы: 1) публичные нотариусы (или городовые нотариусы); 2) биржевые гоф-маклеры и просто маклеры, корабельные маклеры и биржевые нотариусы; 3) более узкоспециализированные маклеры: судоходных расправ¹, Государственного коммерческого банка², частные, слуг и работных людей, цеховые, ремесленных управ, Кронштадтского общества вольных матросов. И четвертую — государственные административные или судебные учреждения, уполномоченные осуществлять отдельные нотариальные функции в условиях отсутствия на месте нотариусов или маклеров. (Принимая во внимание обширность территории и громадное разнообразие местных условий страны, распоряжение, надо сказать, совсем не лишнее, а напротив того, весьма мудрое.)

Публичные нотариусы (городовые нотариусы) состояли при органах городского самоуправления и в их ведении. Кандидаты на занятие должностей отбирались на основании конкурса из числа чиновников с учетом их послужного списка, отзывов начальства³, личных качеств. Из отобранных таким образом кандидатов купеческое общество — как, по идее, по роду своей деятельности наиболее часто будущее пользоваться нотариальными услугами сословие — выбирало нотариуса, который затем утверждался в должности высшим лицом в губернии — губернатором. После назначения на должность нотариус приносил присягу (без этого он попросту не допускался к отправлению должности).

Биржевые маклеры и нотариусы и корабельные маклеры назначались на должность на основании Устава торгового и Устава о векселях, но искать собственно в тексте обоих законов каких-либо более определенных и конкретных указаний относительно самого порядка этого назначения было бы бесполезно. Согласно ст. 2422 Устава торгового, нотариусы и маклеры обязательно назначались во всех портовых городах, где имелся значительный объем торговли, и утверждались в должности установленным порядком с разрешения подлежащего начальства. Аналогично публичным (городовым) нотариусам, биржевые нотариусы и маклеры также назначались по выбору купеческого общества, но уже из среды не чиновников, а купцов или мещан. Рекомендовалось во всех случаях избирать на эти должности

¹ Органы суда, разбиравшие различные споры, возникавшие в сфере судоходства и торгового мореплавания.

² Государственный Коммерческий банк функционировал в 1817–1860 гг.; состоявшие при его конторах и отделениях маклеры содержательно занимались главным образом двумя вещами: непосредственно участвовали в оформлении кредитов банка коммерсантам под векселя и кредитов под залог товаров и подготовкой и непосредственно ведением дел в коммерческих судах, связанных с протестом векселей и с претензиями самого банка или к банку по поводу сроков погашения подтоварных кредитов, организации хранения залогов и т. п.

³ По заведенному порядку все столоначальники ежегодно составляли на своих подчиненных служебные аттестации, которые становились основанием в том числе для принятия различных кадровых решений.

людей грамотных (неграмотным закон прямо закрывал дорогу — и совершенно понятно, почему) и добросовестных и опытных в торговых делах¹. Утверждение в должности избранного биржевого маклера или нотариуса после образования в 1802 г. Министерств производилось Департаментом внешней торговли министерства финансов.

Узкопрофильные маклеры третьей группы назначались по правилам тех ведомств, при которых они состояли. Для полноты картины надо сказать, что существовали и особые правила назначения биржевых маклеров и нотариусов и корабельных маклеров в крупнейших портах — Архангельске, Одессе, Санкт-Петербурге и Кронштадте, а также в городе Кременчуге, но здесь мы не будем детально на этом останавливаться.

Нотариусы и маклеры номинально считались состоящими на государственной службе (и в особенности с момента принятия общего Положения об организации нотариата от 14 апреля 1866 г.), дисциплинарной ответственности подлежали наравне с чиновниками и государственными служащими, но при этом жалования не получали и прав на производство в чины, пенсию и т. п. не имели. Все их действия признавались носящими публичный характер и санкционированными государством, поэтому встречающееся в названии должности словосочетание «частный маклер» просто указывало на то, что данный маклер состоит при определенной «части» (административном районе) города.

В сферу компетенции городских (публичных) нотариусов по замыслу законодателя входило совершение в основном трех нотариальных действий: засвидетельствовать «явку» всяких сделок» и производить по обращениям кредиторов «свидетельствование» «заявления» заемных писем по причине неплатежа и процедуру протеста векселей.

Самый обширный круг деятельности был предоставлен биржевым нотариусам: помимо совершения всех нотариальных действий, входящих в компетенцию публичных нотариусов, они были вправе свидетельствовать явку договоров, заключенных между российскими подданными, между ними и иностранными подданными и иностранными подданными между собой, протестовать векселя, выданные российскими и иностранными подданными, совершать т. н. морские протесты², свидетельствовать верность перевода с иностранных и на иностранные языки доверенностей и вообще любых документов по просьбе клиентов.

Объемы компетенции маклеров третьей группы определялись теми ведомствами, при которых они состояли. Как правило, это была очень ограниченная по объему деятельность: например, маклеры слуг и рабочих людей могли свидетельствовать лишь явку договоров по найму указанных лиц.

В дальнейшем учреждения, при которых состояли все эти маклеры и нотариусы, были очень мало между собой связаны, а то и не связаны вовсе,

¹ При этом любопытно, что определенное предпочтение отдавалось тем — по всей видимости, в дополнительное подтверждение их внутренней порядочности и честности, — чьи дела пришли в упадок отчасти не по своей воле — «невинно упавшим».

² Опротестовывать договоры, заключенные между владельцами грузов и капитанами и судовладельцами на основе международного морского права.

и в конце концов подобный разноречивый стал ощущаться наверху если и не как существенный недостаток, то, по крайней мере, такой, который требует приведения к большему единообразию¹.

Особой регламентации порядка совершения нотариальных действий до принятия Положения от 14 апреля 1866 г. закон не устанавливал. В частности, понятия о нотариальном порядке совершения актов еще не было. По сложившейся практике, в обязанности маклера или нотариуса при засвидетельствовании явки договора входило:

- установить «самоличность» сторон;
- проверить степень их дееспособности и правоспособности²;
- удостовериться в подлинности договора;
- установить соответствие договора действующему законодательству;
- внести запись договора в актовую книгу;
- взыскать все следуемые по сему случаю пошлины и сборы³;
- совершить на подлиннике договора надпись, которая должна содержать дату засвидетельствования и регистрационный номер по актовой книге.

Засвидетельствованный таким образом с пунктуальным соблюдением всех формальностей договор признавался в дальнейшем бесспорным доказательством в гражданском процессе.

Каждый нотариус и маклер был обязан вести актовую книгу, в которую записывались тексты всех свидетельствуемых актов, и книгу регистрации денежных сборов. Для приложения к текстам договоров они имели собственные печати, а биржевые нотариусы — еще и три печати на английском, немецком и французском языках, которые прикладывались к подлинникам договоров, передаваемых иностранцам.

За правильностью ведения маклерами и нотариусами делопроизводства осуществлял надзор губернский или уездный стряпчий⁴.

Если говорить о каких-то налагаемых на них специфических ограничениях непосредственно в рамках самой профессии или ограничениях более общего порядка в связи с занятием ею, то, скажем, нотариусы и маклеры не имели права свидетельствовать и записывать в свои книги акты, кото-

¹ Но в то же время надо сказать, что если коснуться такой стороны, как объем сопряженной с отправлением должности ответственности, то никаких сколько-нибудь существенных в этом смысле отличий в зависимости от того, как звучала должность: «маклер» или «нотариус», по российскому законодательству не делалось.

² Необходимо пояснить, что в современной трактовке отличий между понятиями «дееспособность» и «правоспособность» существенно меньше, чем в России до 1917 г., и они сводятся в основном к ограничениям по возрасту и ограничениям медицинского порядка. В царской России к ныне существующим ограничениям в правоспособности добавлялся еще целый ряд ограничений в отношении замужних женщин, а также, в особенности до 1861 г., ограничений, связанных с принадлежностью к тому или иному сословию, национальности и вероисповеданию.

³ За каждое совершенное нотариальное действие взыскивалась следуемая в данном случае пошлина, составлявшая от ¼% до ½% от суммы засвидетельствованной сделки или принятого к протесту векселя; из полученных сумм пошлин нотариус четвертую часть оставлял себе, а три четверти шли в доход казны.

⁴ Официальное название должности чиновника по судебному надзору в составе губернских или уездных судебных присутствий (не смешивать с общим собирательным названием юристов — «стряпчие»).

рые содержали в себе какие-либо условия о продаже, уступке или залоге имущества. Биржевые и корабельные маклеры по общему правилу не были наделены правом производить процедуру протеста векселей и свидетельствовать явку заемных писем по причине неплатежа. В связи со спецификой отправляемой должности на всех без исключения официально введенных в должность маклеров и нотариусов накладывались определенные ограничения по части других «жизнеобеспечивающих» занятий: им запрещалось заниматься торговлей от своего имени, участвовать в роли покупателей в публичных продажах имущества с торгов, а также отлучаться на продолжительное время из мест отправления должности.

Реформа института нотариата, осуществленная в 1860-х гг. Положение о нотариальной части от 16 апреля 1866 г.

Несколько слов необходимо сказать об истории принятия Положения от 16 апреля 1866 г., которое определило собой положение, устройство и функционирование органов нотариата в России вплоть до 1917 г.

Люди психологически устроены так, что редко что — начиная от фасонов одежды и кончая государственным устройством — способно надолго удовлетворить их в своем первоначальном виде. Для изменения последнего целиком или в деталях служат реформы и революции.

Реформа нотариата в России была неразрывно связана с замыслом проведения общей судебной реформы. И. С. Вольман высказал мнение, что ее проведение напрямую обязано тому, что при общей ломке старой судебной системы в поле зрения реформаторов, якобы «неожиданно», попала и крепостная часть, которая существовала при судах и оставить которую в прежнем состоянии было невозможно, так как это становилось несовместимо с новой концепцией судоустройства.

Назвать эту точку зрения ошибочной, конечно, было бы неправильно, но она в любом случае является слишком односторонней, так как не учитывает более сложную картину системных связей между явлениями, на первый взгляд весьма разноплановыми, но которые, однако, при проведении комплекса буржуазных по своей направленности «Великих» реформ начала 1860-х гг. — крестьянской, военной, земской и судебной — сплелись в тугую клубок.

Картина системных связей тут была такая. Можно начать от различной «печки» — ну, хотя бы с того, что освобождение от крепостной зависимости бывших помещичьих и государственных крестьян сразу же наделяло формальной правоспособностью в полном объеме порядка 9/10 населения страны, что позволяло предполагать, что и число ежегодных обращений к услугам нотариусов должно было если и не пропорционально, то во всяком случае заметно возрасти, а значит необходимо было подумать и о существенном увеличении общего числа нотариусов, и о расширении их, так сказать, географического представительства.

Далее. Если не основная часть, то весьма заметная доля ежегодно совершаемых нотариальных действий с недвижимостью была связана не столько с собственно гражданским оборотом, сколько с оформлением ипотечных по форме долгосрочных кредитов помещикам из государственных кредитных учреждений — сохранных казн при опекунских советах, Государственного Заемного банка и Приказов общественного призрения — для поддержания привычного и «подобающего» жизненного уровня, когда регулярных доходов с имений оказывалось недостаточно. Этот порядок вещей установился с середины XVIII века и продолжался до 1859 г., а с этого года, в связи с предстоящей крестьянской реформой, вопрос о проведении которой, в принципе, был уже решен, этот долгосрочный государственный кредит был для помещиков закрыт¹.

Ко времени проведения крестьянской реформы в государственных кредитных учреждениях состояло в залоге в общей сложности 44 166 имений, на которых числилось 425,5 млн рублей долга формально под залог недвижимых имуществ, но на самом деле, поскольку речь шла о «населенных имениях», именно под залог 7,1 млн «душ» помещичьих крепостных крестьян, которые в условиях крепостнической страны своим трудом на ней только и могли сделать эту недвижимость (землю) достаточно доходной. Это составляло примерно 2/3 их общей численности по последней, X ревизии, что позволяет предполагать и долю заложенных имений примерно такой же².

Таким образом, освобождение крестьян фактически разом лишало все оформленные залогом основной материальной составляющей их обеспечения, что, по идее, требовало и массового переоформления всех актов, касающихся земли и возникших в связи с отношениями залога в казенных кредитных учреждениях.

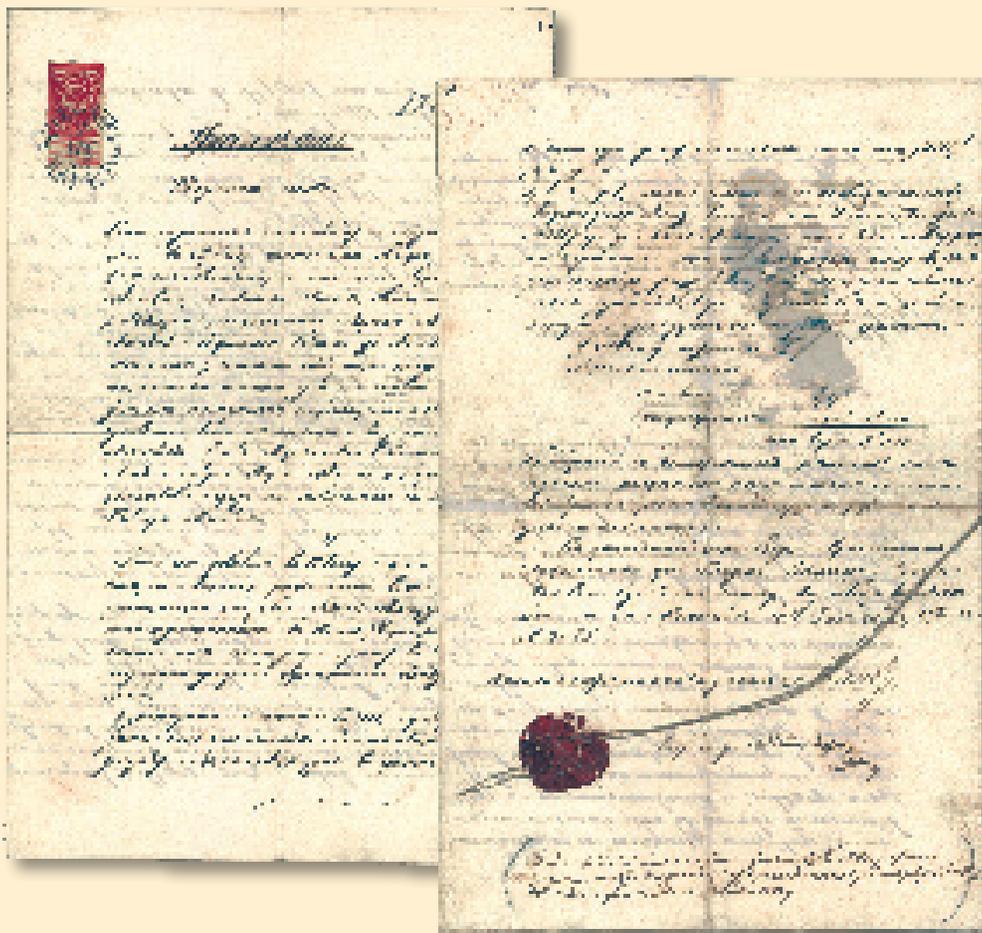
Существовала и еще одна веская причина, о которой также не говорит И. С. Вольман, и которая была связана со всеми поземельными актами. Она заключалась в том, что избранный вариант освобождения крестьян с земельным наделом (причем в отношении его крестьяне получили права не только пользования, но и распоряжения) не только означал то, что земли каждого помещичьего имения отныне уменьшаются на совокупную величину этих крестьянских наделов, но и требовал исполнения в обозримой перспективе и поистине колоссального объема межевых работ в натуре, и внесения соответствующих изменений в регистрационные кадастровые записи и в сам актовый материал — купчие, дарственные, завещания и т. п.

Эти две «внешние» причины, думается, в совокупности были многократно более значимы, чем упоминаемая И. С. Вольманом причина внутренняя — невозможность сохранения крепостной части в прежнем виде якобы из-за ее несовместимости с изменившейся концепцией судоустройства.

При подготовке любой реформы обязательно приходится решать условно вопросы концептуальные: для чего мы все это затеваем, что нас не устраивает в прежнем порядке вещей, что мы надеемся изменить и к чему

¹ Печерин Я. И. Исторический обзор правительственных, общественных и частных кредитных установлений в России. СПб., 1904. С. 23.

² Кауфман И. И. Статистика русских банков. Ч. I. СПб., 1872. С. 2–6.

в итоге хотим прийти, и вопросы «инженерные»: конкретно, что меняем, на что меняем и как все это примерно будет работать.

В нашем случае ответы на «концептуальную» часть реформы были сформулированы занимавшимся этим кругом вопросов II отделением Собственной Его императорского Величества Канцелярии¹ следующим образом:

В действующих законах: 1) не проведено строгого различия между нотариусами и разного рода маклерами; 2) не говорится ни о порядке из-

¹ Вести разработку судебной реформы было поручено не Министерству юстиции – что выглядело бы, на наш современный взгляд, более логичным, – а узкому составу комитета сотрудников, включавшему и юристов и возглавленному графом Д. Н. Блудовым (1785–1864).

Дело в данном случае заключалось и в продолжении традиции николаевского царствования вести подготовку всех важных вопросов большого политического и общественного значения сначала келейно, в т. н. секретных комитетах, большинство которых в чисто административном плане создавалось именно при II отделении С.Е.И.В.К., и главным образом в пресловутом личном факторе – в том большом персональном доверии к Блудову сначала Николаю I, который считал его продолжателем дела кодификатора российского законодательства М. М. Сперанского (1782–1839) (именно Блудов выступил окончательным редактором двух изданий Свода Законов 1842 и 1857 гг. и издания Уложения о наказаниях 1845 г.), а затем и Александра II.

брания или назначения нотариусов на должность, ни об объеме требуемых от них в связи с этим познаний; 3) о многих существенно важных элементах процедуры (о порядке проверки самоличности сторон, удостоверения в подлинности предъявляемых актов и т. п.) говорится (сказано) только в самых общих выражениях, которые, очевидно, недостаточны для гарантированного обеспечения правильности и законности действий нотариусов.

Есть, наконец, и ряд недостатков более мелких, но также требующих устранения (и особенно перед лицом тех примеров, которые дает развитие нотариальной сферы в некоторых странах Европы). Недостатки эти следующие: законом не установлены в точности условия для придания совершаемому у нотариуса акту законного значения и не определена с точностью разница в законной силе актов крепостных, нотариальных, явочных и домашних. Только относительно крепостных актов установлен более четкий порядок, но и он далек от совершенства¹.

Далее, поскольку нотариусы и маклеры находились в подчинении различных ведомств, должный контроль правительства за их деятельностью был затруднен.

Еще одна важная причина, по которой следовало реформировать институт нотариата, была отмечена графом В. Н. Паниным и состояла в том, что на практике, хотя нотариусы и биржевые маклеры могли совершать гражданские сделки вообще, по преимуществу они были заняты сделками, имеющими отношение к сфере торговли².

Юристы II Отделения в своей записке отмечали также и тот момент, что и общественное отношение к нотариальной части в существующем ее виде в конце концов стало несколько «настороженным»: нотариусы, избираемые из среды «упавших» купцов, не внушали большого доверия в том плане, что поручаемые им деньги будут надежно сохранены, а крепостные экспедиции — к точности своей регистрации, поскольку не часто, но все же допускали многократность актов об одном и том же имуществе³.

Отсюда делался тот итоговый вывод, что прежние порядки в общественном мнении уже сильно дискредитированы и общественная необходимость реформы нотариата ощущается с каждым годом все сильнее. С тем, что уважаемые бюрократы в своем описании, как говорится, нисколько не стусили краски и что реальные настроения в стране были именно таковы, при желании еще можно поспорить. Но в данном случае все эти преувеличения были направлены к цели объективно прогрессивной.

Короче говоря, высветившиеся в процессе подготовки и проведения общей судебной реформы в одних случаях более крупные, в других более мелкие недостатки в существующей постановке нотариальной части вызвали к жизни идею воспользоваться моментом и заодно провести необходимые преобразования также и в ней.

Когда 15 ноября 1857 г. Государственный Совет в составе Соединенных департаментов Законов и Гражданских дел приступил к обсуждению внесен-

¹ Из истории российского нотариата / Нотариус. 1997. № 1. С. 84.

² Из истории российского нотариата / Нотариус. 1997. № 1. С. 83.

³ Из истории российского нотариата / Нотариус. 1997. № 1. С. 84.

ного главноуправляющим II Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии графом Д. Н. Блудовым (1785–1864) проекта устава гражданского судопроизводства, он принял принципиальное решение, что нотариальную часть необходимо обособить от общего состава органов судебного ведомства. Для уже более детальной разработки к этому вопросу вернулись в 1859 г., а в мае следующего, 1860 года Д. Н. Блудову было поручено составить отдельный проект реформы нотариальной части и внести его на обсуждение Государственного Совета. Между тем составить его в отрыве от контекста общего судоустройства и гражданского судопроизводства, пока период общих сомнений и колебаний относительно будущей судебной реформы еще не миновал, не представлялось возможным¹.

С завершением работы над главным проектом – крестьянской реформой – для судебной реформы, как говорится, открылись новые горизонты. Заслушав доклад о состоянии работы над проектами уставов судоустройства и судопроизводства руководителя Государственной канцелярии статс-секретаря В. П. Буткова (1818–1881), который пользовался его неограниченным доверием, Александр II согласился с итоговыми выводами доклада о существующей в настоящее время большой несогласованности обоих проектов и о необходимости передать дальнейшую работу над ними из II отделения в Государственную канцелярию, где была возможность шире подключить юристов и имелся такой готовый возглавить эту работу талантливый сотрудник, как С. И. Зарудный (1821–1887).

Она была закончена в три месяца, комиссия под руководством Зарудного осуществила концептуальную сводку обоих проектов, взяв из них все лучшее и объединив общей связующей мыслью. Результатом явились известные «Основные положения о преобразовании судебной части в России» – основополагающий для судебной реформы нормативный акт, одобренный Государственным Советом и 29 сентября 1862 г. утвержденный императором².

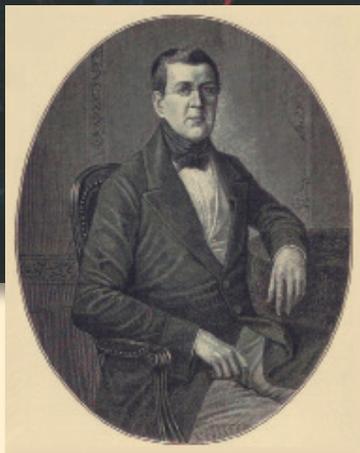
Согласно «Общим положениям», место нотариусов было кратко определено «при судебных местах». (При этом речь шла и о формальной административной принадлежности, и о вещах более конкретных, и в частности, где должны находиться рабочие помещения самих нотариусов и храниться нотариальные архивы.) В ст. 91 говорилось, что в губернских и уездных городах состоят нотариусы, которые заведуют под наблюдением судебных мест совершением актов об уступке и приобретении имущества и о разных обязательствах, и что более детально обязанности и образ действий нотариусов определяются особым положением.

Наряду с этим определен объем нотариальных действий в соответствии с общей концепцией судебной реформы сначала предполагалось возложить и на вновь создаваемый институт мировых судей, однако он был ограничен засвидетельствованием явочных актов.

Таким образом были обозначены основные принципы организации нотариата.

¹ Из истории российского нотариата // Нотариус. 1997. № 2. С. 80.

² Из истории российского нотариата // Нотариус. 1997. № 2. С. 80.

*Император Александр II.
Автор портрета – К. Е. Маковский,
1881 г.*

*Граф Виктор Никитич Панин. Гравюра.
Автор – И. И. Матюшин, 1889 г.*

В преамбуле «Основных положений» сменившему на посту главноуправляющего II отделением Д. Н. Блудова (который был перемещен на более высокие посты председателя Государственного Совета и Комитета министров) барону М. А. Корфу (1800–1876) поручалось скорее завершить разработку Положения о нотариальной части, с тем чтобы после рассмотрения в Государственном Совете оно могло быть передано в комиссию, занятую составлением общих Уставов судоустройства и судопроизводства.

Под руководством Корфа II отделение смогло в относительно короткий срок успешно справиться с этим. Учитывая и новизну дела, и отсутствие в его распоряжении сколько-нибудь значительного эмпирического материала о деятельности нотариусов собственно в России, М. А. Корфу и его сотрудникам волей-неволей приходилось широко обращаться к зарубежным аналогиям и, по словам Л. Б. Мандельштама (который, по-видимому, специально изучал этот вопрос), заниматься тем, что чуть ли не целиком брать образцы из чужих стран и по мере необходимости «прилаживать», адаптировать их к российским условиям.

Таким образом, в основу проекта было положено должным образом переработанное нотариальное законодательство трех стран: Франции — 1803 г., Австрии — 1855 г. и Баварии — 1861 г., положения которого, по их мнению, наилучшим образом согласовывались, с одной стороны, с условиями и потребностями России, и с другой стороны, с ее уже имеющимися в этой области собственными определенными традициями. Из 187 статей проекта 129 были составлены с тем или иным привлечением иностранного материала, и только важнейший раздел о совершении крепостных актов на недвижимое имущество сохранил специфический российский порядок и был написан с опорой исключительно на отечественный правовой материал. (Кроме того, при составлении проекта для необходимого согласования с другими разделами действующего законодательства, естественно, использовались как ранее принятые Общее учреждение о губерниях, Свод законов гражданских с вошедшими в него Уставами торговым, вексельным, о пошлинах, так и законодательство новейшего времени в виде Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости.)

14 июля 1863 г. проект был направлен на рассмотрение Государственного Совета. Впоследствии он получил высокую оценку российских правоведов (в особенности той их части, кто принимал проблемы нотариата ближе к сердцу), которые, быть может в известной мере его идеализируя, видели в нем более прогрессивный по содержанию документ, нежели то положение, которое в конечном итоге было принято и действовало до 1917 г.¹

Несомненно, первоначально предполагалось, что судебные уставы и Положение о нотариальной части будут введены в действие одновременно. Однако получилось иначе. Судебные уставы были в относительно короткое время обсуждены, одобрены Государственным Советом и утверждены (20 ноября 1864 г.), а работа над Положением «увязла» в режиме многочисленных согласований, перекраивания исходного проекта (помимо перво-

¹ Из истории российского нотариата // Нотариус. 1997. № 2. С. 81.

начального было предложено еще пять) еще на полтора года, и в итоге оно было утверждено лишь 14 апреля 1866 г.¹

«Инженерная» часть реформы нотариата приняла вид ответов на 10 вопросов, каждый из которых был посвящен какой-то одной значимой стороне деятельности органов нотариата, а все вместе они были содержательно важны для формирования во многом совершенно новой «конструкции» организации и функционирования органов нотариата².

Первый вопрос звучал так: *Можно ли и следует доверять нотариусам право окончательного совершения актов о недвижимом имуществе без всякого последующего утверждения?*

Согласно проекту барона М. А. Корфа с сотрудниками, все совершенные нотариусами акты впоследствии подлежали утверждению суда, куда вносились начальником нотариального архива. В том чтобы поступать именно таким образом, имелаась большая внутренняя логика, и по этому пути, кстати, шла и конкретная нотариальная практика большинства европейских государств.

Министр юстиции Д. Н. Замятнин предложил иной вариант, когда в каждом губернском и уездном городе из среды нотариусов выдвигался один, наделяемый полномочиями старшего нотариуса, который имел в своем распоряжении крепостные и запретительные книги (реестры уже совершенных ранее крепостным порядком сделок и существующих на конкретных объектах обременений и запрещений). Акты могли совершаться у любого нотариуса, но приобретали полную законную силу лишь после явки у старшего нотариуса.

Оба варианта соединились в проекте, разработанном также во II отделении, но уже после того как барон М. А. Корф перешел в Государственный Совет и его возглавил граф В. Н. Панин. В нем также предполагалось существование старшего нотариуса, который, заведя нотариальным архивом, вносил совершенные другими нотариусами акты на последующее утверждение двух членов судебного присутствия.

Введение подобной двухступенчатой процедуры утверждения актов мотивировалось необходимостью, ввиду приобретаемого этими актами в дальнейшем большого значения и предполагаемого, особенно на первых порах, отсутствия у, возможно, довольно большого процента нотариусов и достаточной теоретической подготовки, и чисто практических навыков

¹ Из истории российского нотариата // Нотариус. 1997. № 2. С. 81.

² В этой связи надо сказать, хотя прямо к нашей теме это и не относится, что такая форма, «нашупанная» в XIX веке при подготовке заседаний Государственного Совета, вообще должна быть признана очень удачной. Авторы этих памятных записок таким образом предварительно структурировали материал иной раз весьма расплывчатых и многоречивых текстов — итогов предварительных обсуждений вопросов в комиссиях или поступивших заключений ведомств, полученных в порядке запуска обязательной процедуры предварительных межведомственных согласований по любой более-менее значительной мере законодательного или практического характера, и давали свои упругие и рельефные формулировки главных вопросов, которые затем в виде тезисов и выносились на обсуждение Государственного Совета.

Изложение этих вопросов (с учетом всего выявившегося по ходу обсуждения спектра мнений) приводится по статье «Из истории российского нотариата» // Нотариус. 1997. № 2. С. 82–85.

в совершении сложных нотариальных действий, установить с самого начала как можно более строгий контроль за их деятельностью.

Кроме всего прочего просматривалась и чисто практическая целесообразность в том, чтобы периодически возникающие в работе нотариусов сложные моменты разрешались коллегиальным составом судей, имеющих и высшее юридическое образование, и соответствующий штат работы.

Наконец, было высказано и такое мнение (т.н. второй судебной комиссией)¹, что поскольку российский нотариат еще не успел стать такой мощной и, главное, ответственной корпорацией, как, например, французский, то передать весь архив по крепостной части от судебных учреждений в руки нотариусов вообще было бы очень неосмотрительным.

В окончательном варианте Положения о нотариальной части участие суда в конечном утверждении нотариальных актов было исключено и оно предоставлено исключительно старшему нотариусу. Любой нотариус был вправе совершить акт по имущественной сделке независимо от местонахождения имущества, но лишь старший нотариус проверял по нотариальному архиву принадлежность имущества и отсутствие на нем запрещений и обременений и, соответственно, окончательно утверждал его.

Таким образом был создан тот в каких-то отношениях, может быть, и нерациональный порядок совершения крепостных актов, который в последующем неоднократно критиковался высказывавшимися на эту тему специалистами. Возможно, повторим, в чем-то они были правы. Но, с другой стороны, так же трудно не увидеть и не согласиться и с внутренней логикой этого решения, которая состояла в том, что создание двухступенчатой конструкции утверждения нотариальных актов было в конечном счете продиктовано заботой о лучшей сохранности нотариальных архивов и контроле над процессами мобилизации земельной собственности.

На второй вопрос: *Каков должен быть объем нотариальных действий, совершаемых мировыми судьями?* — базовыми «Основными положениями о преобразовании судебной системы» ответ был дан в том смысле, что мировым судьям предоставлялось чрезвычайно ограниченное право в совершении нотариальных действий в виде права засвидетельствования явки актов — и то лишь там, где нотариусы совершенно отсутствовали (ст. 11).

В ходе обсуждения этого вопроса лишь министр юстиции Д. Н. Замятин предложил возложить на мировых судей право совершения всего круга нотариальных действий (утверждение крепостных актов в этом случае предоставлялось секретарям съездов мировых посредников). С его точки зрения, это, во-первых, снимало бы проблему доступа для населения к нотариальным услугам, объективно существующую в целом ряде областей в силу их географической отдаленности от основных центров, тяжелых природ-

¹ Проект Положения нотариальной части барона М. А. Корфа с сотрудниками ввиду сложности затрагиваемых в нем вопросов был передан Государственным Советом на предварительное обсуждение последовательно в двух судебных комиссиях, одна из которых работала с февраля по май 1864 г., а вторая — с января по октябрь 1865 г. и была создана уже для окончания всех работ по преобразованию служебной части // (Из истории российского нотариата // Нотариус. 1997. № 1. С. 84).

ных условий жизни в них, слабого уровня экономического развития и т. п., применительно к которым уже само заполнение нотариальных вакансий обещало стать проблемой. И во-вторых, кроме удобств для населения это позволило бы дополнительно стимулировать труд самих мировых судей, подняв, что важно — без дополнительных расходов для казны, размеры их установленного весьма скромного жалования.

Положение о нотариальной части в этой части повторило «Основные положения», предоставив мировым судьям только право засвидетельствования явки актов (ст. 2). Но жизнь внесла свои коррективы, и по мере введения в действие Положения о нотариальной части, и в особенности на окраинах страны, мировым судьям давали полномочия на совершение всех нотариальных действий.

Вопрос третий звучал так: *Где следует быть нотариальным архивом?*

Рациональное решение этого вопроса имело огромное значение. При чем вопрос приобретал практически равную степень важности и с, так сказать, географической — учитывая необъятные российские пространства и необходимость сторон лично предоставлять акт на утверждение старшего нотариуса, — и с чисто организационной и функциональной стороны дела. Включая и заботу о самой сохранности нотариальных архивов.

Первоначальные предложения оставить нотариальные архивы как есть — при губернских и уездных судах, были отвергнуты ввиду предполагаемого перехода на иную, окружную систему судов и судебных палат (каждый судебный округ включал в себя несколько губерний).

Министр юстиции Д. Н. Замятнин, исходя из идеи предоставления нотариусам как можно более широких прав и самостоятельности, предположил как принцип хотя бы на будущее возможность формирования и хранения нотариальных архивов на французский манер — непосредственно на дому у самих нотариусов. С его точки зрения, это значительно подняло бы их общественный престиж, а кроме того способствовало бы и увеличению оперативности их работы.

В замечаниях второй судебной комиссии и проекте II отделения графа В. Н. Панина с сотрудниками, со ссылкой на тот же опыт Франции, наоборот, содержались резкие возражения против того, чтобы предоставлять нотариусам право вести и хранить нотариальные архивы на дому, полагая, что хранение столь важных во многих отношениях документов в частных домах принципиально не способно должным образом обеспечить их сохранность от пожара или ограбления.

Соединенные департаменты Государственного Совета постановили организовать нотариальные архивы лишь при окружных судах; идея организации их даже в уездных городах был признана неисполнимой по многим обстоятельствам, среди которых назывались и материально-организационные, и возможность ослабления в этом случае контроля за действиями старших нотариусов.

Это же было установлено и в окончательном варианте Положения о нотариальной части (ст. 42).

Четвертый вопрос предлагался в следующей постановке: *Следует или нет вводить поземельные книги и реестры к ним?*

По этому вопросу необходимо пояснить, что введение в России т. н. ипотечной системы регистрации прав на недвижимое имущество признавалось одной из насущных задач. Предложенное проектом II отделения барона М. А. Корфа с сотрудниками введение поземельных книг и реестров к ним могло стать первым шагом по переходу к ней¹.

Государственный Совет, с учетом того что переход на этот новый порядок потребовал бы внесения значительных изменений в законодательство, принял решение в основных чертах сохранить действующую систему, но с учетом создания судебных округов. Из крепостных экспедиций при палатах гражданского суда и уездных судов во вновь создаваемые нотариальные архивы при палатах судебных округов передавались крепостные книги и реестры к ним и т. н. запретительные и разрешительные книги, а продолжать вести их теперь должны были старшие нотариусы.

По мысли законодателя, реестры крепостных дел должны были стать тем основным «накопителем» сведений о недвижимом имуществе, на который следовало опираться и в текущей работе, и впоследствии при переходе к ипотечной системе. (Однако надо сказать, что самому факту внесения очередных сведений в реестр никакого юридического значения придано не было и это стало одной из причин отсутствия гарантий против неполноты содержащейся в реестрах информации также и на весь последующий период.)

Пятый вопрос (а точнее, три вопроса в одном) формулировался так: *Считать ли нотариусов состоящими на государственной службе, платить ли им жалование и как определять (и определять ли вообще) потребное для каждой местности количество нотариусов?*

Согласно первоначальному варианту проекта, нотариусы считались на государственной службе, но без права на производство в чины и на пенсию. Жалования им от казны не полагалось, но предоставлялось право взимать плату за совершение каждого нотариального действия с клиентов (как это, собственно, и было заведено). Потребное число нотариусов устанавливалось для каждой местности отдельно.

Обе судебные комиссии выразили иную точку зрения. Члены первой посчитали, что нотариальная деятельность во многих случаях не сможет гарантированно приносить достаточного дохода, чтобы нашлись охотники занять эту должность. Поэтому необходимо пойти на комплексный вариант:

¹ Технически это предполагалось сделать следующим образом: начать в течение года в хронологическом порядке формировать т. н. наряд — подборку крепостных актов, который бы в конце года переплетался в поземельную книгу. И параллельно с этим начать вести реестры, в которых для начала каждое имение (а в идеале и вообще каждый объект поземельной собственности, который с момента реформы нотариата хотя бы раз подвергся переходу вещных прав) получало бы свой лист, где были бы подробно отражены его местонахождение, площадь земельного участка, давалось краткое описание, содержалось указание последнего собственника, иных вещных прав, наличия запрещений и обременений и указывалось местонахождение акта в конкретной поземельной книге. А для уже существующих крепостных книг аналогичным образом должны были быть постепенно составлены т. н. «исторические» реестры.

назначение жалования с предоставлением права взимать вознаграждение, «добирая» таким образом доходы до достойного уровня, — если, конечно, наряду с интересами экономии расходов казны также иметь в виду и задачу привлечь в ряды нотариального корпуса людей «достойных и знающих».

А члены второй комиссии пошли в этом направлении еще дальше и предложили создать две категории нотариусов. Губернские и уездные нотариусы состояли бы на государственной службе и пользовались всеми сопряженными с этим правами; им назначалось бы жалование: первым — 1000, вторым — 600 рублей в год, — и кроме того, за ним признавалось и право получать добавочное вознаграждение за совершаемые действия с клиентов, но при этом половина превышающего сумму годового жалования дохода изымалась в пользу казны¹.

Определяя размеры жалования нотариусам, члены комиссий отталкивались в своих выкладках от сведений, предварительно затребованных с мест в ходе подготовки нотариальной реформы. Сведения были затребованы в общей сложности по 24 губерниям трех основных запроектированных в ходе судебной реформы округов: Санкт-Петербургской (11 губерний)², Московской (7 губерний)³ и Харьковской (6 губерний)⁴ судебных палат — и в совокупности охватывали почти половину Европейской России, включая все важнейшие губернии, так что их можно считать весьма репрезентативными.

Относительно уровня доходов нотариусов собранные сведения дают приблизительно следующую картину. В Петербурге средний годовой доход одного нотариуса (рассчитанный как четвертая часть взимаемой ими в свою пользу общей стоимости всех совершенных одной нотариальной конторой в течение года сделок) в 1861 г. составил немногим более тысячи рублей (1032 рубля), в Москве доходы нотариусов колебались от 1500 до 4000 рублей в год, доходы маклеров были ниже — от 1000 до 1500 рублей, а в одной из частей Москвы был зафиксирован годовой доход всего в 100 рублей.

Годовой доход в 100 рублей (8,33 рубля в месяц) обеспечивал лишь очень стесненный уровень жизни и для нотариусов столичных и крупных губернских городов был, конечно, не характерен. Цифры в районе тысячи рублей ближе к истине. Но во многих уездных городах, где общий уровень экономической активности оставался в целом небольшим, он вполне мог быть таким.

Упомянувшийся выше Н. П. Перозиио отмечал, что огромное количество нотариальных и маклерских контор из-за скудости получаемых ими доходов от профессии ищут дополнительных заработков на стороне, занимаясь посторонними делами: например, принимают на себя составление разного рода прошений и ходатайств (а во многих случаях не только составление бумаг, но и дальнейшее их «юридическое сопровождение»), принимают на себя роль стряпчих по «тяжебным делам», занимаются коммерческим пос-

¹ Из истории российского нотариата // Нотариус. 1997. № 2. С. 83.

² Витебская, Вологодская, Костромская, Курляндская, Лифляндская, Новгородская, Олонецкая, Псковская, Санкт-Петербургская, Эстляндская, Ярославская.

³ Владимирская, Калужская, Московская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тульская.

⁴ Воронежская, Курская, Орловская, Область Войска Донского, Полтавская, Харьковская.

редничеством, в частности при покупке и продаже мало связанными с этой сферой частными лицами облигаций и акций.

С этим же была связана и проявляемая частью участников профессии определенная неразборчивость в средствах, и наличие различных упущений и злоупотреблений по службе (лишь, вероятно, меньшинство нотариусов должным образом удостоверяются в личности и правоспособности клиента и пунктуально соблюдают все предписываемые законом процедуры — что в конечном счете влияет и на саму законность совершаемого ими акта; многие не гнушаются засвидетельствованием долговых обязательств, составленных с определенным отступлением от закона; иные не останавливаются и перед тем, чтобы являть подложные подписи, искусственно затягивать за мзду процедуру протеста векселя в интересах должника, утаивать часть крепостных пошлин и т. п.)¹. И даже делая поправку на «суггестивность» авторского стиля Н. П. Перозио, все же приходится признать, что, вероятно, многое из называемого им в его время было достаточно распространено.

Государственный Совет постановил считать нотариусов на государственной службе с присвоением им всем по должности единого чина VIII класса (*коллежский асессор*), но без права дальнейшего производства в чины и пенсию. Это предоставляло им необходимую и достаточную степень общественного уважения (что становилось дополнительным моральным стимулом для привлечения в нотариусы людей достойных) и в то же время ограждало от возможных обид, оскорблений и даже физического насилия во время исполнения служебных обязанностей — от чего не были гарантированы существующие маклеры и нотариусы, официально на государственной службе не числившиеся.

В окончательном варианте Положения о нотариальной части жалования нотариусам не назначалось, но согласно ст. 208 предоставлялось право за всякое должностное действие взимать плату в свою пользу по добровольному соглашению с обратившимися лицами или, если такого соглашения не последует, то по особой таксе.

В связи с решением вопроса о том, какое же количество нотариусов в итоге ей потребно, надо сделать предварительное замечание, что власть, как оказалось, не располагала точными сведениями относительно того, где и в каком количестве у нее имелись маклеры и нотариусы. В окончательном варианте Положения о нотариальной части число нотариусов для каждой местности должно было определяться министерством юстиции по согласованию с министерствами финансов и внутренних дел, сообразуясь с общей численностью населения и другими обстоятельствами.

Шестой вопрос получил следующую формулировку: *Вписывать ли нотариальные акты в актовую книгу или совершать их в виде отдельных протоколов?*

В первоначальном проекте Положения о нотариальной части (барона М. А. Корфа с сотрудниками) предполагалось сохранить существующую и традиционную для России форму совершения нотариального акта с внесением его дословно в актовую книгу и последующей выдачей каждой из

¹ Из истории российского нотариата // Нотариус. 1997. № 1. С. 84.

сторон засвидетельствованного нотариусом списка акта, называемого главной выписью, которые по своему юридическому значению приравнивались к подлинному акту, внесенному в актовую книгу.

Это вызвало возражения только у министра юстиции Д. Н. Замятнина, который предложил заменить книжную форму совершения актов к тому времени уже принятой в ряде стран (и даже возможно говорить о большинстве стран) протокольной. Основное отличие ее от книжной формы заключалось в том, что одобренный сторонами проект сделки вносился нотариусом не в книгу, а в три идентичных между собой экземпляра протокола, один из которых оставался (со всеми прилагаемыми документами) в делах нотариуса, и по одному выдавалось сторонам.

Замятнин аргументировал свою позицию в основном тремя вещами. В порядке убывания их значимости: тем, что актовая книга во всем объеме может время от времени оказываться в руках посторонних людей (к примеру, чиновников контрольной палаты, судей и присяжных поверенных), что увеличивает потенциальный риск разглашения тайны нотариальных действий; неудобствами чисто практического характера в связи с время от времени возникающей необходимостью обозрения судом актовой книги по ходу слушания гражданских дел; и, наконец, оптимизацией с переходом на протокольную систему чисто канцелярской работы и проистекающей от этого экономией времени как нотариуса, так и клиента.

Однако, по мнению графа В. Н. Панина с сотрудниками, отступление от традиционной формы было невозможно, так как при всех называемых преимуществах протокольной формы книжная форма полнее гарантировала и невозможность подлога и совершения акта уже задним числом, и саму сохранность акта, поскольку утрата или похищение акта из досье нотариуса гораздо возможнее, нежели утрата подлинных дел¹.

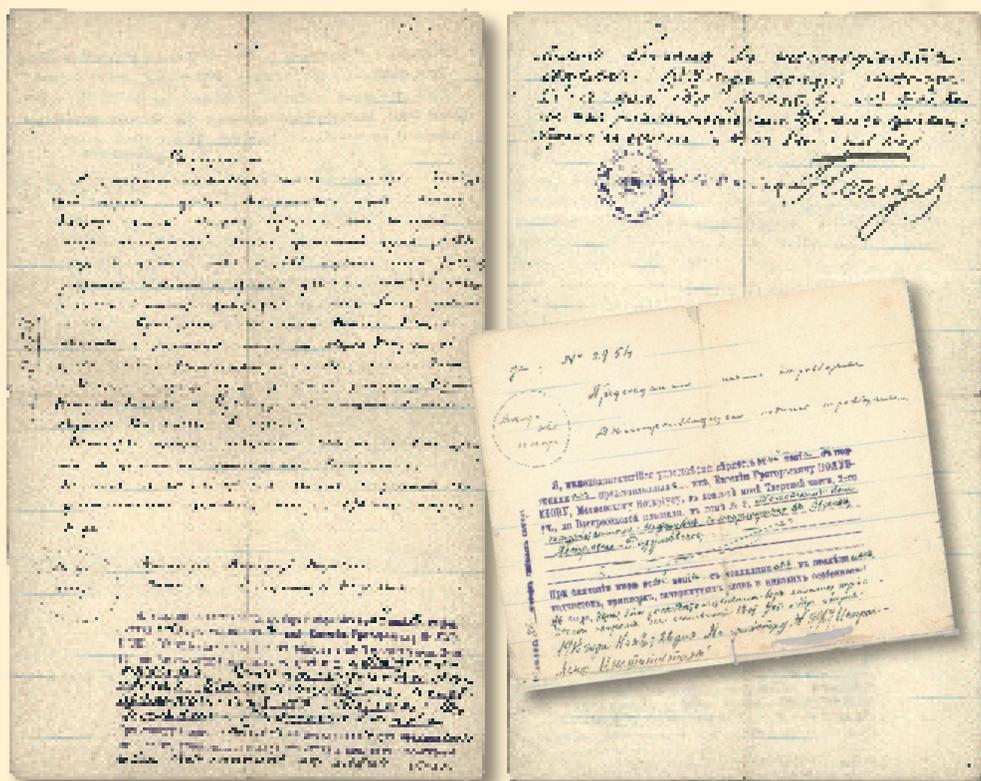
Государственный Совет полностью встал на ту же точку зрения, и в окончательном виде Положение о нотариальной части в ст. 26 обязало нотариуса по-прежнему вести две актовые книги: одну для актов, относящихся к недвижимым имуществам, и другую — для всех прочих.

Седьмой вопрос был посвящен рассмотрению проблемы *юридической силы нотариальных актов*.

По существу, речь шла о том, должны или нет акты, совершаемые нотариальным порядком, пользоваться какими-то особыми преимуществами пред всеми прочими, и в частности исполняться без предварительной выдачи исполнительных листов суда. В проекте Положения о нотариальной части барона М. А. Корфа с сотрудниками этому был посвящен особый раздел (четвертый), где предлагалось придать нотариальному акту равный статус с вступившим в законную силу судебным решением.

Министр юстиции Д. Н. Замятнин в своих замечаниях указывал еще и на экономическую сторону дела, отмечая, что если нотариальные акты не будут обладать процессуальными преимуществами перед домашними, то это серьезно ослабит стимул обращаться к услугам нотариусов и тем самым

¹ Достаточно вспомнить, как легко удалось Эдмону Дантесу — графу Монте-Кристо — похитить из «своего» судебного дела подлинный донос Кадруса и Фернана Мондего.

подорвет экономические основания системы нотариата. И предлагал овященную этому ст. 160 проекта изложить в следующей редакции: акты, совершенные с соблюдением всех законных правил, признаются по отношению к участникам его совершения, а также и к их наследникам и преемникам равносильными вступившему в силу законному решению и приводятся в исполнение *без предварительной выдачи исполнительного листа*¹.

Вторая судебная комиссия полностью поддержала мнение Д. Н. Замятинина по существу, однако граф В. Н. Панин с сотрудниками посчитали, что весь четвертый раздел проекта Положения о нотариальной части барона М. А. Корфа с сотрудниками должен быть исключен, поскольку утвержденными 20 ноября 1864 г. судебными уставами сила любых актов уже была определена, и вновь возвращаться к этому в нотариальном положении они считали излишним. Государственный Совет согласился с этим, и в Положении о нотариальной части осталась лишь отсылочная норма, установившая, что сила нотариальных актов определяется на основании Устава гражданского судопроизводства 1864 г.²

¹ Для тех, кто не понял: создаваемое преимущество заключалось в том, что акты, совершенные нотариальным порядком, «экономили» сторонам на последующих судебных издержках, поскольку не требовалось получать исполнительный лист.

² Между тем надо сказать, что в Уставе гражданского судопроизводства 1864 г. определялась лишь общая доказательная сила нотариальных актов и никаких особых преимуществ в их исполнении не устанавливалось.

Восьмой вопрос звучал так: *Вносить ли в Положение о нотариальной части правила о совершении духовных завещаний?*

Составление и свидетельствование завещаний представляет заметную сторону в жизни любого общества вообще, а тем более такого, в котором довольно заметное место принадлежит религии. Даже оставляя совершенно в стороне вопрос о том, что Россия являлась страной многоконфессиональной и из этого также проистекали определенные юридические сложности, связанные с признанием силы духовных завещаний, совершенных по канонам различных религий, укажем лишь на такой момент, как наличие в этом вопросе определенной «коллизии» интересов светских и церковных властей, которые если и не сталкивались, то во всяком случае до известной степени пересекались, и они должны были тщательно разграничить и форму, и меру своего участия, поскольку в данном случае речь шла и о вопросах сугубо юридических, и о вопросах в определенной мере идеологических и политических, и, наконец, о чисто меркантильных интересах.

В этой связи в кодифицированном российском законодательстве «Полном собрании законов Российской империи» за период с 1649 по 1866 г. набралось в общей сложности 77 различных, нередко частично противоречивших друг другу узаконений относительно правил совершения и свидетельствования духовных завещаний, и понятно, что при реорганизации системы нотариата пройти мимо этого вопроса было совершенно невозможно.

Ситуация выглядела таким образом, что в Государственном Совете с 1856 г. находился на рассмотрении и к моменту обсуждения Положения о нотариальной части все еще не был принят проект нового общего Положения о духовных завещаниях. До этого вносить в нотариальное Положение какие-либо вполне определенные нормы, касающиеся порядка совершения завещаний, было бы очевидно преждевременным, и потому ограничились лишь намеренно неопределенной отсылкой (в ст. 81), что для совершения духовных завещаний «остаются в силе действующие узаконения». (В 1869 г. Положение о завещаниях было, наконец, утверждено и в последующей нотариальной практике опирались уже на него.)

Вопрос девятый предлагался на обсуждение в такой постановке: *Вносить ли в Положение о нотариальной части правила об обжаловании действий нотариуса?*

Согласно первоначальной редакции проекта барона М. А. Корфа с сотрудниками, обжалованию подлежало лишь одно — отказ нотариуса в совершении нотариального действия. В замечаниях министра юстиции Д. Н. Замятина эта тема была развита значительно подробнее, обжалованию мог быть подвергнут не только отказ, но и вообще любое действие нотариуса — в окружном суде, при котором он состоял. Государственный Совет полностью солидаризировался в этом вопросе с Замятиным и дополнил Положение целым рядом статей (ст. 60–64), специально посвященных обжалованию действий нотариуса.

И, наконец, вопрос десятый звучал так: *Распространять ли Положение о нотариальной части на всех без изъятия ныне существующих нотариусов и маклеров?*

Напомним, что, во-первых, на момент обсуждения и принятия Положения об организации нотариальной части в России имелось довольно большое число — до десятка — исторически возникших разновидностей нотариусов и маклеров, причем деятельность некоторых категорий к тому времени уже более или менее превратилась в анахронизм, и потому они могли быть более или менее безболезненно упразднены.

Основные, если так можно выразиться, сомнения в связи с преобразованием нотариальной части лежали в другой области и касались категорий маклеров и нотариусов, место и круг функций которых определялись еще и Уставом торговым и Уставом о векселях. Их нельзя было упразднить или преобразовать без внесения соответствующих изменений также и в эти разделы законодательства, что заставляло много раз подумать, прежде чем решиться на такое.

Но с другой стороны, как отмечалось графом В. Н. Паниным с сотрудниками, и сохранение нотариусов с двойным статусом (гражданских и торговых) стало бы плохим решением, как сохранение всякой двойственности вообще, и можно было предвидеть в этой связи множество споров.

Государственный Совет в итоге принял компромиссное решение. Согласно п. 5 «Правил о порядке введения в действие Положения о нотариальной части» все прежние категории нотариусов и маклеров, кроме тех, чья деятельность регулировалась Уставом торговым (биржевые маклеры, гофмаклеры и нотариусы и корабельные маклеры и маклеры морского страхования), прекращали свою деятельность, а на перечисленные категории действие нового общего Положения о нотариальной части не распространялось, и они продолжали действовать на основании Устава торгового.

Однако надо сказать, что предвидения и опасения графа В. Н. Панина с сотрудниками отчасти сбылись: в будущем в городах, и особенно в более крупных промышленных и торговых центрах, биржевые нотариусы, которые согласно Уставу торговому получили широкую компетенцию и вдобавок взимали за свои действия в среднем несколько более низкую плату, довольно ощутимо потеснили публичных нотариусов (составили публичным нотариусам довольно ощутимую конкуренцию).

...В той или иной мере отразив мнение довольно многих авторов, Яроцкий охарактеризовал всю историю с обсуждением и принятием нового общего Положения о нотариальной части в следующих выражениях: первоначальному проекту барона М. А. Корфа с сотрудниками, прекрасно составленному, вполне отвечавшему воле и намерениям законодателя, к сожалению, не суждено было осуществиться, так как в это время силой других обстоятельств его на посту главного руководителя разработки сменил граф В. Н. Панин, под руководством которого все лучшие, более прогрессивные и либеральные начала проекта были из него удалены и заменены «засушивающим» формализмом — введением института старших нотариусов, отказом от учреждения уездных нотариальных архивов, упущением возможности введения института исполнительных надписей. В таком виде проект и попал в Государственный Совет, был им утвержден, 14 апреля 1866 г. подписан царем — и, — добавим мы уже от себя, — действовал весь последующий период до 1917 г.

Основные черты организации российского нотариата, установленные Положением о нотариальной части от 14 апреля 1866 г.

Для того чтобы лучше представлять себе систему реформированного нотариата в России, необходимо ознакомиться с ее базовыми документами, и в первую очередь с высочайше утвержденным 14 апреля 1866 г. Общим Положением о нотариальной части. С точки зрения своего содержания оно было призвано выполнить двоякую функцию: с одной стороны, установить некий набор основных базовых принципов, а также регулировать сам порядок назначения на должность нотариуса, его компетенцию, полномочия и ответственность, установить критерии для занятия должности и т. п.; а с другой стороны — определяло сам практический порядок совершения отдельных нотариальных действий — то, что в настоящее время принято называть правилами нотариального производства и «процедурными моментами».

Как виделось отцам нотариальной реформы общее устройство реформированного нотариата, об этом мы можем судить на основе ее первого раздела — общих положений, который был посвящен обязанностям нотариусов и их ответственности и надзору за нотариусами и старшими нотариусами, а также общим моментам устройства нотариальной части и нотариальных архивов.

Правом совершения нотариальных действий вообще Положение наделило три категории лиц: нотариусов, старших нотариусов, а в тех городах, местечках, посадах и селениях, где нотариусов либо до завершения реформирования нотариата еще не было, либо их не предусматривалось иметь вообще, совершение нотариальных действий по правилам нотариального положения предоставлялось мировым судьям, городским судьям и, в уездных городах, включенных в состав земских участков, — уездным членам окружного суда (ст. 2).

Нотариусам было определено находиться в столицах, губернских и уездных городах, а в случае надобности и в уездах (ст. 3). Потребное число нотариусов устанавливалось в зависимости от численности населения и других обстоятельств для каждой местности и руководствуясь особым расписанием, которое должно было составить Министерство юстиции по соглашению с министерствами внутренних дел и финансов несколько позднее (ст. 4). Заведование нотариальной частью и ее важнейшей составляющей, нотариальными архивами, поручалось под общим наблюдением «судебных мест» (окружных судов) состоящим при нотариальных архивах старшим нотариусам (ст. 1).

Исполнять должность нотариуса по Положению могли только лица, удовлетворяющие четырем базовым условиям. Это обязательно должны были быть русские подданные и при этом: а) совершеннолетние, б) «не опороченные судом или общественным приговором» и в) не занимающие никакой другой должности ни на государственной, ни на общественной служ-

бе (включая и принятие ими на себя обязанностей частнопрактикующих юристов — стряпчих или присяжных поверенных) (ст. 5, 19)¹.

За желанием «отцов» нотариальной реформы Замятнина, Зарудного и др. сделать учреждаемый институт нотариата максимально демократичным (на что правящая бюрократия в лице своего высшего слоя членов Государственного совета в конце концов дала свое согласие), как можно думать, скрывалось сразу несколько целей.

Во-первых, дать начавшей процесс своего внутреннего обновления царской России еще один важный институт, сближающий ее с более «просвещенной» и «цивилизованной» Европой. Во-вторых, дать населению более «дешевую» (уже по причине отсутствия той коррумпированности, практически обязательных «подношений», которыми, как считалось, была широко поражена прежняя судебная система) организацию оказания нотариальных услуг. И в-третьих, в духе носившихся в воздухе либеральных веяний предложить молодежи еще один достойный и «интеллигентный» способ жизненной карьеры — и при этом отличный и от традиционной карьеры чиновника или военного, и от частного предпринимательства или службы в частном предприятии, и от таких более «эфемерных» занятий, как т. н. свободные профессии: адвокатура, журналистика, литература, музыка, живопись или театр. Путь, до известной степени «пограничный» с ними, но при этом и с более гарантированным (и достаточно неплохим) доходом, а по сравнению с теми же журналистикой и адвокатурой — и с меньшими «моральными издержками».

И, наконец, за этим легко читались предвидимые чисто практические сложности с укомплектованием должностей нотариусов (причем в довольно большом числе местностей Российской империи) и стремление обойти их при помощи оговорки, что к исполнению должности нотариусов допускаются и такие лица, которые по общим правилам не могли поступить на гражданскую службу, — лишь бы они удовлетворяли установленным базовым критериям (ст. 6)².

Как общее правило предполагалось, что нотариусы станут кормиться доходами от профессии, но при недостатке желающих на должность там, где иметь нотариуса было признано необходимым, по соглашению трех названных министерств предусматривалась возможность «временно» назначить туда нотариуса от правительства с уплатой ему в этом случае некоторого жалования от казны (ст. 7).

¹ Все перечисленные требования и ограничения в отношении занятия должности нотариуса достаточно логичны и в большинстве случаев не требуют дополнительных комментариев — кроме, быть может, одного — непременно о русском подданстве. Но здесь дело в том, что нотариусы наравне с чиновниками приносили присягу, сама формула которой и крестоцелование по ее завершении напрочь исключали возможность т. н. «двойной лояльности». Кроме того, по тем же основаниям, по циркулярному предписанию министра юстиции от 6 июня 1887 г. не дозволялось занимать должности нотариусов также и евреям.

² Видимо, надо пояснить, что таким путем предполагалось открыть лазейку для возможности укомплектования должностей нотариусов на местах, и в особенности в отдаленных северных, сибирских, азиатских и кавказских губерниях, за счет образованных политических ссыльных, а также «поповичей» и др.

Для обеспечения возможности возместить убытки, проистекающие от профессиональных ошибок нотариуса, закон предусматривал необходимость депонирования претендентом на занятие должности нотариуса в окружном суде определенной суммы залога, размер которой определялся с учетом особенностей конкретной местности (ст. 8). Эта первоначальная сумма залога в дальнейшем должна была пополняться до достижения определенного предела за счет части вознаграждения за совершение должностных действий. Причем в законе было совершенно четко оговорено, что эта сумма имеет характер именно залогового депозита, связанного с исполнением должности, и в случае смерти нотариуса или добровольного оставления должности вся сумма возвращалась ему самому или его наследникам на основании определения окружного суда через шесть месяцев¹.

Нотариусы, залог которых оказался полностью или частично израсходован на возмещение ущерба от их деятельности, впредь до его пополнения до требуемого уровня временно отстранялись председателем окружного суда от исполнения обязанностей, а если не могли сделать этого в течение шести месяцев — автоматически увольнялись от должности. Исполняющие функции нотариусов мировые судьи или назначенцы от правительства, поскольку сомнений в уровне их квалификации было гораздо меньше, от внесения залогов освобождались (ст. 9, 10, 11, 12, 13, 14).

Для занятия должности нотариуса необходимо было выдержать квалификационный экзамен, который принимала комиссия в составе председателя окружного суда, старшего нотариуса и прокурора, а само испытание состояло, во-первых, в знании в необходимом объеме законов вообще и форм нотариального делопроизводства, и во-вторых, в умении правильно излагать суть вопроса для последующего ее облечения в форму акта (ст. 15).

Успешно прошедшие испытания вводились в должность старшим председателем судебной палаты по представлению председателя окружного суда после принесения присяги в публичном заседании окружного суда и увольнялись им же (но не иначе как по решению суда) (ст. 16).

Нотариусы считались *состоящими на государственной службе с присвоением им чина VIII класса (коллежский асессор), но без права на дальнейшее производство в чины и пенсию*².

¹ Полугодовая задержка с возвратом денег устанавливалась для того, чтобы в течение этого срока удовлетворить возможные претензии со стороны лиц, которые считали себя материально пострадавшими от действий данного нотариуса. (При этом надо заметить, что исчерпание суммы залогового депозита не прекращало в случае ее недостаточности ответственности нотариуса также и всем его имуществом.)

² В этой сравнительно короткой фразе буквально все требует дополнительных пояснений. Сама необходимость присвоения нотариусам какого-то чина вытекала из того, что в условиях сословно-чинового строя царской России до 1917 г. и господствовавших в ней понятий достаточное почтение в глазах и простого народа, и так называемого общества к должности могло обеспечить лишь присвоение исполняющими ее определенного чина — и притом достаточно высокого, чтобы они могли чувствовать себя уверенно в общении не только с простым народом, но и с носителями высоких чинов и званий.

Невозможность же дальнейшего производства в чинах представляла собой по смыслу прежде всего «фильтр» на пути нежелательного, с точки зрения властей, *анноблирования* или, по-русски, «одворянивания» слишком большого круга лиц, которые могли

Что касается второй части, пенсии, то надо сказать, что чиновники основную часть своей будущей пенсии «зарабатывали» себе сами, делая в течение всей службы взносы из жалования в пенсионную или т. н. эмеритальную кассу. Эти средства представляли собой совокупный капитал, на проценты с которого уплачивалась пенсия всем чиновникам данного министерства или ведомства. Если чиновник переводился на новое место службы или переходил служить по другому ведомству (последнее довольно редко), ни само его право на пенсию, ни уже сделанные взносы в пенсионную кассу «не пропадали» — просто, переходя служить по другому ведомству, чиновник «прикреплялся на обслуживание» теперь уже в его кассе.

Поэтому нотариусов, которые, уходя с должности, забирали с собой и всю сумму внесенных за время и в связи с ее отправлением средств, очевидным образом попросту нельзя было включать в эту систему, не ущемляя пенсионных прав других чиновников (однако нотариусы, назначаемые правительством, пользовались всеми правами службы наравне с помощниками секретарей окружного суда) (ст. 17, 18).

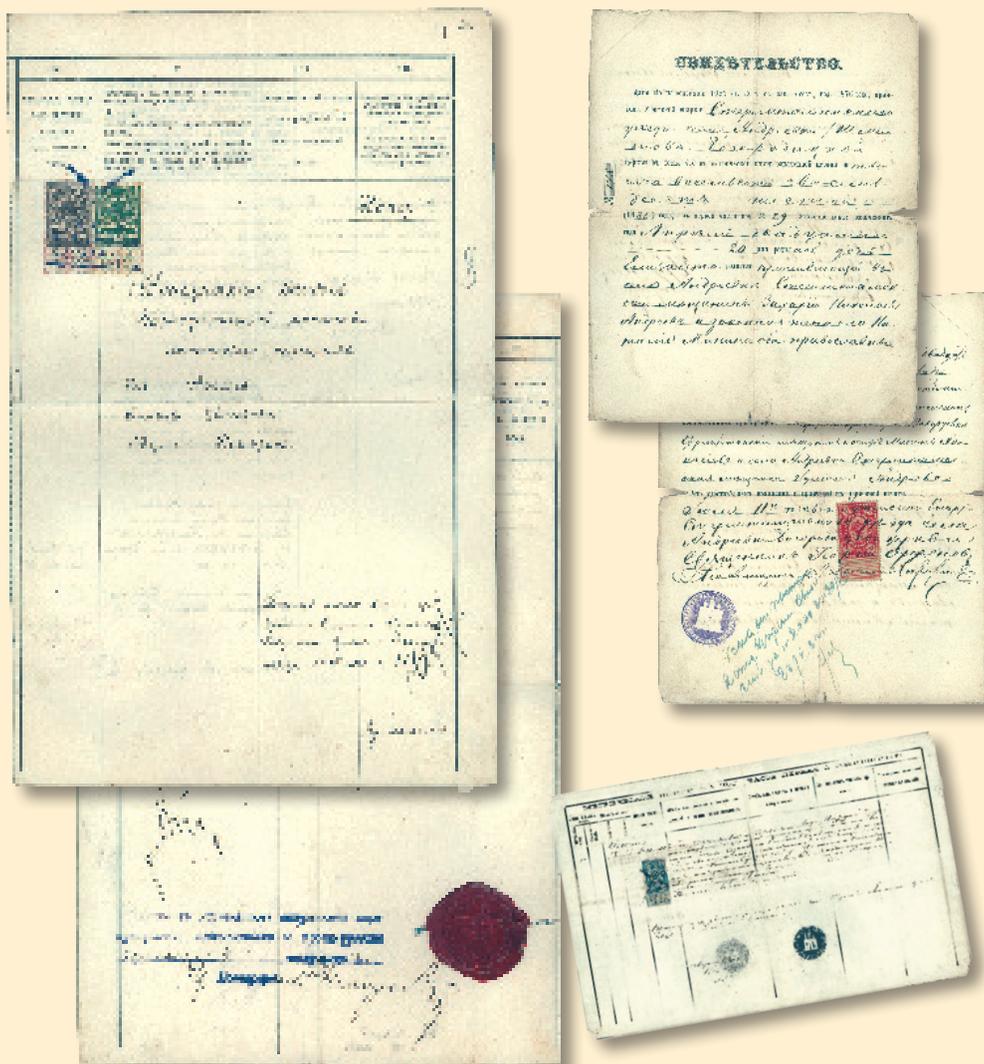
Статус «состояния» на государственной службе проявлялся и в том, что нотариусам на одинаковых с другими должностными лицами основаниях не позволялось отлучаться из мест своего пребывания без надлежащего дозволения (ст. 38) и они обязаны были ежедневно находиться в своих конторах не менее шести часов, определенных с утверждения окружного суда, о чем должно было быть объявлено во всеобщее сведение (ст. 37)¹. Отпуск также разрешался нотариусу председателем окружного суда и не иначе как с назначением на это время официального заместителя — другого благонадежного лица по собственному выбору нотариуса, на которое на время исполнения им должности налагалась полная, в том числе имущественная ответственность (и тот же порядок действовал на время более-менее продолжительной болезни нотариуса) (ст. 38–40).

Прежде всего в интересах избежания возможных злоупотреблений, решили, что нотариусы могут исполнять свои должностные обязанности только в пределах округа того суда, при котором они состояли, и акты, совершенные нотариусами в других округах, не приобретают законодательной силы нотариального акта. В то же время в пределах своего округа нотариусы были обязаны исполнять свои обязанности в отношении всех обратившихся к ним лиц, хотя бы те постоянно проживали в другой местности (ст. 20–22).

По всем поручаемым ему делам и в отношении всех актов и документов, находящихся у него на хранении, нотариус обязан был хранить тайну — за

«выслужить» себе личное, а то и потомственное дворянство, наступавшее, по одному из указов Александра II, вместе с чином уже VI класса. (Начав службу с низшего, XIV класса, как правило, обычным порядком просто не успевали выслужить чин VI класса, а сразу с VIII класса это было несравненно легче.)

¹ При этом надо сказать, что ст. 114 Положения позволяла нотариусу совершать акты от имени лиц, не имевших возможности по болезни или другим уважительным причинам явиться в его контору лично, и вне обязательных присутственных часов у себя на дому — но при этом с обязательным соблюдением всех предписанных формальностей, которые в совокупности только и делали акт именно нотариальным.

исключением небольшого числа случаев, четко оговоренных в законе. За нарушение тайны он подлежал ответственности по закону (по ст. 468 Уложения о наказаниях) (ст. 23).

Для приложения к выдаваемым им актам нотариусу полагалось иметь именную печать с изображением губернского герба и с надписью вокруг: «печать нотариуса... (имя и фамилия)... (название города или уезда)». Оттиск (слепок) печати и образец подписи каждого нотариуса обязаны были храниться в каждом местном нотариальном архиве для сличения при необходимости с выдаваемыми ими выписями актов (ст. 24, 25).

В связи с совершением нотариальных действий в целях последующей проверки самой правильности их совершения вследствие поступивших жалоб клиентов, а также для ревизии финансовой стороны в интересах казны

нотариусы были обязаны вести целый ряд регистрирующих все их действия документов. К ним относились:

- общий реестр для обозначения всех вообще совершаемых ими актов (а), протестов (б) и засвидетельствований (в), а также всех явленных у них заемных обязательств (г) и договоров (д);
- две актовые книги для внесения в них текстуально всех актов, совершаемых нотариальным порядком, и притом одну исключительно для актов, совершаемых в отношении недвижимых имуществ, и другую – для всех остальных (ст. 79 и след.);
- книгу для записи сумм взимаемых ими сборов (ст. 192 и след.);
- общий алфавитный указатель всех совершенных ими актов и засвидетельствований;
- ведомость всех документов, поступивших и имеющихся у них на хранении.

Для ведения нотариальных реестров и книг предусматривалось заводить шнуровые книги, снабженные по листам заранее проставленными подписью одного из членов окружного суда и подписью «скрепой» секретаря суда за его печатью, которые изготавливались за счет самого нотариуса (а кроме того, в соответствии со ст. 730 и след. Устава о пошлинах (V т. «Свода законов») еще и с каждого листа актовых книг нотариусом уплачивалась определенная пошлина) (ст. 26, 29).

Реестры и актовые книги эти должны были быть единообразного формата. Листы актовых книг должны были обязательно содержать графу, в которой указывалось содержание данных выписей или копий, а листы реестров – пять граф с указанием: валовой нумерации дел по годам (для каждого года отдельно); даты (*число, месяц и год*) совершения акта или засвидетельствования документа; имени, отчества, фамилии, звания и местожительства тех лиц, для которых были совершены акт или засвидетельствование или учинен протест; значение содержания акта и суммы внесенного за его совершение сбора; и, наконец, собственноручные расписки лиц, которым были выданы выпись из актовой книги или засвидетельствование (с повторением опять из графы третьей имени, отчества, фамилии, звания или состояния получателей). В реестрах все пробелы должны были прочеркиваться, а неоговоренные подчистки и междустрочные приписки считались недействительными.

По истечении года со времени окончания актовой книги нотариус обязан был сдать ее вместе с реестром, всеми сопроводительными документами и конечной заверительной надписью, сколько в книге содержится актов а в реестре – статей, в местный нотариальный архив (эти заверительные записи проверялись старшими нотариусами, которые свидетельствовали их правильность своими подписями) (ст. 28, 30, 31, 34, 35). И кроме того, книги нотариусов для записи сборов подлежали периодическому представлению на ревизию согласно общим правилам о счетоводстве и отчетности по доходам казны (ст. 36).

По смерти нотариуса, увольнении его от службы или удалении от должности его книги, реестры, акты и печать подлежали в самое короткое время

изъятию (это возлагалось на местного мирового судью) и сдаче при описи в нотариальный архив, причем печать для невозможности дальнейшего пользования ею в предупреждение злоупотреблений в этом случае надпиливалась крестообразно (а если нотариус отстранялся от службы лишь временно, — например, если он нарушил правило при необходимости экстренной отлучки обязательно представить кандидатуру благонадежного лица вместо себя для временного исполнения должности, — то печать в этом случае не подпиливалась) (ст. 41).

Образец предписания председателя окружного суда об отобрании у нотариуса по случаю его удаления от службы печати, актов и реестров:

«Господину мировому судье участка г. (*название города*).

По случаю увольнения от должности нотариуса г. (*название города*) (*имярек*), имеющего контору в г. на улице, на основании 1162 ст. Т. II Ч. I Св. зак. изд. 1876 г. имею честь покорнейше просить Ваше Высочородие отобрать от г. книги его, реестры, акты и печать.

Председатель (*имярек*)».

Вторая глава Положения целиком была посвящена организации нотариальных архивов. (Какое практическое значение приобретал этот вопрос, полагаем, говорить совершенно излишне.)

Нотариальный архив учреждался под заведованием старшего нотариуса при каждом окружном суде для организации хранения в нем крепостных, запретительных и разрешительных книг¹, а также книг реестров, актов, документов, печатей и подписей как самих нотариусов, так и замещающих их лиц для разрешения различных недоразумений и споров, могущих возникнуть в дальнейшем в связи с совершенными и засвидетельствованными нотариусом актами и вообще для всякого рода справок.

Старший нотариус, заведая архивом — учреждением государственным, в связи с этим не просто считался состоящим на государственной службе, но и относительно порядка определения на должность и увольнения, а также размеров денежного содержания и прочих сопряженных со службой прав и преимуществ приравнивался к членам окружного суда, а временно замещать его в случае болезни или отлучки также поручалось секретарю или одному из чиновников окружного суда.

Особый статус старшего нотариуса подчеркивался и иным рисунком присвоенной ему печати — с изображением губернского герба и надписью вокруг: «... (*такого-то губернского*) Нотариального Архива», и необходимостью отсылать оттиск его печати и образчик его подписи для сличения во все другие нотариальные архивы и в Сенатскую типографию (ст. 45, 46).

На обязанности старшего нотариуса лежало вести в пределах «своего» судебного округа, прежде всего, сами крепостные книги и справочные кни-

¹ Справочные книги о наличии и снятии различных ограничений на переход прав собственности на объекты недвижимости.

ги о наличии и снятии различных ограничений на переход прав собственности на объекты недвижимости, а также реестр крепостных дел и указатели к ним, реестр выдаваемых им выписей и копий из актовых и крепостных книг, книгу для записи собираемых им пошлин и, наконец, журнал о всех производящихся у него делах.

Крепостные книги состояли из текстуально занесенных в них в хронологической последовательности всех утвержденных старшим нотариусом актов, относящихся до недвижимых имуществ. Крепостные книги и носившие справочный характер по отношению к ним и служившие для быстрого нахождения конкретного акта реестры крепостных дел должны были вестись особо для каждого уезда и каждого города в пределах судебного округа (а для более значительных городов особые книги допускалось вести по каждой городской части). Также носившие справочный характер реестры выписей и копий изготавливались и должны были вестись по правилам, установленным для нотариусов.

В реестре крепостных дел, составляемом по форме, утвержденной министром юстиции, для каждого отдельного недвижимого имущества выделялся особый лист, на котором указывались: название или номер имущества и имя собственника, запись об утверждении акта с отметкой о датах утверждения и непосредственно ввода во владение и номера и страницы данного акта в крепостной книге, также сведения об имевшихся ограничениях права собственности с отметкой даты их установления и прекращения и указанием номеров соответствующих страниц по крепостным или запретительным и разрешительным книгам¹.

К каждому реестру крепостных дел полагалось составлять три алфавитных указателя: имений и вообще недвижимых имуществ (городские имущества должны были записываться по их регистрационным номерам, присвоенным городом), собственников и, наконец, лиц и учреждений, в пользу которых имелись ограничения права собственности.

Книги для записи взимаемых пошлин должны были вестись по общим правилам счетоводства и отчетности по доходам казны (ст. 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54).

Третья глава общих положений посвящалась ответственности нотариусов и старших нотариусов и организации надзора за их деятельностью.

Надзор за нотариусами и старшими нотариусами велся по общим правилам, установленным для судебных учреждений. Это среди прочего означало, что книги и дела нотариусов и тех, кто в данный момент исполнял их обязанности, могли быть во всякое время освидетельствованы по решению председателя соответствующего окружного суда, а за упущения по службе и злоупотребления нотариусы и старшие нотариусы подлежали ответственности по тем же статьям (ст. 249–250 и 261–292 Учреждения судебных уставов, ст. 261–296 Уложения о наказаниях и ст. 10656–1123 Устава уголовного

¹ При этом листы реестра крепостных дел, на которых записаны имения, впоследствии соединенные в одно, обязательно должны были содержать отсылку к номеру страницы, на которую перенесено имущество в его новом составе — и то же правило оформления соблюдалось в случае раздела имения вследствие выдела или отчуждения участков.

судопроизводства), которые были установлены для судебных чиновников¹ (ст. 57, 58, 59).

Жалобы на действия нотариусов и старших нотариусов и на отказ в выполнении ими нотариальных действий можно было подавать в двухнедельный срок в тот окружной суд, которому они были подведомственны, и при этом окружной суд мог разрешить их по собственному усмотрению или назначить для рассмотрения жалобы особое заседание с участием уведомленного об этом не позднее чем за неделю второго участника сделки. В свою очередь, постановления окружных судов могли быть в тот же срок обжалованы в судебной палате соответствующего округа. Если совершенное нотариусом нотариальное действие, которое обжалуется, было утверждено судом, то и для его опротестования должен был быть предъявлен иск в тот же суд.

Иск о возмещении за причиненные действиями нотариуса материальные убытки также следовало подавать в тот окружной суд, при котором состоял данный нотариус (ст. 60–64).

Второй раздел Положения о нотариальной части в первой главе был посвящен рассмотрению собственно круга и самого порядка совершения нотариальных действий и во второй главе — тому, каким порядком должно идти совершение самих нотариальных актов и осуществляться выдача выписей из актовых книг и копий актов.

¹ Несколько слов об этом подробнее. Уложение о наказаниях предусматривало три вида упущений (= нарушений) нотариусами обязанностей:

- совершение по неосмотрительности акта от имени лиц, не имеющих по закону права на участие в нем (купли-продажи, залога, раздела или иного действия);
- совершение акта без удостоверения тождества и точной воли лица или удостоверение по небрежности, невниманию нотариуса на данных, которые не могут служить доказательством чьей-либо самоличности;
- участие нотариуса в противозаконной продаже имущества, состоящего под запрещением, опекой или в секвестре, при наличии неосмотрительности нотариуса или неполноты справок.

К злоупотреблениям предоставленными полномочиями, за которые наступала уголовная ответственность, относились:

- сознательное и по злому умыслу совершение нотариусом акта без узаконенного числа свидетелей, а равно без оговорки пробелов, поправок;
- совершение, свидетельствование, утверждение подложных сделок и сделок, вынужденных насилием и обманом;
- сокрытие нотариусом факта отсутствия у стороны права на совершение нотариального акта;
- сокрытие им существующего на имуществе законного запрещения отчуждения и необъявление о том покупателю;
- совершение им от чьего-либо имени заведомо подложных крепостей или заочное совершение актов от имени отсутствующих лиц без надлежащей на то доверенности, равно как и от имени лиц вымышленных;
- совершение актов задним числом;
- сокрытие, истребление или заведомая порча книги актов.

За неисполнение нотариусом возложенных на него обязанностей по его неосмотрительности, небрежности или невниманию, как правило в соответствии с судебным приговором наступало отстранение от должности с запрещением занимать последнюю в будущем, за злоупотребление предоставленными полномочиями — арест и заключение в тюрьму на означенные в соответствующих статьях сроки и, опять-таки в соответствии с ними, с полным или частичным лишением прав состояния.

Круг действий нотариусов заключался: 1) в совершении для желающих всякого рода актов (кроме особо оговоренных законом), 2) в выдаче выписей из актовых книг и копий актов, 3) в засвидетельствовании явки актов, 4) в совершении протестов и 5) в принятии на хранение от частных лиц документов (ст. 65)¹.

Сами акты могли быть совершены, на усмотрение сторон, одним из двух возможных порядков: т. н. домашним и явочным или нотариальным; но надо сказать, что акты на недвижимое имущество всегда должны были совершаться только одним порядком, а именно нотариальным (и не просто нотариальным, а т. н. крепостным) (ст. 66)².

Желающие совершить акт должны были или объявить нотариусу о содержании и условиях предполагаемого акта или представить уже готовый проект (при этом акты, совершение которых или прямо запрещалось законом, или те, в содержании и условиях которых находилось что-либо расходящееся с законом, не должны были приниматься нотариусом к совершению) (ст. 90).

Выслушав высказанные заявителями условия или прочтя заготовленный ими проект акта, нотариус был обязан допросить их, чтобы убедиться, действительно ли они желают совершить его по доброй воле и адекватно ли понимают его смысл и значение (поэтому при совершении акта с участием лица, недостаточно знающего русский язык, требовалось обязательное участие переводчика) (ст. 88, 89, 91).

Далее в обязанности нотариуса входило подготовить проект акта, в котором вслед за указанием даты составления акта, фамилии, имени и отчества своих и свидетелей и изложением способа удостоверения т. н. «самоличности» участвующих в акте лиц и свидетелей (т. е. их идентификации именно как тех самых лиц) излагалось само содержание акта и определялось, кому следовало выдать его выписи из актовых книг (ст. 92).

В составляемом проекте также должно было быть с точностью упомянуто о всех представленных для совершения акта документах — доверенностях, свидетельствах самоличности и т. п. — с указанием, представлены они в подлинниках или в копиях³ (ст. 93, 94).

Составленный им проект нотариус затем зачитывал сторонам и объявлял сумму следуемых с них по закону пошлин и сборов. Далее, после того

¹ При этом сила нотариальных актов определялась на основании Устава гражданского судопроизводства от 20 ноября 1864 г. (ПСЗ-З. Т. 39. № 41477), а засвидетельствование актов производилось на основании и в порядке, установленном ст. 1534, 2036 и 2056 Т. X. Ч. I Свода законов гражданских.

² Прежде всего, проводилось то терминологическое различие, что акты, совершаемые нотариусом, именовались нотариальными (или явочными), а акты, в последующем еще и утвержденные старшим нотариусом, — крепостными (о совершении им каждого акта, при котором его участие было по закону обязательно, старший нотариус для порядка еще и обязан был уведомить старшего нотариуса того судебного округа, в котором располагалось недвижимое имущество) (ст. 79, 80).

³ Сами эти документы или засвидетельствованные их копии должны были после этого также храниться у нотариуса с обозначением на них года, месяца, числа и номера того акта, к которому они относятся.

как стороны изъявляли свое согласие и с оглашенным текстом, и с уплатой названной суммы, проект вносился в актовую книгу и после внесения снова зачитывался сторонам или прочитывался ими самими в присутствии свидетелей, и по прочтении текст акта подписывался в актовой книге участвовавшими в его совершении, затем свидетелями и, наконец, самим нотариусом¹ (ст. 96 и 104–113).

Очень важное место в ряду других моментов процедуры закон отводил формальному удостоверению т. н. самоличности участников акта и полной добровольности участия в его совершении².

Об удостоверении самоличности обязательно должно было быть указано в тексте акта или засвидетельствования, и когда нотариусу были лично известны сразу обе стороны, все обстояло очень просто. Самоличность лиц, участвующих в совершении акта, но при этом самому нотариусу лично не известных, должна была быть удостоверена двумя лично ему известными заслуживающими доверия свидетелями (закон в этом случае признавал и родственников участников акта или лиц, находившихся у них в услужении), а при невозможности удостовериться в самоличности кого-либо из участников описанным способом нотариус должен был обязательно указать об этом с обозначением, какие альтернативные способы установления самоличности были им использованы (ст. 73, 74).

Наряду с установлением самоличности самих участвующих в совершении акта сторон или их поверенных нотариус обязан был удостовериться также и в их правоспособности — «имеют ли те, от имени и на имя которых акт следует совершить, законную правоспособность» (ст. 83).

При совершении каждого акта, приобретающего в дальнейшем статус и силу нотариального, было обязательно присутствие двух свидетелей (они же могли удостоверять и самоличность совершающих акт), а при совершении купчих на недвижимое имущество, как актов более высокого значения, требовались три свидетеля.

Свидетелями при совершении актов могли выступать только совершеннолетние, грамотные и известные нотариусу лично или «по достоверному о них засвидетельствованию», то есть на основании не вызывающего сомнения в подлинности документа или свидетельства, заслуживающего полного доверия лица.

¹ Лица, которые пожелали вторично заслушать или прочесть акт без свидетелей, обязаны были при подписании акта объявить свидетелям, что он ими прочитан, о чем следовало упомянуть в конце акта, а в случае, если в составлении акта участвовал слепой, глухой, немой или глухонемой, присутствие свидетелей в ходе всей церемонии независимо от желания сторон было обязательным, а при совершении акта от имени или на имя глухого или глухонемого и вдобавок еще и неграмотного, обязательно было приглашение еще и лица, которому он доверял и которое могло донести до него смысл акта знаками — причем нотариус должен был удостовериться и в том, точно ли глухой понимает делаемые ему знаки. (Допускалось, чтобы такое лицо состояло в родстве с глухим, но во всем остальном должно было удовлетворять требованиям к свидетелям.) Совершающий акт при невозможности подписать его по неграмотности или другим причинам мог поручить подпись за себя другому лицу, о чем обязательно удостоверилось в подписях свидетелей.

² Совершенно понятно, почему — поскольку отсутствие одного либо другого в дальнейшем могло стать решающим основанием для опротестования акта и признания его ничтожным по силе.

Под угрозой лишения совершенного акта силы нотариального свидетелями не могли выступать лица слепые, глухие, немые, а также явные сумасшедшие (и даже лица психически, как выразились бы сегодня, «неадекватные»); лица, не знающие достаточно русского языка; лица, лишенные прав состояния или подвергавшиеся таким наказаниям, с которыми сопряжено лишение права выступать свидетелем; лица, в пользу которых в самом акте делаются какие-либо распоряжения; и, наконец, лица, состоящие с участниками сделки или самим нотариусом в степенях родства или свойства и любые лица, служащие в конторе нотариуса, и прислуга таких лиц (ст. 84–87).

Надо также в этой связи особо сказать и о том, что нотариусу в видах изживания коррупции прямо запрещалось совершать акты или засвидетельствования от имени и на имя его самого, его жены и всех их родственников без ограничения степеней родства (родство в боковых линиях и свойство ограничивались тремя-четырьмя степенями), а также лиц, усыновленных или состоящих у них под опекой. Такие акты считались недействительными, и также недействительными считались содержащиеся в совершенных актах или засвидетельствованиях отдельные распоряжения в пользу самого нотариуса и всех его родственников и свойственников (ст. 75, 76).

Акты и засвидетельствования, для которых были установлены законом особые правила и формы¹, должны были быть составлены с их точным соблюдением (ст. 77), но и независимо от этого во всех вообще совершаемых нотариусом актах и засвидетельствованиях обязательно должны были быть обозначены: год, месяц и число (а когда требуется, и час) совершения акта; имя, отчество, фамилия и местожительство нотариуса и его подпись, а на выдаваемых нотариусом выписях, копиях и засвидетельствованиях — стоять его печать, время выдачи и номер, под которыми они записаны в реестре.

Выписи, копии и засвидетельствования, написанные на нескольких листах, должны были быть во избежание подлогов прошнурованы и постранично пронумерованы и скреплены нотариусом по листам.

Сами акты должны были быть написаны четко, а все внесенные в них суммы, числа, номера и сроки во избежание позднейших недоразумений и в затруднение подлога должны были быть хоть раз обозначены прописью, и в тех же целях все пробелы должны были быть прочеркнуты, ошибочно или излишне вписанное перечеркнуто тонкой чертою, и все поправки, приписки и сокращения должны были быть оговорены в конце акта и удостоверены подписями участвовавших в его совершении лиц. Несоблюдение этих условий, как и подчистки, лишали акт силы нотариального, а если устанавливалось, что подчистка была допущена по вине самого нотариуса, это могло дать основание для придания его суду (ст. 99–103).

Закон предписывал составлять все акты на русском языке и на российские единицы меры, веса и монету — с переводом на них, если по желанию сторон акт заключался на монету и единицы меры и веса иностранные (при этом подписи на актах и засвидетельствованиях самих получающих их лиц, а также их расписки в получении выписей, копий или засвидетельствований, учитывая многонациональность страны, позволялось ставить и не на русском языке, но в этом случае с обязательным переводом на русский; и также подписи под актом, составленным на иностранном языке, также обязательно расшифровывались по-русски)² (ст. 67–71, 97, 98).

Выпись из актовой книги (кроме тех оговоренных случаев, когда по закону требовалось предоставление именно подлинного акта) признавалась равносильной подлиннику. Поэтому выписи совершенных актов выдавались нотариусом только тем лицам, которым было предоставлено право на

¹ Т. н. акты о состояниях, а также служебные, межевые и о найме рекрутов подлежали составлению по особым правилам, изложенным в соответствующих разделах Свода Законов. И то же касалось совершения и засвидетельствования духовных завещаний (для них были оставлены в силе действующие узаконения) и сделок и договоров, являемых в волостных правлениях и совершаемых на основании ст. 19 общего Положения о крестьянах от 19 февраля 1861 г. и дополнительных постановлений к нему, а также заключаемых на основе его и Положения о губернских и уездных учреждениях по крестьянским делам между помещиками и временнообязанными крестьянами (в течение определенного для этого состояния 20-летнего промежутка 1861–1881), и, наконец, сделок и договоров лиц, состоявших под карантинным надзором согласно высочайше утвержденному 1 марта 1866 г. Уставу о карантинах (ст. 81).

² При этом перевод подписи не на русском языке удостоверялся или самим нотариусом, или, при незнании этого языка, знающим его и притом лично известным нотариусу третьим лицом — и в этом случае нотариус удостоверял уже подпись этого переводчика.

их получение в тексте самих актов, а также их поверенным, либо наследникам и правопреемникам, которые смогут предъявить достаточные по закону доказательства, а всем остальным выписи выдавались не иначе как по решению суда. Вторичные выписи (дубликаты) дозволялось выдавать не иначе как по требованию лиц, в самом акте определенных. По актам, выписи которых была выдана только одной стороне, вторичные выписи могли выдаваться не иначе как с согласия другой стороны или по определению суда, выслушавшего эту сторону. В выписи, выданной по решению суда, это обязательно должно было быть оговорено (ст. 115–121).

Равным образом и по тем же причинам строгие правила существовали и в отношении выдачи копий с выписей – их нотариус также не имел права выдавать никому, кроме самих участников акта и их законных поверенных, наследников и правопреемников (ст. 122).

Выдача каждой выписи или копии обязательно должна была отмечаться в актовой книге с указанием, кому она выдана, а лица, получающие выписи или копии, должны были дать в реестре нотариуса расписку в получении (ст. 126, 127).

Нотариусы не имели права допускать никого постороннего к справкам об актах, внесенных в нотариальные книги. За двумя исключениями: чиновники судебного ведомства для получения справок в связи с находящимися у них в производстве делами и для частных лиц по обоюдному согласию на то сторон, или когда получение справки необходимо по решению суда (ст. 123, 124).

Третья глава второго раздела трактовала порядок совершения засвидетельствования верности и подлинности документов и некоторых других нотариальных действий.

Нотариусы были наделены правом по желанию обращающихся к ним лиц свидетельствовать целый перечень документов и обстоятельств: подлинность подписей; предъявленных им договоров, заемных обязательств (последних – по их написанию и по наступлении их срока (согласно Ч. 1. ст. 2036 и ст. 2056 Т. X Свода законов)); разного рода протестов; прошений и мировых и третейских записей (согласно ст. 1559, 1564 и 1574 Устава гражданского судопроизводства); верность копий с документов; заявление объяснений от одной стороны другой; а также время предъявления документов у нотариуса; и, наконец, нахождение конкретного лица на данный момент времени в живых.

Нотариусам разрешалось принимать к свидетельствованию с внесением в актовую книгу самые разнообразные документы, если они были почему-либо важны для обратившихся за этим лиц, с единственной оговоркой: лишь бы эти документы своим содержанием «не противоречили закону». И в этом случае отметка нотариуса на возвращаемой предъявителю бумаге должна была быть только о том, что она в такой-то день была по желанию предъявителя внесена в актовую книгу (ст. 137, 138).

Засвидетельствование явки актов – заемных обязательств, договоров и разного рода протестов – должно было делаться нотариусом на самом

акте с обозначением лиц, его предъявивших (при засвидетельствовании явки актов нотариусы были обязаны удостовериться в «самоличности» и правоспособности участвующих в процедуре засвидетельствования сторон по правилам ст. 72–74, 83 и 89 Положения, а при самом совершении засвидетельствований – руководствоваться правилами, изложенными в ст. 90, 99–101 и 105, а сами засвидетельствования обозначать в реестрах обычным порядком, указанным в ст. 28. При протесте векселей нотариусы должны были руководствоваться правилами, изложенными в ст. 129–131 Устава вексельного) (ст. 146, 147).

При засвидетельствовании подлинности подписей для правомерности самого засвидетельствования требовалось, чтобы подписи или были сделаны в присутствии нотариуса, или же в его присутствии признаны подписавшимися лицами своими; «самоличность» лиц, чьи подписи свидетельствовались, но сами они нотариусу лично не были известны, должна была быть удостоверена в соответствии с порядком, изложенным в ст. 72 и 75 Положения, а запись о засвидетельствовании подписей исполнялась на самом подписываемом документе (ст. 133–135).

При засвидетельствовании верности копий с представленных нотариусу документов он был обязан сличить копию с подлинником и в засвидетельствовании оговорить, кем был ему предъявлен документ, с которого снята копия, снята ли она непосредственно с подлинника или же с другой копии и не было ли в подлиннике или первоначальной копии подчисток, приписок, зачеркнутых слов либо еще каких-либо особенностей (ст. 132).

Засвидетельствование времени предъявления документов делалось также на самом документе с обозначением предъявивших его лиц (ст. 136).

Для засвидетельствования самого факта нахождения конкретного лица на такой-то момент в живых нотариус обязан был сперва убедиться в том, что запрашиваемое лицо действительно находится на этот момент в живых, а когда само лицо было ему лично неизвестно, удостовериться в его «самоличности» по правилам, изложенным в ст. 73–74. В самом тексте засвидетельствования должны были быть обозначены время и способ, которым нотариус удостоверился в «самоличности» лица, чье нахождение в живых он свидетельствовал (ст. 139, 140).

Нотариусам дозволялось принимать на себя в некоторых важных случаях поручение о том, чтобы официально сделать от чьего-либо имени устное заявление другому лицу, чтобы, во-первых, повесить его весомость, и во-вторых, придать ему качество бесспорного факта. (Наиболее частыми на практике примерами было «транслирование» подобным образом заявления домовладельца жильцу об отказе ему от квартиры и от кредитора должнику с требованием погасить долг.)

Если сами просьба и содержание заявления не противоречили закону, нотариус, во-первых, не имел права отказывать в том, чтобы сделать такое заявление, и во-вторых, должен был выдать по просьбе уполномочившей его стороны только ей либо обеим сторонам письменное подтверждение, что такое заявление было сделано, с указанием даты и содержания заявления (либо же нотариус обязан был выдать уполномочившей его стороне

удостоверение другого содержания — об отлучке лица, которому следовало сделать заявление, или о его отказе принять нотариуса) (ст. 141–145).

Нотариусам дозволялось принимать по желанию клиентов на ответственное хранение у себя в конторе документы, письма и другие почемудлибо важные для них бумаги. Обычный порядок состоял в том, чтобы принимать их обязательно при свидетелях (хотя бы сами бумаги сдавались в запечатанных пакетах) и выдавать расписку в принятии документов за подписью своей и бывших при сем свидетелей, и, наконец, сделать запись о том в своем реестре (ст. 148, 149). (При этом для того, чтобы по желанию клиента еще больше приподнять статус мероприятия, нотариусу разрешалось вместо выдачи расписки совершить нотариальным порядком особый акт о приемке документа с изложением в нем содержания документа, а если документ был передан в запечатанном виде — с описанием внешнего вида пакета и печатей (ст. 150)).

Возврат документов клиентам совершался не иначе как по предъявлению расписки или выписи или по судебному определению, получатель документа должен был опять при двух свидетелях расписаться в реестре нотариуса, а лично неизвестный нотариусу предъявитель расписки или выписи кроме того должен был еще и представить законное доказательство на право получения документа (ст. 151–153).

Третий раздел Положения был посвящен изложению круга и порядка действий старших нотариусов. При внимательном его прочтении становится ясно, что старшие нотариусы, в сущности, в полной мере не принадлежали к корпоративной организации частнопрактикующего независимого нотариата. Они не являлись частнопрактикующими нотариусами, и потому их нельзя было рассматривать ни как старших членов корпорации, ни как каких-то поставленных начальников над «просто» нотариусами¹, а в равной мере это была карьерная² должность по министерству юстиции. В отличие

¹ Практически по всем вопросам, касающимся служебной деятельности, нотариусы сносились не со старшим нотариусом, а напрямую с председателем окружного суда, так что устройство органов судебной системы не предусматривало в этом смысле никаких промежуточных звеньев служебной иерархии, а решения и постановления председателей окружного суда общались старшим нотариусам лишь для сведения и для дальнейшего принятия некоторых надлежащих мер по его части, к примеру по получении известия о том, что принято решение временно отстранить того или другого нотариуса от исполнения должностных обязанностей. Пределы же, если так можно выразиться, дисциплинарной власти старших нотариусов в отношении «просто» нотариусов ограничивались тем, что они могли, сославшись на какие-то допущенные нарушения, не утвердить совершенные нотариальным порядком акты на недвижимость. И, наконец, старшие нотариусы наряду с председателями и прокурорами окружного суда входили в состав квалификационных комиссий, проводивших испытания претендентов на занятие должности нотариусов.

² Слово «карьерная» мы употребили потому, что, судя по некоторым косвенным признакам, временное пребывание на ней могло становиться ступенькой расчетливо «выстраиваемой» карьеры по судебному ведомству. Одним из таких признаков выступала высокая «текучесть кадров» на должности старшего нотариуса во многих окружных судах, и в том числе в Московском. В частности, в Москве старшие нотариусы и их помощники менялись в среднем каждые несколько лет — факт сам по себе любопытный и пока что еще не получивший достаточного обоснования. Хотя, по идее, за подобное и престижное, и неплохо оплачиваемое место во втором столичном городе они должны были держаться изо всех сил.

от «простых» нотариусов старшие нотариусы состояли на государственной службе и в отношении служебных прав и преимуществ и порядка определения и увольнения с должности были приравнены к членам окружных судов, а также и временное исполнение обязанностей старших нотариусов в случае их отпуска, болезни или отлучки поручалось обычно секретарю окружного суда или его помощнику. Так что «старший нотариус» было просто наименованием должности, которое, не исключено, утвердили потому, что просто не смогли подобрать лучшего.

На старшего нотариуса возлагались, прежде всего, две важные функции. Одна собственно по архивной части — заведование нотариальным архивом губернии¹. И вторая, непосредственно соприкасавшаяся со сферой гражданского оборота, состояла в утверждении всех нотариальных актов о недвижимых имуществах, находящихся во всех губерниях судебного округа, при котором состоял данный нотариальный архив², а также в выдаче по просьбе частных лиц выписей из хранящихся в нем актов книг, копий с нотариальных актов и принадлежащих к ним документов и в возвращении клиентам переданных в архив на хранение документов — аналогично со всеми практикующими нотариусами и по общим с ними правилам.

Самое главное и центральное по значимости в функциях старших нотариусов — только после этого, с точки зрения закона, собственно, и наступали официальный переход прав на недвижимое имущество и введение в права нового собственника, и это же сообщало нотариально совершенным актам новое и важное по закону качество, поднимавшее их на самую высшую ступень, — превращало их в *крепостные* акты. Все совершенные крепостным порядком сделки являлись бесспорными, а при соблюдении всех правил о вводе во владение сделка признавалась и бесповоротной, а ее принудительное исполнение осуществляли административные органы.

Таким образом, мы можем констатировать, что в России возникли как бы две частично обособленные друг от друга части нотариального делопроизводства, это — крепостная и собственно нотариальная части.

Особое внимание государство уделяло крепостной части, и это определялось признанием особой важности актов о поземельной собственности, определявших отношения не только частных лиц между собой, но также, по сложившейся исторической традиции, в немалой степени и отношении их к государству. (Как и почему это сложилось, на этих страни-

Если говорить о Москве, отмечен один случай, когда старший нотариус до того, как стать им, некоторое время успел поработать практикующим нотариусом (Л. И. Малицкий), и один, когда помощник нотариуса «вырос» до старшего нотариуса (Г. Л. Мюленталь). Но чаще бывало так, что и старшие нотариусы, и их помощники откуда-то «вдруг возникали» на своих должностях и через несколько лет так же куда-то «пропадали».

¹ По первой, собственно архивной части их функций на старших нотариусов возлагалось наблюдение за сохранностью и содержанием в порядке документов нотариального архива губернии и ведение регламентированного справочного аппарата к документам в виде реестров крепостных дел и указателей, а при пополнении архива в их функции также входила проверка состояния сдаваемых нотариусами в архив актов книг, реестров и приложений к ним на предмет соответствия установленным требованиям.

² Ст. 154–158.

цах нет возможности подробно говорить и следует лишь зафиксировать как данность.)

Старшим нотариусам поручалось утверждать следующие виды таких актов: купчие крепости; дарственные и т.н. рядные и отдельные записи; раздельные акты, по которым прежде общее имущество переходило к отдельным собственникам; мировые сделки, по условиям которых одна сторона уступала другой какие-либо права собственности.

Основные требования к совершению сделок сохранились теми же, что и в крепостных экспедициях: стороны были обязаны представить в доказательство самоличности справку полиции о принадлежности отчуждаемого имущества продавцу (и в доказательство такой принадлежности) — справку органа местного самоуправления или акт укрепления, а по своду запрещений, находившемуся здесь же, устанавливалось наличие на отчуждаемом имуществе запрещений и обременений. Далее по процедуре для утверждения нотариального акта выписи из актовой книги должна была быть представлена старшему нотариусу того судебного округа, где находилось само имущество, в течение одного года либо самими участниками сделки лично, либо по их поручению одним из местных нотариусов того города, в котором располагался нотариальный архив, либо, наконец, через поверенного. (Пересылка выписей в архив по почте не дозволялась.)¹

По предъявлении выписи старший нотариус делал запись об этом в своем журнале с указанием даты и предъявившего ее лица. Подлинность предъявленной выписи устанавливалась сличением с хранящимися в каждом архиве образцами подписей и слепками печатей всех нотариусов, а подлинность выписи, вышедшей из другого судебного округа, дополнительно должна была быть удостоверена старшим нотариусом этого округа (ст. 164–166).

При утверждении выписи старший нотариус был обязан убедиться в том, что, во-первых, само совершение данного акта не противоречит текущему законодательству, и во-вторых, что фигурирующее в выписи имущество действительно принадлежит стороне, соглашающейся на отчуждение или ограничение прав собственности. Для удостоверения принадлежности имущества он обязан был навести справки по самим крепостным, запретительным и разрешительным книгам на основе реестров крепостных дел и указателей, а если и на основе их сведений оставались некоторые сомнения — потребовать других законных доказательств принадлежности имущества.

Удостоверившись в том, что выпись оформлена, как того требует закон, старший нотариус взимал в казну еще остававшуюся часть всех следующих пошлин и после этого делал надпись об утверждении на самой выписи и отметку в реестре крепостных дел. После этого выпись со всеми приложениями к ней оставалась на хранении в нотариальном архиве, а взамен нее старший нотариус выдавал сторонам имевший ту же силу ее дубликат, сделанный им самим по общим правилам выдачи выписей из актовых книг (ст. 168–171).

¹ Ст. 161, 163.

Если с точки зрения старшего нотариуса к утверждению акта крепостным порядком имелись какие-либо препятствия по закону, согласно требованиям процедуры он был обязан объявить об этом предъявившим выпись сторонам и сообщить о том, какие меры следует предпринять к их устранению, сделав о последовавшем отказе с его стороны и о его причинах запись в своем журнале, а по требованию сторон выдать выписку из журнала об отказе также и им, чтобы они могли обратиться с ней в окружной суд (ст. 173–176).

По утверждению акта о переходе прав собственности на недвижимое имущество в реестр крепостных дел вписывались: фамилия, имя, отчество приобретателя (а по его желанию указывались еще и звание и место жительства); род акта, в силу которого перешло право собственности с указанием времени утверждения данного акта и страницы его в крепостной книге (ст. 177). (Акты, ограничивающие право собственности, по их утверждении старшим нотариусом также отмечались в реестре крепостных дел.)

После внесения в реестр на обязанности старшего нотариуса лежало технически организовать оглашение удостоверенного им акта через помещение установленным порядком объявления в «Сенатских Объявлениях»¹ и направить копии его в гражданскую палату и уездный суд по месту нахождения имущества (ст. 179, 180).

Также в логической связи с утверждением актов на недвижимые имущества в обязанности старших нотариусов входило утверждение актов и внесение в реестр крепостных дел отметок об ограничениях права собственности на недвижимые имущества, состоящие в обременении (в залоге) и в сделанной собственником уступке в пользу какого-то другого лица, либо имущества, прав пожизненного владения данным имуществом, пользования им, либо, наконец, права выкупа угодий, повинностей, сервитутов (согласно ст. 432–433 Ч. I. Т. X Законов гражданских) и о запрещении в праве отчуждать имущество (ст. 159).

В то же время отметки в реестре крепостных дел об ограничениях прав собственности на отчуждаемое недвижимое имущество, если ограничение не состояло в прямом запрещении, не могли становиться препятствием к утверждению акта о переходе прав собственности (ст. 182).

Если все последующие акты об ограничении права собственности не задевали этим прав тех лиц, в пользу которых уже имелись ограничения, то формального согласия этих лиц на утверждение таких актов и на их внесение в реестр крепостных дел по закону не требовалось (ст. 183).

При внесении в реестр крепостных дел отметок по актам, ограничивающим право собственности, и по запрещением обязательно требовалось указывать: род устанавливаемого обеспечения и его сумму (если она была определена), год, месяц и число, когда состоялся об этом акт, и его номер и страницу в крепостной книге. Акты, в которых не было обозначено с точностью, в чем именно состояло ограничение права собственности, к утверждению не должны были приниматься (ст. 184, 186).

¹ О времени совершения ввода во владение имением старший нотариус по получении уведомления от судебного пристава или мирового судьи также обязан был сообщить в сенатскую типографию — на основании требований ст. 1431 Устава гражданского судопроизводства.

Кроме того, в реестрах крепостных дел должны были отмечаться совершенные и утвержденные акты об обращении имущества в заповедное и данные об имуществах, проданных с публичных торгов (ст. 181).

Уничтожение отметок в реестре о залоге и других ограничениях могло произойти или вследствие прекращения действия их (т. н. разрешительных статей), или по решению суда, или с согласия того лица, в чью пользу отмечены в реестре залог или другие ограничения (об уничтожении этих отметок старший нотариус делал отметку в своем журнале и в реестре крепостных дел — в последнем указывая год, месяц и число уничтожения запрещения и тот акт или решение суда, которые явились для этого основанием, а самый акт вносился в крепостную книгу) (ст. 187, 188).

Все отметки в реестре о залогах и других существующих обременениях на недвижимом имуществе в случае его продажи с публичных торгов уничтожались (за исключением тех, что переходили на нового собственника) (ст. 189).

По запросам собственников старшие нотариусы были обязаны выдавать им за своей подписью и печатью выписи из крепостной книги и реестра крепостных дел о всех без изъятия содержащихся в них сведениях об их имуществе (также и все лица, в пользу которых в реестре крепостных дел содержались отметки об имеющихся в их пользу ограничениях и запрещениях на чьем-либо имуществе, имели право получить аналогичные справки и выписи. Но посторонние лица допускались к ним не иначе как по согласию собственника или в порядке, определенном ст. 122–124 Положения о нотариальной части) (ст. 190–192).

Раздел четвертый Положения целиком был посвящен т. н. нотариальным издержкам (в главе второй говорилось о сборах с актов, носивших по смыслу характер казенных пошлин, в главе третьей — местных сборов и, наконец, в главе четвертой — о плате собственно нотариусам за совершение ими нотариальных действий).

В состав нотариальных издержек входили: казенные пошлины с актов (государственный налог), сбор за совершение нотариальных актов по месту их совершения (местный налог), плата самим нотариусам за совершение актов засвидетельствований и выдачу выписей и копий и, наконец, плата за выписи и копии, выдаваемые из нотариальных архивов, и за выдачу выписок и справок из крепостных дел и реестров крепостных дел. В общем случае все нотариальные издержки обе стороны несли поровну (ст. 193, 194).

Для самой выдаваемой нотариусом, старшим нотариусом или заменяющими их лицами выписи должна была употребляться гербовая бумага с ценностью листа, соответствующей сумме акта на основании правил Устава о пошлинах (ст. 133–194 Т. V Свода законов). При этом при выдаче сторонам нескольких выписей на соответствующей гербовой бумаге писалась лишь одна из них, а остальные — на гербовой бумаге самой низшей цены листа (и с указанием цены бумаги и того, кому была выдана «главная» выпись), а выписи из актовых книг, подлежащие затем утверждению у старшего нотариуса, и копии и засвидетельствования, если они писались не на самом акте, сразу выписывались на бумаге самой низшей цены листа (ст. 196–198).

При утверждении любых крепостных актов старшим нотариусом (на основе ст. 442–449 Устава о пошлинах Т. V Свода законов) кроме гербовой взималась еще и особая актовая пошлина – крепостная – в размере по 3 руб. за каждый акт (ст. 199, 200).

Часть взимаемых с нотариальных актов сборов, как уже говорилось, носила характер местных налогов – в доход города, посада, местечка или волости по месту их совершения. Этому сбору не подлежали только те виды документов или договоров, которые освобождались от него по закону (не-торговые доверенности и акты, подлежащие утверждению еще и старшим нотариусом), либо которые уже были оплачены этим сбором. Размер этого сбора определялся в двойную цену листа гербовой бумаги по цене предмета акта (ст. 201–203). С заемных писем, закладных на движимое имущество и с иных всякого рода долговых обязательств взималась при самом совершении или предъявлении к засвидетельствованию только половина сбора, а вторая половина должна была быть уплачена при явке в срок к протесту или при представлении ко взысканию (ст. 204, 205).

Наконец, независимо от всех пошлинных сборов, за всякое совершение нотариусами, старшими нотариусами и замещающими их лицами должностных действий им полагалась плата, которая уплачивалась либо по соглашению нотариуса с обратившимися сторонами, либо по особой таксе, установленной в законодательном порядке по соглашению министерств юстиции, внутренних дел и финансов¹ (ст. 208, 209). (Такса эта получила высочайшее утверждение 27 июня 1867 г. Она получила утверждение как временная, хотя в дальнейшем действовала постоянно.)

За совершение нотариальных актов определено было взимать: за акты ценой не свыше 500 рублей – 2 рубля, до 1 тыс. рублей – 3, свыше 1 тыс. – 4 рубля и сверх того $\frac{1}{10}$ процента (10 коп. со 100 руб.) с цены акта.

За засвидетельствование заемных обязательств, векселей и за совершение протеста их, когда сумма обязательства не превышала 500 рублей – 50 коп. (те же $\frac{1}{10}$ процента), и когда сумма превышала 500 рублей – 1 рубль и сверх того $\frac{1}{10}$ процента с суммы обязательства или векселя.

За засвидетельствование договоров: за акты ценой не свыше 500 рублей – 1 рубль, от 501 до 1 тыс. руб. – 1 рубль 50 коп. и за акты ценой свыше 1 тыс. руб. – 2 рубля и сверх того $\frac{1}{10}$ процента с цены акта.

За совершение и засвидетельствование актов договоров, ценность предмета которых не могла быть точно определена, плата взималась как за акты ценой в 1 тыс. рублей, а если, по сделкам особенно сложным, у нотариуса не состоялось бы соглашения с договаривающимися сторонами о плате за его труд, то для него открывалась возможность получить вознаграждение и в более значительных размерах по решению суда.

За засвидетельствование верности копий положено было взимать по 25 коп. с первого листа и по 10 коп. со всех последующих (считая каждые 25 строк за страницу текста).

¹ ПСЗ-2. Т. 42 (1867 г.). № 44770.

За засвидетельствование подлинности подписей определено было взимать по 10 коп. за подпись.

За совершение или засвидетельствование доверенностей, мировых записей и прошений и третейских записей определено было взимать за 1 лист — 1 рубль, в случае, если документ состоял из нескольких листов — по 1 рублю за первый лист и по 50 коп. за каждый последующий. (За все другие засвидетельствования такса понижалась вдвое, до 50 коп. с первого листа и по 20 коп. с каждого последующего.)

За засвидетельствование времени предъявления документа определено было взимать по 25 коп.

За внесение разных бумаг в актовую книгу — по 2 коп. со строки в актовой книге.

За засвидетельствование нахождения лица на данный момент времени в живых особо оговаривался лишь случай, если это было как-то связано с получением государственных пенсий. В этом случае, если свидетельствуемое лицо получало государственную пенсию в размере до 30 руб. в год, плата взималась в размере 3 коп., если свыше 30 и до 300 руб. — 10 коп., и свыше 300 руб. — 20 коп. Во всех прочих случаях плата была единой и составляла 50 коп.

За совершение официального заявления от одного лица к другому и за выдачу в том удостоверения взималась плата в размере 50 коп.

За включение в удостоверение, обозначенное в ст. 142 Положения о нотариальной части, возражений противной стороны определено было взимать плату в 50 коп.

За принятие на хранение документов, кроме денежных, и разного рода бумаг взималось особо по 25 коп. за каждый документ в месяц, а за запечатанный пакет — по 50 коп. (Плата взималась вперед за шесть месяцев.)

За выдачу справок о времени совершения или засвидетельствования акта и письменное удостоверение о том взималось 25 коп.

За выдачу вторичных и последующих выписей (дубликатов) определено было взимать по 1 коп. с каждой строки.

За действия, совершаемые нотариусом вне его конторы, определено было взимать дополнительно к оговоренной плате по 3 рубля в столицах, 2 в губернских городах и по 1 рублю в уездных городах и уездах.

В дополнение к этому определено было взимать в качестве оплаты самого проезда по 10 коп. за версту за чертой города, а по железным дорогам — стоимость билета второго класса в оба конца пути, а в качестве оплаты самого потраченного времени на поездку — 5 рублей из столиц, 3 рубля из губернских городов и 2 рубля из уездных, если поездка заняла не более суток, а в ином случае указанную плату определено было взимать за каждые сутки, хотя бы и неполные. (И при этом было внесено уточнение, что «прогонные» деньги не включались в общий счет полученного нотариусом вознаграждения (считались отдельно) — и, соответственно, в общую сумму, из которой осуществлялись вычеты для пополнения суммы залога. И что нотариус вправе требовать уплаты их как бы авансом при самом приглашении его совершить то или иное нотариальное действие вне стен его конторы.)

Также было установлено, что если в результате взимания такой платы годовой доход нотариуса в столичном или губернском городе превысит 2400 рублей, а в уездном — половину этой суммы, т. е. 1200 рублей, то одна треть превышения обращается на увеличение представленного им залога, пока сумма этого залога достигнет 25 тыс. рублей для столичных, 15 тыс. для губернских и 10 тыс. для уездных городов (ст. 210).

За полное внесение платы нотариусу отвечал тот, от кого последовало обращение за совершением нотариальных действий; нотариус имел право требовать платы немедленно по совершении действия и не выдавать выписи, копии и засвидетельствования, пока ее не получит (ст. 211, 212).

За совершение акта, который впоследствии не состоялся по независящим причинам, нотариус по закону получал плату, половинную от той, которая полагалась, если бы акт состоялся, а за совершение актов, которые оказывались недействительными по вине ошибки самого нотариуса, и за неправильно совершенные засвидетельствования, выписи и копии нотариус обязан был возвратить внесенную плату независимо от суммы иска по убыткам, когда и если таковой был бы предъявлен (ст. 213, 214).

Споры относительно размеров следуемой нотариусу платы подлежали разрешению в соответствующем окружном суде, который в своем решении учитывал объем совершенной нотариусом работы и количество затраченного труда (ст. 215, 216).

Старшим нотариусам за выдачу из нотариального архива выписей, копий и других бумаг и за приложение к ним печати также полагалась особая плата по тем же правилам и ставкам, которая полагалась за выдачу различных бумаг из окружного суда (ст. 217).

Высочайше утвержденным 14 июля 1867 г. Указом Правительствующего Сената¹ порядок ввода в действие Положения о нотариальной части от 14 апреля 1866 г. был определен следующим.

Положение вводилось в действие во всех местностях, где открывались судебные установления, отреформированные на основании Судебных уставов от 20 ноября 1864 г. общим порядком с ними (т. е. на основании высочайше утвержденного положения от 19 октября 1865 г.²). Определение времени, с которого нотариусы и старшие нотариусы вступали в исполнение своих обязанностей в конкретной местности, отдавалось на усмотрение министерства юстиции, которое обязано было сообщить об этой дате публикацией в Сенатских и местных губернских ведомостях. До этого исполнение всех обязанностей нотариусов возлагалось на местных мировых судей, а работа нотариальных контор и нотариальных архивов строилась на основании составленных Окружными судами наказов, которые при этом должны были руководствоваться ст. 167–171 и 175 Учреждения судебных установлений³, а впредь до их утверждения — на основе распоряжений (временных правил) министра юстиции.

¹ ПСЗ-2. Т. 42 (1867 г.). № 44768.

² ПСЗ-2. Т. 40 (1865 г.). № 42587.

³ ПСЗ-2. Т. 40 (1865 г.). № 41475.

Со дня введения в действие в конкретной местности Положения о нотариальной части все прежние нотариусы и маклеры (кроме биржевых маклеров, гоф-маклеров, биржевых нотариусов, корабельных маклеров и маклеров морского страхования) должны были прекратить дальнейшее исполнение своих обязанностей.

По истечении известного переходного периода – трех месяцев со времени опубликования о введении в действие в конкретной местности Положения о нотариальной части – важнейшая часть актов – об изменении или о переходе владельческих прав на недвижимую собственность – могла совершаться не иначе как на основе Положения о нотариальной части. (При этом купчие крепости на имения, лишь часть которых ко времени совершения сделки оказывалась на территории округа, где Положение о нотариальной части уже было введено в действие, должны были совершаться и утверждаться в данном округе, но с тем, что в реестр крепостных дел вносилась только та часть имения, которая непосредственно находилась в этом округе, при котором состоял и нотариальный архив.)

Акты на недвижимость, совершенные прежним порядком и еще не представленные к процедуре официального ввода во владение, по введении в данной местности Положения о нотариальной части должны были представляться старшему нотариусу по месту нахождения имения для внесения в местную крепостную книгу и для соответствующей отметки в реестре крепостных дел на общих основаниях, но с двумя отличиями: без взимания в данном случае крепостных пошлин, а выпись на имение должна была выдаваться на простой бумаге.

В дальнейшем эти базовые документы (Положение о нотариальной части и указ от 14 июля 1867 г. о порядке его введения в действие) конкретизировались, дополнялись и уточнялись в серии сепаратных законодательных актов, принятых в основном на протяжении 1867–1871 гг., хотя отдельные акты принимались и в последующее время. (Но вместе с тем правомерно утверждать, что в своих принципиальных основах законодательная база нотариата с момента ее принятия и вплоть до революции 1917 г. оставалась неизменной.)

Так, высочайше утвержденным 12 января 1867 г. мнением Государственного Совета¹ было определено, что по закрытии местных установлений крепостных дел (при уездных судах) до введения в действие Положения о нотариальной части исполнение в тех городах, где нет ни нотариусов, ни маклеров, их обязанностей и засвидетельствование неторговых доверенностей возложить на местные уездные полицейские управления.

Высочайше утвержденным 10 апреля 1867 г. сенатским указом² по докладу министра юстиции были утверждены технические правила хранения и пополнения залогов, ведения, хранения и ревизии книг для записи нотариальных сборов и приходования самих денежных сумм.

Относительно залогов, вносимых в связи с отпращиванием должности нотариуса при вступлении в должность, было определено, что денежная

¹ ПСЗ-2. Т. 42 (1867 г.). № 44163.

² ПСЗ-2. Т. 42 (1867 г.). № 41475.

сумма должна вкладываться в особый пакет, на котором надписывается, на какую сумму залог и кому принадлежит, и запечатываться печатью окружного суда, в чем выдается расписка за подписью председателя и скрепой секретаря суда, после чего пакет с залогом до официального введения нотариуса в должность хранится в денежном сундуке в помещении окружного суда, а после подобно другим депозитам передается для дальнейшего хранения в уездное или губернское казначейство.

Вычеты из получаемой нотариусами платы для пополнения суммы залогового депозита до установленной величины должны были делаться самими нотариусами с отметкой о том в книге для записи сборов при ежемесячном заключении книги, сами суммы должны также ежемесячно передаваться в казначейство, квитанции об уплате — направляться в окружной суд, а наблюдение за правильностью вычетов и поступлением самих сумм должны осуществлять чиновники контрольных палат.

Шнуровые книги для записи взимаемых нотариальных сборов должны были изготавливаться за счет самих нотариусов и старших нотариусов и представляться в местную контрольную палату для засвидетельствования и приложения печати. Лица, внесшие сбор, должны были вписывать сумму собственноручно, указав при этом свое имя и фамилию (а за неграмотного это должно было сделать другое лицо по его просьбе — но не сам нотариус или служащие его конторы).

Книги для записи сборов подлежали освидетельствованию ежемесячно в начале каждого месяца. Освидетельствование производил в городах депутат от Думы или ратуши, в местечках и посадах — депутат, выбираемый от местных жителей или чиновник того казенного управления, в ведении которого состояло данное поселение, в селениях — местный сельский староста и сборщик податей при волостном старшине. Книги старших нотариусов свидетельствовало само присутствие их окружного суда¹.

Кроме того, по истечении каждого месяца нотариусы и старшие нотариусы должны были представить в свои контрольные и казенные палаты ведомости по особой форме о собранных ими государственных доходах, а сами суммы поступающих сборов старшие нотариусы обязаны были не менее двух раз в неделю передавать в местные губернские или уездные казначейства (или, в случае особого распоряжения казенных палат, пересылать по почте), отсылая контрольные талоны казначейств в принятии сумм в соответствующий окружной суд. (Если сумма сборов за месяц была менее

¹ К освидетельствованию должны были представляться подлинники книги для записи сборов, актовые и крепостные книги и реестры, а также квитанции о взносе денег в казначейство. В присутствии самого нотариуса проверялось, в целости ли шнуры и печати на книгах, нет ли в них подчисток, приписок и поправок, верны ли по страницам все итоги и переносы сумм, под всеми ли записями о приходе есть надлежащие росписи плательщиков, все ли суммы своевременно записаны и своевременно же внесены, правильно ли производятся вычеты в пополнение суммы залога и в целости ли наличная касса. В случае выявления при очередном просмотре ошибок, которые сами по себе еще не имели признаков наличия злоупотребления, они должны были быть подробно перечислены проверяющим в конце книги, а если такое подозрение возникало или открывался беспорядок в ведении счетов или недостаток в деньгах, об этом составлялся акт и представлялся в местный Окружной суд, а копия — в Контрольную палату.

50 рублей, вносить ее позволялось один раз — в конце месяца). Та часть сборов за совершение нотариальных действий, которая следовала в местные налоги, приходовалась в конце месяца в полной сумме в местную Думу, или Ратушу, или хозяйственное управление.

Высочайше утвержденным 13 марта 1867 г. Сенатским указом¹ была утверждена форма, по которой старшими нотариусами должны были доставляться в Сенатскую типографию в Санкт-Петербурге для напечатания в Сенатских объявлениях статьи о вводе во владение недвижимыми имуществами (имениями)².

Дополняя и конкретизируя указ от 14 июля 1867 г. о порядке ввода в действие Положения о нотариальной части, высочайше утвержденный 2 ноября 1867 г. также сенатский указ³ установил еще целый ряд положений, которыми должны были руководствоваться мировые судьи, а также сами нотариусы и старшие нотариусы при применении Положения о нотариальной части.

Основные идеи этих дополнений состояли в следующем. Прежде всего, следует выделить тот момент, что, по мысли законодателя, мировым судьям надлежало стать своего рода «дублерами» нотариусов в местах, где нотариусов по тем или иным причинам пока еще назначено не было, а также, если дальнейшее исполнение ими своих функций почему-либо оказывалось невозможным, сразу же «перехватывать» и замыкать их на себя до того, как появится новый нотариус, чтобы деятельность на этом социально значимом участке не замирала буквально ни на одно мгновение.

В случае внезапной смерти нотариуса, а также его увольнения или временного отстранения от должности, если в данной местности не было конторы другого нотариуса, к исполнению его обязанностей должен был немедленно приступить мировой судья (о чем он немедленно ставился в известность вместе с решением председателя окружного суда об отстранении нотариуса от исполнения его обязанностей). В случае смерти или увольнения от службы самого мирового судьи к исполнению обязанностей приступал мировой судья соседнего участка.

При этом мировым судьям предоставлялось совершение лишь самых насущно необходимых нотариальных действий: свидетельствование доверенностей и явку пяти категорий документов: заемных обязательств (сразу же по их написанию или спустя какой-то срок), договоров, указанных

¹ ПСЗ-2. Т. 42 (1867 г.). № 41337.

² «От ...ского Старшего Нотариуса объявляется, что в реестре крепостных дел такого-то года, месяца и числа под №..., согласно 1431 ст. Уст. Гражд. Судопроизвод., отмечено о вводе во владение такого-то (звание, имя, отчество и фамилия) недвижимым имением, доставшимся ему от NN (звание, имя, отчество и фамилия) по такому-то акту, утвержденному (месяца, числа и года) и состоящим в ... губернии, ... уезда (означить села, деревни, пустоши и прочие угодья), при коих числится земли ... десятин. (Если имущество находится в городе, то означить улицу и № дома, под которым значится имущество.)

Цена имуществу ... рублей. Главная выпись на ... рублевом листе. Крепостных пошлин ... рублей. Старший нотариус ...»

³ ПСЗ-2. Т. 42 (1867 г.). № 45135.

в ст. 1534 Ч. I. Т. X Свода законов, а также протестов и мировых записей, прошений и т. н. третейских записей, упомянутых в ст. 1359, 1361 и 1374 Устава гражданского судопроизводства. При их совершении мировые судьи должны были руководствоваться теми же статьями Положения о нотариальной части (ст. 129–131, 146, 147, 201–206 и 212–214) и следовать их требованиям, получая вознаграждение за это на тех же основаниях (т. е. по установленной временной таксе вознаграждения нотариусов и заступающих их место), а для фиксации (регистрации) сделанных ими засвидетельствований вести реестр, алфавитный указатель клиентов и книгу регистрации сборов. В случае смерти или увольнения от службы самого мирового судьи хранившиеся у него реестры и книги для записи сборов по нотариальной части отсылались к мировому судье соседнего участка.

Во-вторых, дополнения уточнили ряд деталей, в одних случаях более, в других – менее важных, которые в силу каких-то причин оказались недостаточно прописанными в основном документе.

Это касалось, например, уточнения деталей процедуры самого назначения нотариусов на должность, порядка временного замещения на случай

болезни или отпуска. Так, в случае открытия вакансии нотариуса окружной суд должен был сделать публикацию об этом с целью, во-первых, проинформировать возможных соискателей, и во-вторых, вызвать их для испытаний, а если в данной местности не было другого нотариуса, сообщить в Министерство юстиции о том, что начинает действовать порядок временного замещения должности. В случае болезни или отпуска нотариуса он обязан был указать лицо, его замещающее, в прошении на имя председателя окружного суда с приложением образца его подписи.

При утверждении нотариуса в должности он обязан был немедленно представить в нотариальный архив на одном листе образец своей подписи и слепок печати и точный адрес конторы. Сдавать в нотариальный архив книги, реестры и все прилагаемые документы при сдаче дел нотариусы были обязаны по описи в двух экземплярах, один из которых с отметкой старшего нотариуса о приеме документов возвращался им.

Был уточнен круг свидетельствуемых нотариусами документов — определено, что нотариусы совершают засвидетельствование следующих видов документов: купчих, купчих на мореходные суда, закладных, закладных на движимое имущество, домовых (т. е. написанных не в конторе нотариуса, а на дому) заемных писем с залогом движимого имущества, запродажных записей, дарственных записей (дарственных), рядных записей, отдельных записей, отдельных записей, договоров о найме и отдаче имущества в арендное содержание, договоров о подрядах и поставках, договоров о поклаже, договоров личного найма, договоров о товариществе, заемных обязательств, неторговых доверенностей, векселей и протестов векселей, неустоечных записей.

Было внесено уточнение, что нотариусы не совершают актов на недвижимое имущество, которые подлежат последующему утверждению старшего нотариуса, и уточнено, где должны храниться подлинники документы, прилагаемые к актам, которые подлежат утверждению старшего нотариуса.

Была уточнена процедура совершения данных на имущества, покупаемые с публичных торгов, внесено уточнение касательно процедуры уничтожения отметки о залоге после того, как было уплачено по закладной (в том числе с согласия сторон об этом мог быть составлен особый нотариальный акт).

При засвидетельствовании нахождения лица в живых определено, что нотариус должен указать дату и время, когда он засвидетельствовал нахождение лица в живых, с точностью не только до часов, но даже до минут.

При свидетельствовании свидетелями самоличности неизвестных нотариусу лиц он наделялся правом отбирать у них подписку в истинности свидетельства (и то же при свидетельствовании правоспособности сторон), а при невозможности удостовериться в самоличности через свидетелей — правом потребовать в подтверждение ряд бумаг: свидетельство полиции или начальства, паспорт, аттестат о службе и т. п.

Было установлено, что свидетельствование всякого рода актов (кроме актов о переходе или ограничении прав собственности на недвижимое имущество) может по желанию сторон совершаться двояким путем: либо согласно ст. 79 и следующих Положения о нотариальной части, либо в порядке ст. 133–135, 146–147 и 157, т. е. по несколько более упрощенной форме.

Уточнена сама формула и детали процедуры, по которой по желанию клиента в книгу нотариуса должна была вноситься запись содержания почему-либо важного для него акта.

Когда (вполне возможный случай) на представленном к засвидетельствованию акте запись с формой засвидетельствования не умещалась, предписывалось ее окончание писать на особом листе также гербовой бумаги, но самой дешевой цены – в 20 коп. за лист, для гарантии пришивая его нитками к акту.

При выдаче дубликатов с выписей определено делать отметку (в том числе и в книге), какой дубликат выдан: второй, третий и т. п.

При возвращении отданных на хранение документов определено, что помимо самого владельца также должны поставить свои подписи в реестре против отметки о принятии документов на хранение и свидетели.

Было определено, что ко времени открытия каждого нотариального архива в него должны быть доставлены образцы подписей и печатей старших нотариусов всех других нотариальных архивов.

Было внесено уточнение, что для городов Москвы и Санкт-Петербурга крепостные книги и реестры крепостных дел должны были вестись не общие для всего города в целом, а отдельные для каждой административно-полицейской «части».

Было определено, что все поступающие в нотариальный архив бумаги обязательно должны получать отметку старшего нотариуса и отражение в журнале и реестре входящих бумаг (и то же касается всех исходящих бумаг).

Все денежные суммы, следующие в уплату пошлин, должны вноситься при соответствующем ордере в кассу окружного суда, а непосредственно от совершающих акты лиц приниматься при прошении на гербовой бумаге ценой в 40 коп. лист. (И также нотариальные акты для обращения их в крепостные должны подаваться при прошении на гербовой бумаге ценой в 40 коп. лист.)

Высочайше утвержденным тем же 27 ноября 1867 г. мнением Государственного совета¹ на нотариусов возложили часть обязанностей упраздненных Палат гражданского суда, в том числе выдавать свидетельства на имения, согласно ст. 478 п. 2 и ст. 1613 Ч. I. Т. X Свода законов гражданских и ст. 323 Устава кредитного представляемые в залог, и на имения, предназначенные к обращению в т. н. заповедные, и делать об этом отметку в реестре крепостных дел.

Эти свидетельства выдавались из состоявших при окружных судах нотариальных архивов по месту нахождения имения и выписывались по прошениям частных лиц на гербовой бумаге ценой в 1 рубль лист.

Для получения могущих интересовать клиентов важных сведений об этих имениях (и прежде всего о лежащих на них недоимках и взысканиях, а также о количестве и качестве земли и об отсутствии в имении чересположности владения) старшие нотариусы или сами должны были запрашивать соответствующие учреждения, где такие сведения хранились, или же могли перепоручить это губернским правлениям, сделав соответствующий

¹ ПСЗ-2. Т. 42 (1867 г.). № 45214.

запрос, и тогда уже они обязаны были собирать эти сведения и доставлять их в нотариальные архивы. (Понятно, что старшие нотариусы предпочитали чаще использовать второй путь.)

Старший нотариус по выдаче свидетельства должен был сделать отметку об этом в своем реестре крепостных дел, а также сообщить в Санкт-Петербург в Сенатскую типографию для напечатания о наложении запрещения на имение при принятии его в залог и снятия запрещения по миновании причин к нему.

А кроме того, пока шла крестьянская реформа 1861 г., на них возложили обязанность доставлять в губернские по крестьянским делам присутствия по их запросам сведения об имениях, в которых начался выкуп крестьянских угодий. (Причем не позднее чем в месячный срок с момента поступления соответствующего запроса губернского правления.)

Высочайше утвержденным сенатским указом от того же 27 ноября 1867 г.¹ были определены формы для всех основных категорий актов и документов текущего делопроизводства (нотариального акта, выписи из актовой книги, засвидетельствования явки актов, алфавитного указателя и др.), придерживаясь которых их следовало в дальнейшем писать во всех нотариальных конторах.

В 1869 г. было внесено важное по смыслу запрещение нотариусам соединять их конторы и «входить между собою в соглашения о ведении порученного им дела на компанейских началах»².

В 1871 г. определен порядок применения правил Положения о нотариальной части к выдаче данных на приобретенные крестьянами земли и порядок ввода во владение этими землями в местностях, где Судебные уставы введены в полном объеме³.

¹ ПСЗ-2. Т. 42 (1867 г.). № 45135.

² ПСЗ-3. Т. 44 (1869 г.). № 47236.

³ ПСЗ-3. Т. 46 (1871 г.). № 49335.

Губернские по крестьянским делам присутствия обязали сообщать нотариусу губернского города о фактах приобретения крестьянами земли или получения ее в дар от помещиков, а нотариусов по получении такого сообщения в трехдневный срок совершить сам акт.

Главная и последующие выписи должны были быть писаны на бумаге 20-копеечного достоинства, положенные крепостные и актовые пошлины с них не взыскивались, а в пользу нотариуса за совершение данной взыскивалось два рубля. Деньги эти передавались совершающему сделку мировому посреднику вместе с бумагой-представлением о выкупе или даре и вносились участниками сделки поровну. В случае обязательной для крестьян сделки деньги на нотариальное оформление ее в одних оговоренных в Положении о выкупе случаях удерживались из следующей помещику выкупной ссуды, в других случаях вносились крестьянами.

Совершенная нотариусом данная передавалась им в Губернское по крестьянским делам присутствие, расписку в реестре нотариуса об этом делал один из членов Губернского присутствия. Губернское присутствие не позднее чем в три дня отсылало данную для отметки в реестре крепостных дел старшему нотариусу окружного суда, в округе которого находилась приобретенная крестьянами земля, старшие нотариусы по отметке в реестре обязаны были возвратить ее в двухнедельный срок с отметкой своей рукой о времени отметки ее в реестре, после чего Губернское присутствие отсылало ее мировому судье того участка, где находилась земля, для выдачи крестьянам и официального ввода их во владение, для чего исполнительный лист не требовался, и положенного объявления в Сенатских объявлениях о выдаче данной крестьянам также не делалось.

Еще одно довольно важное по смыслу уточнение последовало в 1872 г.: высочайше утвержденный 4 августа 1872 г. сенатский указ¹ разъяснил, что в тех случаях, когда акт или засвидетельствование совершаются нотариусом вне стен его конторы или камеры мирового судьи, в тексте самого акта или засвидетельствования должно содержаться точное указание места, где совершены акт или засвидетельствование (в чьем доме или квартире, с указанием части города, квартала и № дома, а если совершение происходило вне города – в каком селе, деревне и т. п.).

В 1887 г. (высочайше утвержденным 24 апреля 1887 г. мнением Государственного Совета)² последовало также весьма важное по смыслу изменение порядка увольнения нотариусов от должности: во изменение ст. 16 Положения нотариусы стали определяться и увольняться от должности старшим председателем судебной палаты по представлению председателя окружного суда³.

Самым первым Положение о нотариальной части было введено в губерниях и уездах, входивших в округа Московской и Санкт-Петербургской судебных палат (Владимирской, Калужской, Московской, Рязанской, Тверской, Тульской и Новгородской, Псковской, Санкт-Петербургской и Ярославской) – с 15 ноября 1867 г.⁴. С этого числа во всех названных губерниях все существовавшие до того маклеры и нотариусы, за исключением нескольких специализированных категорий – биржевых маклеров и гофмаклеров, биржевых нотариусов, корабельных маклеров и маклеров морского страхования, обязаны были прекратить дальнейшее отправление своих обязанностей и совершать какие бы то ни было нотариальные действия, а их конторы подлежали закрытию.

Прежние судебные установления обязаны были прекратить прием просьб о совершении или засвидетельствовании всякого рода актов (за исключением духовных завещаний и межевых актов)⁵, а полицейские управ-

¹ ПСЗ-3. Т. 47 (1872 г.). № 49884.

² ПСЗ-3. Т. 7 (1887 г.). № 4370.

³ При этом увольнению от должности они подлежали не иначе как по решению суда по представлению председателя или прокурора окружного суда и после заслушивания объяснений самого нотариуса, или в порядке, определенном ст. 59¹ Положения о нотариальной части. Информацию об обстоятельствах, повлекших увольнение нотариуса от должности, старших председателей окружного суда обязали немедленно доводить до сведения министра юстиции, а суды – в случае, если такое отстранение требовалось немедленно, – принимать меры к охране вверенного нотариусу частного имущества.

И кроме того, было определено, что за упущения и злоупотребления по должности нотариусы, старшие нотариусы и их помощники подвергались ответственности по правилам, установленным в ст. 261–290 и 292 Учр. суд. уст. и 1066–1123 Уст. угол. судопр.

⁴ Высочайше утвержденным 2 ноября 1867 г. Сенатским указом (ПСЗ-2. Т. 42 (1867 г.). № 45131) существовавшие до того самостоятельные Псковская и Новгородская и Владимирская, Калужская и Ярославская палаты уголовного суда упразднились с отнесением их дел, соответственно, к Санкт-Петербургской и Московской палатам уголовного и гражданского суда.

⁵ Дела первого рода вообще невозможно было каким-то образом «приостановить», а для вторых также было решено сделать исключение, поскольку уже вовсю развернулось осуществление крестьянской реформы, среди прочего связанное с утверждением итогов разверстания помещичьих и крестьянских земель, и это дело также было признано безотлагательным. Для завершения всех уже начатых дел по обеим категориям был установлен некий ориентировочный контрольный срок – 31 декабря 1867 г. И безусловно окончательный – 15 февраля 1868 г.

ления и станковые приставы — прекратить прием к засвидетельствованию актов и неторговых доверенностей.

По окончании всех дел установления крепостных дел закрывались (подлежали закрытию), а их чиновники выводились за штат (считались выведенными за штат — с выплатой всего установленного им содержания).

Все архивы и книги упраздняемых прежних судебных установлений временно оставлялись в занимаемых помещениях и в ведении губернских и уездных стряпчих, на которых возлагалась разборка и приведение в порядок судебных архивов на основании изданных для сего Министерством юстиции особых правил¹. Сроком окончания этих работ считалось 30 ноября 1867 г.

Далее Положение о нотариальной части вступило в действие в губерниях округа Харьковской судебной палаты — с 1 сентября 1868 г.². В 1869 г. было введено в действие Положение о нотариальной части и определено число нотариусов, размер их залоговых депозитов и назначены сроки для вступления в должность нотариусов и старших нотариусов в губерниях, входивших в состав округа Одесской судебной палаты, Полтавской и Нижегородской губерниях и Бессарабской области³; в 1870 г. — в округе Казанской судебной палаты и в Смоленской губернии⁴; в 1871 г. — в округе Саратовской Судебной палаты и Костромской губернии⁵; в 1873 — в Области войска Донского⁶; в 1876 г. — в округе Варшавской судебной палаты⁷, а затем постепенно и во всех остальных судебных округах.

В первоначальных наметках особого расписания, которые предполагалось издать в виде приложения к Положению о нотариальной части, потребная численность одновременно практикующих нотариусов была определена для обоих столичных городов по 25, губернских городов округов трех важнейших судебных палат (Московской, Санкт-Петербургской и Харьковской) — по четыре-шесть и уездных городов — не более как по два. Однако надо сказать, что эти цифры в дальнейшем утвердились как своего рода справочные, на них более-менее ориентировались — и только⁸.

Высочайше утвержденные 27 июня 1867 г. штаты нотариальных архивов при окружных судах⁹ были следующими:

¹ Судебный вестник. 1867. № 6.

² ПСЗ-2. Т. 43. (1868 г.). № 46036.

³ ПСЗ-3. Т. 44 (1869 г.). № 46678, 46699, 46859, 47638, 47742, 47743.

⁴ ПСЗ-3. Т. 45 (1870 г.). № 48641, 48702.

⁵ ПСЗ-3. Т. 46 (1871 г.). № 49650, 49675.

⁶ ПСЗ-3. Т. 48 (1873 г.). № 52034, 52514, 52572.

⁷ ПСЗ-3. Т. 51 (1876 г.). № 56103, 56158, 56287.

⁸ Так, например, число нотариусов, которое было определено округа Харьковской судебной палаты (ПСЗ-2. Т. 42 (1867 г.). № 41371), сразу же оказалось несколько иным: в губернских городах Харькове и Воронеже — по 6, в губернских городах Курске и Орле — по 4, в уездных городах Изюме, Сумах, Ельце и Острогожске — по 4 и во всех прочих уездных и заштатных городах и посадах — по 2. Уже в 1877 г. в связи с вполне выяснившейся необходимостью последовали указы об увеличении «нормативного» числа нотариусов для Тверской и Варшавской губерний (ПСЗ-3. Т. 52 (1877 г.). № 57422, 57423) и т. д.

⁹ ПСЗ-2. Т. 42 (1867 г.). № 44769.

При окружных судах 1-го разряда определено быть по одному старшему нотариусу с окладом жалования 1200 рублей основного жалования плюс по 500 рублей т. н. «столовых» и «квартирных» денег (в компенсацию расходов на питание и жилье), всего 2200 рублей, с присвоением им V класса по должности и III по пенсии, и кроме того на содержание писцов, наем сторожей и на канцелярские и прочие расходы по обустройству архива положено по 7 тыс. рублей в год. При окружных судах 2-го, 3-го и 4-го разрядов содержание старшему нотариусу было определено получать то же, а сумма всех прочих расходов уменьшена соответственно до 3, 2 и 1 тыс. рублей. (Однако уже в 1869 г.¹ в Санкт-Петербурге и Москве были учреждены должности помощника старшего нотариуса и утверждены инструкции для них.)

Недостатки нотариального Положения 1866 г. и организация работы по созданию новой редакции общего Положения о нотариальной части

... Уже через пять лет после принятия Положения 1866 г., в 1871 г. Министерство юстиции предложило председателям окружных судов собрать у нотариусов на местах их замечания, касающиеся существующей в стране системы организации нотариата и нотариальной практики, и пригласить их высказать свои предложения по ее улучшению². Каков был результат этой инициативы, еще предстоит выяснить (внутреннее обобщение этой информации в Министерстве было произведено, но в широкий научный оборот, насколько известно, эти сведения пока еще не были введены).

Еще спустя примерно 20 лет после этого, с учреждением в 1894 г. комиссии для общего пересмотра законоположений по судебной части, была поставлена на очередь также и реформа нотариального дела.

Комиссия по общему пересмотру законоположений по судебной части работала в 1894–1899 гг., а по результатам ее работы 19 мая 1899 г. последовало отдельное высочайшее повеление о пересмотре также и Положения о нотариальной части. Разработку предварительной редакции проекта было поручено возглавить сенатору (впоследствии товарищу министра юстиции) А. Г. Гасману. Эту работу закончили в марте 1902 г., после чего, согласно принятой практике того времени, для рассмотрения проекта было созвано межведомственное Особое совещание под председательством сенатора С. И. Лукьянова. В него вошел ряд высокопоставленных юристов из высших правительственных органов – руководитель коллектива разработчиков А. Г. Гасман, статс-секретарь Государственного Совета Н. Ф. Дерюжинский, товарищ прокурора Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената Н. М. Рейнке, главные юрисконсульты МВД Я. А. Плющев-Плюшка и Министерства Финансов В. В. Иванов и С. С. Новоселов, товарищи председателя Санкт-Петербургского окружного суда

¹ ПСЗ-3. Т. 44 (1869 г.). № 46695, 47414.

² Стешенко Л. А., Шамба Т. М. Нотариат в Российской Федерации. М., 2001. С. 100.

К. А. Берхман и Н. Г. Аникеев, а также представители профессионального сообщества — двое опытейших к тому времени петербургских нотариусов П. М. Арцыбашев и П. П. Катеринич. Кроме того, уже в качестве приглашенных Совецанием экспертов в его работе приняла участие еще группа в разное время успевших поработать практикующими нотариусами и также весьма сведущих лиц (К. А. Генц, Н. Н. Иванович, В. К. Ивашкевич, С. И. По-нафидин, В. В. Струтинский).

Стратегической установкой Совецания, заседания которого проходили с 11 мая 1902 г. по 14 мая 1904 г. (в общей сложности их состоялось 37), было попытаться целесообразно (и при этом очень бережно, так как все отлично осознавали его значение как драгоценного памятника отечественной юридической мысли) ввести в основной текст Положения 1866 г. важнейшие последующие законоположения, изменившие его в отдельных частях, — но при этом по возможности не затрагивая установленного им конструктивного устройства системы российского нотариата в целом. А также очистить его от многих формальных требований, зачастую довольно стеснительных и при этом, как выяснилось, «не работающих», то есть, по сути, излишних¹. И напротив, разрешить некоторые предлагавшиеся полезные нововведения. И, наконец, ввести в качестве особого раздела Положения действующие законоположения, касавшиеся устройства нотариальной части на окраинах империи с большим объемом объективно существующих исторически сложившихся социально-правовых отличий².

Положение 1866 г. можно рассматривать как нормативный акт, в целом прогрессивный по своей направленности (и в особенности таковым он был для своего времени) — уже по одному тому, что оно учредило построенную на более демократичных основаниях, чем это было до реформы, и довольно стройную систему нотариальных органов с достаточно четко определенной компетенцией.

Вместе с тем критика тех или иных отдельных сторон установленных им правил и процедур, либо обнаруживающихся неурегулированных моментов, либо нестыковок с другими разделами законодательства (и, в частности, с законами о состояниях и Уставом вексельным) начала звучать уже в течение первого десятилетия по его введению в действие³.

Я. И. Гурлянд критиковал Положение 1866 г. прежде всего за созданную им «длинную и многосложную» процедуру, которой были обставлены совершение и утверждение актов на недвижимое имущество⁴, а действующее законодательство в целом — за наличие в нем многочисленных пробелов и нестыковок между разными разделами законодательства, которые, навер-

¹ Это касалось, в частности, отдельных моментов в ст. 118, 127, 136, 137, 152–158, 187, 188, 201–218, 223, 225, 228, 234, 239, 252, 255, 259, 287.

² Объяснительная записка к проекту новой редакции Положения о нотариальной части. СПб., 1904. С. 1–7.

³ В частности, в работе Я. И. Гурлянда «Юридический разбор нотариальных вопросов и разные заметки из практики Якова Гурлянда, харьковского нотариуса» (Харьков, 1875) и в двух сборниках под редакцией М. М. Неймана (сам нотариус) под одним и тем же названием «Нотариальный сборник», вышедших в г. Дубно (на Волыни) в 1887 и 1889 гг.

⁴ Гурлянд Я. И. Указ. соч. С. 12–22.

ное, и не могли быть выявлены путем «кабинетного» анализа и проявлялись только в ходе практической работы, но создавали для практикующих нотариусов дополнительные сложности в работе и финансовые риски¹.

Когда впоследствии Министерство юстиции, опубликовав в 1904 г. Проект нового нотариального Положения, тем самым как бы сделало приглашение к широкой и гласной дискуссии, отклик на него оказался неожиданно активным. Дискуссия развернулась в основном на страницах специальных периодических изданий «Нотариальный вестник», «Нотариус», преимущественно в форме относительно коротких статей и заметок, и имела два четко видимых «пика» — в 1904 и 1908 гг., первый из которых был связан с открытием дискуссии, а второй, по всей видимости, с «успокоением» страны после череды революционных потрясений в 1905–1907 гг.

Список только наиболее активных участников включает свыше трех десятков фамилий² — по условиям царской России того времени, надо сказать, это очень много. Правда, в основном это были ученые-правоведы, практикующих нотариусов не так много, и отклики от них пришли в основном из таких мест, где они, судя по всему, были не слишком заняты на работе и у них оставалось много времени для досуга³. Имен москвичей, как и петербуржцев, среди них нет совсем, и объяснений этому может быть два: или же они не гнались за писательскими лаврами и не проявили достаточно интереса к этой проблематике, или были слишком загружены работой и им было просто некогда браться за перо.

Часть из откликнувшихся сочла необходимым покритиковать Положение 1866 г. Критические стрелы были пущены во многое в нем, и, в част-

¹ Он набирает таких пробелов на целый длинный перечень (с. 23–46, 212–216, 227–228, 231–240): могут ли быть векселедержателями лица, которые сами не имеют права быть векселедателями, из-за чего возрастают риски потерь для самих нотариусов при засвидетельствовании векселя; имеет ли нотариус право совершить духовное завещание от имени несовершеннолетнего, даже при наличии согласия на то попечителя; имеет ли право нотариус свидетельствовать и законна ли будет доверенность, данная по одному делу, но от имени нескольких лиц, или доверенность, в которой содержатся распоряжения от одного лица, но о разнородных предметах (как, например, одновременно и на ведение торговых дел, и на покупку и залог имений, и на ведение судебных дел — нечто вроде, как мы сказали бы сейчас, генеральной доверенности); можно ли свидетельствовать доверенности, имеющие характер передоверения; имеет ли право нотариус свидетельствовать доверенность от имени купца на имя чиновника; доверенность от еврея другому лицу (не еврею) совершать действия там, где ему самому по закону действовать не разрешается; имеет ли право нотариус совершать нотариальные действия от имени только одного из опекунов, когда их установлено несколько; имеет ли право нотариус исполнить поручение, не данное ему клиентом лично, а присланное по почте; можно ли свидетельствовать подписи от имени несовершеннолетних, и т. д.

² Александров, И. А. Алякритский, А. Н. Анисимов, С. О. Барановский, К. О. Бахман, С. А. Белоцветов, Н. Бологовский, А. Н. Бутовский, Н. И. Главацкий, С. Громачевский, Е. Гурьянов, Я. А. Дунаев, Елизарьев, А. В. Иваницкий, С. К. Кузнецов, Л. Б. Мандельштман, Ф. Махора, А. Я. Мацкевич, Г. Мачвариани, М. М. Нейман, П. П. Подгорецкий, М. М. Попович, П. Радченко, Н. Разумовский, Н. Терпилевский, Н. Н. Товстолес, М. Трепиловский, А. Чага, Ф. И. Штраших, К. Щукин.

³ И. А. Алякритский из уездного города Галича Костромской губернии, К. О. Бахман из уездного же города Бауска Курляндской губернии, С. А. Белоцветов из уездного Киржача Владимирской губернии, Н. Бологовский из Тюмени, А. В. Иваницкий и М. М. Попович из Вологды, Г. Мачвариани из местечка Сурам Тифлисской губернии, Л. Б. Мандельштман из Каменец-Подольска, М. М. Нейман из г. Дубно Волынской губернии.

ности, за то, что оно с самого начала внесло в правовой статус нотариусов некую двойственность: с одной стороны (в ст. 17), они были признаны состоящими на государственной службе (хотя и без права производства в чины и получения пенсии), а с другой (в ст. 208) — они же признавались «свободными профессионалами», осуществляющими свою деятельность на коммерческой основе. Именно в этом контексте С. О. Барановский употребил свое впоследствии ставшее крылатым выражение «пасынки Фемиды», имея в виду, что Положение 1866 г. действительно выделило нотариусов из общей «судебной семьи», общей системы чинов Министерства юстиции, и лишило тех прав и прерогатив, которыми пользовались чины судебного ведомства¹.

Полностью солидаризировался с ним в этом и М. М. Попович, который, анализируя в особенности конкретную практику применения норм Положения 1866 г., выступал за то, чтобы «нотариус не стоял каким-то отщепенцем от своей юридической семьи сослуживцев, чтобы он хотя бы пользовался частью тех прав, какие он заслуживает по своему положению как должностное лицо и как общественный деятель»².

Подвергая далее критическому разбору состав предъявлявшихся по положению 1866 г. к кандидатам на должность нотариуса требований (состояние в русском подданстве, достижение совершеннолетия, непопороченность судом или общественным приговором, полнейшая свобода от занятий на государственной или общественной службе), условие о достижении совершеннолетия (которое по российскому законодательству наступало по достижении 21 года) признавалось многими учеными и нотариусами недостаточным, и предлагалось разрешить занятие этой должности при условии достижения кандидатом возраста хотя бы в 25 лет³.

Вызвало на себя критику и отсутствие в Положении 1866 г. в качестве обязательного требования о наличии у кандидата на должность нотариуса специального юридического образования, поскольку в силу специфики своей работы нотариусу приходится применять познания не только по части своей узкой чисто нотариальной специальности, но волей-неволей «быть в курсе» «и других отраслей законоведения»⁴, а одна практика без юридического образования не способна заменить накапливаемой в его ходе эрудиции и развиваемых профессиональных навыков, в частности юридической логики, навыков обобщений и анализа⁵.

За установление для занятия должности нотариуса более высокого образовательного ценза высказался и А. Иваницкий, который считал, что стоящая перед нотариусом задача, во-первых, очень быстро, практически моментально решить вопрос о самой квалификации существа дел, с которыми приходят к нему клиенты, к какому разряду их следует отнести, и так же моменталь-

¹ Барановский С. Пасынки Фемиды // Нотариальный вестник. 1903. № 2. С. 7–8.

² Попович М. Служебные права и материальная обеспеченность нотариуса в России // Нотариальный вестник. 1903. № 4. С. 3–4.

³ См.: Мандельштман Л. Б. Указ. соч. С. 37.

⁴ Барановский С. Указ. соч. С. 37.

⁵ См.: Объяснительная записка к проекту новой редакции Положения о нотариальной части. СПб., 1904. С. 41.

но проверить их на соответствие требованиям закона, и во-вторых, задача толково, ясно и определенно изложить их в акте — все это требует и особо специальных знаний, и опыта; так что ситуацию, когда со всем этим вынужденно справляться сравнительно мало знающее лицо, если и можно признавать терпимой в силу объективно существующих теперь в ряде мест условий, то ее вряд ли можно признавать идеальной и желательной также и на будущее¹. А Л. Б. Мандельштман предлагал в этой связи установить и что-то вроде обязательного предварительного стажа работы в профессии (имеется в виду необходимость до того, как занять должность, в течение какого-то срока обязательно поработать, «пройти стажировку» в конторе другого нотариуса)².

Также требования к нравственному уровню кандидата на занятие должности нотариуса, установленные Положением 1866 г., признавались многими современниками недостаточными, и предлагалось, в обход первоначальной снисходительности законодателя, продиктованной именно объективными условиями начала 1860-х гг., возвысить планку требованием о беспорочном поведении вообще и пользовании всеми гражданскими правами в неурезанном виде³.

Переходя к моментам чисто организационного устройства современного нотариата в России, некоторые авторы (как, например, тот же Л. Б. Мандельштман) в числе существенных, на их взгляд, недостатков указывали на отсутствие каких-либо коллегиальных органов, где нотариусам можно было бы при необходимости получить консультацию или профессиональный совет от коллег — советов нотариусов и помощников нотариусов⁴. Введение корпоративных начал, по замечанию С. К. Кузнецова, было бы целесообразно и продиктовано и целями «объединения нотариальной практики», и целью «охраны чести и достоинства нотариата как государственного учреждения»⁵.

Недостатком Положения о нотариальной части признавалось определенной частью тех, кто пожелал печатно высказаться на эти темы, и установленное ст. 208 правило о том, что нотариусы взимают плату в свою пользу не только по таксе, но и «по добровольному с обратившимся к ним лицам соглашению», что, по их мнению, сообщало профессии нежелательный элемент торгашества, превращая нотариуса в своего рода «полукоммерческого деятеля». Такое положение противоречило установившимся к этому времени принципам вознаграждения нотариусов в других государствах Европы, и, к примеру, уже неоднократно цитированный Л. Б. Мандельштман (быть может, и несколько сгущая при этом краски) живописал, как «тяжело и обидно для общественного деятеля, отправляющего не те или иные частные, а публично-правовые функции, начинать не с самого дела, а с торговли»⁶.

¹ См.: Иваницкий А. Впечатления и заметки // Нотариальный вестник. 1903. № 2. С. 6.

² Мандельштман Л. Б. Учреждение нотариата и его организация // Журнал Министерства юстиции. 1899. № 4. С. 42–43.

³ См.: Иваницкий А. Там же. С. 6.

⁴ Мандельштман Л. Б. Указ. соч. С. 42–43.

⁵ См.: Кузнецов С. К. Педагогические начала в нотариальном Положении // Нотариальный вестник. 1904. № 32. С. 6.

⁶ См.: Мандельштман Л. Б. Указ. соч. С. 43–47.

Вопрос о том, в какой мере эти критические замечания можно считать именно суммой частных мнений высказавших их лиц и в какой они отражают мнение и настроения основной массы членов корпуса российского нотариата, которые в ходе этой дискуссии не пожелали высказаться в печати, и насколько адекватно, разумеется, остается открытым. Но тем не менее основные «векторы» были обозначены.

Однако само это время, как мы знаем, оказалось предреволюционным и в этом смысле объективно не очень благоприятным для того, чтобы затевать очередное серьезное реформирование российского нотариата. По этим обстоятельствам намечавшиеся реформы были отложены, и Положение 1866 г., несмотря на то что оно действовало уже почти полвека и в отдельных своих элементах объективно уже устарело, так и не было обновлено и продолжало действовать, с последующими добавлениями, вплоть до 1917 г.¹

Немного о самой Москве

Далее нам необходимо будет немного коснуться внешних (по отношению к истории собственно российского нотариата) факторов — тех масштабных социально-экономических изменений, которые происходили в период становления независимого нотариата, параллельно с ним и отчасти влияя и на саму деятельность нотариусов, что проявлялось и в некотором изменении состава основных свидетельствуемых ими документов, круга их основной клиентуры и т. п.

Начать, видимо, следует с того, что во второй половине XIX века Москва быстрыми темпами превращалась в один из важнейших не только экономических центров страны (собственно, она им и была всегда), но, в первую очередь, промышленных центров и в крупнейший в стране железнодорожный узел, и в связи с этим приобрела ряд узнаваемых еще и доньше черт крупного капиталистического города, которые резко отличали ее от «старой» Москвы, какой она стала после большого пожара 1812 года и какой ее застал Пушкин и увековечил в главе «Путешествие Онегина»:

Ах, братцы, как я был доволен,
Когда церквей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Передо мной явился вдруг...

Если еще в середине XIX века кварталы Москвы во многом сохраняли тот облик, характерное представление о котором дают картины В. Д. Поленова «Московский дворик» и «Бабушкин сад»², и если еще в 60-х гг. застроенные

¹ Положение о нотариальной части, изданное в 1893 г. с включением статей по продолжениям 1890 и 1891 гг. СПб., 1893; Положение о нотариальной части. Свод законов 1892 г. с продолжением 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. по Собранию узаконений 1911, 1912 и 1913 гг. (по 15 марта). СПб., 1914.

² С абсолютным преобладанием т. н. усадебного типа застройки с отличающими его характерной «разбросанностью» небольших строений в пределах одного домовладения, со множеством надворных построек: флигелей, служб, сараев, а нередко и с садами и огородами.

участки занимали меньше трети официальной территории города¹, то в течение следующих примерно тридцати лет картина коренным образом меняется.

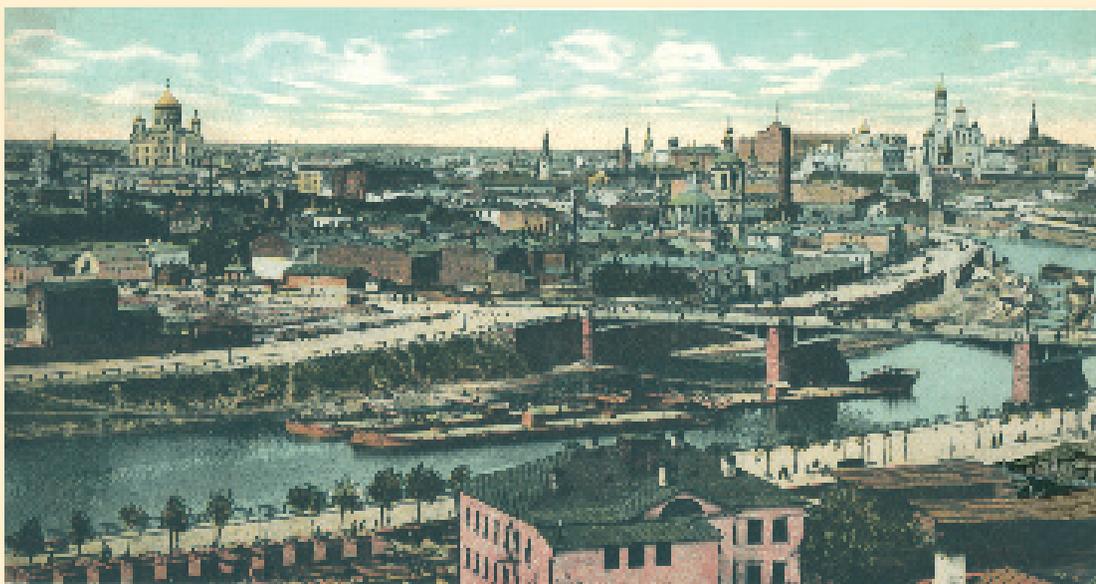
Первой характерной и наиболее бросающейся в глаза особенностью Москвы в пореформенное время становится быстрая застройка ее территории – включая и заметное «уплотнение» застройки в пределах ее административных границ и с выходом за них на бывшие городские выгоны формально на территории Московского и прилегающих других уездов (в первую очередь, Бронницкого).

Чем была Москва накануне этого всплеска строительной активности, нам позволяют представить данные составленных по указанию Николая I т. н. военно-статистических описаний городов и губерний Российской империи, шестой том которых, увидевший свет в 1853 г., был посвящен Москве. Согласно им вообще каким-либо образом застроенные участки, на которых стояло в общей сложности около 18 тыс. строений, занимали меньше трети общей территории города. Под улицами, переулками и площадями находилось еще не более 1/6 части, а вторую половину занимали сады, огороды, пруды и просто пустыри. Основную массу строений составляли одно-двухэтажные особняки дворян и купцов и небольшие, в большинстве одноэтажные, дома и домики обывателей².

...После 1861 г. В Москву и другие крупные города (но в особенности в Москву и Санкт-Петербург) массово хлынули бывшие крепостные

¹ В пределах его административных границ (с 1806 г.) и практически вплоть до 1917 г. – т. н. Камер-Коллежского вала.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. VI. Ч. 1. Московская губерния. Сост. Штабс-капитан Свечин. СПб., 1853. С. 128. 209 и др.; Покровский Д. А. Очерки истории Москвы // Исторический вестник. 1893. Март. С. 785; История Москвы. В 6 т. Т. 4. М., 1954. С. 59.

крестьяне, которых в основном гнала экономическая необходимость заработать деньги на уплату выкупных платежей. Постоянно нараставший приток населения на работу и в услужение способствовал ставшему значительно более динамичным развитию московской промышленности и торговли, но, прежде всего, он чрезвычайно повысил спрос на наемные жилые помещения. Квартирные, комнаты и даже т. н. «углы» сильно поднялись в цене, и это спровоцировало то, что уже в течение первого десятилетия после отмены крепостного права в Москве неуклонно поползли вверх цены и собственно на недвижимость, и на земельные участки, а затем в начале 1870-х гг. разразился подлинный строительный бум, который продлился полтора десятка лет. (Собственно, тот исторический центр Москвы в том виде, каким мы его застали, в основном сформировался именно в эти годы.)

Все бросились на покупку домов и земельных участков (и особенно охотились за теми, где было много незастроенной земли); на месте обширных дворянских усадеб и частично на московских пустырях стали возводить дома, изначально рассчитанные на сдачу внаем квартир и комнат, на пустырях — торговые помещения и склады, а в отдельных районах — кроме того и корпуса фабрик и рабочих казарм. Участки застраивались, как правило, уже с самого начала очень плотно, часто по всему периметру, а во внутренний двор стремились втиснуть еще и жилые флигеля. (Такой характер застройки до сих пор можно увидеть во многих частях старой Москвы.) Уже к 1882 г. доля пустырей сократилась всего до 8% территории города в пределах Камер-Коллежского вала, огороды сохранились лишь на окраинах и занимали 16,4% территории города, а площадь под садами и бульварами сократилась до 16,1%¹.

¹ Статистический атлас г. Москвы. Вып. 1. М., 1887. С. 21; История Москвы. Т 4. С. 61.

В результате этого через десять лет после отмены крепостного права, в 1871 г. в пределах официальной городской черты числилось уже 22 475 только жилых строений, еще через десять лет, в 1882 г. их стало уже 30 145, а к концу века, в 1897 г. — 36 269. Квартир в них в 1871 г. было учтено 48,5 тыс., в 1882 г. — уже почти 83 тыс., а к концу века, в 1899 г. — без малого 112,5 тыс.

К этому нужно добавить также значительно возросшее число нежилых строений, которое в 80–90-х гг. достигло 36–39,5 тыс., а следовательно и общее число жилых домов и квартир в них, и общее число строений возросло по сравнению с серединой века в несколько раз¹.

Одновременно с застройкой территории в пределах городской черты происходило интенсивное развитие примыкавших к Москве слобод, сел и деревень, которые постепенно сливались с ней. В них прежде всего в большом числе закладывались новые фабрики и заводы, которые «обрастали» рабочими слободками и сначала «сливались» с окрестными селами, а затем «сливали» уже их с Москвой. Таким путем возникли целые московские районы — Черкизово, Измайлово, Преображенское, Кожухово, Карачарово (а также Шелепиха, Богородское, Андроновка, Дубровка, Хохловка и др.).

В начале 1850-х гг. на непосредственно примыкавших к городу территориях (включение которых в его пределы «по факту» уже состоялось, но формально они все еще оставались за чертой официальной административной границы Москвы) насчитывалось всего семь промышленных объек-

¹ Сведения о числе строений и квартир в них взяты из опубликованных результатов одноподневных городских переписей 1871 и 1882 г. и всеобщей переписи населения 1897 г. // Статистические сведения о жителях г. Москвы по переписи 12 декабря 1871 г. М., 1874. С. 3; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. XXIV. Тетр. 2. С. VIII–IX; Статистический ежегодник г. Москвы. Год 1-й. М., 1908. С. 39; Горностаев И. Ф., Бугославский Я. М. По Москве и ее окрестностям. М., 1903. С. 91, 92; Никифоров Д. И. Старая Москва. Ч. 2. М., 1903. С. 193; История Москвы. Т. 4. С. 61, 66.

тов, «тянувших» по размерам на достаточно крупную фабрику или завод. К концу века таких объектов стало уже 63¹. Общее же число промышленных предприятий в тогдашней «большой» Москве с 1853 по 1890 г. возросло с 443 до 667, число рабочих на них — с 46 до 76,7 тыс.².

Одну из довольно важных для нашей темы особенностей Москвы составляло то, что наряду с предприятиями, которые можно было так или иначе считать «промышленностью», в городе имелось и во много раз большее число мелких кустарно-ремесленных заведений. В начале 1870-х гг., когда начали вести их статистический учет, соотношение между первыми и вторыми составляло 1 к 10: на 600 первых приходилось до 6 тыс. вторых. В 1890-х гг. в Москве считалось в круглых цифрах около 10 тыс. всех промышленных заведений, из них мелких и кустарно-ремесленных — около 8,8 тыс., то есть это соотношение оставалось более-менее постоянным³. Между тем все эти мелкие фабрички и заводики вступали в различные гражданско-правовые отношения ничуть не менее активно, чем крупные. И в том числе в отношении, сопряженные с совершением тех или иных нотариальных действий, что давало «хлеб» московским нотариусам.

На той же «полосе» опоясывающих Москву по окраинам частично «городских», а частично уже подмосковных пустырей начиная с 1860–1870-х гг. параллельно создавалось сложное хозяйство примерно десятка постепенно возникавших и развивавшихся железных дорог. Последовательно сооружаются Московско-Нижегородская (1862), Московско-Рязанская (1864), Московско-Курская (1868), Московско-Ярославская (1870), Московско-Брестская (1871), Московско-Казанская (1893), Московско-Киево-Воронежская и Московско-Виндаво-Рыбинская (обе в 1897) и Савеловская (Московско-Ярославо-Архангельская) (1900) железнодорожные линии, которые заканчивались в Москве соответственно Николаевским, Курским, Киевским, Рязанским (Павелецким), Брестским, Казанским, Ярославским и Савеловским вокзалами.

Железная дорога в пределах города — это не просто полоса отчуждения под две колеи и площадка под конечную станцию (вокзал), но и значительно большие по сумме площади, занятые обслуживающей инфраструктурой: паровозными и вагонными депо, ремонтными мастерскими; вместе с сетью подъездных путей, промежуточных (сортировочных) станций и складов и товарных дворов они постепенно образовали мощную и не имевшую аналогов в стране транспортную инфраструктуру.

Для нашей темы, в первую очередь, важно, что развивавшееся путевое и складское хозяйство железных дорог предьявляло большой спрос на зем-

¹ Список населенных мест по сведениям 1859 г. Московская губерния. СПб., 1862. С. XXIV; Первая всеобщая перепись 1897 г. СПб., 1904. Т. XXIV. Тетр. 2. С. XIII–XIX; Щепкин М. П. Общественное хозяйство Москвы. Ч. 1. Вып. 1. М., 1888. С. 158; История Москвы. Т. 4. С. 63.

² Тарасов С. Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М., 1856; Орлов П. И., Будагов С. Г. Указатель фабрик и заводов Европейской России. Изд. 3-е. СПб., 1894; Торгово-промышленные предприятия г. Москвы в 1885–1890 гг. М., 1892; История Москвы. Т. 4. С. 73.

³ Ведомость находящихся в Москве торговых и промышленных заведений за 1872 г. М., 1873; Торгово-промышленные заведения г. Москвы в 1885–1890 гг. М., 1892. Приложение. С. 2–43; История Москвы. Т. 4. С. 129.

лю, стимулируя рост оборотов с недвижимостью и землей и толкая вверх цены¹.

Какое общее количество объектов недвижимости и земли в Москве меняло собственников, и в том числе в прямой связи с жилищным и промышленным строительством и прокладкой железных дорог, считая и в десятинах, и в участках, в точности неизвестно². Доступны лишь единичные разрозненные факты, но которые, однако, в какой-то степени характеризуют масштабы явления. Один из них связан с прокладкой (в 1903–1908 гг.) Московской окружной железной дороги. Сооружалась она самой последней из дорог Московского железнодорожного узла, на средства казны, и потому, в отличие от всех остальных дорог, которые изначально строились как частные и там было что скрывать, здесь скрывать было особо нечего и почти все попало в официальный отчет³.

Благодаря этому мы знаем, что из общей утвержденной строительной сметы в 38,7 млн руб. приблизительно 23% было ассигновано специально на выкуп земельных участков, что в полосу отчуждения дороги протяженностью всего в 50,64 версты (54 км) попала без малого 1 тыс. десятин земли в составе около 100 участков в собственности различных ведомств, церк-

¹ Это обстоятельство самым прямым образом отразилось в том числе и на местоположении московских вокзалов и основных служб железных дорог. При взгляде на карту Москвы видно, что правления железных дорог, считая деньги, вынесли даже свои вокзалы на самые тогдашние окраины, поближе к административной границе города, где земля была дешевле. Практически все они расположены по периметру нынешнего Садового кольца. А основные товарные дворы и депо вынесены еще дальше, на территорию уезда, где земля была еще дешевле (Николаевской дороги – близ деревни Ховрино, Московско-Казанской – Перово, Московско-Курской – Люблино и т. д.).

² То есть какие-то данные наверняка сохранились, но просто такими подсчетами в отсутствие внятно сформулированного «государственного заказа», насколько известно, по собственной инициативе никто не занимался, вполне отдавая себе отчет в громадной трудоемкости и сложности этой работы.

³ Отчет о постройке Московской окружной дороги. М., 1910.

ви и частных лиц, и что пошло под снос в общей сложности 465 зданий и строений торгово-промышленного назначения и 160 жилых (городских домов, а также дач и крестьянских изб)¹.

Примерно таким же должен был быть, по крайней мере, порядок цифр и при сооружении других железных дорог, а также крупных промышленных объектов.

Надо сказать несколько слов и о развитии финансово-банковской сферы. Москва, как уже в первой половине XIX века второй крупнейший центр экономики после Петербурга, сделалась полем широкого приложения капиталов сперва казенных банков (Государственного Коммерческого, а после его преобразования в 1860 г. Государственного банка), а затем испытала полосу создания целого «созвездия» частных кредитных организаций².

Всем им скоро потребовались собственные престижные здания или, по крайней мере, достаточно престижные помещения, желательны в центре города. Но надо сказать, что не только в связи с этим Москва в пореформенное сорокалетие испытала целую полосу крупного строительства в центральной части города престижных зданий (преимущественно торгово-промышленного и во вторую очередь общественного и культурного назначения)³.

Вопрос об общей численности и основных характеристиках населения Москвы представляет для нас определенный интерес и значение в первую очередь в оценке потенциального объема рынка нотариальных услуг — ибо чем больше общая численность населения, тем больше математически ожидаемое число потенциальных клиентов у нотариусов. (Зависимость тут, разумеется, не столь прямая, но статистическая взаимосвязь, несомненно, существует.)

¹ Отчет о постройке Московской окружной дороги. М., 1910; [Толстов Ю.] По Московской Окружной — из прошлого в будущее. М., 2008. С. 4; Калмыков С. В., Мишенев Ю. Д., Рошечкин В. Т., Сенин А. С. Московской окружной железной дороге 100 лет. М., 2008. С. 18.

² В 1864 г. в Москве учреждается первое негосударственное кредитное учреждение — Московский Купеческий банк. В 1869 г. второе — Московское Купеческое общество взаимного кредита, а в интервале 1870—1871 гг. возникают еще четыре — Московский Учетный, Московский Торговый, Московский Коммерческий ссудный и Московский Промышленный банки. В конце 70-х гг. два банка из этой шестерки прекратили действия, однако в 1885 г. известный московский предприниматель Л. С. Поляков добился перевода правления контролируемого им банка из Рязани в Москву — он стал именоваться Московским Международным торговым и в 90-х гг. обзавелся одним из красивейших банковских зданий Москвы — на углу Рождественки и Кузнецкого Моста. Помимо этого в Москве открылось большое количество банкирских домов и контор. // История Москвы. Т. 5. С. 209—211.

³ Так, в Китай-городе построены здания Верхних, Средних и Нижних торговых рядов, здание Исторического музея, расширено здание Биржи (ныне — Торговая Палата Российской Федерации) и выстроен ряд банковских зданий на Ильинке. В пределах Бульварного кольца были выстроены здание Городской Думы, Петровские линии, пассажи Попова, бр. Джамгаровых, Солодовникова на Кузнецком Мосту и еще ряд крупных магазинов, здание Государственного банка на Неглинной, Международного Торгового банка Л. С. Полякова и И. В. Юнкера на Кузнецком мосту, здание Первой телефонной станции на углу улиц Кузнецкий Мост и Рождественка, здание Сандуновских бань в Неглинном проезде, Политехнический музей, ряд зданий правлений и доходных домов страховых обществ («Россия» на Лубянской площади и Сретенском бульваре, «Якорь» на Петровке и др.), здание театра Ф. А. Корша в Богословском переулке и др.

Состав населения города, если вести речь именно о более-менее постоянном населении, в первой половине XIX столетия менялся очень медленно и в целом весьма мало. Это объяснялось в целом малой общей мобильностью населения в крепостную эпоху и тем, что основная чиновная жизнь сосредоточивалась в Петербурге, а функции любого губернского города – а Москва, несмотря на свой неофициальный статус второй столицы, оставалась именно губернским городом – лежали прежде всего в сфере экономики.

Соответственно этому и количество торгово-промышленных предприятий увеличивалось постепенно. Пришлые на заработки крестьяне обычно жили при фабриках или при семье своего нанимателя, причем их число сдерживалось и объективными экономическими ограничениями (размерами спроса на рабочие руки, в свою очередь определяемого размерами платежеспособного спроса на товары на тот или иной конкретный момент времени), и сложностями, вытекающими из их крепостного статуса.

С момента отмены крепостного права эти патриархальные характеристики городской жизни и быта и Москвы, и ряда других губернских городов – но в первую очередь это коснулось Петербурга и Москвы, – затрещали под мощным демографическим «подпором», в основе которого в конечном счете лежала объективная необходимость для крепостных крестьян зарабатывать средства на уплату выкупных платежей.

Население г. Москвы по данным текущего полицейского учета и однократных переписей (проведенных 12 декабря 1871 г., 24 января 1882 г. и 28 января 1897 г.) составляло в начале 1860-х гг. в круглых цифрах 350–380 тыс. человек, к началу 1870-х возросло до 590,5 тыс., к началу 1880-х – до 753,4 тыс. и к концу 1890-х – до 978,5 тыс. (а с пригородами – до 1038 тыс.)¹.

При этом надо сказать, что естественный прирост как фактор не имел большого значения и основное дело было именно в миграции. Она играла определяющую роль: по городской переписи населения 1882 г. 73,9% учтенных ею составили люди, так или иначе пришлые, а по общероссийской переписи 1897 г. – 73,6%².

Это большое количество пришлых людей, подавляющая часть которых прибыла в Москву с ярко выраженной доминантной целью – зарабатывать деньги, служило одной из важных предпосылок к тому, чтобы сделать «пульс» деловой жизни города более напряженным. А это среди прочего означало и прямое увеличение объемов работы для нотариусов по составлению и засвидетельствованию явки разнообразных документов, связанных

¹ Список населенных мест по сведениям 1859 г. Московская губерния. СПб., 1862. С. XXIV; Городское население Российской империи. Т. VI. СПб., 1864. С. XXXI; Статистический вестник Российской империи. Т. I. СПб., 1866. С. 115; Статистические сведения о жителях Москвы по переписи 12 декабря 1871 г. М., 1874; Перепись Москвы 1882 г. Вып. 2. Население и занятия. М., 1885; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. XXIV. Город Москва. Тетр. I, II. СПб., 1904; Статистический ежегодник г. Москвы. Год 1-й. 1906/7. Вып. 1. Изд. стат. отд. Московской городской управы / Под ред. В. Г. Михайловского. М., 1908. С. VIII; История Москвы. Т. 4. С. 227, 228.

² Перепись Москвы 1882 г. Вып. 2. Население и занятия. М., 1885; Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Т. XXIV. Город Москва. Тетр. I, II. СПб., 1904; История Москвы. Т. 4. С. 230–231.

со сферой бизнеса: хозяйственных договоров, заемных писем, доверенностей, коммерческих векселей и т. д.

Вторым характерным и в каких-то отношениях потенциально достаточно благоприятным для перспектив нотариального бизнеса в Москве признаком можно считать значительный перекоc т. н. демографической «пирамиды» в Москве по полу и возрасту.

На протяжении всей пореформенной эпохи ее отличали выраженное преобладание мужского населения (доля женщин, по данным переписей, колебалась от 38,5 до 43,4%) и аномально большая доля лиц обоего пола брачных возрастов (21–40 лет) – 47,5% для коренных уроженцев Москвы и без малого 70% для приезжих. При том что (и это в-третьих) не менее 50% как мужчин, так и женщин в брачном возрасте официально числились не вступившими в брак¹.

Это стечение обстоятельств можно было признать весьма многообещающим прежде всего для такого направления нотариальной работы, как составление собственно брачных контрактов, а также записей о родственных разделах имущества в связи с вступлением в брак. Однако надо сказать, что если отдельные записи более, так сказать, «интернациональны» и встречаются в составе московских нотариальных архивов более часто, в том числе и среди православного населения Москвы, то составление брачных договоров характерно почти всецело для тех же категорий неправославного населения: римо-католиков и лютеран.

Еще одним традиционно важным показателем для характеристики населения у демографов выступает уровень смертности. Потенциально важен

¹ Число супружеских пар по переписям 1882 и 1897 гг. охватывало лишь порядка 50% официально числившихся замужними женщинами и 27% официально женатых мужчин // История Москвы. Т. 4. С. 233, 235, 236.

он и для нотариального бизнеса, в связи с составлением завещаний и последующих документов в связи с их реализацией – отдельных записей, дарственных (на объекты недвижимости обязательно) и т. п.

К вопросу о потенциальном объеме «рынка» такого вида нотариальных действий, как составление завещаний, надо сказать, что число ежегодно умиравших в Москве колебалось от 4,1 до 5,6 тыс. человек¹, то есть было достаточно велико. Однако совершенные нотариальным порядком завещания в нотариальных архивах (правильнее, впрочем, говорить об их остатках) московских нотариусов встречаются относительно редко. Объясняется это тем, что составление завещаний было в массе более характерно для лютеран и римо-католиков, чем для лиц православного вероисповедания.

Кроме того, что также было потенциально важно для перспектив развития нотариального бизнеса (и это уже можно считать в-четвертых), среди населения Москвы был очень высок удельный вес экономически самостоятельного населения.

Состав населения Москвы с точки зрения того, каким образом оно добывало себе средства к жизни, тесно переплетался и с социально-классовым делением, и с существовавшим с конца XVIII в. официальным делением всего населения по сословиям. Последние данные до реформы 1861 г. выглядели следующим образом: согласно обработанным сведениям на 1852 г., вошедшим в упомянутое статистическое описание Москвы², общее количество ее населения определялось в 338,5 тыс. человек. Из них почти 18 тыс. дворян и почти 200 тыс. крестьян всех категорий, а среди остальных, занимавших в этом смысле промежуточное положение, выделялись

¹ Число умерших в Москве, по данным текущего административного учета, составило в 1867–1871 гг. 20 592 человек, в 1872–1876 гг. – 22 254, в 1877–1881 гг. – 23 370, в 1882–1886 гг. – 26 584, в 1881–1891 гг. – 28 303, в 1894–1896 гг. – 27 363 человек // История Москвы. Т. 4. С. 230.

² Военно-статистическое обозрение. Т. VI. Прилож. 3.

духовенство (5,5 тыс.), купечество (15,6 тыс.) и прочее городское экономически самостоятельное население, объединенное в две категории: мещане (61,6 тыс.) и т. н. цеховые (т. е. самостоятельно работавшие ремесленники) (12,4 тыс.).

Основную массу работавших в Москве по найму и до реформы 1861 г. составляли крестьяне, зарабатывавшие таким образом средства на уплату податей (государственных налогов) и оброка для своего помещика, если говорить о помещичьих крестьянах (в 1852 г. таких было 81,5 тыс. человек, в том числе 60 тыс. мужчин), или на уплату казенных платежей, если говорить о крепостных государственных крестьянах (45,5 тыс. человек в 1852 г., из них 39 тыс. мужчин) и крестьянах удельных и дворцовых (до 10 тыс., из них до 6,5 тыс. мужчин)¹. Сколь-нибудь значительный контингент для наемной работы из других слоев населения могли дать только мещане и цеховые.

Им «противостояла» группа номинальных владельцев фабрично-заводских предприятий Москвы (443 человека), почти 90% из которых составляли купцы и почетные граждане, около 6% — мещане и цеховые, менее 3% — крестьяне и 0,9% — дворяне и чиновники².

Все категории населения, включая и те, что в экономическом смысле можно считать промежуточными, лучше всего учтены переписями 1882 и 1897 гг. По данным первой, экономически самостоятельными объявили себя 71,4% всего населения (85,5% среди мужчин и 52,7% среди женщин), второй — 69,1% (соответственно, 82,7% среди мужчин и 51,1% среди женщин)³. Это было отчасти связано с отмеченным выше значительным притоком в Москву «на заработки».

Наиболее подробно социальный состав населения Москвы учтен и разработан по городской переписи 1882 г. Согласно ей по группе «чиновники и войско» (все военнослужащие) учтено 33,9 тыс. человек (и еще 12,8 тыс. как их иждивенцы). По группе «духовенство и лица свободных профессий» — 18,3 тыс. (и еще 19,3 тыс. как их иждивенцы). По группе «рантье и пенсионеры» — 15 тыс. (и 13,6 тыс. как их иждивенцы). По группе «торговцы» — 71,9 тыс. (в том числе 20,4 тыс. — «хозяева», 13,7 тыс. — «приказчики» и 31,7 тыс. — «рабочие») и 53 тыс. как их иждивенцы. По группе «транспорт и учреждения связи» — 34,9 тыс. (12,1 тыс. как «хозяева», 0,5 тыс. — «служащие» и 9 тыс. — рабочие) и 19,3 тыс. как их иждивенцы. По группе «промышленность» — 221,6 тыс. (35,1 тыс. как «хозяева», 5,9 тыс. — «приказчики» и 180,7 тыс. как рабочие) и еще 68 тыс. как их иждивенцы. И по группе «сельское хозяйство» — 4,4 тыс. (в том числе 2,2 тыс. «хозяев» и 0,3 тыс. «служащих»).

Таким образом, зафиксируем, что в общей сложности 150,7 тыс. объявили себя как «хозяева» и их иждивенцы, 23,6 тыс. были указаны как люди, живущие преимущественно на доходы с капитала и их иждивенцы, и 63,2 тыс. как

¹ Тарасов С. (сост.). Статистическое обозрение промышленности Московской губернии. М., 1856; История Москвы. Т. 4. С. 238, 239.

² Там же. (О количестве владельцев всех других — торговых, транспортных и т. п. предприятий этот источник не сообщает.)

³ История Москвы. Т. 4. С. 241.

торгово-промышленные служащие и их иждивенцы, а всего — 237,5 тыс. (По российским меркам — немало: население целого среднего губернского города). Эти люди должны были составить математически ожидаемый предпочтительный контингент клиентов московских нотариусов по сфере бизнеса.

Капиталистов и рантье по переписи 1882 г. в Москве насчитывалось около 12 тыс. человек. Из них дом в Москве, имение или капитал показали 1235 мужчин и 2754 женщины и 5 тыс. их иждивенцев обоего пола. Дом вне Москвы, имение или капитал — 167 мужчин и 367 женщин и 2,7 тыс. их иждивенцев обоего пола, имение — 715 мужчин и 1412 женщин и 2 тыс. их иждивенцев, капитал — 1386 мужчин и 4077 женщин и 2963 их иждивенца¹. Эти люди, наряду с теми домовладельцами, за кем числились те 22 475–36 269 объектов городской недвижимости, о которых было сказано выше, и «хозяевами» торгово-промышленных предприятий, должны были составить ожидаемый предпочтительный контингент клиентов московских нотариусов по сфере внутригородского гражданского оборота недвижимости, а те 3,2 тыс. человек (считая с иждивенцами), кто непосредственно показали дом или имение вне города (а в более широком плане сюда же следует отнести и 46,7 тыс. (вместе с иждивенцами), проходящих по переписям как «чиновники и войско», и 150,7 тыс. «хозяев» и остальные 20,4 тыс., живущих на доходы с капитала) — как предпочтительные клиенты по сфере гражданского оборота недвижимости вне пределов города.

Чем занимались московские нотариусы

Возвращаемся к должностным функциям нотариусов. Как мы помним, согласно ст. 65 Нотариального положения круг действий нотариусов заключался:

- 1) в совершении для желающих всякого рода актов («кроме особо изъятых от сего законом»);
- 2) в выдаче обратившимся к ним лицам на руки выписей из актовых книг и копий актов;
- 3) в свидетельствовании явки актов разного рода, мировых записей и прошений, третейских записей; а также в засвидетельствовании явки доверенностей, заемных обязательств (по написанию и по сроке), договоров о найме, о подрядах, верности копий, подлинности подписей, времени предъявления документов у нотариуса, нахождения лиц на данный момент времени в живых, заявления от одной стороны другой;
- 4) в совершении разного рода протестов;
- 5) в принятии на хранение «представленных от частных лиц документов»;
- 6) в составлении проекта раздела наследства (в указанных законом случаях).

А при исполнении нотариальных обязанностей нотариусу было необходимо: установить личность сторон; проверить их правоспособность и дееспособность, подлинность договора и установить его соответствие действующему законодательству; записать договор в книгу; взыскать пош-

¹ История Москвы. Т. 4. С. 241.

лины и сборы; на подлиннике договора совершить надпись, содержащую время засвидетельствования и номер по книге.

При этом надо заметить, что одной из особенностей жизни в России в рассматриваемое время, о которых специально следует (стоит) упомянуть в этой книге, было то, что по условиям российской действительности довольно большое число жизненных ситуаций требовало — по закону или по воле самих лиц, — как выразились бы в наши дни, «нотариального сопровождения». Причем в реальности таких ситуаций оказывается очень и очень много. Вкратце перечислим их.

Основные ситуации, создаваемые требованиями закона, включали:

Необходимость представлять все официальные бумаги, подаваемые частными просителями в различные государственные учреждения, не только, так сказать, в подлиннике, но и в засвидетельствованных нотариальным порядком на предмет верности копиях, которые в любом случае откладывались «в дело», а при необходимости в связи с решением вопроса отсылались и в другие инстанции — причем это касалось также и всех документов, подаваемых при них в качестве приложений.

В том числе, наверное, надо отдельно упомянуть о группе таких наиболее «популярных» случаев, как об обращениях по всем делам о паспортах; по делам о воинской повинности; о т. н. подписках от лиц, определяющихся на государственную службу, в том, что в отношении них не имеется каких-либо опорочивающих обстоятельств; о подписках, даваемых родителями в своем согласии на поступление сыновей в вольноопределяющиеся, и об обязательствах (подписках) родителей и родственников обеспечить достаточное содержание лицам, поступающим офицерами в гвардию или кавалерию; о подписках лиц о желании приписаться к какому-нибудь городскому или сельскому обществу¹; о подписках по имущественным обязательствам в отношениях с казной; о назначении казенной пенсии, ее продлении или о возобновлении почему-либо прекращенной выплаты пенсии; о выдаче из казны единовременного пособия; о выдаче свидетельства о бедности — единовременного (например, о признании недостаточности собственных средств для ведения дел в судах) или постоянного; по ходатайствам о признании платежности купонов по процентным бумагам, срок которых официально истек, и об обмене на новые ветхих кредитных билетов. И, наконец, о подаваемых в губернские правления обращениях по поводу испытаний на звание фельдшера и, наконец, об обращениях в российские посольства и консульства (одним из самых «популярных» поводов было имевшее довольно массовый характер паломничество представителей простого народа — и не только, о чем более широко известно, мусульман в Мекку, но и православных в Палестину).

¹ Вероятно, есть необходимость пояснить, что в соответствии с бытовавшим до 1917 г. общим принципом сословной организации населения России — необходимости обязательной принадлежности одному из сословий — представители ряда сословий были дополнительно объединены в т. н. «общества». Это касалось, в частности, мещан, ремесленников, а также крестьян, которые были обязаны состоять в одном из организованных по территориальному принципу «обществ», а при перемене места жительства или «состояния» (например, при переезде на постоянной основе из деревни в город) — подать прошение о своем «прикреплении» к такому обществу, в нашем случае — к мещанскому или ремесленному обществу г. Москвы.

Совершение всех актов о переходе прав собственности на недвижимое или движимое имущество, постоянно — купчих крепостей, а также дарственных и данных — или временно — закладных.

Также по требованию закона осуществлялось нотариальным порядком свидетельствование договоров об отдаче во временное содержание казенных или общественных земель; договоров о передаче заключенных частными лицами между собой и в особенности с казною контрактных обязательств в тех случаях, когда передача контракта совершалась частично или в полном объеме, но не передаточной записью на самом контракте, а особым актом; а также само совершение или же свидетельствование верности расписок о приеме кредитными учреждениями от частных лиц ценностей на хранение и на сбережение, а также расписок получателей в прекращении всяческих претензий с их стороны к управлениям казенных и правлениям частных железных дорог и контрактов (договоров) на лесные операции.

В большей мере по желанию самих частных лиц осуществлялось нотариальным порядком само совершение или же свидетельствование верности следующих групп документов:

- совершение духовных завещаний и духовных записей и более-менее связанных с ними по смыслу договоров об отречении от наследования и об отказе от пожизненного владения недвижимым или движимым имуществом в чью-то пользу за вознаграждение и без;
- совершение:
 - дарственных и данных;
 - закладных
 - различных договоров¹:
 - договоров о купле и продаже;
 - договоров о всякого рода подрядах и поставках между частными лицами, а равно и дополнительных условий к договорам сверх оговоренных в первоначальном договоре (об изменении объема поставки и т. п.);
 - формальных договоров о перевозке различных грузов (по терминологии того времени, кладей);
 - договоров о постройке или покупке парохода, корабля, баржи и т. п. и о т. н. цертепартии (найме корабля или судна для перевозки товара или груза) и бодмерее (найме корабля или судна под заклад);
 - договоров о мене имуществами;
 - договоров о срочной или бессрочной аренде имущества;
 - договоров найма или отдачи в содержание недвижимых и движимых имуществ (в том числе и квартир для жилья);
 - договоров заклада;
 - договоров о выдаваемых ссудах под залог движимого и недвижимого имущества;

¹ При этом надо сказать, что все вообще договора считались и учитывались отдельно на сумму до 50 руб. и более.

- договоров о ссуде имущества;
- договоров отдачи на хранение, а также близких по значению т. н. сохранных расписок;
- договоров о поручительстве, если они составлялись в форме отдельного акта;
- договоров об уступке или ограничении каких-либо прав на имущества;
- договоров издания (имеется в виду – какого-нибудь литературного или музыкального произведения);
- договоров о составлении товарищества или компании;
- договоров о вступлении в товарищество не «полными товарищами», а вкладчиками по товариществу¹;
- договоров об отдаче в обучение частного лица к другому лицу;
- договоров о личном найме к частному лицу вообще и отдельно о найме подрядчиков для производства работ по сметным или по существующим на данный момент расценкам;
- т. н. маклерских договоров (на сделки денежные и товарные);
- договоров о неустойке (составленных в форме отдельного акта);
- договоров дополнительных (т. е. изменяющих или отменяющих отдельные условия ранее заключенных договоров – без изменения общего срока действия и «цены» договора или с изменением одного из них или того и другого, а также с включением в него статей или пунктов, а также условий, меняющих саму юридическую квалификацию ранее заключенного договора, – например, придающих ему характер сделки);
- отсрочек по исполнению договоров, даваемых в форме отдельных документов;
- доверенностей (или т. н. верящих писем), – включая сюда и кредитные доверенности; доверенности на ведение дел у мировых судей и в съездах мировых судей, доверенности на получение денежного содержания, пенсий, пособий, наградных и других сумм, предназначенных к выдаче по государственной службе, а также жалованья и наемной платы по службе у частных лиц; на получение корреспонденции; доверенности от сельских обществ в форме общественных приговоров;
- т. н. заемных писем (в том числе с залогом недвижимого имущества, движимого имущества или без залога);
- отдельно закладных на недвижимые имущества;
- записей:
 - записей рядных (об отдаче имуществ в приданое);
 - поручительств (они носили название поручных записей);
- расписок о задатке (т. н. задаточных);

¹ С меньшим в этом случае объемом прав по участию в принятии решений и в прибыли, но и с меньшей долей ответственности.

- т. н. верящих писем или кредитивов (являемых засвидетельствованию при написании или при окончательном расчете);
- счетов: на удостоверение получения денег, товаров или иного имущества; предоставляемых подрядчиками и продавцами за приобретаемые для казны предметы; поданных должникам, в суммах, следующих за работу, услуги, забранные товары и т. п.; составленных маклерами, о т. н. куртажных деньгах (комиссионном вознаграждении им);
- условий об отдаче фабрикантами материалов для обработки (по сделкам на сумму свыше 800 руб.);
- различных условий между сочинителями (авторами) или переводчиками и издателями или между издателями и типографщиками и книгопродавцами.

Наконец, следует упомянуть о выдаче копий с актов, договоров, контрактов, условий и обязательств, выдаваемых как должностными лицами договаривающимся лицам, так и их наследникам, или являемых к засвидетельствованию; копий со всякого рода документов, представляемых в мировые суды, и копий с документов, оригиналы которых оставались на хранении у нотариуса.

Свидетельства совершения всех перечисленных категорий документов (в различных количественных соотношениях) присутствуют и в нотариальных архивах московских нотариусов. Но в этой связи обязательно следует сделать по ходу изложения следующее предварительное замечание.

О содержании работы нотариусов, разумеется, лучше всего судить на основе изучения актовых книг, а делать статистические подсчеты и оценки удобнее на основе данных нотариальных реестров. Но при этом следует иметь в виду, что в настоящее время, если говорить о состоянии дореволюционных нотариальных архивов в целом и, в частности, московских, даже по относительно лучше сохранившимся архивным фондам московских нотариусов мы не располагаем полными сериями тех и других, а в лучшем случае — разрозненными или даже буквально остатками.

Разумеется, какое-то представление о содержании работы московских нотариусов и даже в какой-то мере о ее специфике можно получить и на основе столь ущербной источниковой базы (иначе написание этого раздела книги вообще становилось бы невозможным). Но в связи с тем что мы имеем дело со своего рода «мозаикой», в которой утрачены заведомо больше половины клеточек, совершенно понятно, что любые наблюдения, заключения и выводы следует делать с большой осторожностью (и так же к ним и относиться).

Завещания

Свершенные нотариальным порядком завещания в нотариальных архивах московских нотариусов встречаются относительно редко. Объясняется это тем, что в целом составление завещаний было более характерным

для римо-католиков и лютеран — выходцев из прибалтийских, польских (и вообще западных) губерний, а также сохранивших свое зарубежное подданство иностранцев, чем для лиц православного вероисповедания.

В высшей степени характерный их образчик представляет недавно опубликованное Н. Н. Тоцким завещание прусско-подданного Г. В. Ниргауза, совершенное 12 марта 1905 г. в конторе московского нотариуса А. Ф. Момма¹. Завещания эти (хотя, быть может, и нехорошо так говорить о последней воле давно ушедших людей) если чем-то и могут произвести впечатление сегодня, то в первую очередь своей заурядностью, банальностью сделанных распоряжений.

Но есть по крайней мере одна категория завещаний, о которых следует сказать обязательно и особо. Это — о духовных завещаниях представителей верхушки торгово-промышленного мира Москвы, в которых сделаны распоряжения относительно передачи больших (а порой речь идет об очень больших суммах, порядка десятков тысяч, сотен тысяч и даже миллионов рублей) на дела благотворительности.

Эти завещания обязательно должны были совершаться нотариальным порядком уже по одному тому, что наносили чувствительный удар по материальным интересам наследников и они могли попытаться оспорить завещание. Несколько таких попыток действительно имели место², но не увенчались успехом — суды во всех случаях принимали сторону завещателей. В составе собственно нотариальных архивов московских нотариусов текстов таких завещаний обнаружить пока не удалось (по крайней мере, автору этих строк), но их «следы» проходят по другим архивным источникам³.

¹ ЦИАМ. Ф. 1010. Оп. 1. Л. 1-1об.; Производство московского нотариуса А. Ф. Момма // Бюллетень нотариальной практики. 2012. № 1. С. 17.

² Так получилось в частности, в случае А. Б. Неокладнова, все имущество которого, как выяснилось, оказалось в 1903 г. завещано на благотворительные нужды, и потому наследники (племянники) пытались оспаривать завещание через суд. Попытка не удалась (суд, естественно, принял сторону завещателя), но конфликт был улажен тем, что Московская Городская Дума по собственной инициативе в апреле-мае 1905 г. уплатила наследникам 10% суммы в виде своеобразной компенсации.

Во втором случае наследники (сын и две дочери) пытались оспорить по суду (и с тем же успехом) завещание А. Н. Алексеевой (урожд. Мазуриной), которая в 1896 г. пожертвовала всю сумму от продажи принадлежавшего ей имущества (выручено 407,3 тыс. руб.) на благотворительные цели.

Третий случай имел место в связи с наследством П. С. Калининой (урожд. Судаковой), завещавшей городу в 1905 г. на цели благотворительности 14,9 тыс. руб. Деньги эти удалось получить с душеприказчика Н. Д. Юдина только по суду в 1913 г., а до этого он скрывался и объявился и выдал деньги лишь под угрозой начала против него уголовного преследования.

И, наконец, четвертый заслуживающий упоминания случай возник в связи с пожертвованием Е. У. Залогойной, которая в 1901 г. отказала городу дом с участком земли для устройства в нем дома бесплатных квартир и приюта для неизлечимо больных — с условием, что он будет находиться в пожизненном пользовании дочери. Нежелание дочери, Н. И. Хлудовой допустить представителей городской управы для осмотра владений в конце концов в 1913 г. вынудило Городскую Думу принять решение после юридического укрепления имущества за городом совершить его опись, прибегнув для этого к суду // ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 57. Д. 20. Л. 18, 35–37; Д. 889. Л. 34–50; Оп. 59. Д. 1180. Л. 6; Ульянова Г. Н. С. 290, 343, 350, 418.

³ ЦИАМ. Ф. 179. Оп. 21. Д. 1562 (Л. 66 об.); Оп. 57. Д. 117 (Л. 3 об.), 293 (Л. 19), 514 (Л. 1); Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 284, 296, 298–300, 302–304, 314, 319, 334, 347–349, 352, 354, 357, 370, 371, 389, 401, 406, 410–412, 415, 416, 434, 435, 438, 441.

Специально занимавшаяся этим вопросом Г. Н. Ульянова приводит длинный список таких завещаний¹. Выявленные ею данные свидетельствуют, что за описываемый период, с 1868 г., когда, похоже, в Москве реально начал функционировать независимый нотариат на новых основаниях, по 1917 г. было совершено не менее 133 таких завещаний, общая сумма пожертвований по которым составила несколько больше 52 млн (52 166 575) рублей. Индивидуально суммы пожертвований по духовным завещаниям, конечно, варьируют, и притом в очень широких пределах — от нескольких сотен до миллиона рублей и более², но и число случаев, когда сумма пожертвования составила более 100 тыс. руб., переваливает за три десятка. Ни в одном другом городе России, включая и главную столицу Санкт-Петербург, даже близко не наблюдалось ничего подобного.

Во многих случаях реализация духовных завещаний влекла за собой совершение дальнейших нотариальных действий — дарственных, купчих и др.³.

Купчие

Ка мы помним, по требованиям Нотариального положения 1866 г. совершение нотариусами актов на переход прав собственности на объекты недвижимости и землю — купчих крепостей или просто купчих — должно было записываться дословно в их актовых книгах совершенно обособленно от всех прочих нотариальных действий — но в реестрах они, естественно, проходили вперемешку, поэтому даже в тех случаях, когда сами актовые книги не сохранились, но сохранились реестры, этот пробел отчасти восполним.

В период времени, о котором идет речь, город активно застраивался, гражданский оборот земли шел весьма активно и купчих на объекты недви-

¹ Ульянова Г.Н. Благодетельность московских предпринимателей: 1860–1914 гг. М., 1999. С. 281–494.

² Крупнейшие пожертвования по духовным завещаниям: Г.Г. Солодовников — 20 147 700 руб. (в 1901 г.); К.Т. Солдатенков — 3 731 065 руб. (в 1901, 1905 и 1912 гг.); А.И. Коншина — 2 300 000 руб. и недвижимость (в 1914 г.); Ф.Я. Ермаков — 2 063 500 руб. (в 1903, 1904 и 1906 гг.); А.К. Медведникова 2 040 000 руб. (в 1900 г.); Н.А. Мазурин — 1 897 276 руб. (в 1886, 1887 и 1903 гг.); П.М. Третьяков — 1 723 233 руб. (в 1898 и 1900–1901 гг.); А.В. Алексеева (урожд. Коншина) — 1 454 241 руб. (в 1910 и 1914 гг.); А.Ф. Чулков — 829 036 руб. (в 1914 г.); А.Л. Беренштам — 790 000 руб. (в 1896 г.); В.Я. Лепешкина — 704 250 руб. (в 1901 и 1904 гг.); К.А. Попов — 646 389 руб. (в 1872 г.); Д.М. Великолепова — 552 600 руб. (в 1888 г.); В.А. Бахрушин — 482 669 руб. (в 1906–1909 гг.); К.Г. Попова — 414 175 руб. (в 1902 и 1905 гг.); А.Н. Алексеева (урожд. Мазурина) — 407 200 руб. (в 1896 г.); А.К. Колесова (урожд. Кукина) — 405 292 руб. (в 1909 и 1910–1913 гг.); В.А. Алексеева — 400 000 руб. (в 1895 г.); В.Е. Морозов — 400 000 руб. (в 1898 г.); А.Б. Неокладнов — 334 658 руб. (в 1906 г.); Н.Е. Орлов — 300 000 руб. (в 1911 г.); К.Д. Рыкалов — 283 900 руб. (в 1866 и 1867 гг.); Т.Г. Гурьева — 275 200 руб. (в 1905 и 1906 гг.); Н.И. Боев — 274 285 руб. (в 1896 г.); Л.-Ж.-Ф. Тимистер (бельгийский подданный, католик) — 260 000 руб. (в 1906 г.); Ф.Н. Самойлов — 251 205 руб. (в 1896 и до 1914 г.); С.В. Алексеев — 210 000 руб. (в 1873 г.); В.Г. Солодовников — 203 000 руб. (в 1875 г.); Н.М. Андреева (урожд. Королева) — 200 000 руб. (в 1911 г.); И.Н. Сувилов — 133 161 руб. (в 1913 и 1914 гг.); А.К. Рахманова — 133 142 руб. (в 1908, 1910 и 1914 гг.); Н.В. Немиров-Колодкин — 128 650 руб. (в 1888 г.).

³ Всего один пример, чтобы стало понятно о чем речь: в связи с реализацией духовного завещания Н.И. Боева принадлежавшее ему имение в с. Сокольникове Звенигородского у. Московской губ. и находившееся в пожизненном пользовании брата, В.И. Боева, было в 1906 г. ускоренно выкуплено городом и в дальнейшем использовалось для нужд городских благотворительных учреждений, в частности для организации летнего отдыха детей.

жимости и землю в Москве совершалось достаточно много. Причем, надо сказать, и на владения или земельные участки в целом, и на их доли, иной раз весьма небольшие.

И здесь также, пожалуй, особого упоминания заслуживает прежде всего все та же группа случаев, связанная с крупными пожертвованиями на дела благотворительности. Зафиксировано 42 прижизненных пожертвования деньгами на устройство больниц, училищ, богаделен, которые, рассуждая логически, должны были повлечь за собой дальнейшее совершение купчих крепостей на приобретаемые для реализации пожертвования участки земли и объекты недвижимости¹.

¹ Так, в 1876 г. К. В. Рукавишников (вместе с братом И. В. Рукавишниковым) пожертвовал Московскому городскому общественному управлению (далее М. г. о. у.) 120 000 руб. на устройство исправительного приюта (передан семьей городу в 1878 г., а в 1904 г. открыта летняя колония приюта в Московской губ.); в 1882 г. А. А. Бахрушин (совместно с братьями В. А. и П. А. Бахрушиными) пожертвовал М. г. о. у. 450 000 руб. на устройство больницы (Бахрушинская больница на 238 кроватей была открыта в 1887 г.); в 1883 г. Н. А. Алексеев пожертвовал М. г. о. у. 71 807 руб. на строительство мужского и женского городских начальных училищ (построены и открыты в 1884 г.); в 1887 г. Д. А. Морозов пожертвовал Московскому купеческому обществу (далее М. к. о.) 500 000 руб. на устройство и содержание богадельни и приюта (постройка завершена в 1891 г.); в 1888 г. Е. А. Кун пожертвовала М. г. о. у. 52 371 руб. (из них 40 000 на устройство и содержание училища фельдшерниц – открыто в 1888 г. при Старо-Екатерининской больнице); в 1888 г. А. Г. Найденова (урожд. Хлудова) пожертвовала М. г. о. у. (совместно с сестрами К. Г. Востряковой, Л. Г. Лукутиной и П. Г. Прохоровой) 98 250 руб. на расширение дома призрения им. Г. И. Хлудова, в 1890 г. – 100 000 руб. на устройство при нем корпуса бесплатных квартир (открыт в 1891 г.) и в 1895 г. – 50 000 на его расширение; в 1890 г. А. А. Бахрушин пожертвовал М. г. о. у. 300 000 руб. на устройство и содержание при Бахрушинской больнице дома призрения; в 1893 г. Т. Г. Гурьева пожертвовала М. к. о. 325 000 руб. на устройство и содержание богадельни с церковью для больных и слепых женщин и 500 руб. на покупку участка земли под устройство сада при ней; в 1890 г. Н. И. Боев пожертвовал М. г. о. у. 750 000 руб. на устройство и содержание дома призрения, в 1894 г. – 9 000 на его обзаведение и в 1893 г. – 130 000 руб. на устройство и содержание начального училища; в 1892 г. А. С. Капцов пожертвовал М. г. о. у. 190 000 руб. на устройство и содержание начального училища для мальчиков (открыто в 1892 г., в собственном здании с 1893 г.); в 1895 г. А. А. Бахрушин (совместно с братом В. А. Бахрушиным) пожертвовал М. г. о. у. 600 000 руб. на устройство сиротского приюта; в 1895 г. С. Н. Горбова пожертвовала М. г. о. у. 90 951 руб. на устройство и содержание дома трудолюбия и в 1897–1904 и 1912 гг. в четыре приема пожертвовала на те же цели 40 584 руб. (3 102, 25 000, 11 482 и 1 000); в 1895 г. А. С. Капцов пожертвовал М. г. о. у. 170 000 руб. на устройство и содержание начального училища для девочек (открыто в 1895 г., в собственном здании с 1897 г.); в 1896 г. С. И. Лямин пожертвовал М. г. о. у. 5 000 руб. на устройство и содержание убежища для детей лиц, пострадавших в катастрофе на Ходынском поле во время коронации Николая II (открыто в 1896 г.); в 1896 г. С. А. Протопопов пожертвовал М. г. о. у. 10 000 руб. на те же цели; в 1897, 1900 и 1902 гг. В. А. Бахрушин пожертвовал (в три приема) М. г. о. у. 1 236 020 руб. (501 020, 560 000 и 175 000) на сооружение дома бесплатных квартир (открыт в 1901 г.); в 1897 г. В. А. Морозова (урожд. Хлудова) пожертвовал М. г. о. у. 10 000 руб. на постройку здания 2-го Рогожского начального училища); в 1897 г. П. Г. Прохорова (урожд. Хлудова) пожертвовала М. к. о. 153 766 руб. на устройство и содержание корпуса для размещения в нем начального ремесленного училища и дома бесплатных квартир; в 1898 и 1902 гг. (в два приема) В. И. Бакастов пожертвовал М. г. о. у. 17 500 руб. на устройство учреждений попечительства о бедных Суцеской части; в 1899 г. С. А. Протопопов пожертвовал М. г. о. у. 1 000 руб. для постройки богадельни и детского приюта (построены в 1902 г.); в 1900 г. А. А. Бахрушин (совместно с братьями С. А. и В. А. Бахрушиными) пожертвовал М. г. о. у. 15 000 руб. на постройку здания для благотворительных учреждений попечительства о бедных Пятницкой части; в 1900 г. Н. И. Баев пожертвовал М. г. о. у. (совместно с братом К. Д. Баевым) 400 000 руб. (100 000 на постройку и 300 000 в капитал) на сооружение дома для содержания неизлечимо больных; в 1900 г. К. Т. Солдатенков пожертвовал М. г. о. у. 5 000 руб. на постройку богадельни

Дарственные

Охарактеризовать, что представляла собой в целом группа дарственных, отложившихся в московских нотариальных архивах, как и купчих, достаточно сложно. Дело здесь, опять повторим, и в неполноте самой источниковой базы, и в большой пестроте сделанных распоряжений. Но и здесь выделяется и заслуживает особого упоминания по меньшей мере одна категория. Речь идет о 22 зафиксированных случаях прижизненных пожертвований от лица все той же группы лиц (торгово-промышленных «тузов» Москвы) городу в лице Московского городского общественного управления, или сословному органу, Московскому купеческому обществу, крупных и дорогостоящих объектов недвижимости, исполнение чего логически должно было повлечь за собой оформление дарственных¹.

попечительства о бедных Яузской части (открыта в 1902 г.); в 1901 г. С. И. Лямин пожертвовал М. г. о. у. 1000 руб. на постройку богадельни в попечительстве о бедных Тверской части; в 1902 г. Т. Н. Назаров пожертвовал М. г. о. у. 63900 руб. на устройство и содержание дома призрения в попечительстве о бедных Лефортовской части (выстроен в 1898 г.); в 1903 г. К. А. Зубова (урожд. Полежаева) пожертвовала М. г. о. у. 11445 руб. на постройку здания богадельни попечительства о бедных Рогожской части; в 1905 г. Н. К. Крестовников пожертвовал М. г. о. у. 7822 руб. на постройку дома для заведений попечительства о бедных 1-го участка Хамовнической части (открыт в 1909 г.); в 1905 г. М. К. Морозова (урожд. Мамонтова) пожертвовала М. г. о. у. 60000 руб. на приобретение здания для благотворительных учреждений в пределах попечительства о бедных 3-го участка Рогожской части (владение куплено в 1905 г. за 60000 руб.); в 1906 г. А. А. Бахрушин (совместно с племянником В. В. Бахрушиным) пожертвовал М. г. о. у. 400000 руб. на устройство приюта-убежища для брошенных детей; в 1907 г. Ю. Т. Крестовникова (урожд. Морозова) пожертвовала М. г. о. у. (пожелала построить и оборудовать на свой счет корпус хронических больных в Старо-Екатерининской больнице; открыт в 1908 г.); в 1908 г. М. Ф. Морозова (урожд. Симонова) пожертвовала М. г. о. у. — дала средства на устройство ночлежного дома для девочек (подходящее владение оценено в 100000 руб. (с землей)); в 1909 г. И. К. Рахманов пожертвовал М. г. о. у. 20000 руб. в неприкосновенный капитал для содержания дома бесплатных квартир (открыт в ноябре 1908 г.); в 1909 г. М. Д. Карпова (урожд. Морозова) пожертвовала М. г. о. у. (пожелала совместно с сестрой, А. Д. Алексеевой построить корпус на 32 кровати к родильному дому Старо-Екатерининской больницы) (оценен в 20000 руб., открыт в 1910 г.); в 1910 г. А. Н. Истомина пожертвовала М. г. о. у. 10000 руб. на постройку здания детского приюта в попечительстве о бедных 2-го участка Хамовнической части (построено в 1910 г.); в 1910 г. А. П. Каверин пожертвовал М. г. о. у. (пожелал построить за свой счет) каменный двухэтажный корпус в Старо-Екатерининской больнице (в оценке неизвестен, открыт в 1911 г.); в 1911 г. А. А. Карзинкин пожертвовал М. г. о. у. — пожелал построить и оборудовать на собственный счет лечебницу на 15 грудных детей с амбулаторией (корпус открыт в Морозовской больнице в 1914 г.); в 1912 г. Ю. Т. Крестовникова (урожд. Морозова) пожертвовала М. г. о. у. 20000 руб. на постройку ночлежного дома и биржи труда в попечительстве о бедных Хитрова рынка (открыты в 1914 г.); в 1913 г. З. Г. Морозова (урожд. Зимина) пожертвовала М. г. о. у. 70000 руб. на постройку дома дешевых квартир в попечительстве о бедных 1-го участка Тверской части (открыт в 1913 г.); в 1914 г. А. А. Бахрушин пожертвовал 33423 руб. на постройку трех павильонов в приюте-колонии в Тихвинском имении (сиротский приют в Тихвинском имении (в Сокольниках) был открыт в 1901 г., состоял из 6 одноэтажных каменных павильонов на 20–30 чел. каждый); в 1914 г. А. А. Бахрушин пожертвовал М. г. о. у. 75000 руб. на постройку здания столярной мастерской попечительства о бедных Пятницкой части (в 1915 г. Городской управой был отведен участок для строительства); в 1914 г. А. А. Бутюгина пожертвовала М. г. о. у. 50000 руб. на постройку дома бесплатных квартир в попечительстве о бедных Лефортовской части (вследствие войны не осуществилось); в 1915 г. А. А. Бахрушин пожертвовал М. г. о. у. 500000 руб. на постройку народного дома и ремесленной мастерской // Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 281–494.

¹ Так, в 1865 г. А. Г. Солодовников пожертвовал (совместно с братьями М. Г. и В. Г. Солодовниковыми) М. к. о. дом для устройства богадельни на 150 чел.; в 1867 г. С. В. Алексеев

В результате реализации пожертвований (сделанных как по духовным завещаниям, так и еще при жизни) город получил в общей сложности 7 новых больниц, 2 санатория и 2 военных госпиталя¹, 6 начальных и ремес-

пожертвовал городу (в лице М. г. о. у.) дом с землей стоимостью около 40 000 руб. на устройство Николаевского приюта вдов и сирот купеческого сословия (открыт в 1870 г.); в 1868 г. Н. Г. Куманин пожертвовал М. к. о. дом с землей (в оценке неизвестен) для устройства богадельни на 140 чел. и 100 000 руб. в капитал на ее содержание (открыта в 1868 г. в Кожевниках, дарственная М. к. о. оформлена в 1888 г.); в 1869–1873 гг. А. Г. Солодовников пожертвовал М. к. о. 3-этажный каменный дом для устройства начального училища для мальчиков-сирот из мещанского сословия; в 1876 г. Р. Н. Внуков пожертвовал Московскому купеческому обществу дом (в оценке неизвестен) и капитал в 30 000 руб. на устройство и содержание богадельни для неимущих женщин, а в 1887 г. — 20 000 на ее содержание и 18 000 — церкви при ней; в 1876 г. И. П. Сорокоумовский пожертвовал (совместно с братом П. П. Сорокоумовским) М. к. о. дом (в оценке 20 000 руб.) для устройства дома дешевых квартир и других благотворительных заведений; в 1886 г. Н. А. Мазурин пожертвовал М. к. о. участок земли (в оценке 25 000 руб.) и 500 000 руб. на устройство и содержание дома призрения для лиц из купеческого и мещанского сословий и в 1887 г. — 15 000 руб. на компенсацию превышения строительной сметы (открыт в 1887 г.); в 1889 г. А. В. Алексеева (урожд. Коншина) пожертвовала М. г. о. у. владение (оценено в 47 500 руб.) для устройства в нем корпуса на 45 психиатрических больных; в 1891 г. П. В. Шагаева пожертвовала М. г. о. у. владение с землей и строениями (в оценке 27 135 руб.) на нужды Преображенской психиатрической больницы; в 1892 г. Д. Р. Востряков (совместно с супругой и К. Г. Востряковой) пожертвовал М. к. о. дом (в оценке неизвестен) и капитал на устройство и содержание начального училища при доме призрения им. Г. И. Хлудова (училище на 35 учеников было открыто в 1893 г.) и с 1892 по 1913 гг. осуществлял ежегодные пожертвования на его содержание по 4 000 руб., а в 1897 г. за свой счет выстроил двухэтажную каменную пристройку к зданию училища; в 1892 г. П. М. и С. М. Третьяковы пожертвовали М. г. о. у. здание художественной галереи П. М. и С. М. Третьяковых (в оценке 236 902 руб.); в 1894 г. Н. Г. Геер (урожд. Постникова) пожертвовала М. г. о. у. земельное владение с постройками (в оценке 250 000 руб.) на устройство богадельни и в 1895 г. — земельный участок (в оценке 322 руб.) на нужды богадельни; в 1894 г. М. Н. Грязнова пожертвовала М. к. о. дом с землей (в оценке 20 000 руб.) и капитал в 60 000 руб. на устройство и содержание дома призрения бедных женщин (открыт в 1895 г.); в 1895 г. Е. В. Горбунова (урожд. Морозова) пожертвовала М. г. о. у. строенный ею бесплатный родильный дом на 15 кроватей с амбулаторией (принят Городской Думой в 1906 г.); в 1897 г. М. Е. Лапин пожертвовал М. г. о. у. дом с землей (в оценке 14 500 руб.) для устройства в нем дома призрения престарелых женщин православного вероисповедания; в 1900 г. В. И. Дубровина (урожд. Лямина) пожертвовала М. г. о. у. земельное владение со строениями (в оценке 200 000 руб.) на устройство приюта для хронических больных (открыт в 1909 г.); в 1902 г. В. А. Морозова (урожд. Хлудова) пожертвовала М. г. о. у. — передала в ведение города здания ремесленного и начального училища (в оценке 150 000 руб.); в 1906 г. П. Г. Ушаков пожертвовал М. к. о. дом с землей (в оценке 190 570 руб.) по Бол. Дорогомиловской ул. для устройства в нем после смерти жертвователя и его жены богадельни; в 1907 г. М. Г. Михайлова купила и пожертвовала М. г. о. у. дом (в оценке 70 000 руб.) для устройства и содержания в нем дома бесплатных квартир в попечительстве о бедных Басманной части (открыт в 1908 г.); в 1912–1914 гг. М. Д. Орлов пожертвовал М. к. о. дом на Арбате (в оценке 200 000 руб.) для устройства в нем дома призрения для бедных престарелых женщин; в 1914 г. М. С. Коровина пожертвовала М. г. о. у. 10,25 дес. земли с двухэтажным деревянным домом и двумя дачами (близ Измайловского зверинца) на благотворительные нужды города // ЦИАМ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 4140; Ф. 179. Оп. 57. Д. 1017; Оп. 59. Д. 293 (Л. 103); Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 285, 287, 322–324, 327, 330, 332, 335, 367, 375–376, 381, 390, 397, 406, 420, 448, 450, 455, 471, 476, 486.

¹ В том числе детская больница на 30 кроватей на пожертвование М. А. Хлудова открыта в 1891 г. (в дальнейшем была университетской клиникой по детским болезням); глазная больница на 54 кровати на пожертвование В. А. Алексеевой открыта в 1900 г., амбулатория при ней — в 1909 г.; больница на пожертвование А. К. Медведниковой открыта в 1903 г.; детская больница на 340 кроватей на пожертвование В. Е. Морозова открыта в 1905 г.; родильный дом на 51 кровать на пожертвование А. А. Абрикосовой (с добавлением средств города) открыт в 1906 г.; больница по женским болезням имени жертвователя открыта на пожертвование

ленных училищ и педагогические курсы¹, 20 учреждений общественного призрения (богаделен, приютов, ночлежных домов, домов бесплатных и дешевых квартир)², и были выстроены оборудованные в соответствии с новейшими санитарными требованиями корпуса в уже существующих больницах³.

...Основными категориями совершенных и засвидетельствованных московскими нотариусами документов, если судить, главным образом, по частоте их встречаемости в сохранившихся нотариальных реестрах (опять-таки, с оговоркой о большой неполноте самих этих реестров), в целом, похоже, являлись документы, связанные с торгово-промышленной и вообще коммерческой деятельностью, которые количественно зримо преобладают

Л.-Ж.-Ф. Тимистера в 1907 г.; больница для бедных им. К. Т. Солдатенкова на Ходынском поле открыта в 1910 г.; санаторий в Петровском парке открыт в 1914 г. на пожертвование А. И. Коншиной; и, кроме того, в 1914 г. в г. Воскресенске Московской губ. открыт на пожертвование А. В. Алексеевой (урожд. Коншиной) патронат // Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 281–494.

¹ Солодовниковское училище открыто в 1869 г., в 1873 г. передано в ведение Московского купеческого общества; 2-е Пречистенское городское начальное училище открыто на пожертвование В. А. Алексеевой в 1896 г.; торговая школа на пожертвование В. А. Алексеевой открыта в 1897 г.; женское и мужское начальные училища на пожертвование Ф. А. Копейкина-Серебрякова построены в 1904 г.; ремесленное училище на пожертвование К. Т. Солдатенкова открыто в 1909 г.; ремесленное училище на пожертвование Ф. Я. Ермакова открыто в 1910 г.; педагогические курсы им. М. Л. и Т. А. Королевых на пожертвование Н. М. Андреевой (урожд. Королевой) открыты при московском Народном университете им. А. Л. Шаняевского в 1912 г. // Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 281–494.

² Богадельня (Солодовниковская) открыта в 1865 г., в 1869 г. перешла в ведение Московского купеческого общества; богадельня в Кожевниках открыта на пожертвования Н. Г. Куманина в 1868 г.; богадельня на территории Мещанских училищ (т. н. Куманинский корпус) открыта на пожертвования П. И. Куманина в 1868 г.; богадельня на пожертвование Н. В. Немирова-Колодкина на 20 чел. на Бол. Ордынке открыта в 1886 г.; богадельня на пожертвование М. Е. Лапина на 45 чел. открыта в 1897 г. при попечительстве о бедных Басманной части; богадельня им. К. Т. Солдатенкова открыта в 1902 г.; богадельня на пожертвование А. К. Медведниковой на 68 чел. открыта в 1903 г.; богадельня на 55 чел. (40 престарелых и 15 монахинь) на пожертвование Е. И. Любимовой открыта в 1906 г.; дом призрения на пожертвование Н. А. Мазурина открыт в 1887 г.; ночлежный дом на 1300 чел. в ведении городской управы существовал с 1879 г. в зданиях, арендуемых у К. В. Морозова, с 1904 г. благодаря пожертвованию здания полностью перешли в собственность города; приют на пожертвование К. Г. Поповой открыт в 1906 г.; приют на пожертвование А. К. Медведниковой открыт в 1914 г. (и тогда же переделан под военный госпиталь); дом бесплатных квартир на пожертвование Н. А. Мазурина открыт в 1907 г.; два корпуса дома дешевых квартир им. жертвователя Г. Г. Солодовникова (в 1908 и 1909 гг.); дом на 20 бесплатных квартир на пожертвование Э. К. Рахмановой открыт в 1908 г.; дом бесплатных квартир имени жертвовательницы на пожертвование М. Г. Михайловой на 67 квартир открыт в 1908 г., строительство дома дешевых квартир имени жертвовательницы на 44 квартиры окончено в 1915 г.; ночлежные дома на пожертвование Ф. Я. Ермакова открыты на Каланчевской пл. в 1909 г. и на Краснохолмской ул. в 1915 г. // Там же.

³ В Алексеевской психиатрической больнице на пожертвование А. С. Капцова в 1900 г. открыт корпус для хронических больных; в Яузской больнице на пожертвование А. Б. Неокладнова в 1903 г. открыт корпус амбулатории с приемным покоем и в 1913 г. – хирургическое отделение; в Старо-Екатерининской больнице на пожертвование Л.-Ж.-Ф. Тимистера в 1911 г. открыты здания для амбулатории конторы; в Бахрушинской больнице на пожертвование В. Ф. Бахрушиной (урожд. Мазуриной) в 1913 г. открыта амбулатория на 230 посещений в день; в Преображенской психиатрической больнице в 1913 г. открыты два корпуса – на 30 (по др. сведениям, 90) кроватей на пожертвование Н. М. Андреевой (урожд. Королевой) и на 68 чел. неизлечимо больных на пожертвование А. В. Алексеевой (урожд. Коншиной). // Ульянова Г. Н. Указ. соч. С. 216.

над документами, связанными с гражданским оборотом частных лиц и не имеющими прямого отношения к коммерции: совершение и свидетельствование различных договоров (и, так сказать, засвидетельствования вообще)¹ и на втором месте — совершение и протест векселей².

Выдачи удостоверений в том, что по поручению клиента нотариусом было сделано такого-то числа официальное заявление от его имени другому лицу, хотя также встречались довольно часто, но, насколько можно судить (опять же, со сделанной выше оговоркой), значительно реже, и почти без исключений касались владельцев сдаваемых внаем квартир и их жильцов.

Торговые доверенности, вексели и заемные письма и другие документы, связанные преимущественно с коммерческим оборотом

Втой связи надо сказать о некоторых особенностях организации экономического быта Москвы, которые в литературе пока еще должным образом не были оценены, и хотя сами факты, в принципе, были давно известны, их просто не рассматривали под таким углом зрения.

Москва в пореформенное время (после 1861 г.) выдвинулась как крупнейший экономический центр страны. Но, констатируя этот факт, в советское время в соответствии с общей экономической идеологией СССР было принято делать основной акцент на промышленном развитии и как-то оставляли в тени тот факт, что Москва выступала еще и в качестве важнейшего, общероссийского масштаба, центра организации крупной и мелкой оптовой торговли в масштабах всей страны, — хотя в текущем плане это имело не меньшее (если не большее) значение.

Прежде всего надо сказать о том, что ко времени, о котором ведется речь, внутренняя торговля во всех трех своих основных сегментах (круп-

¹ Засвидетельствования подлинности подписей: такому-то — его подписи на доверенности, данной такому-то в праве передоверия и получения денег; такому-то — его подписи на платежной расписке; такому-то — явки им по написании заемного письма, данного такому-то в такой-то сумме (с процентами или без процентов) сроком на столько-то месяцев; такому-то — явки им векселя, данного им такому-то, в такой-то сумме, сроком по предъявлению, платежом в таком-то городе российской валютой — наличными деньгами; такому-то — явки им по наступлении срока заемного письма, выданного ему таким-то и явленного по написании у нотариуса такого-то; такому-то — явленного им договора с чьими-то приказчиками; такому-то, — напротив, явки им договора личного найма его к такому-то лицу в те же приказчики или, например, в домашнее услужение сроком от такого-то числа на столько-то месяцев с платой за все время в столько-то рублей; такому-то — явки такому-то — явки им доверенности поверенного, уполномоченного совершать такие-то действия от имени доверителя — другого частного лица, крестьянского общества (крестьян-собственников) и т. п.; такому-то — торговой доверенности, данной им такому-то на производство торговли; такому-то и такому-то — сделанного ими передоверия доверенности; такому-то — явки им доверенности вне конторы в месте, куда нотариус прибыл по его приглашению; такому-то — верности копии с доверенности; такому-то — засвидетельствование времени предъявления им документа (к примеру, задаточной расписки) и др.

² Совершение такому-то по его просьбе протеста явленного там-то (или не явленного) векселя от такого-то против векселедателя такого-то в сумме столько-то рублей, выданного им тогда-то сроком на столько-то месяцев.

ный опт, мелкий опт и розница) успела окончательно определиться с точки зрения ее технической организации. Основными площадками, на которых велась крупная оптовая торговля страны, выступали общероссийские и региональные ярмарки – крупнейшие по своим оборотам Нижегородская или Ирбитская и поменьше – Киевская контрактная и др. Мелкооптовая торговля осуществлялась и самими фирмами-производителями, но в основном через целую сеть более или менее крупных посредников, которые стояли между производителями и розницей.

Основная доля оптовых сделок совершалась на ярмарках, но нужно при этом иметь в виду, что по разным причинам довольно значительный оптовый оборот каждый год устойчиво проходил и вне ярмарок, и Москве в этой связи принадлежала важнейшая функция организатора всероссийского масштаба и значения крупной и мелкооптовой торговли вне и помимо ярмарок «по образцам». Конечно, надо сказать, что у Москвы имелись и свои «коронные» отрасли – это, в первую очередь, торговля текстильным товаром и всем, относящимся к текстильной промышленности в широком смысле слова (сырье, пряжа, красители, прядильные и ткацкие станки и запасные части к ним), и второй такой отраслью была чайная торговля, когда крупные московские фирмы, что называется, «держали» весь российский чайный рынок. Но наряду с этим Москва более-менее «по мелочи» торговала весьма многим.

Поскольку страна являлась в основном аграрной и большинство регионов предлагало на продажу в первую очередь различные виды сырья (самого, так сказать, первичного или уже частично переработанного), которое еще должно было найти свой путь к дальнейшим переработчикам, то механизм был следующим. В Москве на многочисленных товарных складах – «подворьях» (в Китай-городе и вне его) хранились сравнительно небольшие партии товаров «в образцах» (а сами основные партии ожидали, куда им двинуться, в местах производства, на крупных речных пристанях и др.). Покупатели – сами или их доверенные представители – приезжали в Москву, знакомились с образцами, ценами и принимали решение, покупать ли им всю партию. Эта схема (в отличие от ярмарок) функционировала круглый год, и по ней «через Москву» совершались сделки даже тогда, когда по всему логичнее было бы совершать их в другом месте¹.

В связи со всеми этими обстоятельствами в Москву постоянно ехало множество и самих купцов, и, чаще, их приказчиков и других лиц по доверенности, которые уже по втором-третьем появлении сами становились «лично известными» московским нотариусам и значительно расширяли таким образом круг их собственно московской клиентуры.

¹ Осевший в Москве в начале 1870-х гг. сибирский купец – «миллионщик» из Тюмени Н. М. Чукмалдин, чьей основной собственной «специальностью» была торговля шерстью, в своих мемуарах приводит, к примеру, такой факт, что в Москве регулярно торговалась сибирская и вятская мытая шерсть, которая уходила на дальнейшую переработку в губернии Поволжья и Европейского Севера – хотя логичнее было бы совершать в этом случае сделки в Вятке, Перми или Нижнем Новгороде // Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания / Чукмалдин / Сост. А. Вычугжанин, А. Еманов. Тюмень, 2011. С. 162–173.

Второй важный и также остающийся как бы в тени момент заключался в следующем. Для того чтобы, как они выражались, «уверенно чувствовать себя», практически все коммерсанты и в России вообще, и в Москве в силу ее названных выше особенностей (и прежде всего коммерсанты начинающие и с относительно небольшим собственным оборотом) стремились усиленно работать над тем, чтобы обзаводиться контрагентами (называвшимися на торговом языке «доверителями», а фактически это были комиссионеры), которые помогали им подстраховываться в периоды ухудшения конъюнктуры рынка по их как бы «основной» специализации за счет диверсификации за ее пределы, присылая в образцах или мелкими партиями различные, в основном сырьевые, товары из своих регионов для продажи в последующем уже более крупных партий в Москве или на ярмарке. (Комиссионная продажа была в описываемое время довольно широко распространенным явлением и нормально оплачивалась пределах 1–2%, смотря по характеру товара и сумме сделки.)

Типичный трудовой день таких коммерсантов проходил в том, чтобы встретиться с приехавшим в Москву потенциальным продавцом, или покупателем, или их доверенным человеком, потолковать с ним, сходить на склад показать свой или их товар, затем пойти в трактир или ресторан и пообедать или попить чай (в процессе чего и заключалась окончательно сделка), затем во второй половине дня открывалась биржа, а остаток вечера занимали письменные занятия у себя в конторе, — и так все шесть дней в неделю¹.

Такая организация в основном и порождала все то большое разнообразие торговых доверенностей, верящих и заемных писем и торговых векселей, с которыми приходилось иметь дело московским нотариусам, а современный исследователь встречается в их нотариальных реестрах.

Векселя

Относительно векселей надо прежде всего сказать следующее. Провинциалы, не исключая и представителей торгово-промышленного мира, но при этом выходцев из провинции (с поправкой: в регионах восточнее Волги, но все равно это весьма значительная часть страны), поначалу весьма удивлялись некоторым особенностям и деловой, и даже обиходной жизни Москвы, и прежде всего в том, что касалось денежных дел между людьми.

Уже упоминавшийся выше Н. М. Чукмалдин пишет (воспроизводя его близко к тексту): в провинции (с той же поправкой: в основном в регионах восточнее Волги) все привыкли к тому, что если нужны деньги на небольшой срок, к примеру на неделю или на две, то какой-либо достаточно близкий человек одолжит их (если только они у него есть) чаще всего даже без всякого документа или расписки, на слово, и что при этом деньги всегда возвращают в срок и сполна. В Москве же (речь идет как раз об описываемом времени) господствовали совсем иные обычаи и нравы. Каждый провинциал волен был одалживать другому, как он привык у себя дома, но

¹ Чукмалдин Н. М. Указ. соч. С. 155.

если бы понадобилось ему самому, никто «так просто» ему бы денег не дал, а непременно под вексель и присчитывая проценты.

Подобная ситуация исторически была нормой для западных губерний (в особенности для входивших до 1917 г. в состав России Польши и Финляндии, для Белоруссии и значительной части Украины, которые некогда были польскими, а также для прибалтийских губерний и Санкт-Петербурга), но для великорусских провинциалов этот порядок был в новинку и первое время даже несколько коробил¹.

Поэтому в Москве ежегодно, ежемесячно и даже ежедневно выписывалось большое число векселей на самые разные суммы, дозволяемые Вексельным уставом, как торговых, так и частных. И, особенно в период общих «заминок» в делах и, как следствие, заминок в платежах, также совершалось много и протестов векселей. И это также видно, что называется, навскидку при обращении к архивам московских нотариусов.

В этой связи приобретало большую практическую значимость для всех кредитных организаций и прежде всего для самого Государственного банка, коль скоро и он широко занимался кредитованием, иметь регулярно пополняемую «базу данных» на подобного рода «плохих должников». И кстати сказать, в период первой такой серьезной общей заминки в делах, в 1874 г. правительство — циркуляром от имени Государственного банка, но понятно было, что за этим стоит само правительство, — обязало нотариусов ежемесячно подавать в ближайшее отделение Государственного банка ведомости о совершенных ими протестах векселей. И аналогично тому, как старшие нотариусы коллективными усилиями вели базу существующих ограничений и запрещений на объекты недвижимости, практикующие нотариусы по заданию правительства подобным же образом общими усилиями вели и пополняли базу данных на лиц с «плохой» кредитной репутацией.

Подытоживая этот раздел, поговорим о том, что хранилось в московских нотариальных архивах и что из этого сохранилось до наших дней. Перечень того, что *должно было* составлять содержание нотариальных архивов практикующих нотариусов, четко определялся в Нотариальном положении 1866 г. — и надо сказать, что нотариусы четко этого придерживались. Индивидуальные расхождения могли быть, по существу, лишь в количестве и составе документов, доверенных клиентами на ответственное хранение.

Как не раз говорилось выше на этих страницах, московские нотариальные архивы дошли до нас в целом в очень плохом состоянии, с многочисленными утратами. Но эти утраты имеют, так сказать, *количественный*, а не *качественный* характер, поскольку среди сохранившихся так или иначе представлены все основные разновидности документов: актовые книги (включающие записи о совершенных духовных завещаниях разных лиц); купчие крепости на продажу земли, недвижимого и движимого имущества — разными лицами и городом в лице Московской Городской Думы; закладные на землю; дарственные на землю и имущество; отдельные записи о разделе

¹ Чукмалдин Н. М. Указ. соч. С. 153–154.

имений; отдельные документы и целые документальные комплексы, касающиеся утверждения в правах и введения в права наследства, также сравнительно редких случаев отказа от него; договоры о залоге и аренде земли; дарственные на участки земли и имущество (и в том числе, городу и сословным организациям — Московскому купеческому и мещанскому обществам); записи об организации взыскания с должников сумм долга (включая и учреждение конкурса по делам несостоятельных должников и организацию продажи имущества за долги); книги для записи векселей, контрактов, ус-

ловий и разных договоров и засвидетельствований; реестры совершенных актов, протестов и засвидетельствований.

Среди «хитов» своего собрания сами московские архивисты числят: датированное 1903 г. духовное завещание художника В. В. Верещагина на недвижимое имущество и картины (1903 г.); датируемую 1889 г. купчую коммерции советника П. М. Третьякова на землю с постройками в 1-м участке Якиманской части; купчую 1891 г. Трехгорного пивоваренного товарищества на землю и постройки в Иваново-Вознесенске; купчую 1889 г. купца А. Федосеева на имение «Костропуло» на Южном берегу Крыма; закладную, данную в 1904 г. крестьянином Г. П. Колониным торгово-промышленному товариществу «П. И. Оловянишникова с-вья» на аппараты и машины с фабрики церковной утвари; копии договоров, заключенные известным нотным издательством Б. П. Юргенсона в 1907 и 1909 гг. с композиторами Н. А. Римским-Корсаковым и Ц. А. Кюи на изданные партитур их опер «Золотой петушок» и «Капитанская дочка»¹.

Кто были московские нотариусы, и сколько всего их было

Ответ на вынесенные в заголовок вопросы начнем с последнего. В административном отношении Россия после 1785 г. делилась на губернии и уезды. Образованная в 1708 г. и просуществовавшая до 1929 г. Московская губерния включала в себя 13 уездов: Богородский, Бронницкий, Верейский, Волоколамский, Дмитровский, Звенигородский, Клинский, Коломенский, Можайский, Московский, Подольский, Рузский и Серпуховский. Образованная также в 1708 г. и просуществовавшая до 1927 г. Санкт-Петербургская — 8 уездов: Гдовский, Лужский, Новолодожский, Петергофский, Санкт-Петербургский, Царскосельский, Шлиссельбургский и Ямбургский. В Санкт-Петербурге (городе и уезде) накануне проведения реформы нотариата было в общей сложности 47 нотариусов и маклеров, в Москве (также, видимо, в городе и уезде) почти вдвое меньше — 27 (10 нотариусов и 17 маклеров)².

Крупные города в административно-полицейском отношении делились еще на т. н. «части», а уезды — на волости и станы. В самой Москве имелось полтора десятка таких частей³, и исходя из этого можно предположить, что до реформы исходили из мысли иметь в Москве примерно по одному публичному городскому нотариусу на каждую административно-полицейскую часть города. Нормативное число нотариусов, установленное по Нотариальному положению 1866 г., как мы помним, равнялось 25 — иными словами, эти базовые соотношения остались практически без изменений.

В то же время надо сказать, что число реально практикующих нотариусов после нотариальной реформы все время слегка «плясало» вокруг этой

¹ ЦИАМ. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 31. Л. 1–1 об. (договор с Н. А. Римским-Корсаковым).

² Из истории российского нотариата // Нотариус. 1997. № 1. С. 84.

³ Городская (включала в себя Кремль и Китай-город), Арбатская, Басманная, Лефортовская, Мясницкая, Пресненская, Пречистенская, Пятницкая, Рогожская, Серпуховская, Сретенская, Суцевская, Тверская, Хамовническая и Якиманская.

цифры: в 1875–1876, 1879 и в 1890–1891 гг. в Москве насчитывалось 24 одновременно практикующих нотариуса, в 1887–1889 и в 1892–1897 гг. — 23, в 1877–1878 и в 1903–1904 гг. — 22, в 1883–1884 и в 1913–1914 гг. — даже 21, и лишь один раз, в 1910–1911 гг., имел место «сверхкомплект» — 26.

Как видим, полный комплект до нормативной численности имел место, в общем, чуть меньше половины всего рассматриваемого срока, «сверхкомплект» имел место всего один раз, а большую часть срока — некомплект в одну-две-три вакансии. Учитывая, что Москва, с ее близко к миллиону жителей и большим объемом деловой активности, а значит и с огромным полем деятельности для нотариусов, теоретически должна была испытывать недостаток в охотниках занять эти вакансии, приходится допустить, что это было результатом более-менее сознательной политики Московской судебной палаты. (Возможно, одной из целей при этом было ослабить взаимную конкуренцию¹ среди действующих нотариусов и тем самым дать им всем возможность больше зарабатывать.) Но этот вопрос еще требует выяснения.

В настоящее время за весь период существования реформированного независимого нотариата по Нотариальному положению 1866 г. (1866–1917 гг.) мы располагаем данными о в общей сложности 10 лицах, исполнявших должности старших нотариусов и девяти их помощников, 89 лицах, исполнявших должность практикующих нотариусов в г. Москве, и о 42 лицах, исполнявших ее в уездных городах и уездах Московской губернии. При этом надо сказать, что нотариальные архивы 20 нотариусов г. Москвы² и 14 — уездов Московской губернии³ в силу различных причин до нас не до-

¹ Все-таки две незанятые вакансии — это уже ослабление взаимной конкуренции на 8%, три вакансии — на целых 12%.

² Николай Сергеевич Баршев (есть данные о периоде 1889–1894 гг.), Фридрих Александрович Данненберг (есть данные о 1894–1904 гг.), Сергей Антонович Дейер (есть данные о 1885–1898 гг.), Владимир Андреевич Константинов (есть данные о 1906–1911 гг.), Иван Юльевич Лессиг (есть данные о 1906–1911 гг.), Алексей Павлович Маджугинский (есть данные о 1894–1895 гг.), Леонид Иванович Малицкий (есть данные о 1891–1895 гг.), Владимир Александрович Ненсберг (есть данные о 1894–1898 гг.), С.А. Николини (есть данные о 1892–1893 гг.), Николай Павлович Орлов (есть данные о 1878–1884 гг.), Николай Николаевич Ратьков (есть данные о 1875–1890 гг.), Иван Алексеевич Рукавишников (есть данные о 1903–1914 гг.), Константин Яковлевич Секерж-Зенькович (есть данные о 1913–1914 гг.), Константин Иванович Станюкович (есть данные о 1887–1889 гг.), Евгений Иванович Тарасов (есть данные о 1890–1897 гг.), Владимир Алексеевич Тимашев-Беринг (есть данные о 1902–1904 гг.), Михаил Федорович Троицкий (есть данные о 1875–1876 гг.), Николай Александрович Шереметевский (есть данные о 1894–1911 гг.), Эдуард Юлианович Шидловский (есть данные о 1897–1914 гг.), Андрей Николаевич Ясинский (есть данные о 1903–1914 гг.).

³ Нотариус в г. Богородске Виктор Николаевич Глаголев (есть данные о 1913–1914 гг.), нотариус Павловского Посада Михаил Фердинандович Таде (есть данные о 1899–1914 гг.), нотариус г. Бронниц Иван Иванович Красовский (есть данные о 1899–1914 гг.), нотариус г. Волоколамска Андрей Платонович Михайловский (есть данные о 1903–1904 гг.), нотариус Звенигородского уезда Петр Вениаминович Колоколов (есть данные о 1913–1914 гг.), нотариусы г. Коломны Иван Анисимович Брюханов (есть данные о 1903–1904 гг.) и Петр Николаевич Никифороки (есть данные о 1913–1914 гг.), нотариусы г. Можайска Петр Иванович Осминин (есть данные о 1899–1904 гг.) и Владимир Константинович Одинцов-Феоктистов (есть данные о 1913–1914 гг.), нотариус г. Подольска Андрей Васильевич Саввич (есть данные о 1903–1904 гг.), нотариусы г. Рузы Петр Николаевич Голиков (и.д. должность нотариуса, го-

шли, и о них нам известно только по косвенным источникам (адресно-справочные книги и др.).

Функционирование нотариата в Москве на реформированных по Положению 1866 г. основаниях, судя по всему, началось в 1868–1869 гг. Своего рода «дуайеном» (т.е. старейшиной) среди московских нотариусов, работавших уже в режиме реформированного нотариата, следует признать Федора Павловича Момма – по имеющимся данным, он исполнял должность нотариуса в общей сложности в течение сорока лет – с 1863 по 1903 гг. сначала как биржевой нотариус (в 1863–1883 гг.) и затем уже как «просто» нотариус.

Помимо него, условно говоря, к первому поколению московских нотариусов относятся еще 28 человек: Александр Иванович Амосов, Константин Петрович Барсов, Николай Петрович Безобразов, Вадим Кириллович Величко, Сергей Александрович Кедров, Дмитрий Иванович Кротков, Петр Николаевич Львов, Степан Павлович Маджугинский, Василий Иванович Натуччи, Федор Федорович Ноев, Николай Павлович Орлов, Викторин (Виктор) Федорович Павлов, Николай Яковлевич Павлов, Петр Дмитриевич Перевошиков, Алексей Сергеевич Подковщиков, Андрей Андреевич Польш, Григорий Георгиевич (Егорович) Порецкий, Николай Николаевич Ратьков, Алексей Никитич Рукавишников, Василий Сергеевич Смиренский, Николай Михайлович Соловьев-Гайдуков, Петр Александрович (Алексеевич) Сухомлинов¹, Иван Артемьевич Тарасов, Владимир Аполлонович Трескин, Михаил Федорович Троицкий, Петр Николаевич Шубинский, Иосиф Владимирович Юрьев, Николай Львович Ясинский.

Это поколение, однако, начинает постепенно сходить со сцены уже с конца 1870-х гг. и практически полностью – в первые годы XX в.²

В 1880–1890-х гг. постепенно складывается и приходит им на смену как бы второе поколение московских нотариусов: Николай Сергеевич Баршев, Николай Михайлович Боборыкин, Петр Иванович Гоголицын, Фридрих Александрович Данненберг, Сергей Антонович Дейер, Николай Петрович Курилко, Михаил Андреевич Лебедев, Алексей Павлович Маджугинский, Иван Александрович Маурин, Павел Николаевич Меморский, Николай Егорович Назаров, Яков Иванович Невяжский, Владимир Александрович Ненсберг, С.А. Николини, Петр Михайлович Савицкий, Алексей Дорофеевич Соколов, Павел Алексеевич Соколов, Константин Иванович Станюкович, Сергей Ильич Сусоров, Евгений Иванович Тарасов, Михаил Нико-

родской судья, есть данные о 1899–1904 гг.) и Иван Алексеевич Виридарский (есть данные о 1913–1914 гг.), частные нотариусы (маклеры) Вереи – Адам Михайлович Бохановский (есть данные о 1913–1914 гг.) и Сергиева Посада – Алексей Филиппович Грачев (есть данные о 1913–1914 гг.).

¹ Есть разночтение: Александрович или Алексеевич.

² К.П. Барсов, Н.П. Безобразов, П.Н. Львов, А.С. Подковщиков и М.Ф. Троицкий еще в конце 1870-х гг., В.К. Величко, Д.И. Кротков, В.И. Натуччи, В.Ф. Павлов, П.Д. Перевошиков, А.А. Польш, Г.Г. Порецкий, А.Н. Рукавишников, Н.Н. Ратьков, Н.М. Соловьев-Гайдуков, К.И. Станюкович, И.А. Тарасов, П.Ш. Шубинский и И.В. Юрьев – до конца 1880-х гг., А.И. Амосов, С.А. Кедров, С.П. Маджугинский и В.С. Смиренский – к середине 1890-х гг., Ф.П. Момма и Н.Л. Ясинский – в 1903–1904 гг.

лаевич Торсуев, Евстафий Александрович Устромский, Иван Николаевич Успенский, Николай Александрович Шереметьевский, Эдуард Юлианович Шидловский, Виктор Карлович Эггерс (Эгерс), Андрей Николаевич Ясинский. Оно составляет как бы «костяк» корпуса московских нотариусов все 1900-е гг. (а П. Н. Меморский, И. А. Маурин, П. М. Савицкий, С. И. Сусоров и Э. Ю. Шидловский входят в него и на протяжении 1910-х гг.).

В 1902–1903 гг. отмечен первый случай массового обновления корпуса московских нотариусов, носившего едва ли не тотальный характер — фактически более чем на две трети, когда профессию покинули восемь человек и вновь появились десять. В причинах этого еще предстоит разобраться, но можно предполагать, что тут могло сказаться прямое влияние экономического кризиса рубежа веков, который как раз в эти годы достиг своего пика. Уровень деловой активности в эти годы значительно снизился, и это должно было обусловить неминуемое падение доходности профессии, что могло послужить одной из более-менее общих причин решения уйти из нее.

Впрочем, тому могло быть и другое объяснение — потому что в эти же годы (1902–1904) мы являемся свидетелями и еще одного по своему симптоматичного явления — складывания своего рода нотариальных династий, когда отец отходит от дел и передает контору («год в год» или с небольшим перерывом) сыну. Причем таких «династий» появляется сразу несколько: московские нотариусы Ф. П. Момма и А. Ф. Момма, А. Н. Рукавишников и И. А. Рукавишников, А. Д. Соколов и П. А. Соколов, И. А. Тарасов и Е. И. Тарасов, В. К. Эггерс и С. В. Эггерс, Н. Л. Ясинский и А. Н. Ясинский, богородские нотариусы Н. М. и В. Н. Глаголевы).

На те же первые годы века приходится и начало уже второй смены поколений — на авансцену выходит уже как бы третье поколение московских нотариусов: Михаил Владимирович Боборыкин, Платон Памфилович Иванов, Леонид Платонович Казаков, Яков Андреевич Калашников, Владимир Андреевич Константинов, Иван Юльевич Лессиг, Александр Федорович Момма, Валериан Доримедонтович Плевако¹, Евгений Дмитриевич Полонский, Евгений Григорьевич Полуектов, Иван Алексеевич Рукавишников, Павел Алексеевич Соколов, Валериан Алексеевич Спешнев, Леонид Васильевич Сушенков, Владимир Алексеевич Тимашев-Беринг, Владимир Иванович Тихомиров и Константин Иванович Тихомиров², Иван Игнатьевич Траустель, Сергей Викторович Эггерс (Эгерс) и, наконец, уже в 1910-е гг. — Константин Константинович Александров-Дольник, Леонид Яковлевич Дудкин, Николай Алексеевич Жеребков, Сергей Федорович Плевако³, Михаил Николаевич Попов, Петр Михайлович Савицкий, Константин Яковлевич Секерж-Зенкович и Иван Акиндинович Сурков (1915–1917 гг.)

Последующие годы в плане сохранения и количественной, и персональной стабильности численности московских нотариусов являлись крайне неустойчивым временем. На 1906–1907, 1908–1909 и 1913–1914 гг.

¹ Племянник знаменитого адвоката Ф. Н. Плевако.

² По-видимому, родные братья.

³ Сын знаменитого адвоката Ф. Н. Плевако.

практически подряд пришлось три новых «волны» массового обновления рядов. В 1906–1907 гг. состав корпуса московских нотариусов обновился больше чем наполовину (покинуло профессию пять человек и пришло в нее восемь), в 1908–1909 гг. — снова практически на треть (ушло и пришло по 6 человек), а в 1913–1914 гг. — снова наполовину (профессию покинули девять человек и вновь пришли в нее четверо).

Конкретные причины этих потрясений также еще предстоит выяснить, но можно предположить, что первые две волны имеют непосредственную связь с событиями первой русской революции 1905–1907 гг., которые также угнетающе сказались на деловой активности — причем этот спад закончился лишь в 1910 г., а последняя может быть как-то связана с обстоятельствами Первой мировой войны — причем сгущение туч на политическом горизонте стало ощущаться уже в 1913 г.

Социально-сословные характеристики московских нотариусов

Относительно московских нотариусов и как о социально-профессиональной группе в целом, и о каждом в отдельности известно пока еще очень мало. Тема эта поступила в научную разработку лишь в самое последнее время¹.

Но начать разговор стоит даже не с этого, а с того чтобы немного коснуться довольно интересного вопроса о национальных корнях московских нотариусов. (Подчеркнем — речь идет не о национальности, поскольку все нотариусы, что называется, по определению должны были быть российскими подданными, а именно о национальных корнях.)

Московские нотариусы Степан Павлович и Алексей Павлович Маджугинские, судя по звучанию фамилии, могли иметь корни откуда-то из Грузии (джуга — по-грузински «сталь»).

Аналогичным образом Вадим Кириллович Величко и Николай Петрович Курилко, судя по их украинским фамилиям, могли быть выходцами из мелкопоместного украинского дворянства, или купечества, или (что кажется более вероятным) даже из более демократических сословий — мещан, крестьян или казаков.

Московские нотариусы Фридрих Александрович Данненберг, Сергей Антонович Дейер, Иван Юльевич Лессиг, Владимир Александрович Ненсберг, Михаил Фердинандович Таде, Иван Игнатьевич Траустель и Виктор Карлович Эггерс (Эгерс), подольский нотариус Алексей Владимирович Лемберг и сергиево-посадский нотариус Николай Вильгельмович Гильберт опять же, судя по звучанию их фамилий, должны были происходить из остзейских немцев (Лессиг, Таде и Эггерс при этом могли быть и из т. н. «московских немцев»). А клинский нотариус Станислав Михайлович Жоли аналогичным образом мог происходить из т. н. «московских французов».

Старший нотариус Донат Адамович Печентковский, московские нотариусы Карл Игнатьевич Цеханский, Константин Яковлевич Секерж-Зень-

¹ Имеются в виду прежде всего книги серии «Золотые страницы российского нотариата».

кович, Николай Львович и Андрей Николаевич Ясинские, Иван Федорович Варш, Ярослав Донатович Сухоцкий, Яков Иванович Неважский, Иван Иванович Красовский, Евгений Дмитриевич Полонский, Эдуард Юлианович Шидловский, Петр Михайлович Савицкий, Григорий Георгиевич Порецкий и подольский нотариус Владимир Константинович Стамировский, судя по фамилиям, могли происходить из небогатого польского (Порецкий и Неважский – скорее, литовско-белорусского) дворянства, т. н. шляхты, или опять же из польского происхождения мещан польских или литовско-белорусских губерний.

Фамилия коломенского нотариуса Петра Николаевича Никифораки явственно выдает его греческое происхождение. Аналогичным образом и Николай Константинович Милиоти мог происходить из известной семьи с греческими корнями, которая дала художника Николая Дмитриевича Милиоти (1874–1962) и автора статей по искусству в журнале «Золотое руно» В. Милиоти.

В Москве осело некоторое число семей с итальянскими корнями. Наиболее известны среди них знаменитые в свое время в музыкальном мире фамилии Зилоти и Монигетти. Фамилия московского нотариуса Василия Ивановича Натуччи также имеет узнаваемые итальянские корни.

В фамилиях московских нотариусов Ивана Григорьевича Веселовского, Павла Николаевича Меморского, Василия Сергеевича Смиренского, Ивана Николаевича Успенского, Евстафия Александровича Устромского и рузского нотариуса Ивана Алексеевича Виридарского отчетливо «читается» их принадлежность в прошлом к духовному сословию. (Фамилия московского нотариуса Александра Ивановича Амосова (от имени библейского пророка Аммоса) также могла иметь те же корни, но равным образом он мог происходить и из старообрядцев.)

Московские нотариусы Яков Андреевич Калашников, Алексей Никитич и Иван Алексеевич Рукавишниковы и серпуховские нотариусы Павел Осипович Гостинодворцев и Николай Иванович Башилов, судя по фамилии, явным образом должны были происходить из купцов.

Фамилии московских нотариусов Леонида Яковлевича Дудкина, Петра Николаевича Гоголицына, Николая Алексеевича Жеребкова, Николая Николаевича Кирьякова и коломенского нотариуса Ивана Анисимовича Брюханова отчетливо выдают их самое что ни на есть простонародное, крестьянское происхождение. (Жеребков – фамилия, происходящая из северных или восточных губерний.)

Решив, что, с учетом громадного разнообразия местных условий страны и могущих встретиться сложностей с заполнением вакансий, весьма общественно значимую должность нотариуса могут занимать лица довольно разного социального происхождения и социального статуса, законодатель предусмотрел некоторые меры, призванные обеспечить тем, кто будет отправлять эту должность, и в связи с ее выполнением, выражаясь языком математики, необходимый и достаточный уровень социального статуса, а также прав и социальных гарантий. По реальным условиям, существовавшим в Российской империи, это могли быть, прежде всего, некий объем соци-

ально-сословных прав (которые в основном приобретались по рождению, но могли быть изменены — службой, получением образования и т. п.) и чин.

А для старших нотариусов, которые не имели права совмещать исполнение своей должности с ролью «практикующего» нотариуса и рассчитывать на доходы от этого, следовало прописать, полнее приравняв их в этом случае к другим чиновникам судебного ведомства, также и достаточный уровень денежного содержания от казны и последующее обеспечение после оставления должности.

Начнем с сословных гарантий. Для придания определенного социального статуса в глазах публики нотариусам «по должности» был присвоен чин VIII класса (коллежский ассессор). Сделано это было неспроста. Со времен введения при Петре I Табели о рангах в гражданской службе уже самый низший чин XIV класса (коллежский регистратор) давал право на личное дворянство и титулатуру «благородие», а чин VIII класса (коллежский ассессор) — право на потомственное дворянство. (В очередной раз это было подтверждено по Манифесту от 11 июня 1845 г. «О порядке приобретения дворянства службою»¹.) При этом дети личных дворян составляли особую категорию обер-офицерских детей, причем одному из них по прошению отца могло быть даровано потомственное дворянство.

Однако с течением времени наверху посчитали, что этот канал пропуска в потомственное дворянство имеет слишком большую пропускную способность, и для того, чтобы ограничить ее, именным данным Сенату указом от 9 декабря 1856 г. «О приобретении потомственного дворянства производством по гражданской службе в Действительные Статские Советники или соответствующий сему чину 4-й класс, а по военной в Полковники или же в соответствующий чин Флота капитана 1-го ранга»² планка получения потомственного дворянства была поднята до VI чина (полковник) по военной службе и даже до IV чина (действительный статский советник) по статской, а личное дворянство стало присваиваться с достижения чина IX класса (титулярный советник), а чинам с XIV по X класс присваивалось введенное в начале 1830-х гг. для того, чтобы поощрить выходцев из неблагородных сословий, например получивших высшее образование или иным образом отличившихся, звание потомственных почетных граждан.

Тем не менее для придания отправляющим должность нотариуса необходимого социального статуса чина коллежского ассессора, посчитали, будет вполне достаточно даже после издания указа от 9 декабря 1856 г.

Реально ситуация была такова, что в нотариусы могли поступать и лица, к этому времени вообще не имевшие никакого чина (то есть не состоявшие до того на государственной службе) и имевшие чин и ниже, и в отдельных случаях даже выше VIII класса — например, надворный советник (VII класс), коллежский советник (VI класс) и даже действительный статский советник (IV класс). (В этом случае они продолжали титуловаться своим предшествующим чином.) Однако правда и то, что большинство поступава-

¹ ПСЗ-2. Т. 22 (1845 г.). № 19086.

² ПСЗ-2. Т. 31 (1856 г.). № 31256.

ших в нотариусы, старшие нотариусы и их помощники исходно имели чин ниже VIII класса, и таким образом для них эта должность, как и предвидел законодатель, действительно становилась «ступенькой» к повышению не только имущественного, но и социального статуса.

Должность нотариуса представлялась со многих точек зрения неплохой «нишей» для людей, имеющих и общий уровень грамотности, и уровень юридической грамотности, так сказать, выше среднего (это само собой), для людей достаточно состоятельных, чтобы вынести довольно немалый стартовый залоговый депозит и груз материальной ответственности в дальнейшем. И при этом для людей, которых традиционная карьера чиновника или изначально не привлекала, или не могла для них состояться, или в силу каких-то причин (но не из-за их недостойного поведения) должна была досрочно прерваться¹. Именно из людей, обладавших таким набором характеристик, главным образом и рекрутировались кандидаты на замещение должностей московских нотариусов.

Социально-сословные характеристики московских нотариусов пореформенного времени по причине вполне объективной (степень сохранности документов) в целом остаются недостаточно выясненными. Тем не менее можно указать на присутствие среди них потомственных и личных (выслуживших дворянство службой) дворян, обер-офицерских детей, потомственных и личных почетных граждан, а также (хотя эти характеристики, строго говоря, не являются вполне сословными) — отставных военных, бывших чиновников, лиц, окончивших курс наук в высшем учебном заведении (и даже со степенью кандидата прав), бывших учителей, бывших семинаристов и т. п.

Разработка этого вопроса применительно к московским нотариусам на сегодняшний день еще весьма далека от завершения, и тем не менее о ряде из них можно сказать кое-что более определенное уже на этом этапе изучения.

Московские нотариусы Константин Иванович Станюкович и Евгений Иванович Тарасов имели очень высокий чин — действительного статского советника (IV класса по Табели о рангах, военный эквивалент — генерал-майор). Старшие нотариусы Иван Алексеевич Малевский и Георг Людвигович Мюленталь и помощник старшего нотариуса Владимир Маркович Файвишев имели чин надворного советника; старшие нотариусы Сергей Григорьевич Зимарев, Александр Павлович Маковский, Леонид Иванович Малицкий и Владимир Петрович Петров и коломенский нотариус Петр Николаевич Никифораки — коллежского асессора; а старшие нотариусы Петр Алексеевич Буханов и Донат Адамович Печентковский — коллежского секретаря (чины VII, VIII и X класса по Табели о рангах).

Помощники старшего нотариуса Александр Николаевич Ипполитов, Николай Дмитриевич Исаенков, Владимир Андреевич Константинов и Борис Константинович Одинцов-Феклистов и московский нотариус Иван Артемьевич Тарасов, дмитровский нотариус Петр Иванович Сергеев и русский нотариус Петр Николаевич Голиков — титулярного советника, а мос-

¹ Похожий случай последнего рода, как мы увидим ниже, произошел с московским нотариусом Валерием Доримедонтовичем Плевако.

ковский нотариус Валериан Доримедонтович Плевако — его военный эквивалент — штабс-капитана. Московский нотариус Петр Николаевич Львов, клинский нотариус Василий Васильевич Казанский, коломенский нотариус Петр Николаевич Леоненков и Можайский нотариус Владимир Константинович Одинцов-Феокистов — коллежского секретаря, верейский нотариус Иван Федорович Варш и сергиево-посадский нотариус Николай Вильгельмович Гильберт — губернского секретаря (чины IX, X и XII класса по Табели о рангах).

Все нотариусы, старшие нотариусы и их помощники, которые, как уже говорилось, выслужили чин выше IX класса, уже в силу этого автоматически причислялись к дворянам (а выше IV класса — к потомственным дворянам).

Московские нотариусы Валерий Доримедонтович и Сергей Федорович Плевако, племянник и сын¹ знаменитого адвоката Ф. Н. Плевако, бронницкий нотариус Иван Иванович Красовский, волоколамский нотариус Ярослав Донатович Сухоцкий и сергиево-посадский нотариус Семен Иванович Розанов происходили из дворян по рождению; богородские нотариусы Николай Матвеевич и Виктор Николаевич Глаголевы, звенигородский нотариус Петр Вениаминович Колоколов, коломенский нотариус Иван Анисимович Брюханов и павлово-посадский нотариус Михаил Фердинандович Таде имели сословное звание потомственных почетных граждан, а дмитровский нотариус Иван Григорьевич Веселовский и можайский нотариус Петр Иванович Осьминин — личных почетных граждан.

Московские нотариусы Николай Михайлович Боборькин, Николай Петрович Курилко, Николай Яковлевич Павлов и Иван Николаевич Успенский мало того, что были дипломированными юристами, — имели степень кандидата прав (Н. М. Боборькин — Московского университета).

Продолжая наметившуюся тему влиятельных родственников, которые могли оказать ту или иную протекцию в допущении к конкурсным испытаниям и затем в том, чтобы получить место московского нотариуса, надо сказать, что московский нотариус Сергей Антонович Дейер с высокой степенью вероятности мог быть младшим братом (или, что вернее, племянником) тайного советника Петра Антоновича Дейера (1832–1888)². И раз так, он, естественно, должен был быть дворянином и закончить юридический факультет Московского университета.

Аналогичным образом, московский нотариус Петр Николаевич Шубинский с большой долей вероятности может оказаться сыном или племянником известного московского присяжного поверенного Николая Петровича Шубинского (1853–?), и раз так, должен быть по меньшей мере сыном потомственного почетного гражданина и к моменту поступления в нотари-

¹ Неясно только, старший или младший: у Ф. Н. Плевако было двое сыновей: от первого брака с Е. А. Филипповой (род. в 1879 г.) и от второго брака с М. А. Демидовой (род. в 1886 г.). Оба носили имя Сергей, жили в Москве и оба подвизались по юридической части // Смолярчук В. И. Адвокат Федор Плевако. Челябинск, 1989. С. 218–220.

² Начав службу в 1852 г. по канцелярии Сената, он в 1866 г. был переведен в Московский Окружной Суд, где был сначала товарищем председателя, а затем с 1870 г. — председателем, а в 1877 г. назначен обер-прокурором уголовного кассационного департамента Сената (который также находился в Москве) // словарь Половцова.

усы окончить или оканчивать курс юридического факультета в Московском университете.

Московский нотариус Михаил Николаевич Попов мог быть родственником Александра Николаевича Попова, который с 1894 г. состоял старшим председателем Московской судебной палаты.

Помимо столь очевидных (а значит и «соблазнительных») вариантов возможности оказать протекцию при поступлении в нотариусы, еще у целого ряда московских нотариусов обнаруживается потенциальная вероятность состоять в родстве с другими по-своему известными лицами, возможности которых некоторым образом оказать протекцию при поступлении в нотариусы хотя и не столь очевидные, также до окончательного выяснения всех обстоятельств на всякий случай стоит держать в поле зрения.

Так, нотариус в уездном г. Дмитрове Иван Григорьевич Веселовский мог быть сыном редактора воронежской газеты «Дон» Григория Михайловича Веселовского (1837–1896), журналиста, в пору студенчества однокашника по Главному педагогическому институту Н.А. Добролюбова (с которым их даже связывали товарищеские отношения).

Московский нотариус Андрей Андреевич Поля с высокой вероятностью может оказаться сыном 1) профессора Московской медико-хирургической академии и Московского университета, академика, совещательного члена Медицинского совета Андрея Ивановича Поля (1794–1864) или 2) братом Сергея Андреевича Поля (1830–1887), морского офицера и писателя, происходившего из дворян Московской губернии.

Московский нотариус Петр Николаевич Львов вполне может оказаться родственником 1) тайного советника и камергера Александра Николаевича Львова (1790–?), 2) профессора зоологии и сравнительной анатомии Московского университета Василия Николаевича Львова (?–1907), 3) приват-доцента Московского университета, также биолога, Владимира Николаевича Львова, 4) архитектора Льва Николаевича Львова (1826–?), который выполнил ряд довольно значительных работ в Москве, а в 1881 г. состоял смотрителем городских зданий по Тверской, Арбатской, Пречистенской частям.

Московский нотариус Павел Николаевич Меморский может оказаться сыном Николая Максимовича Меморского (1820–1869), священника г. Переяславля Владимирской губернии и духовного писателя (а также и родственником автора знаменитых учебников грамматики и арифметики 1820–1840-х гг. Константина Меморского).

Московский нотариус Николай Яковлевич Павлов с какой-то долей вероятности мог оказаться младшим братом (или племянником) Прокофия Яковлевича Павлова (1796–1868), генерал-лейтенанта, героя севастопольской обороны. А Викторин Федорович Павлов, судя по некоторой замысловатости имени, мог быть сыном скончавшегося в 1872 г. в Москве сотрудника сатирических журналов Федора Михайловича Павлова (?–1872), который, в свою очередь, был сыном известного профессора сельского хозяйства Московского университета Михаила Григорьевича Павлова (1793–1840).

Московский нотариус Петр Дмитриевич Перевошиков мог быть сыном Дмитрия (Димитрия) Матвеевича Перевошикова (1788–1880), последова-

тельно декана 2-го отделения физико-математического факультета, проректора и ректора Московского университета, происходившего из дворян Пензенской губернии.

Московский нотариус Николай Михайлович Соловьев-Гайдуков с определенной вероятностью мог оказаться родственником Михаила Петровича Соловьева (1842–1901), известного в свое время административного деятеля, окончившего юридический факультет Московского университета, председателя белостокско-бельского мирового съезда (в 1866–1867 гг.), а затем члена-редактора варшавской юридической комиссии (в 1867–1873 гг.), после чего он долгое время прослужил при канцелярии военного министра, а в 1896 г. был назначен членом совета Главного управления по делам печати и до 1900 г. исправляющим должность его начальника.

Московский нотариус Константин Петрович Барсов мог состоять в родстве 1) с субинспектором Московского университета, писателем и переводчиком Павлом Петровичем Барсовым (после 1820–1881) и 2) с профессором канонического права Петербургской духовной академии Тимофеем Васильевичем Барсовым (?–1904), который в 1879 г. был назначен членом комитета по преобразованию судной части духовного ведомства и в том же году — обер-секретарем св. Синода с оставлением в профессорской должности, а в 1884 г. назначен членом и делопроизводителем комиссии по вопросу обустройства церквями и духовенством военного ведомства

Московский нотариус Николай Петрович Безобразов мог состоять в родстве 1) с вице-адмиралом Петром Алексеевичем Безобразовым (1845–1906) и в более отдаленном родстве 2) с действительным тайным советником, сенатором и писателем Александром Михайловичем Безобразовым (1783–1871) и 3) с тайным советником, сенатором, экономистом Владимиром Павловичем Безобразовым (1828–1889), чей отец, Павел Николаевич, дворянин Тверской губернии, был управляющим удельной конторой в Москве, а сам он в 1868 г. и повторно в 1880 г. избирался в московские губернские гласные.

Московские нотариусы Михаил Владимирович и Николай Михайлович Боборыкины по относительной редкости своей фамилии могли состоять в более-менее отдаленном родстве 1) с довольно известным в свое время писателем Петром Дмитриевичем Боборыкиным (1836–1921), а также 2) с поэтом Николаем Николаевичем Боборыкиным (ок. 1812 — 1888), который с 1874 г. и до конца жизни служил цензором английских книг и русских драматических пьес при главном управлении по делам печати и 3) с его полным тезкой, архитектором Николаем Николаевичем Боборыкиным (1876–?), который в 1898, 1905 и с 1908 г. работал в Москве временным помощником городских архитекторов.

Московский нотариус Памфил Платонович Иванов, судя по некоторой неординарности имени-отчества, должен был происходить из дворян или лиц духовного звания, а поскольку оба имени греческие, то можно предположить некоторую степень родства его с профессором классической филологии Московского университета Гавриилом Афанасьевичем Ивановым (1828–1901).

Московский нотариус Николай Николаевич Кирьяков мог с некоторой долей вероятности оказаться родственником профессора Московской духовной семинарии Александра Федоровича Кирьякова (1804–1882).

Московский нотариус Дмитрий Иванович Кротков с некоторой вероятностью мог состоять в родстве с беллетристом В. (Валерием Степановичем?) Кротковым, который сотрудничал в журнале «Отечественные Записки» и в 1870-х гг. опубликовал там интересные очерки из быта провинциальных адвокатов, к которым принадлежал сам¹.

Московский нотариус Михаил Андреевич Лебедев также с некоторой вероятностью мог оказаться родственником профессора московской духовной академии по кафедре церковной истории Алексея Петровича Лебедева (даты жизни не известны), который работал как раз в эти годы (1872–1905).

Московский нотариус Петр Николаевич Львов вполне мог оказаться родственником: 1) тайного советника и камергера Александра Николаевича Львова (1790–?), 2) профессора зоологии и сравнительной анатомии Московского университета Василия Николаевича Львова (?–1907), 3) приват-доцента Московского университета, также биолога, Владимира Николаевича Львова, 4) архитектора Льва Николаевича Львова (1826–?), который выполнил ряд довольно значительных работ в Москве, а в 1881 г. состоял смотрителем городских зданий по Тверской, Арбатской, Пречистенской частям.

Московский нотариус Алексей Никитич Рукавишников с высокой долей вероятности мог быть братом московского купца Василия Никитича Рукавишникова (?–1883).

Московский нотариус Константин Иванович Станюкович, судя по своей все же довольно редкой фамилии, мог принадлежать к старинному литовскому дворянскому роду, к которому также принадлежали адмирал Михаил Николаевич Станюкович (?–1869) и его сын, известный писатель Константин Михайлович Станюкович (1844–1903). Теоретически они могли состоять в более отдаленной степени родства. (Любопытно, что в биографии К. М. Станюковича прослеживаются определенные параллели: он вышел в 1864 г. в отставку с намерением целиком посвятить себя литературному творчеству, но не особенно обильные литературные заработки и женитьба заставили его поступить на частную службу по акционерным обществам, которую он оставил только в 1870-х гг., когда его литературное положение наконец достаточно упрочилось.)

Петр Александрович (или Алексеевич) Сухомлинов мог оказаться родственником: 1) Михаила Ивановича Сухомлинова (1828–1901), известного историка литературы, профессора Санкт-Петербургского университета, в 1872 г. избранного академиком, а с 1899 г. председателем II отделения Академии наук (а с 1900 г. – также и вновь учрежденного разряда изящной словесности), и 2) Владимира Александровича Сухомлинова (1848–1926), генерала от кавалерии (с 1906), начальника Генерального штаба (1908–1909), военного министра (1909–1915).

¹ Впоследствии они вышли отдельными изданиями: «Волчье стадо» (СПб., 1879), «Пыркин и Чепуркин etc.» (1885) и «Частный поверенный etc.» (СПб., 1885).

Московские нотариусы Константин Иванович и Владимир Иванович Тихомировы также с некоторой вероятностью могут оказаться родственниками: 1) Дмитрия Ивановича Тихомирова (1844–?), известного в Москве педагога и организатора вечерних воскресных школ для взрослых рабочих при фабриках, деятеля педагогических курсов в Москве при обществе воспитательниц и учительниц, а в 1874 г. совет Московского благотворительного общества пригласил его организатором, а затем и инспектором своих школ, а также наблюдателем за учебной частью по заведениям дамского попечительства о бедных; 2) Сергея Ивановича Тихомирова (1850–1913), известного московского архитектора, который в 1881 г. был назначен придворным архитектором в Ливадии, в 1882 – архитектором московских императорских театров и членом комиссии для устройства коронационных торжеств, в 1882–1889 гг. служил архитектором Земледельческой Петровской (ныне Тимирязевской) академии, был членом комиссии по постройке второй очереди Политехнического музея, в 1887 г. вышел в отставку и занялся частной практикой в Москве, а в 1890 был назначен губернским архитектором в Саратов; 3) Владимира Андреевича Тихомирова (1841–?), профессора медицинского факультета Московского университета по кафедре фармации и фармакогнозии, который до 1873 г. был земским врачом и в то же время был избран гласным Московского земства и почетным мировым судьей и 4) Александра Андреевича Тихомирова (1850–1931), доктора зоологии, [действительного статского советника], ректора Московского университета.

Московский нотариус Владимир Аполлонович Трескин также с некоторой вероятностью может оказаться родственником двух весьма уважаемых в Москве людей: 1) Николая Алексеевича Трескина (1828–1894) – действительного статского советника, цензора Московского цензурного комитета, литератора и переводчика и 2) Василия Ивановича Трескина (?–1883), который воспитывался в Московской практической коммерческой академии и затем был сотрудником газеты «Современные известия», а также опубликовал книгу «Справочная коммерческая книга, практическое и теоретическое руководство для занимающихся торговыми делами» (М., 1867).

Московский нотариус Иван Николаевич Успенский с некоторой вероятностью может оказаться сыном лекаря II отделения Московского университета и писателя Николая Ивановича Успенского (1833–1860).

Московский нотариус Николай Александрович Шереметевский с некоторой вероятностью может оказаться родственником трех весьма известных и уважаемых в Москве людей: 1) Федора Петровича Шереметевского (1840–1891), действительного статского советника, ординарного профессора по кафедре физиологии Московского университета, 2) библиотекаря при Обществе русских врачей Павла Петровича Шереметевского (?–1887) и 3) действительного статского советника, преподавателя средних учебных заведений Владимира Петровича Шереметевского (1835–1895).

Московский нотариус Николай Львович Ясинский с определенной вероятностью может оказаться сыном профессора зоотомии и физиологии Московской медико-хирургической академии Льва Адамовича Ясинского (1802–1848).

Так ли все обстояло на самом деле, еще предстоит выяснить.

В культурно-просветительской, церковной жизни Москвы и на ниве благотворительности московские нотариусы оставили значительно менее яркий след по сравнению с их коллегами в других провинциальных городах. Одна из вероятных причин этого состояла в том, что в Москве в это время находилось столь много людей с просто «бешеными» деньгами, которые всем этим очень активно занимались, что конкурировать с ними не было просто никакой возможности. Кроме того, не следует забывать, что одним из условий профессии было не заниматься никакой другой государственной и общественной службой — и по этой причине они не могли, например, входить в состав попечительских комитетов городских участковых попечительств о бедных.

Нет, разумеется, будучи людьми достаточно состоятельными, образованными, обладавшими высоким социальным статусом, они должны были играть достаточно заметную роль в своих церковных приходах. Какая-то часть из них могла время от времени или на более регулярной основе делать пожертвования на различные благотворительные цели. Можно предполагать их присутствие и в составе родительских комитетов в учебных заведениях.

Кроме того, из мемуарной литературы о московских и подмосковных нотариусах известно несколько сюжетов более или менее апокрифических — вроде того, что один из московских (или подмосковных) нотариусов якобы поспорил с Ф. И. Шалапиным, что в течение очень короткого срока восстановит на свои средства сгоревшее здание театра в одном из уездных городов (кажется, в Серпухове) — и этот спор выиграл. Но эти рассказы не получили документального подтверждения (или, скажем так, пока не получили), и все эти моменты еще так или иначе предстоит выяснять.

Где предпочитали «селиться» московские нотариусы?

Вынесенный в заголовок вопрос сам по себе является довольно интересным. В самом деле, где предпочитали «селиться» конторы московских нотариусов, царил ли в этом полный хаос и игра случайностей, или возможно проследить здесь какую-то систему; и если да, был ли их выбор как-то дополнительно обусловлен и чем именно?

Помимо того что нотариусы исполняли важную общественную функцию, с точки зрения их собственных материальных интересов их правомерно рассматривать как своего рода частных предпринимателей в юридической сфере и, соответственно, критерии бизнеса, в том числе и при выборе местоположения своей конторы, были им не совсем чужды.

Современный бизнес если и не тотально, то в весьма значительной своей части подходит к вопросу выбора своего местоположения, руководствуясь американизированной формулой: «скажи мне, где располагается твой офис, и я могу сказать тебе, кто ты»¹. Применительно к России

¹ Вариант: «сколько ты стоишь».

второй половины XIX и начала XX в. в целом это было еще далеко не так, однако и некоторые черты такого подхода уже безусловно прослеживались.

Нотариусам разрешалось по закону открывать конторы как в собственных домах, так и в арендуемых помещениях. Московская практика была такова, что подавляющее большинство нотариальных контор располагалось в наемных помещениях.

При этом для перемены месторасположения контор, судя по всему, каких-то ограничений не существовало. Так, адрес конторы П. Н. Львова за время его пребывания московским нотариусом менялся пять раз, а московский нотариус В. К. Эггерс в 1880-е годы «переезжал» со своей конторой практически ежегодно. Но бывали и иные примеры большой стабильности — так, контора В. А. Трескина в течение без малого четверти века его пребывания московским нотариусом располагалась по одному и тому же адресу: ул. Петровка, в д. Хомякова.

Четкого и детального регламентирования того, как должна быть обставлена контора, также не существовало, и каждый нотариус, придерживаясь при этом некоего общего «эталона» того, как должно выглядеть «присутствие», или же не придерживаясь, мог обставить ее сообразно своему вкусу и материальным возможностям. Вполне достаточным считалось, чтобы общий вид был «приличным». Ввиду недостаточности информации мы пока еще испытываем определенные затруднения с тем, чтобы дать этим довольно общим словам более конкретное наполнение. Однако можно заметить, что московские нотариусы были полностью, как выражаются англичане, «up-to-date», — к примеру, уже в начале 1900-х гг. конторы всех московских нотариусов были телефонизированы и помимо адреса они обязательно указывали также и номера телефонов¹.

При выборе своего местоположения просматриваются несколько вариантов предпринимательской стратегии поведения: водвориться там, где вообще окажется возможным, или «там, где дешевле», «там же, где и все», «поближе к клиентам, туда, где крутятся основные деньги», «поближе именно к своим клиентам» и т. п. Со временем могла происходить оптимизация своего местоположения: например, от первого или второго варианта к третьему, четвертому или пятому, и т. п.

Разумеется, необходимо считаться с тем фактом, что нотариусам, и в особенности молодым, находящимся еще в начале своей карьеры, приходилось довольствоваться теми помещениями, которые им вообще удавалось снять. Но затем они (по крайней мере именно так, на наш взгляд, обстояло дело в Москве) при малейшей возможности стремились оказаться поближе к тем местам, где делались основные дела в сфере бизнеса. Или, другой вариант, поближе к тем местам, где проживали их основные клиенты.

¹ Телефонизация столицы постепенно началась с 1892 г., причем, как водится, начиная с государственных учреждений, дома губернатора и т. д.; указываемые телефонные номера в это время в Москве уже были четырехзначными, то есть количество абонентов лежало в пределах 1–10 тыс. человек.

И дело (опять-таки, на наш взгляд) в том, что основной причиной, влиявшей на выбор местоположения нотариальной конторы, являлась система оплаты труда нотариусов¹.

По положению 1866 г. она строилась на двух основаниях. Основной отправной точкой – и в этом сходились и интересы самого государства (в первую очередь фискальные)², и, естественно, нотариусов – выступала цена акта. И уже во вторую очередь, если в первом случае «наскрести» нужную сумму не удавалось (например, действовали какие-то ограничения или изъятия по закону), на передний план в оплате выходила чисто писарская работа – столько-то копеек за строку.

И тогда, если исходить как из верной из той предпосылки, что нотариусы, которые работали «сдельно», были заинтересованы в том, чтобы им попадалось совершать в первую очередь «дорогие» по цене акты, то тогда они, выступая уже не в функции агентов государства по оказанию определенного вида юридических услуг, а в функции индивидуальных предпринимателей, вполне рационально стремились в конечном счете оказаться поближе к тем местам, где «крутились» основные деньги.

Явные их предпочтения в том, где «селиться», свидетельствуют об этом достаточно красноречиво. Достаточно лишь взглянуть, что располагалось по соседству³, и картина в этом смысле становится более понятной.

Итак, возьмем, в первую очередь, Китай-город:

- Биржевая пл., в д. Троицкого подворья – Ф. П. Момма (в 1894–1898 гг.)
- С. И. Сусоров (в 1894–1914 гг.) и А. Ф. Момма (в 1903–1914 гг.);
- близ зд. Биржи, в д. Беяева – В. И. Натуччи (в 1877–1879 гг.);

¹ Вопрос о критериях выбора практикующими нотариусами местоположения своих контор является сам по себе интересным и оказывается содержательно связанным с другим важным и пока еще явно недостаточно изученным вопросом о структуре нотариальных доходов московских нотариусов вообще, об относительных «весах» значений доходов от выполнения отдельных видов нотариальных действий в их совокупном доходе.

Получить грубую оценку структуры доходов московских нотариусов, в принципе, возможно, поскольку и сами актовые книги, и реестры так или иначе сохранились. Но это, во-первых, требует по меньшей мере нескольких лет весьма трудоемкой работы, которая на этапе подготовки данной книги просто не могла быть проведена. И во-вторых, ее результаты в значительной степени обесцениваются тем, что это будет именно не более чем оценка, потому что нотариальные архивы многих московских нотариусов, как уже неоднократно говорилось, сохранились очень и очень фрагментарно.

² Напомним, что структуру нотариальных издержек образовывали: 1) казенные пошлины с актов (гербовые и крепостные), 2) сбор с нотариальных актов по месту их совершения (в доход города), 3) плата самим нотариусам за совершение актов и засвидетельствований и за выдачу выписей и копий (по соглашению или по особой таксе), 4) плата за выписи и копии, выдаваемые из нотариального архива, и 5) плата за выписки и справки из крепостных книг и реестров крепостных дел, также выдаваемые из нотариального архива.

³ Многие явления выглядят наиболее четко и рельефно при самом своем начале, а затем эти качества могут со временем постепенно размываться и исчезать. Поэтому адреса московского бизнеса приведены по адресно-справочной книге на 1876 г. (Вся Москва. Адресно-справочная книга на 1876 г. М., 1876. С. 862–897, 907–919). Что же касается самой даты (почему, скажем, не 1869, а 1876 г.), то она выбрана с учетом того, что кризис 1875 г. «подмел» все более-менее неудачные «скороспелки» и крупный московский бизнес в результате приобрел те черты, которые характеризовали его по крайней мере до начала 1890-х гг.

- Воскресенская пл., в д. 1 – И. Ю. Лессиг (в [1906–1909] гг.) и Е. Г. Полуектов (в [1906–1911] гг.);
- Воскресенская пл., в д. 2 – П. А. Соколов (в [1910–1911] гг.);
- Воскресенская пл., в зд. Исторического музея (д. 32) – П. И. Гоголицын (в 1894–1897 гг.), М. В. Боборыкин (в 1902–1907 гг.), И. А. Рукавишников (в 1903–1914 гг.), И. И. Траустель (в 1908–1914 гг.) и К. Н. Тихомиров (в 1909–1915 гг.);
- Воскресенская пл., в зд. гостиницы «Большая Московская» – В. А. Константинов (в [1908–1911] гг.);
- Воскресенская пл., в д. Карзинкина / насл. Карзинкина – Е. А. Устромский (в 1889–1891 гг.), М. А. Лебедев (в 1894–1904 гг.), В. А. Ненсберг (в 1894–1898 гг.), Я. И. Невяжский (в 1897–1914 гг.), Я. А. Калашников (в 1902–1907 гг.), В. Д. Плевако (в 1902–1907 гг.), В. А. Тимашев-Беринг (в 1902–1904 гг.), Л. В. Сушенков (в 1904–1908 гг.), В. А. Константинов (в [1906–1907] гг.), Е. Г. Полуектов (в [1906–1911] гг.) и К. Я. Секерж-Зенкович (в 1913, 1914 гг.);
- ул. Варварка, в д. Баранова – В. К. Величко (в 1875–1879 и 1885–1889 гг.);
- ул. Варварка, в д. ц. Св. Максима Исповедника – П. А. Соколов (в 1906–1907 и 1913, 1914 гг.);
- ул. Варварка, в д. Московского Купеческого общества – В. К. Величко (в 1883, 1884 гг.) и Н. С. Баршев (в 1889–1894 гг.);
- Варварка, в д. т. н. Сибирского подворья – С. А. Дейер (в 1885–1898 гг.);
- ул. Варварка, в зд. т. н. Средних Торговых рядов (д. 2) – И. Н. Успенский (в 1894–1897 и 1902–1904 гг.), Л. П. Казаков (в 1902–1914 гг.) и В. А. Тихомиров (в [1908–1911] гг.);
- ул. Варварка, в д. Столыпина (рядом с ц. Св. Георгия) – А. Д. Соколов (в 1889–1892 гг.);
- ул. Ильинка, в д. Иосифовского подворья – П. Д. Перевошиков (в 1885, 1886 гг.) и И. Н. Успенский (в 1890, 1891 и 1899, 1900 гг.);
- ул. Ильинка, в д. Оболенской – Ф. Ф. Ноев (в 1875–1878 гг.);
- ул. Ильинка, в д. Спиридонова возле Биржи – С. И. Сусоров (в 1888–1891 гг.);
- ул. Ильинка, в зд. т. н. Теплых рядов – Н. М. Соловьев-Гайдуков (в 1875–1888 гг.), С. П. Маджугинский (в 1877–1884 гг.) и Ф. А. Данненберг (в 1894–1898 гг.);
- ул. Ильинка, в д. Торгового банка – А. И. Амозов (в 1883–1891 гг.);
- ул. Ильинка, в д. Троице-Сергиевой Лавры (Троицкого подворья) – Ф. П. Момма (в 1875, 1876 и 1878–1891 гг.), А. Н. Рукавишников (в 1878–1888 гг.), С. П. Маджугинский (в 1885–1904 гг.), А. П. Маджугинский (в 1894, 1895 гг.) и П. П. Иванов (в [1906–1907 и 1910–1911] гг.);
- ул. Ильинка, в д. Угрешского монастыря – А. И. Амозов (в 1878, 1879 гг.);
- ул. Ильинка, в д. Хлудова – А. И. Амозов (в 1885–1888 гг.);
- Никольская ул., в д. Алексеева – П. А. Сухомлинов (в 1875–1879 гг.);
- Никольская ул., в д. Богоявленского монастыря – Н. Н. Ратьков (в 1875–1890 гг.), И. В. Юрьев (в 1875–1886 гг.) и Л. И. Малицкий (в 1894, 1895 гг.) и Э. Ю. Шидловский (в 1897–1914 гг.);

- Никольская ул., в д. Московской Синодальной типографии – В.К. Эггерс (в 1883, 1884 гг.);
- Никольская ул., в д. гостиницы «Славянский Базар» – В.К. Эггерс (в 1885–1898 гг.), Н.А. Шереметьевский (в 1894, 1895 гг.);
- Никольская ул., в д. Чижовых (Чижевское подворье) – Н.П. Безобразов (в 1875, 1876 гг.), П.А. Сухомлинов (в 1883–1898 гг.) и В.К. Эггерс (в 1887, 1888 гг.);
- Никольская ул., д. 53 – Я.А. Калашников (в [1910–1911] гг.);
- Китайский проезд, гост. Дюссо – П.Н. Львов (в 1888–1891 гг.);
- Китайский проезд, в д. Чельшева – С.А. Кедров (в 1875–1891 гг.);
- Космо-Дамианский пер., в д. Молчанова – Д.И. Кротков (в 1875, 1876 гг.);
- Юшков пер., в д. Купеческого о-ва – А.Д. Соколов (в 1894–1898 гг.) и П.А. Соколов (в 1902–1904 гг.).

А вот что располагалось по соседству:

- ул. Варварка, в д. Барановой – агентство Страхового от огня товарищества «Саламандра»;
- ул. Варварка, в д. Баринова – Московский Купеческий банк;
- ул. Ильинка, в д. Общества Теплых Рядов – отделение Северного общества страхования и склада товаров с выдачей warrants¹ и агентство Страхового общества морского, речного и сухопутного страхования кладей под фирмою «Волга»;
- ул. Ильинка, в д. Шелапутина (быв. Голяшкина) – отделение Волжско-Камского банка, правление и контора Высочайше утвержденных обществ «Дружина» и «Камско-Волжского» (пароходство по Волге, Каме и Каспийскому морю и транспортирования грузов, с застрахованием, по железным дорогам) и правление Товарищества Тверской мануфактуры;
- Никольская ул., в д. Бостанджогло – ликвидационная комиссия «крахнувшего» в 1875 г. Коммерческого Ссудного банка в Москве;
- Никольская ул., в д. Греческого монастыря – банкирская контора Д.П. Сырейщикова;
- Никольская ул., в д. Заиконоспасского монастыря – банкирская контора В.С. Марецкого;
- Никольская ул., в д. Московского Губернского правления – банкирская контора А.О. Цыплакова;
- Никольская ул., в д. Московской Синодальной типографии – банкирская контора А.А. Поля², Г.Н. Вебера и Н.П. Крапоткина и правление Высочайше утвержденного Общества Теплых Рядов;
- Никольская ул., в д. Орлова-Давыдова – правление Московско-Курской железной дороги;
- Никольская ул., в д. Третьяковых – Акционерное общество товарных складов «Торговый посредник»;

¹ Варранты – товарно-транспортные документы на принятые грузы.

² Любопытно, что один из совладельцев банкирской конторы был полным тезкой московского нотариуса Андрея Андреевича Поля.

- Никольская ул., в д. Чижевых (т. н. Чижевское подворье) – Банкирская контора И. Г. и А. Г. Чижевых, транспортная контора (агентство) Общества «Кавказ и Меркурий» и транспортная контора С. А. Кожевникова;
- Никольская ул., в д. гр. Шереметева – банкирские конторы В. А. Гульшина, И. Ф. и Б. Ф. Карницких, И. Ю. Лури, Российское общество морского, речного и сухопутного страхования и транспортирования кладей и администрация Акционерного общества «Торговый сотрудник»;
- Ипатьевский пер., в д. Гуськова – московская контора Страховой Компании «Надежда»;
- Космо-Дамианский пер., в д. Хлудова – Московский Торговый банк;
- Рыбный пер., близ Биржи – Ильинское отделение Высочайше утвержденного Московского товарищества для ссуд под заклад движимых имуществ;
- Рыбный пер., в т. н. Новогостином (Новом Гостином) дворе – Московский Учетный банк;
- Черкасский пер., в д. Воскресенского подворья – Московский Промышленный банк;
- Черкасский пер., в д. Серебрякова – Московское общество коммерческого кредита;
- Юшков пер., в д. Барановой – Московское купеческое общество взаимного кредита;
- Юшков пер., т. н. Боровское подворье – Второе Московское общество взаимного кредита.

Вне Китай города:

- Смоленская пл. (Смоленский рынок), в д. Тарасова – И. А. Тарасов (в 1875–1889 гг.) и Е. И. Тарасов (в [1890, 1891] гг.);
- Театральная пл., в д. кн. Горчакова – И. А. Маурин (в 1902–1904 гг.) и Е. Д. Полонский (в [1906–1911] гг.);
- Театральная пл., в д. Журавлева – Ф. А. Данненберг (в 1902–1904 гг.), Н. А. Шереметьевский (в 1902–19[11] гг.), В. А. Тихомиров (в 1906–1907 гг.), П. П. Иванов (в 1909–1915 гг.) и В. А. Спешнев (в [1913–1914] гг.);
- Театральная пл., в д. Патрикеева – Д. И. Кротков (в 1877–1879 гг.);
- Театральная пл., в д. Санкт-Петербургского Страхового о-ва при гостинице «Метрополь» – В. А. Константинов (в [1906–1907] гг.), В. Д. Плевако (в 1908–1914 гг.) и Н. А. Жеребков (в 1913, 1914 гг.);
- Театральная пл., в д. Нового театра – Н. Л. Ясинский (в [1906–1911] гг.);
- Театральная пл., в д. Патрикеева – Е. И. Тарасов (в 1894–1898 гг.) и С. В. Эггерс (в 1902–1914 гг.);
- Театральная пл., в д. Чельшева / насл. Чельшева – В. С. Смиренский (в 1875–1891 гг.), В. Ф. Павлов (в 1883–1886 гг.), Н. П. Курилко (в 1887–1891 гг.), К. И. Станюкович (1887–1889 гг.), И. А. Маурин (в 1894–1898 гг.), П. Н. Львов (в 1894–1898 гг.) и Н. Л. Ясинский (в 1894–1897 гг.);
- Театральная пл., в д. Шеллапутина – Н. Л. Ясинский (в 1902, 1903 гг.) и А. Н. Ясинский (в 1903–1914 гг.);

- Театральная пл. (Театральный проезд), в д. кн. Горчакова — П. Н. Львов (в 1902–1904 гг.);
- Театральная пл. (Театральный проезд), в д. гостиницы «Метрополь» — П. Н. Львов (в 1906–1907 гг.) и Н. А. Жеребков (*[до 1911]* г.);
- Театральная пл. (Театральный проезд), в д. Тестова — Н. М. Боборыкин (в 1885–1891 гг.);
- Театральный проезд, в д. насл. Хлудова — Э. Ю. Шидловский (в *[1910–1911]* гг.);
- ул. Арбат, Криво-Никольский пер., в д. Сосниной — М. Ф. Троицкий (в 1875, 1876 гг.);
- угол Басманной ул. и Токмакова и Денисовского пер., в д. Аносовой — Л. И. Малицкий (в 1889, 1890 гг.);
- ул. Воздвиженка, в д. Шмита (против ц. Бориса и Глеба) — Н. П. Курилко (в 1888–1889 гг.);
- ул. Кузнецкий мост, в д. Солодовникова — А. Н. Рукавишников (в 1875–1878 гг.);
- ул. Кузнецкий мост, в д. Юнкера — Н. Е. Назаров (в 1883, 1884 гг.);
- Моховая ул., в д. Кох — Н. Я. Павлов (в 1878–1895 гг.);
- ул. Петровка, в д. Московского городского кредитного общества — К. П. Барсов (в 1875–1888 гг.), П. М. Савицкий (в 1890–1914 гг.) и Н. П. Курилко (в 1894–1904 и 1906–1911 гг.);
- ул. Петровка, в собств. д. — П. Д. Перевощиков (в 1875–1879 гг.);
- ул. Петровка, в д. Хомякова — В. А. Трескин (в 1875–1895 гг.) и М. Н. Торсуев (в 1897–1909 гг.);
- ул. Петровка, в д. Яковлева — П. Д. Перевощиков (в 1883, 1884 гг.);
- ул. Охотный ряд, в д. Карзинкина — П. М. Савицкий (в 1885–1888 гг.), М. А. Лебедев (в *[1885–1891]* гг.) и А. Н. Рукавишников (в 1888, 1889 гг.);

- угол Тверской ул. и Охотного ряда, в д. Никольского Единоверческого монастыря – Л. Я. Дудкин (в 1905–1914 гг.) и Л. В. Сушенков (в 1908–[1911] гг.) и В. А. Спешнев (в [1910–1911] гг.);
- Тверская ул., в д. Голяшкина – А. А. Поль (в 1875–1879 гг.);
- Тверская ул., в т. н. Лоскутной гостинице – В. Ф. Павлов (в 1878, 1879 гг.);
- Тверская ул., в д. Маттейсен (Матейсен) – Н. П. Орлов (в 1878–1884 гг.) и П. Н. Меморский (в 1895–1914 гг.);
- Тверская ул., в д. Румянцева (у ц. Благовещения) – Г. Г. Порецкий (в 1875–1879 гг.);
- Тверская ул., в д. Сушкина – П. Н. Меморский (в 1885–1891 гг.);
- Тверская ул., в д. Толмачева – Е. А. Устромский (в 1887–1889 гг.);
- Тверская ул., в д. Фальц-Фейн – А. А. Поль (в 1885–1904 гг.);
- Тверская ул., в д. Шаблыкина – А. С. Подковщиков (в 1875–1876 гг.) и В. К. Эггерс (в 1875, 1876 гг.);
- 1-я Мещанская ул., в д. Колобашкина – Ф. П. Момма (в 1877, 1878 гг.);
- Газетный пер., в д. Живаго (№ 286) – В. К. Эггерс (в 1877–1879 гг.);
- Прогонный пер., в д. Вебер – П. Н. Львов (в 1887, 1888 гг.);
- Спасский пер., в д. кн. Горчакова – Е. Д. Полонский (в [1906–1911] гг.);
- Трубный пер., в д. Холмского – Н. М. Боборыкин (в 1883, 1884 гг.); в д. Карзинкина (против т. н. старого здания присутственных мест) – П. Н. Шубинский (в 1875–1884 гг.).

А вот что располагалось более или менее по соседству:

- Смоленская площадь (Смоленский рынок), в д. Кузнецова – Смоленское отделение Высочайше утвержденного Московского товарищества для ссуд под заклад движимых имуществ;
- Старая площадь, в д. Мичинера – агентство Высочайше утвержденного общества сухопутного, речного и морского страхования и транспортирования кладей и выдачи под оных ссуд «Двигатель»;
- Бол. Лубянская ул. (Большая Лубянка), в д. Варгина – Российское страховое от огня общество, учрежденное в 1827 г.;
- Бол. Лубянская ул., в д. кн. Голицына – банкирская контора Е. Е. Майера и главные агентства Общества морского, речного и сухопутного страхования транспортов, под фирмой «Русский Ллойд» и Варшавского страхового от огня общества;
- Бол. Лубянская ул., в д. Мосолова – Московское страховое от огня общество;
- угол Бол. Лубянской ул. и Кузнецкого моста, в д. кн. Голицына – банкирская контора Х. К. Иогансона;
- угол Бол. Лубянской ул. и Варсонофьевского пер., в д. Камышина (быв. Мальцева) – правление Общества Шуйско-Ивановской железной дороги;
- Бронная ул., в д. Ринг – Бронное отделение Московского общества кредита для ссуд под залог недвижимости;
- ул. Кузнецкий мост, в д. Попова – банкирская контора И. В. Юнкера и главное агентство Санкт-Петербургского общества страхования от огня имуществ, пожизненных доходов и денежных капиталов;

- ул. Кузнецкий мост, в д. Телецкого — банкирская контора С. А. Блюха;
- ул. Кузнецкий мост, в д. Тверского подворья — банкирская контора И. И. Джемгарова (впоследствии бр. Джемгаровых);
- ул. Лубянка, в д. Величкина — агентство Второго Российского страхового от огня общества, учрежденного в 1835 г.;
- ул. Лубянка, в д. Мазуриной — главное агентство Русского страхового от огня общества;
- ул. Мал. Лубянка, в д. Аксенова — Высочайше утвержденное парходное общество «Самолет»
- Мясницкая ул., в д. Долгорукова — агентство Коммерческого страхового от огня общества;
- Мясницкая ул., в д. фон-Мекк — правление Ландварово-Роменской железной дороги;
- ул. Петровка, в д. Московского городского кредитного общества — Московское городское кредитное общество и центральное отделение Высочайше утвержденного Московского товарищества для ссуд под заклад движимых имуществ;
- ул. Петровка, в д. Купчинских — Страховое общество «Якорь»;
- ул. Петровка, в д. Михалковых — банкирская контора С. Н. Рожнова;
- ул. Петровка, в д. Хомякова — банкирская контора сыновей Гавриила Волкова: Ивана, Гавриила и Петра Гавриловичей;
- ул. Пречистенка, в д. кн. Голицына — правление и центральное отделение Московского общества кредита для ссуд под залог недвижимости;
- Тверская ул., в д. Исакова — банкирская контора В. А. Куманина;
- Тверская ул., в д. Пороховщикова — Управление Московско-Брестской железной дороги;

- Неглинный проезд, в д. Молчанова – Российское общество страхования капиталов и доходов, учрежденное в Санкт-Петербурге 1835 года;
- Газетный пер., в д. Хомяковых – агентство Санкт-Петербургско-Тульского поземельного банка;
- Газетный пер., в д. Шаблыкина – банкирская контора Г. Симиса;
- Гороховый пер., в д. Бухтеева (рядом с ц. Св. Никиты Мученика) – Басманное отделение Высочайше утвержденного Московского товарищества для ссуд под заклад движимых имуществ;
- Кривой пер., близ Меншиковой башни, в д. Ахенбах – банкирская контора Ахенбах и Колли-младшего и агентство Рижско-Динабургской железной дороги;
- Лялин пер., в д. Ренева – инспекция Московско-Курской железной дороги;
- проезд Тверского бульвара (5-й квартал Арбатской части), в д. Полякова – Московский Земельный банк и банкирская контора Л. С. Полякова.

Рискнем на основании всего этого сделать тот вывод, что для преобладающей (или по крайней мере для весьма значительной) части московских нотариусов центральным было обслуживание не юридического оборота частных лиц как такового, включая и сделки с недвижимостью, отдельные акты на имущество и совершение завещаний, а, в первую очередь, потребностей торгово-промышленного оборота.

«Случай» нотариуса В.Д. Плевако

...**З**авершить этот раздел о дореволюционном периоде истории независимого нотариата в Москве предполагается небольшим «кейсом» (от *англ.* case study – букв., изучение какого-либо случая, а по устойчиво закрепившемуся за словосочетанием смыслу – углубленное изучение частного случая или микросюжета в рамках более общей темы, которые почему-либо представляют самостоятельную значимость и интерес) об одном из московских нотариусов, на примере которого коснуться многих технических моментов, сопровождающих назначение на должность и последующее ее исполнение, которые не «легли» органично в «теле» основного очерка.

Проделать такую работу предполагается в отношении всех московских нотариусов, но поскольку на момент написания данной книги эта работа еще весьма далека от своего завершения, решили начать с одного. Выбор пал на представителя как бы уже второго поколения московских нотариусов – Валериана Доримедонтовича Плевако (1862–1915). И сделан он был, как можно легко догадаться, не в последнюю очередь из-за самой фамилии, а другой причиной является вынесенный в заголовок «случай», в связи с которым против В. Д. Плевако, кажется единственного среди московских нотариусов, было начато (и не по его вине) судебное преследование по обвинению в совершении должностного преступления.

Плевако – фамилия в юридическом мире мало сказать, что известная, а давно превратившаяся в своего рода имя нарицательное для обозначения адвоката экстра-класса, мэтра адвокатуры вообще. Причем такое положе-

ние наступило еще при жизни того, к кому это относится — Федора Никифоровича Плевако (1842–1908). И специалисты и простые обыватели (для последних он был «Плевака» — именно так, через «а») ценили его превыше всех других адвокатов как «старшего богатыря» и даже «митрополита адвокатуры» (ее «королем» среди профессионалов и вообще знатоков считался другой — В. Д. Спасович (1829–1906), но он был, бесспорно, куда менее популярен, чем Плевако)¹.

Условным родоначальником фамилии Плевако считается чиновник таможи в г. Троицке Оренбургской губернии, где на тот момент пролегла государственная и таможенная граница империи, Василий Иванович Плевак, украинский дворянин, возможно из бывших реестровых казаков, который в период службы там прижил двоих внебрачных детей от крепостной киргизки Екатерины Степановой (два других варианта, «поляк и башкирка» и «литвин и калмычка», признаются менее достоверными) — Федора и Доримедонта. Федор — это и есть тот самый знаменитый адвокат, а Доримедонт — его старший брат, и таким образом Василий Доримедонтович Плевако приходится знаменитому адвокату родным племянником.

Летом 1851 г. семья Плевако переселилась в Москву, и с осени братья начали учиться в известном и достаточно престижном Московском коммерческом училище, однако уже в 1853 г. были исключены из него как незаконнорожденные, и после долгих хлопот их удалось пристроить в 1-ю московскую гимназию на Пречистенке, окончив которую братья поступили — Федор на юридический факультет Московского университета, а рано скончавшийся Доримедонт (он не дожил до 20 лет, впрочем успел закончить курс, жениться и даже завести ребенка) — туда же на медицинский.

Окончив университет в 1864 г. с дипломом кандидата прав, Ф. Н. Плевако был принят сначала в помощники присяжного поверенного, а в 1870 г. стал и присяжным поверенным, т. е. полноправным адвокатом, округа Московской судебной палаты, и с этого времени началось его восхождение к вершинам адвокатской карьеры и славы.

Очевидно, уже по окончании курса в Университете братья добавили к своей слишком, на их взгляд, «простонародной» фамилии «Плевак» (почти как «плевок») окончание «о», сделавшее ее и более благозвучной и «аристократичной», сближая с такими русскими стародворянскими фамилиями, как Веселаго, Мертваго и т. п. (Так или иначе, родившийся 1 апреля 1862 г. в семье московского врача Валериан Доримедонтович был записан в метрике уже как Плевако.)

Окончив курс во 2-й Московской военной гимназии (куда, по всей видимости, был принят в том числе и в связи с ранней смертью отца, как сирота) и затем 2-го (Константиновского) военного училища, он 19 ноября 1897 г. в чине поручика (по другим сведениям, штабс-капитана)² 122 Тамбовского

¹ Столичная адвокатура. М., 1895. С. 108; Вольский А. В. Правда о Плевако // РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 555. Л. 11; Троицкий Н. А. Короли российской адвокатуры. М., 2006. С. 103.

² Разночтения связаны с тем, что, согласно его формулярному списку, он оставил службу в чине поручика (почему он и сам везде именует себя поручиком), но с присвоением ему, согласно распространенной практике, по выходе в запас следующего офицерского чина — штабс-капитана.

пехотного полка вышел в отставку и после десяти лет службы-стажировки в конторе своего дяди, известного московского адвоката Ф. Н. Плевако, в 1898 г. выдержал экзамен («испытания») на должность нотариуса и 25 сентября того же года приказом старшего председателя Московской судебной палаты был определен нотариусом по г. Москве, заступив на должность 14 октября того же года. Еще о нем известно, что в 1910 г. (следовательно, в возрасте 48 лет, что, согласитесь, по общим меркам поздневат, но здесь могли сыграть роль некоторые жизненные обстоятельства, о которых мы пока еще недостаточно знаем) он сочетался законным браком с разведенной женой купеческого сына Любовью Павловной Дмитриевой, 28 лет, но их браку не суждено было продлиться долго, поскольку 28 августа 1915 г. (было ли это как-то связано с обстоятельствами военного времени, опять неизвестно) В. Д. Плевако скоропостижно скончался¹.

К сказанному остается добавить, что нотариальный архив В. Д. Плевако хотя формально существует, но, к величайшему сожалению, дошел до нас буквально в жалких остатках². В нем фигурируют проекты купчих крепостей, актов о разделе имущества, данных и дарственных записей, составленных в его присутствии или заверенных им, а также, в качестве некоторой «экзотики», — чертежи хлопкоочистительного завода Н. Н. Глухова в Туркестане, который он отказал в пользу казны, по всей видимости переданные нотариусу В. Д. Плевако на ответственное хранение.

...Интересен и в известной мере любопытен уже самый начальный шаг профессиональной карьеры В. Д. Плевако и одновременно — момент для всех биографов крайне эффектный, который можно условно назвать — «рекомендация гения». В просьбе, имевшей форму полуофициального письма к первому лицу, — которое, в сущности, располагало возможностями решающим образом повлиять на дальнейшую карьеру племянника, — председателю Московского окружного суда Н. В. Давыдову (его он прекрасно знал и по службе, а судя по некоторым моментам письма, и вне ее), Ф. Н. Плевако рекомендует сына покойного брата и своего племянника Валериана как человека, который, выйдя в 1888 г. в отставку с военной службы, стал «заниматься» у него в конторе и за это время проявил себя весьма дельным сотрудником, успел основательно ознакомиться с гражданским, торговым и уголовным правом и процессом и притом, что весьма ценно для дела, «которому он желает себя посвятить», — человеком высоких моральных качеств. Как опытный юрист и вообще человек осторожный, Ф. Н. Плевако избегает слишком открытых формулировок, но характер и цель письма совершенно понятны.

К просьбам такого рода, даже если речь банально идет о родственнике, да и сам он еще представляет собой в полном смысле «кота в мешке», как правило, прислушиваются. Вот и в нашем случае на просьбе стоит резо-

¹ Подгорный Б. А. Плевако. М., 1914. С. 6–7; Смолярчук В. И. Адвокат Федор Плевако. Челябинск, 1989. С. 11–13; Троицкий Н. А. Указ. соч. С. 104–106 (биографические данные о Ф. Н. Плевако); Валериан Доримедонтович Плевако // Бюллетень нотариальной практики. 2012. № 1. С. 17 (биографические данные о В. Д. Плевако).

² Фактически, он как бы заново «реконструирован» в архиве в результате, выражаясь профессиональным языком, уточнения фондовой принадлежности отдельных архивных дел.

люция высокого лица, к которому она была обращена, начертанная, быть может, нарочито неразборчиво, но ее можно прочесть, в том числе и как «Поседействовать»¹.

15 сентября 1898 г. комиссия в составе Председателя Московского окружного суда В. Н. Давыдова и членов — исполнявшего в тот период должность старшего нотариуса С. Г. Зимарева, товарища прокурора А. М. Климова и члена суда П. А. Буханова — проэкзаменовала В. Д. Плевако в знании законов и форм нотариального производства, признав его познания и умения «весьма удовлетворительными». (В ходе испытаний В. Д. Плевако по традиции составил основной по значению нотариальный акт, купчую, указав в качестве своего местопребывания на тот момент адвокатскую контору Н. Ф. Плевако, располагавшуюся по адресу: Новинский бульвар в собственном доме за № 106.)²

Для того чтобы лучше представить себе в деталях, «как все было», весьма полезно ознакомиться с неким подобием «личного дела нотариуса В. Д. Плевако» по мере того, как оно сначала создавалось в процессе допуска его к конкурсным испытаниям, а затем пополнялось по мере самого вступления в должность.

Так, в его «деле» отложились подлинник экзаменационного акта (купчей) с итоговой оценкой «весьма удовлетворительно»³, текст клятвенного обещания с отметкой, что приводил его к присяге священник о. Алексей Цветков⁴. Любопытно, и о чем еще не сообщалось в литературе, что нотариус при назначении на должность должен был представить на утверждение даже эскизы регламентированного внешнего вида вывесок (черные буквы на белом фоне, размер 13,8 на 1,12 и 1,12 на 3,8 вершков), которые он намеревается укрепить снаружи своей конторы⁵.

7 октября 1898 г. нотариус В. Д. Плевако внес (по квитанции из Московского губернского казначейства за № 11755) требуемый обеспечительный залог — в сумме весьма немалой: 11 тыс. 200 рублей, что равнялось почти половине предельного максимума в 25 тыс. рублей (не исключено, что и опираясь в этом на некоторую финансовую помощь дяди с обязательством постепенно возратить деньги из своих текущих доходов нотариуса)⁶, и официально вступил в исполнение должности с 15 октября — как и полагалось, известив о том и другом особыми рапортами на имя председателя Московского окружного суда⁷.

Теперь переходим к тому, что, собственно, и составляет сам «случай» (или, по-латыни, casus) нотариуса В. Д. Плевако. «Казус» этот, насколько

¹ ЦИАМ. Ф. 142. Оп. 27. Д. 838. Л. 2–2 об.

² Там же. Л. 3, 5 об.

³ Там же. Л. 4–5 об.

⁴ Там же. Л. 12.

⁵ Там же. Л. 13, 14.

⁶ В последующем он пополнял сумму залогового депозита еще дважды: в январе 1908 г. внес 3 тыс. рублей (по номиналу) в бумагах государственной ренты, а в мае 1909 г. тем же порядком еще 4 тыс. руб. // Там же. Л. 96, 107.

⁷ Там же. Л. 8, 9, 15.

можно понять, состоял в том, что В. Д. Плевако, судя по всему, страдал неким заболеванием сосудов головного мозга¹ (не исключено, что оно стало и причиной его довольно раннего увольнения из армии) и на период вспышек своей болезни вынужден был неоднократно и на продолжительное время² поручать исполнение обязанностей нотариуса за себя, но с сохранением полной ответственности, на своего сотрудника А. А. Вешневецкого³, который за время своей деятельности что-то там «напортачил».

Это «что-то» оказалось настолько значительным, что согласно последовавшему в мае 1909 г. определению 2-го департамента Московской судебной палаты против нотариуса В. Д. Плевако было начато следствие по обвинению в совершении должностного преступления⁴. (Однако, в чем состояло существо этих обвинений, мы пока не знаем.)

¹ Болезнь, насколько можно судить по датированному мартом 1909 г. свидетельству из московской клиники по внутренним и нервным болезням доктора С. Ф. Майкова, состояла в периодических приливах крови к голове и спазмах сосудов головного мозга, проявлением чего были головокружение, сильные головные боли и «частичное расстройство нервной системы» (не стоит, впрочем, смешивать это с «нервным расстройством» в современном понимании) // Там же. Л. 101.

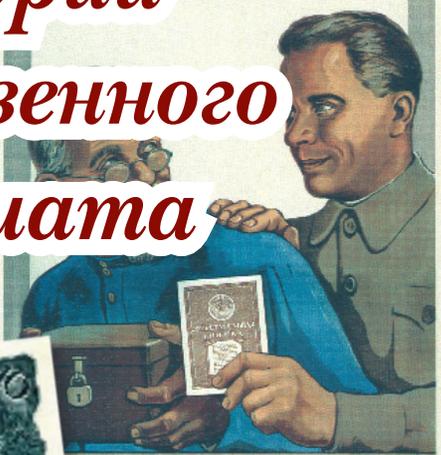
² Уже в первый год своей работы — 1899 — В. Д. Плевако вынужден был обращаться с подобной просьбой трижды (в январе, мае и ноябре), а в феврале 1900 г. снова запросил длительный отпуск уже «по домашним обстоятельствам». Нервная болезнь вынудила его вновь передать исполнение обязанностей А. А. Вешневецкому с марта по август 1906 г. В июле 1907 г. он вновь ходатайствовал о продолжительном отпуске (на два месяца), а уже в январе 1908 г. снова запросил месячный отпуск, и еще раз — в апреле (теперь уже вновь «по домашним обстоятельствам») — сперва на две недели, затем еще на месяц и, наконец, «впредь до выздоровления» (в начале октября, почувствовав некоторое облегчение, он вернулся к исполнению обязанностей) // Там же. Л. 17–21, 23, 89, 90, 92, 94, 97–100, 103, 106.

³ Исходно в документах он именуется «мещанином Сергиева Посада», но за то время, пока ему неоднократно приходилось замещать В. Д. Плевако, он, судя по всему, успел окончить курс в высшем учебном заведении. Это следует, в частности, из того, что в 1908 г. он именуется уже «личный почетный гражданин» — звание, которое в то время давалось главным образом в связи с получением диплома о высшем образовании.

⁴ Там же. Л. 111.

Глава вторая
Советский период
в истории КУБЫШКУ-
отечественного
нотариата

**ЗАВЕДИ
БЕРКНИЖКУ!**

Мы намеренно избегаем употребления словосочетания «советский нотариат» по целому ряду причин. Во-первых, мы согласимся с Николаем Александровичем Поповкиным, который считает, что сам термин «советский нотариат» неточен, поскольку можно говорить лишь о частном и государственном нотариате, но не о каком-то «советском». Во-вторых, за время советской власти отношение к нотариату и само содержание нотариальной деятельности столь серьезно менялись, что обозначить имевшееся разнообразие одним словом — значит упустить что-то очень важное. Действительно, одно дело «нотариат» первых лет советской власти, экспроприации собственности и военного коммунизма, совсем другое дело — нотариат периода горбачевских реформ. Это даже по своим социальным функциям принципиально разные институты.

Не случайно в современном нотариальном сообществе присутствуют столь различные оценки того, что принято называть общим термином «советский нотариат». И хотя в общественном мнении доминируют в основном негативные и крайне негативные оценки, нельзя не признать в то же время и правоты иных точек зрения. Так, известный российский нотариус, председатель первого профессионального нотариального сообщества — Ассоциации нотариусов России — Натиг Исмаилович Агамиров считает такие оценки несправедливыми и неадекватными, поскольку во второй половине 70-х и все 80-е гг. нотариат развивался в правильном направлении. Он считает, что до 90 процентов положений Закона РСФСР «О государственном нотариате» от 2 августа 1974 г. и Инструкции МЮ РСФСР от 28 марта 1975 г. о порядке совершения нотариальных действий государственными нотариальными конторами РСФСР вошли в Основы законодательства РФ о нотариате, и это о многом говорит.

Такого же мнения придерживается и один из руководителей московского нотариата 80-х гг. — заместитель начальника Управления юстиции г. Москвы Александр Иванович Алферов, по мнению которого «можно иронизировать по поводу нотариальной деятельности советского периода, но функционально она была порой даже шире сегодняшней».

К вопросу о достоинствах и недостатках нотариата последних лет советской власти мы еще вернемся, пока подчеркнем главное — не вина нотариата, а его беда в том, что в нашей стране проводились столь безумные эксперименты в сфере экономической жизни и собственности. Нотариат был такой же жертвой политического и экономического безумия, как и весь народ. Как только наше государство осознавало, что без гражданских прав и самостоятельности людей страна обойтись не может, и предоставляло людям какую-то минимальную свободу и право хоть что-то иметь в собственности, так сразу же возникала общественная потребность в восста-

новлении соответствующих нотариальных действий. Опыт нашей страны свидетельствует о том, что судьба нотариата напрямую связана с наличием в обществе гражданских и экономических свобод. Прямые доказательства правильности этого утверждения мы видели в истории дореволюционной России. Но история нашей страны дала и другие, «косвенные» доказательства правильности данного тезиса — с помощью «доказательства от противного».

Экспроприация и ликвидация

В октябре 1917-го партия большевиков пришла к власти с политическим проектом, очень сильно отличавшимся от того, что на тот момент уже имелось в стране, и начали они со слома всей прежней системы экономических и правовых отношений, системы органов и атрибутов государства. С принятием декретов советской власти «О земле» (29 октября 1917 г.) и «О суде» № 1 (24 ноября 1917 г.) наступил наиболее тяжелый этап истории московского и всего российского нотариата в целом.

Первый из декретов надолго — до 1993 г. — отменял право частной собственности на землю и формулировал основы земельной политики в нашей стране. Он, по сути, четко определил отношение новой власти и к частной собственности вообще, и к наемному труду. Декрет № 1 о суде упразднил судебные органы, институт судебных следователей, прокурорского надзора и частной адвокатуры, заложив основы «нового советского суда»

Реакция всех прежних органов юстиции на декрет о суде № 1, естественно, была резко отрицательной. Правительствующий сенат выступил с беспрецедентно резким по форме заявлением, в котором звучали такие формулировки, как «преступные действия лиц, именующих себя народными комиссарами», «час величайшей опасности для родины», и объявил о его непризнании и отказе исполнять «распоряжения... каких бы то ни было самочинных организаций» впредь до решения Учредительного собрания. О своем неприятии положений Декрета заявили также Московский окружной суд и Московская адвокатура.

После разрушения судебной системы большевики взялись за нотариат. «Тесную связь с упраздненными судебными органами, — пишет К. С. Юдельсон, — имел дореволюционный нотариат, игравший существенную роль в юридическом закреплении экономического господства буржуазии»¹. Поэтому 23 марта 1918 г. СНК Москвы и Московской губернии принял постановление, которым отменил «ныне действующее Положение о нотариальной части», ввел новое Положение, объявил о муниципализации нотариальных контор.

Мнение о том, что нотариат закреплял экономическое господство буржуазии, было единодушным в среде большевиков. Именно поэтому, несмотря на сложную обстановку в стране, о нотариусах «не забывали». В марте 1918 г. Ленин писал народному комиссару юстиции Д.И. Курскому: «Не

¹ Юдельсон К. С. Избранное: Советский нотариат. М.: Статут. 2005. С. 38 (работа впервые опубликована в 1959 г.).

пора ли поставить на очередь вопрос об уничтожении документов частной собственности: нотариальные акты о землевладении, фабриках, недвижимости и прочее?» Тов. Курский бодро отвечал: «Мера не лишняя и может быть проведена быстро, так как нотариальные архивы в наших руках».

Кроме организационного слома сужалась сама сфера возможной деятельности нотариусов, так как советское правительство своими актами последовательно «отключало» целые области прежних гражданско-правовых отношений. За декретами, отменявшими право частной собственности

на объекты недвижимости и землю и так называемые титулы собственности в виде различных ценных бумаг, последовал декрет Совнаркома от 27 апреля 1918 г. об отмене наследования.

Декрет безоговорочно отменял право наследования капиталистической частной собственности (равно как и весь институт буржуазного наследственного права), но право наследования так называемой трудовой собственности было сохранено, и был установлен для этого новый порядок наследования: если имущество умершего не превышало по стоимости 10 тысяч рублей и состояло из усадьбы, домашней обстановки и средств производства трудового хозяйства в городе или в деревне, то оно, по этому декрету, могло беспрепятственно передаваться супруге или супругу умершего и родственникам по прямой восходящей и нисходящей линиям. И вот еще что важно: декрет исключал завещательные распоряжения собственника относительно своего имущества и допускал наследование исключительно по закону, и тем самым поле деятельности для нотариата заметно сужалось.

Прошло еще двадцать дней, и ВЦИК и СНК совместно приняли новый, действовавший в том же направлении декрет — об отмене дарения. Первый же пункт декрета безжалостен и безапелляционен: «Дарение и всякое иное безвозмездное предоставление (передача, переуступка и т. п.) имущества на сумму свыше 10 тысяч рублей признается недействительным». Правда, во втором пункте декрета все-таки «вспомнили» и о нотариусах: «Дарение и всякое иное безвозмездное предоставление имущества на сумму от одной тысячи до десяти тысяч рублей должно быть облечено в форму нотариального или судебного акта. При несоблюдении этой формальности сделка признается недействительной». Однако заниматься этим предстояло не нотариальным конторам из «прошлой» жизни, а вновь созданным взамен них так называемым нотариальным отделам при местных Советах во главе с так называемыми народными нотариусами.

Прошло еще три месяца, и 20 августа 1918 г. ВЦИК принимает декрет «Об отмене права частной собственности на недвижимость в городах». И тут самая первая статья, что называется, бьет наотмашь: «Отменяется право частной собственности на все без исключения участки, как застроенные, так и не застроенные, как принадлежащие частным лицам и промышленным предприятиям, так и ведомствам и учреждениям, находящиеся в пределах всех городских поселений».

Важнейшие институты: частная собственность на землю, на недвижимость, частная собственность вообще, право наследования, право дарения — отменены. В августе 1918 г. Наркоматом юстиции, наконец, было принято решение отменить по факту уже несколько месяцев не действующее «Положение о нотариальной части» 1866 г. и ввести вместо него как временное положение о нотариальных отделах при советах депутатов от 16 сентября 1918 г. Это и была та самая муниципализация по московскому образцу: создавались те самые отделы местных советов во главе с народными нотариусами.

Некоторое волнение у власти вызывали лишь задержки с процессом уничтожения прежних нотариальных актов. Чтобы ускорить этот процесс, было принято решение об утилизации становящихся ненужными «запасов

старой бумаги для переработки и обращения в бумажную массу», для чего предлагалось заведующим юридическими отделами губсовдепов теснее взаимодействовать с местными органами Высшего совета народного хозяйства и передавать им для этих целей нотариальные архивы, архивы бывших судебных палат, окружных и коммерческих судов и уездных съездов в качестве сырья на переработку и топлива.

Наконец, циркуляром № 9 от 9 декабря 1918 г. Наркомюст РСФСР предложил вообще ликвидировать нотариальные отделы местных советов, а их функции распределить между соответствующими органами, исходя из их компетенции.

Впрочем, уже вскоре, в феврале 1919 г., Наркомюст спохватился и распорядился циркуляр о ликвидации нотариальных отделов в жизнь не проводить, а там где это необходимо — иметь: в городах — так называемые нотариальные столы при судебно-следственных подотделах губернских органов юстиции, а в уездах — при местных народных судах. Однако во многих советах нотариальные столы уже были ликвидированы, а вместе с ними целиком или почти полностью пропали и их уникальные нотариальные архивы.

Материальное положение лиц, занимающихся нотариальной деятельностью, все эти годы оставалось очень тяжелым, почти катастрофическим. Причем «работники нотариальных столов» считались лишь техническими служащими, а в самом наркомате за руководство нотариатом уже, по сути, никто не отвечал.

Ликвидация системы органов нотариата не только в их прежнем виде, но и вообще, к счастью, не оказалась тотальной. Свою роль в этом сыграл и декрет № 2 «О суде», в котором подчеркивалось, что нотариальные действия заверяются нотариусами, а в случае их отсутствия — лицами, их замещающими. Это первое свидетельство того, что новые власти постепенно все-таки стали осознавать тот факт, что в том или ином виде органы нотариата должны существовать даже в социалистическом государстве.

В компетенцию органов нотариата в этот период входил очень узкий круг действий: удостоверение различного рода обстоятельств, свидетельствование верности копий с документов и подлинности подписей, — и, пожалуй, все.

НЭП и создание государственного нотариата

Кронштадтское восстание солдат и матросов, а также прокатившиеся по всей стране многочисленные крестьянские восстания, обнаружившие острое недовольство широких масс населения положением дел, заставили произвести крутую смену прежде всего экономического курса и провозгласить переход к так называемой новой экономической политике, для которой был характерен частичный возврат к прежним экономическим отношениям, существовавшим до начала «военно-коммунистических» экспериментов.

Принимаются важные решения о том, что частный капитал должен быть допущен в определенных рамках и на определенных условиях в тор-

говлю и промышленность, и в итоге постепенно увеличивается прежде всего оборот торговли, принимаются меры и к восстановлению в других секторах народного хозяйства, и это приводит к тому, что уровень промышленного и сельскохозяйственного производства уже в 1926 г. вплотную приблизился к довоенному.

Однако новая экономическая политика, безусловно, была направлена не на восстановление жизни в прежних формах, а на построение социализма, — и прежде всего для этих целей большевики использовали оживление рынка, восстановление денежного хозяйства, определенной части прежних общественных имущественных отношений. Поэтому «реставрация» допускалась лишь очень избирательно и под строгим контролем, а «командные высоты» должны были оставаться в руках государства и стратегические ориентиры — сохраняться прежними¹.

Переход к НЭПу предопределил и повышение внимания к вопросам организации нотариата и регулирования нотариальной деятельности. Что в этой связи существенно для нашей темы — вводились нотариальное засвидетельствование всех сделок (по месту их совершения в соответствующих отделах или в бюро юстиции губернских или уездных советских органов) и судебный порядок разрешения всех споров между государственными учреждениями и хозяйственными организациями и частными лицами, а несоблюдение обязательной нотариальной формы сделок автоматически влекло за собой их недействительность.

В порядке реализации положений этих документов главный орган власти в Москве, Президиум Моссовета, 14 декабря 1921 г. издал свое постановление «О регистрации актов и документов по всякого рода сделкам», которое предусматривало развертывание органов нотариата на территории столицы и Московского уезда и соответствующую активизацию их деятельности.

В то же время в прежних своих формах, как было особо подчеркнуто в постановлении коллегии Наркомата юстиции от 23 июля 1921 г., органы нотариата и их система не могли быть восстановлены, и поэтому для обеспечения возросшей по объему нотариальной деятельности декретом СНК РСФСР от 12 августа 1921 г. и циркуляром Наркомюста от 13 августа 1921 г. было подтверждено существование для этих целей нотариальных столов губернских отделов юстиции и уездных бюро юстиции.

Принципиальные вопросы организации и деятельности нотариата обсуждались и на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, который состоялся в конце января 1922 г. После обсуждения на этом форуме юристов документа, который должен был регламентировать деятельность нотариата, он был представлен на рассмотрение коллегии Наркомата юстиции; коллегия документ одобрила и направила, в свою очередь, в Совнарком. Правительство же приняло «Положение о государственном нотариате» только 4 октября 1922 г. Именно это Положение определило в первую очередь те базовые основы «советского» нотариата, на которых он оставался в дальнейшем практически вплоть до распада СССР.

¹ Эти положения стали руководящим принципом советского законодательства и легли, в частности, в основу законодательства о нотариате этого периода.

Положением 4 октября 1922 г. к ведению органов нотариата было отнесено:

- совершение актов, для которых установлен законом нотариальный порядок;
- засвидетельствование договоров, заключаемых государственными, кооперативными, общественными учреждениями, предприятиями, организациями как между собой, так и с частными лицами;
- совершение и засвидетельствование по желанию сторон таких договоров, которые не требуют по закону нотариального совершения или засвидетельствования;
- совершение протеста векселей;
- засвидетельствование доверенностей и копий со всякого рода документов и выписок из торговых книг, а также подлинности подписей;
- удостоверение по требованию должностных лиц и учреждений, а также частных лиц бесспорных обстоятельств, как то: время предъявления документов, нахождение лица в определенном месте, представление объяснения либо требования от одного лица к другому и тому подобное;
- выдача выписок и копий из нотариальных книг и реестров и тому подобное;
- принятие и хранение представленных разными лицами документов.

Сравнивая этот перечень совершаемых нотариальных действий с перечнем по Положению 1866 г., можно констатировать, во-первых, определенную «переключку» того и другого и, с другой стороны, так же хорошо видно, что список разрешенных нотариальных действий по новому Положению получился более «куцым», а общая роль органов нотариата стала менее значительной.

Во-вторых, Положение от 4 октября 1922 г. наконец расставило все точки над *i* и в том, что касалось недвусмысленного определения должностного и правового статуса самого нотариуса в Советской России. Декларировалось, что в советском государстве нотариат является государственным учреждением, непосредственно входящим в систему органов юстиции, а нотариус – уполномоченным государством ответственным должностным лицом.

Плата за нотариальные действия и плата за технические действия устанавливалась государством и расходовалась на содержание нотариальных контор, а остаток переводился на текущий счет нотариальной конторы, открываемый в учреждении Государственного банка. Из прочих моментов отметим, что нотариусы, как и до революции, обязаны были сдавать поступающие к ним суммы гербового и местных сборов, установленных за совершение операций, в кассы губернских или уездных финотделов губернии, но не раз в месяц, как было раньше, а в условиях существовавшей до 1924 г. высокой инфляции в стране – ежедневно. А сам труд нотариусов оплачивало государство по утвержденным для всех категорий советских служащих единым тарифным ставкам.

Не будет значительным преувеличением сказать, что именно Москва во многие периоды выступала, если так можно выразиться, законодатель-

ницей моды, в том числе и в том, что касается деятельности нотариата. К примеру, именно в Москве, при Московском губернском суде открылись самые первые в стране курсы по подготовке кадров нотариальных работников, отвечающих принципам комплектования советского государственного аппарата. Московский губернский суд был образован на основании «Положения о судеустройстве РСФСР» 11 ноября 1922 г., а его нотариальный отдел размещался тогда по адресу: Берсеневская набережная, д. 24 – у Большого Каменного моста. Здание, к сожалению, не сохранилось, на его месте теперь стоит «Дом на набережной».

Принятие в том же 1922 году Гражданского кодекса, а в следующем году — Гражданского процессуального кодекса РСФСР и внесение изменений в Положение о судоустройстве РСФСР вызвали необходимость привести в большее соответствие с ними и Положение о государственном нотариате. Декретом СНК РСФСР от 24 августа 1923 г. было введено новое Положение о государственном нотариате в уточненной редакции.

Очередные значительные нововведения пришлось на 1926 год — 14 мая 1926 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «Об основных принципах организации государственного нотариата».

Основными задачами нотариальных органов по Положению 1926 г. являлись две: уже как бы традиционная — в виде проверки соответствия требуемых от них нотариальных действий и представляемых им документов действующим законам¹ — и новаторская, формулируемая в таком виде и объеме, по существу, впервые (и даже по отношению к Положению 1922 г.) — она состояла в необходимости для нотариусов занять более активную социальную позицию и оказывать обращающимся к ним трудящимся активное содействие в разъяснении им их прав и законных интересов и в их ограждении, чтобы юридическая неосведомленность, малограмотность и тому подобные обстоятельства не могли быть использованы им во вред.

Перечень совершаемых нотариальных действий по постановлению 1926 г. остался по сравнению с 1922 г., по существу, без изменений, лишь подверглись уточнению некоторые формулировки («нотариальное удостоверение сделок» вместо «совершение актов и засвидетельствование договоров» и др.). Но в то же время новое постановление (и это нотариусами было встречено на ура) упраздняло различие между совершением актов и засвидетельствованием договоров — и вместо этих двух форм нотариальных действий было введено единое нотариальное удостоверение сделок, состоявшее в надписи об этом на самом акте, подписи нотариуса и печати нотариальной конторы. (Некоторым конторам при этом могло быть поручено и засвидетельствование правильности переводов с иностранных и на иностранные языки.) Акты для нотариального удостоверения нотариусы должны были получать не менее чем в двух экземплярах, один из которых оставлялся в делах конторы. Более четко проговаривался в Положении 1926 г. сам порядок назначения нотариусов на должность, а также их перемещения и увольнения.

Государственные нотариусы, стоявшие во главе нотариальных контор, назначались, перемещались и увольнялись губернскими, уездными и прочими комитетами по представлению губернских, уездных и прочих судов из числа лиц, имевших право быть избранными в народные судьи; причем при назначении на должность было признано необходимым вернуться к оправдавшей себя системе конкурсных испытаний, которые по своей структуре и программе также были в основном аналогичны дореволюционным. Экза-

¹ При совершении нотариального действия нотариус обязан был проверить законность удостоверяемой сделки или свидетельствуемого документа, а также удостовериться в дееспособности и правоспособности участвующих в сделке лиц и собственноручности их подписи под документами.

мен был, надо сказать, непростым — в программу «испытаний» для кандидатов в нотариусы были включены следующие вопросы:

- знание государственного устройства РСФСР;
- знание Гражданского кодекса;
- знание действующего законодательства по гражданскому процессу (в пределах, необходимых для нотариальной практики);
- знание Положения о государственном нотариате, инструкций к нему, циркуляров и распоряжений;
- знание законоположений и правительственных распоряжений о налогах и пошлинах (Устав о гербовом сборе, о местных налогах и сборах и т. д.);
- знание действующих законов о государственных и общественных предприятиях;
- знание делопроизводства нотариальных контор;
- умение излагать акты, договоры, обязательства и т. п.

По Положению 1926 г. нотариальные конторы совершали следующие действия:

- нотариальное удостоверение сделок;
- совершение предусмотренных законом протестов;
- засвидетельствование верности копий документов и выписок из книг и документов;
- засвидетельствование верности подписей;
- удостоверение обстоятельств и фактов, могущих иметь юридическое значение, в которых нотариус лично может удостовериться и для удостоверения которых закон не устанавливает другого порядка;
- регистрация арестов, налагаемых на строения и право застройки, и равно изменение и снятие их;
- хранение документов.

Нотариусы были обязаны соблюдать тайну в отношении совершаемых ими нотариальных действий, справки о нотариальных действиях нотариуса выдавались только участникам сделок, а также по требованию прокуратуры и судебных органов. Жалобы на действия нотариусов приносились народному суду по месту нахождения нотариальной конторы и рассматривались судом в судебном заседании с вызовом заинтересованных лиц.

Также восстанавливалось существовавшее до революции положение, при котором государственные нотариусы не могли одновременно состоять членами коллегии адвокатов, участвовать в работе торговых и промышленных предприятий или кооперативов или служить в них в каком-либо качестве по найму в кооперативах частных лиц (но им разрешалось занимать выборные должности в различных советских органах и заниматься преподавательской деятельностью).

Менялась и форма оплаты труда – в соответствии с декларированными принципами хозрасчета содержание государственных нотариальных органов теперь теснее увязывалось с поступающими за нотариальные действия сборами. При этом подчеркивалось, однако, что сами нотариусы и другие сотрудники нотариальных контор по-прежнему получают вознаграждение за свой труд только от государства.

В дальнейшем зарплата сотрудников нотариальных учреждений привязывалась к 17-разрядной тарифной сетке «для ответственных работников», в которой ставка первого разряда соответствовала так называемому госминимуму, ежемесячно утверждаемому Наркоматом труда. Нотариусы тарифицировались по 12 разряду с повышающим коэффициентом к этому госминимуму 5,5 и, кроме того, имели право на получение определенного процента с валовой суммы поступлений по конторе, но с тем чтобы их общий доход не превышал ставки 15-го разряда, что соответствует коэффициенту 7,0. Надо сказать, что коэффициент по зарплате для основной массы делопроизводителей и конторщиков по Москве составлял всего 1,75. Понятно, что нотариусы среди госсужащих все же занимали сравнительно неплохое положение в эти годы.

По данным на конец 1926 г. в Москве и Московской области действовали 24 нотариальные конторы. (Для сравнения, в это же время в Новгородской области их было 6, во Владимирской – 9.) Нетрудно заметить, что их количество не слишком отличалось от тех нормативов, которые были установлены и действовали в дореволюционное время.

В последующих 1927–1928 гг. в ведение нотариата были переданы депозитное производство, дела о признании гражданина безвестно отсутствующим, а также право принятия мер к охране наследственного имущества и всех распоряжений по имуществу, оставшемуся после умерших.

Казалось, что позиции нотариата в основном восстановлены. Произошло и определенное возрождение преемственности поколений в части кадрового состава: в ставшие уже государственными органы нотариата вернулось некоторое количество нотариусов и их служащих с еще дореволюционным стажем. Но все же ни о каком подлинном восстановлении дореволюционного нотариата не может быть и речи. «Огосударствление» нотариата,

уничтожение института частной собственности и предельное ограничение института наследования, ограничение свободы гражданского оборота — все это крайне негативно сказалось на статусе нотариуса. Надо учесть еще и то обстоятельство, что нотариат в дореволюционной России по существу являлся элементом гражданского общества, именно этого своего качества нотариат полностью лишился в советское время.

Мы столь подробно остановились на этом этапе в истории нотариата, чтобы показать пагубность идеологизации экономики. Опыт первых 10 лет советской власти убедительно показал, что гражданский оборот не может обойтись без нотариальной деятельности, а любые попытки обойти этот объективный закон очень дорого обходятся реальным живым людям.

Очередное «наступление» на нотариат началось, как и следовало ожидать, с наступлением на собственность и свободу гражданского оборота. Имя ему — «большой перелом».

Свертывание НЭПа началось с конца 1929 г. Было отменено частное кредитование, сократилось число сделок. Прекратился вексельный оборот между предприятиями и организациями. А ведь опротестование векселей и совершение исполнительных надписей на опротестованных векселях составляло треть всего объема работы нотариальных контор.

Сокращение сферы нотариальных действий сопровождалось весьма странным «расширением» их деятельности: органы городского и сельского нотариата предупреждались о том, что «деятельность нотариата должна быть направлена к особо тщательному наблюдению за соответствием удов-

летворяемых ими сделок и договоров действующему законодательству и проводимой партией и правительством политики в условиях текущего момента, отказывая в удовлетворении договоров и сделок, направленных во вред государству, и не допуская закабаления бедноты кулачеством. Следовательно, в работе нотариата необходимо проведение твердой и четкой классовой линии». По существу, нотариату вменялись квази-политические функции.

Закручиванием гаек пытались преодолеть в том числе и экономические сложности конца двадцатых годов. Отказ от НЭПа ради коммунистических идеалов привел к нехватке продовольственных и промышленных товаров. В стране была введена карточная система. Началось с хлеба. Затем к хлебным карточкам добавились карточки на важнейшие виды продовольствия и одновременно на все предметы первой необходимости. При этом экономические сложности происходили на фоне обостряющейся борьбы с так называемым кулачеством и новой волной коллективизации в сельском хозяйстве. Работники нотариата прямо призывались «соблюдать интересы государства и рабочего класса», «не допускать закабаления бедноты кулачеством».

Насильственная коллективизация привела к полной дезорганизации работы крестьянских хозяйств и сложившегося продовольственного рынка. Не только зажиточные крестьяне, но и середняки стали забивать скот, приводить сельскохозяйственный инвентарь в негодность, только бы все это не забрали в колхозы.

В это время НЭП и правые, наиболее трезвомыслящие силы в партии, терпят одно поражение за другим. С февраля 1930 г. вновь начинается процесс угасания нотариата. Если в 1924 г. в России было 414 нотариальных контор, то в 1935 — только 59. Сокращение их числа сопровождалось невероятной чехардой в управлении нотариатом: оно переходило от Наркомюста то райисполкомам, то областным и окружным судам, потом вновь возвращалось на «муниципальный» уровень.

На всю огромную столицу существовала одна-единственная Московская нотариальная контора. Число ее ежедневных посетителей зашкаливало за восемь сотен человек. В этой ситуации многие нотариусы незаконно удостоверяли документы и подписи. 90 процентов всех нотариальных надписей при ближайшей выборочной проверке оказались незаконными. А такие проверки не проводились в большинстве контор более четырех лет.

51-й пленум Верховного суда СССР подтвердил начало восстановления нотариата и обратил внимание на неудовлетворительную работу местных советских органов в нотариальной области, на плохое руководство нотариусами со стороны судов. Восстановление нотариальных контор началось уже в 1935 г.

После восстановления гражданских коллегий в областных судах (в том числе и в Мосгорсуде) на председателей этих коллегий была возложена конкретная обязанность руководить работой нотариальных контор. Было также принято Постановление Президиума Верховного суда РСФСР, по которому оперативное руководство нотариатом было возложено на председателя Гражданской коллегии Верховного суда РСФСР. При этой коллегии была создана группа по нотариату.

Следует особо подчеркнуть подлинную причину таких решений власти. Дело в том, что взяты за восстановление нотариата ее побудил резкий рост споров по гражданским делам, которые буквально лавиной обрушились на суды, и суды просто захлебнулись. Не случайно было принято решение о восьмикратном увеличении в стране числа работников нотариальных контор. Как тут не вспомнить известное утверждение о том, что **нотариат — это превентивное правосудие**. При восьмикратном росте числа сотрудников нотариальных контор, рост числа самих контор и столов был пятнадцатикратным. И хотя количество нотариальных действий так и не достигло тех цифр, что были в 20-е гг., в 1936 г. вернулись векселя, и это было победой.

При таком росте числа сотрудников нотариальных контор остро встал вопрос о кадрах. Были разработаны специальные механизмы получения юридического образования — трехмесячные курсы. Рост числа нотариусов сопровождался резким падением их профессионального уровня. При этом Наркомюст принимает еще одно решение — о совмещении должностей секретаря суда и нотариуса. Однако эти меры никак существенно не сказались на уровне подготовки нотариусов. Только 1,9% из них имели высшее образование, а 50,9 % не имели даже краткой курсовой подготовки. После ареста наркома юстиции Н. В. Крыленко все решения по подготовке кадров для нотариата будут признаны вредительскими, пострадают не только сотрудники Наркомюста, но и многие нотариусы.

К концу 30-х гг. происходил поворот к исправлению положения дел в нотариате. В 1939 г. были приняты временные акты о нотариате в «переходный» период. Появлялась более или менее внятная структура нотариальных органов и схема управления ими. В вершине этой пирамиды стоял Наркомат юстиции СССР с отделом нотариата. Отдел руководил через наркоматы союзных республик. Контроль же отдел осуществлял как самостоятельно, так и через наркоматы республик. В составе управления кадров Наркомюста создали отдел кадров учебных заведений, адвокатуры и нотариата. Схема управления в союзных республиках была идентичной.

Нотариусов назначили республиканские наркомы юстиции. С конца 1940 г. начальники управлений нотариата наркомюстов получили право применять меры дисциплинарного взыскания — увольнение, выговор с предупреждением об увольнении, смещение на низшую должность.

Этому предшествовало Постановление Совнаркома РСФСР от 20 июля 1940 г. «Об организации и руководстве деятельностью государственных нотариальных контор РСФСР». Нотариальные действия должны были выполнять государственные нотариальные конторы и в отдельных случаях — сельсоветы. В областных центрах работали старшие нотариусы — их назначал и смещал только нарком. Остальных нотариусов увольнял и назначал начальник управления юстиции.

Секторы нотариата в этих управлениях разрабатывали проекты сети и штатов нотариальных контор, подбирали, готовили и переподготавливали кадры, вели учет, проводили ревизии и обследования, составляли сводные отчеты о работе контор, финансировали их. Кроме того, проводили

инструктаж, изучали и обобщали нотариальную практику, проводили совещания, требовали предоставления отчетов, удостоверяли подписи на документах, направляемых за границу.

Чем в основном занимались нотариусы в конце 30-х гг.? Удостоверением договоров и сделок, принятием мер по охране наследственного имущества и выдачей свидетельств о праве наследования, удостоверением завещаний. Число нотариальных действий продолжало расти. В 1939 г. их было совершено почти 8 с половиной миллионов, что было на четверть больше, чем в предыдущем году. Соответственно росло и количество нотариальных учреждений. На 1 января 1938 г. в России их было 1844, на 1 января 1939 — уже 2007, а к 1 января 1940 — 2066. Но в августе 1940 г. началось сокращение налоговых органов. Также были сокращены конторы, совершавшие не более пяти нотариальных действий в день. К 1 января 1941 г. в России осталось около 1400 контор.

Война внесла существенные коррективы в работу нотариальных контор. Наркомюст был эвакуирован в Оренбург (тогда — Чкалов). С конца 1943 г. встал вопрос о восстановлении нотариальных контор на освобожденных территориях. По результатам войны изменилась вся западная граница СССР. Надо также учесть, что в конце 30-х гг. ²/₃ нотариусов были мужчины, многие из них ушли на фронт. Кто-то погиб, кто-то после войны сменил профессию. Вновь остро встал вопрос о кадрах. Уже в 1944 г. начала работать система профессиональной подготовки нотариусов, при этом кандидат на должность нотариуса по окончании учебы должен был пройти 25-дневную стажировку в нотариальной конторе. По итогам обучения и практики на кандидата составлялась характеристика. Причем составлял ее начальник управления наркомата юстиции и нес при этом определенную ответственность.

В 1947 г. наконец-то принимается Положение о нотариате. До того в стране, несмотря на тектонические изменения, действовало устаревшее постановление ЦИК СССР «Об основных принципах организации государственного нотариата» от 14 мая 1926 г.

Данный нормативный акт включал в себя новые положения: об исполнительных надписях на взыскание заработной платы, о наследовании, о хранении документов, наложении запретов на строения, морские протесты. Приведем некоторые существенные моменты этого важного документа. Нотариусом могло быть лицо, имеющее высшее или среднее юридическое образование. И только в отдельных случаях допускались лица без образования, но с двухлетним юридическим стажем. Исключение сразу же стало вынужденным правилом, поскольку профессиональные юристы с большим нежеланием шли на работу в нотариат, рассматривая ее как карьерную неудачу.

По данному Положению назначал и увольнял старших нотариусов министр юстиции России. Те же действия в отношении просто нотариусов совершал начальник управления Министерства юстиции. Содержался нотариат по смете Министерства юстиции. Министерство же издавало инструкции и приказы по применению Положения.

На территории СССР, и особенно в Москве, появилось после войны большое число мотоциклов и автомобилей. В феврале 1947 г. выходит ди-

ректива «О порядке удостоверения договоров об отчуждении автомашин и мотоциклов иностранного производства». Эта директива и последующие аналогичные директивы, следовавшие за ней, запрещали нотариальным конторам удостоверять отдельные виды договоров, свидетельствовать копии с документов, выданных польскими, прибалтийскими, чехословацкими, румынскими, финскими властями в довоенный период.

Буквально сразу по окончании войны восстановился довоенный объем обращений в нотариальные конторы. Надо сказать, что нотариат приносил государству немалый доход. Даже в военном 1944 году нотариат принес в казну 61 млн рублей, в 1947 г. это было уже 150 млн рублей, при этом на сам нотариат в эти годы тратилось соответственно 18 и 25 млн рублей.

Несмотря на такую «прибыльность», нотариат оставался в пасынках Министерства юстиции СССР (так теперь именовался бывший Наркомюст). На нотариате экономили, как могли, экономили даже на сотрудниках отдела нотариата министерства, и это при том, что в 1950 г. было совершено рекордных 30,1 млн нотариальных действий. Директивы выходили за директивами, одна противоречила подчас другой. Уровень контроля резко упал, и значительно выросло число не только нарушений, но и преступлений.

Нотариусы снимались с должности, их привлекали к ответственности, в том числе уголовной. Так, нотариус Первой московской конторы Степанова расхитила золотых изделий на миллион рублей. Некоторых нотариусов ловили на присвоении денег, на том, что они не извещали граждан о средствах, поступивших на депозит на их имя. В 1951 г. не было востребовано 3 млн рублей из 5 млн поступивших денежных взносов. Присваивалась государственная пошлина без регистрации, срывались госпошлинные марки со старых реестров и наклеивались на новые, присваивались деньги за технические услуги, присваивались деньги из депозита, несвоевременно перечислялись деньги из депозита в бюджет, завышались и занижались пошлины, несвоевременно принимались меры по охране наследственного имущества. Нарушения с документами на строения были столь значительными, что Минюст России даже вынужден был принять секретный приказ, которым обязывал местные органы юстиции провести сплошную сверку наличия в конторах договоров отчуждения строений и свидетельств о праве наследования на строения с данными коммунальных органов.

В конечном счете главным виновником всех недостатков в нотариате был признан начальник отдела нотариата Минюста РСФСР Н. К. Дудник. Но наказание «козла отпущения» ситуацию никак не улучшило. Часто можно слышать, что сталинская эпоха отличалась особым порядком, хорошей работой всех госструктур и т. д. Анализ ситуации показывает, что это миф, что такой неразберихи, как при нем, во всяком случае в нотариате, не было со времен большевистского переворота. Действительное наведение порядка началось как раз после смерти «Вождя Народов».

После смерти Сталина и изменений в руководстве страны и серьезных изменений в Министерстве юстиции не сразу, постепенно, но приходит понимание того, что отказаться от нотариата государство не сможет, но

Нотариальная контора на 2-й Песчаной ул. Начало 60-х гг.

сохранять его в нынешнем плачевном состоянии нельзя. Общество, в том числе и социалистическое, не может обойтись без органов, выполняющих нотариальные функции. «Темный» период в истории российского нотариата, длившийся почти четыре десятилетия, заканчивался. В 50-е годы начинается стабильный период в истории нотариата России.

Предельный догматизм партийных лидеров наконец-то разбился о реалии человеческого существования. С упорством, достойным лучшего применения, они долгие годы хотели то ликвидировать собственность, то отменить наследование, то запретить дарение, видя во всем этом не истину жизни, не ее законы, а проявление «буржуазности». Доктринеров постепенно меняли прагматики. И хотя волюнтаристические рецидивы борьбы с частной собственностью еще случались, но носили они, как правило, весьма временный характер, а катастрофические последствия такой борьбы довольно быстро осознавались и даже припоминались вождям, как это было в случае с Хрущевым. Не победа мировой революции, а рост благосостояния народа стал целью госвласти, а благосостояние всегда выражается ростом у людей собственности и в законном стремлении передать нажитое своим потомкам.

Поскольку в необходимости нотариусов больше уже никто не сомневался, стали расширяться их права, повышаться квалификация нотариусов, разрабатываться все необходимые нормативно-правовые акты, регулирующие их деятельность. И все же многие годы прошли, прежде чем нотариальная система была выстроена.

В 50–60-е гг. сохранялась неопределенность по вопросу о ведомственной подчиненности нотариата. При этом обозначилась тенденция перепоручить управление нотариата судам.

В 1956 г. Министерство юстиции СССР было ликвидировано. Республиканские министерства еще существовали, но власть над нотариатом на местах все больше переходила председателям областных судов. В то же время суды не обладали достаточными знаниями, чтобы управлять нотариусами. Реальное управление сосредоточилось в руках ревизоров, а при их нехватке доверялось просто случайным работникам.

Опытные юристы, специалисты в области управления предлагали изъять суды от несвойственных им функций. Предлагаемая ими схема была проста и логична: областные нотариальные конторы руководят нотариусами, а конторами руководит республиканское министерство.

Тем не менее был избран другой путь. Старших нотариусов назначало министерство, просто нотариусов — суд. Такое двоевластие ни к чему хорошему привести не могло. И с ним покончили. Но покончили неожиданным образом. Вслед за союзным ликвидировали и республиканское министерство. После упразднения в 1963 г. Министерства юстиции РСФСР нотариат был передан в ведение краевых и областных судов. Соответственно в Москве — Московскому городскому суду.

При всей этой ведомственной неразберихе все же оказывалось, что нотариат — это стабильная структура: какие бы ветры ни дули на верхних этажах власти, нотариат не только сохранялся, но и усиливал свои позиции. Именно в это время повышается образовательный уровень нотариусов. Уже треть всех нотариусов страны имеет высшее юридическое образование, а еще треть — среднее юридическое. Почти прекратилась текучесть кадров. Довольно быстрыми темпами сокращается количество правонарушений в нотариальной сфере.

Шестидесятые годы в истории нотариата — это время существования под контролем судебных органов. В 1965 г. было утверждено новое Положение о государственном нотариате РСФСР. Согласно ст. 1 этого положения, утвержденного указом Президиума Верховного Совета РСФСР, задачами государственного нотариата РСФСР являлись укрепление социалистической законности, предупреждение правонарушений, охрана прав и законных интересов граждан, а также государственных учреждений, предприятий, колхозов и иных кооперативных и общественных организаций путем удостоверения сделок и совершения других нотариальных действий.

Положение предусматривало, что на должность нотариуса мог быть назначен только гражданин СССР. Устанавливался образовательный ценз — наличие высшего юридического образования. При этом ст. 13 вводила исключение, ставшее во многом правилом: в отдельных случаях на должность нотариуса могли быть назначены лица, не имеющие высшего юридического образования, при условии, что они не менее трех лет работали в должности судьи, прокурора, государственного нотариуса, юрисконсульта или адвоката. Предусматривалось также прохождение стажировки, которая не являлась обязательной.

Положение 1965 г. подтверждало, что руководство деятельностью государственных нотариальных контор осуществляется судебными органами. Верховный Суд РСФСР утверждал сеть государственных нотариальных

контор. Председатель Верховного Суда РСФСР назначал и освобождал от должности старших нотариусов первых нотариальных контор. Нотариальные конторы содержались за счет республиканского бюджета по смете Верховного Суда РСФСР.

Наконец, в 1970 г. принято решение о воссоздании Министерства юстиции СССР и Министерства юстиции РСФСР. Началось возвращение нотариальных органов к старой юрисдикции.

28 февраля 1972 г. Министерство юстиции СССР утвердило Инструкцию о порядке оказания судами и органами нотариата СССР правовой помощи учреждениям юстиции иностранных государств и о порядке обращения за правовой помощью к этим учреждениям. 28 октября 1972 г. коллегия Минюста СССР утвердила Примерное положение об Отделе юстиции исполнительного комитета краевого, областного Совета народных депутатов. Руководство нотариатом на местах перешло в ведение создаваемых отделов юстиции. Органы юстиции не в пример прошлым десятилетиям показывали желание со всей серьезностью заняться проблемами, стоящими перед нотариатом.

Как свидетельство этого 20 апреля 1973 г. издается приказ Министра юстиции СССР «Об опыте работы Первой казанской государственной нотариальной конторы и повышении роли первых государственных нотариальных контор в обеспечении единства нотариальной практики». Это была действительно серьезная попытка обобщить и проанализировать имеющийся опыт во всех его положительных и отрицательных аспектах.

В июле 1973 г. принимается Закон СССР «О государственном нотариате» — чрезвычайно важный и основополагающий документ. Хотя Закон СССР не был назван Основами, однако по существу он выполнял функции, присущие Основам. В августе 1974 г. принимается Закон РСФСР «О государственном нотариате».

С этого момента начинается очень важный этап в развитии российского нотариата, который напрямую связан с последующими событиями, приведшими к восстановлению в России нотариата латинского типа.

Нотариат «развитого социализма»

О периоде 70-х — первой половины 80-х годов мы говорим как о времени зрелом, а понятие «развитой социализм» употребляем всегда с некоторой иронией. Для нотариата, однако, при всех издержках того времени, это был период устойчивого развития. Именно в эти годы начали свою работу в московском нотариате и в Минюсте люди, оказавшие огромное влияние на реформирование нотариата и формирование в России нотариата латинского типа.

Натиг Исмаилович Агамиров считает, что с правовой, законодательной точки зрения в этот период деятельность нотариата была более четко отрегулированной. Работа нотариальных органов в основном была стабильной и качественной (исключения, к сожалению, были и есть),

а структура совершаемых нотариальных действий — более разнообразной. Например, по Московской области свидетельствование копий документов в 80-е годы составляло немногим более 50%, остальная же часть нотариальных действий была представлена наследственными делами, удостоверенными сделками, исполнительными надписями и пр. При этом нотариусы, наряду с прямыми обязанностями по приему граждан и совершением нотариальных действий, занимались также пропагандой правовых знаний среди населения, организовывали выездные приемы на крупных предприятиях и отделенных жилых районах во внерабочее время, проводили серьезные статистические анализы и обобщения, наработывая основу для выработки Министерством юстиции необходимых методических рекомендаций по правоприменительной практике. Так что, считает Агамиров, утверждение о том, что нотариус в советское время только и делал, что «сидел и ставил печать на документах» — не более чем дилетантский штамп, свойственный, увы, даже многим представителям юридической профессии.

Советская правовая модель строилась на основе приоритета публично-го права над частным. Нотариусы поэтому рассматривались также в качестве «контролера» гражданских правоотношений. В то же время они должны были не просто следить за законностью совершаемых сделок и оценивать их содержание с точки зрения интересов государства, но также следить за тем чтобы права граждан и организаций не были нарушены. Нотариусы должны были при совершении сделок разъяснять права и обязанности сторонам, разъяснять последствия совершаемых нотариальных действий, с тем чтобы правовая неосведомленность граждан не могла привести к нарушению их прав и интересов. В случае же обнаружения нотариусом нарушения законности со стороны граждан или должностных лиц он был обязан проинформировать соответствующие учреждения и организации, вплоть до прокуратуры. Кроме писанных норм нотариусы должны были следовать и неписанным нормам или правилам. Так, не приветствовалось оформление доверенностей на управление автомобилем сроком больше чем на 3 месяца. Закон не запрещал, но это не приветствовалось, и нотариусы старались не оформлять доверенности на большие сроки.

Семидесятые и особенно восьмидесятые годы — это время детальной регламентации деятельности нотариусов, появляется большое число инструкций и методических рекомендаций. Иногда в связи с этим говорят о бюрократизации нотариата, но с этим трудно согласиться. Скорее надо говорить о закреплении опыта нотариальной деятельности. Все учатся на ошибках, в известном смысле можно сказать, что методические рекомендации позволяют учиться на ошибках других. В армии вообще говорят, что уставы написаны кровью солдат, и это совершенно верно.

Вот лишь некоторые из этих документов:

- Приказ министра юстиции СССР «О дальнейшем совершенствовании работы государственного нотариата»;
- Приказ министра юстиции СССР «О дальнейшем совершенствовании работы по оказанию методической помощи исполкомам городских, по-

селковых и сельских Советов народных депутатов в совершении ими нотариальных действий»;

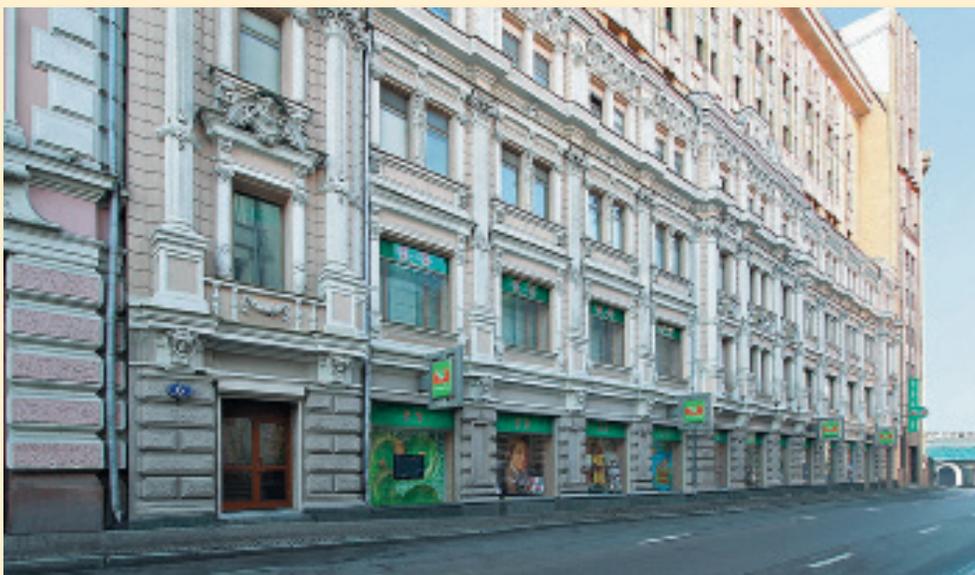
- Инструкция о порядке совершения нотариальных действий государственными нотариальными конторами РСФСР;
- «Методические рекомендации по обобщению нотариальной практики»;
- Практическое пособие для государственных нотариусов по вопросам охраны прав граждан на наследование личной собственности;
- Рекомендации по обеспечению нотариальных контор справочно-информационным материалом для посетителей;
- Методическое письмо «О порядке выдачи свидетельств о праве собственности на долю в общем имуществе супругов»;
- Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке выдачи и свидетельствования предприятиями, учреждениями и организациями копий документов, касающихся прав граждан»;
- Методическое письмо «О совершенствовании работы нотариальных контор по свидетельствованию верности копий документов и выписок из них»;
- «Инструкция о порядке учета депозитных операций в государственных нотариальных конторах СССР»;
- Инструктивное письмо «Об оказании методической помощи исполкомам городских, поселковых и сельских Советов народных депутатов в совершении ими нотариальных действий».

Есть и перемена тематики: иностранные граждане, международные договоры, действия за границей, валютные ценности. Страна уже часть мирового сообщества, а не обороняющаяся крепость.

- Инструктивные указания «О применении законодательства о государственном нотариате к иностранным гражданам, лицам без гражданства, к иностранным предприятиям и организациям, а также о применении законодательства иностранных государств и международных договоров о правовой помощи в нотариальной практике»;
- Инструктивное письмо «О совершении морских протестов»;
- «Инструкция о порядке совершения нотариальных действий консульскими учреждениями Союза ССР»;
- Инструктивные указания «О нотариальном оформлении от имени советских граждан, предприятий, учреждений и организаций документов, предназначенных для действия за границей»;
- Указание «О порядке нотариального удостоверения договоров дарения валютных ценностей».

Вряд ли все это можно приять за свидетельство застоя, скорее наоборот. По словам многолетнего руководителя Первой Московской городской нотариальной конторы Инны Алексеевны Ломоносовой, именно этой «регламентированности» так не хватает сегодня, и не хватает прежде всего вновь назначенным нотариусам.

Еще одна важная черта, которую мало кто отмечал, но она существенна: *впервые в истории страны смена первых лиц в ее руководстве абсолютно никак не влияет на судьбу нотариата*. Никто не покушается на собственность людей,

Первая Московская государственная нотариальная контора размещалась в д. 8 по улице Кирова (бывший доходный дом И. Д. Стахеева). Сейчас это д. 6 по Мясницкой улице (магазин «Библио-Глобус»)

их гражданские права и интересы, понемногу даже приоткрывается «железный занавес», начинается разрядка и какой-то гуманитарный обмен.

Из этого можно сделать один важный вывод — *нотариат с середины 70-х годов устоялся как институт, были окончательно сняты все идеологические предубеждения против него. Роль нотариата в жизни общества признана и политическим и экономическим руководством страны, принята обществом*, пусть даже далеко не все граждане еще ясно понимают функции нотариуса. «Застой» был далеко не самым тяжелым периодом для нотариата, скорее наоборот. Возможно, что политическая и экономическая стабильность — это действительно необходимые условия нормальной работы нотариата. Однако «застой» имел и другие последствия, которые как раз и подтачивали эту стабильность, причем подтачивали саму ее основу. Но об этом ниже...

В соответствии с законом 1973 г. «О государственном нотариате» руководство московским нотариатом было передано органу общей компетенции — исполкому Моссовета, а также органам юстиции. Закон сохранял в нотариате прежнюю многозвенную систему. В Москве работали Первая Московская государственная нотариальная контора — она наделялась особым статусом — и районные нотариальные конторы. Государственные нотариусы подразделялись на старших государственных нотариусов, заместителей старших государственных нотариусов (эта должность существовала только в первых конторах) и государственных нотариусов. На должность нотариуса могли быть назначены лица, имеющие высшее юридическое образование. Однако закон допускал и исключения в этом вопросе. Московским нотариатом 70–80-х гг. руководили Александр Сергеевич Грачев, Вик-

тор Антонович Богаткевич, Павел Петрович Морозов, Василий Григорьевич Романов, Александр Иванович Алферов.

Как в Москве юристы становились нотариусами и кто вообще шел в нотариусы? Разные люди и по разным причинам. Чаще всего это были женщины. Если в довоенном нотариате $\frac{2}{3}$ нотариусов были мужчины, то начиная с 70-х гг. все стало с точностью до наоборот. Мужчины не очень-то шли в нотариусы, их эта карьера не привлекала. Нельзя сказать, что работа нотариуса в это время — это рутинная, были очень сложные и интересные дела, в частности по наследству. Но надо понимать, что большую юридическую карьеру, оставаясь в нотариате, сделать было невозможно.

С другой стороны, все зависит от того, что понимать под карьерой. В московском нотариате работала Эсфирь Борисовна Эйдинова. Это была легендарная личность. К ней с утра выстраивалась очередь из весьма солидных людей, в том числе и адвокатов, чтобы получить консультацию, посоветоваться по тем или иным вопросам. Она выпустила несколько книг, методических пособий. Все вспоминают, что Эсфирь Борисовна была выдающимся лектором и при этом скромным и бескорыстным человеком. Личный авторитет и уважение коллег в те времена ценились даже выше, чем карьерное продвижение.

Как люди попадали в нотариат? У каждого был свой собственный путь. Кого-то распределяли после окончания вуза. Кто-то учился на вечернем отделении юрфаков и должен был обязательно работать «по специальности», а после получения диплома оставался уже в качестве нотариуса в конторе. Так сложилась судьба Климовой Елены Николаевны. Натиг Исмаилович Агамиров закончил юрфак Бакинского университета с отличием и начал свою трудовую деятельность консультантом нотариальной конторы, потом его довольно быстро перевели в управление нотариата и загсов Минюста Азербайджана. Другой опытнейший московский нотариус Елизавета Николаевна Андрюхина пришла удостоверять копию диплома об окончании юрфака, а нотариус, удостоверивший копии, предложил юной выпускнице попробовать себя в нотариате, и это предопределило всю ее дальнейшую профессиональную судьбу.

Надо сказать, что некоторые нотариусы, поработав какое-то время в нотариате и получив очень ценный опыт, переходили в адвокатуру. Дорога в Минюст также не была заказана. Так, Валентина Дмитриевна Потемки-

*Елизавета Николаевна Андрюхина.
Фото 2003 г.*

Римма Ивановна Зимина и Розалия Ильинична Виноградова. Фото 2001 г.

на, проработав некоторое время в нотариальной конторе, перешла на работу в отдел нотариата союзного миноста под начало легендарной Розалии Ильиничны Виноградовой, и в 90-е годы вновь вернулась в нотариат, но уже современный российский.

Особый статус Первой нотариальной конторы определялся законом «О государственном нотариате». К исключительной компетенции Первой были отнесены: во-первых, на-

следственные дела. Правда, с конца 1983 г. к ведению наследственных дел постепенно стали подключаться и районные конторы. (Отметим сразу, что вопросы подготовки нотариусов для ведения наследственных дел были возложены на Первую контору. Нотариусов из районных контор в дополнение к обучению еще присылали на месяц на практику. К началу 1986 г. практически все нотариальные конторы Москвы стали вести наследственные дела.) Во-вторых, это были документы для действия за границей; в-третьих, переводы; в-четвертых, договоры отчуждения жилых домов.

В Первой нотариальной конторе было 4 отдела: отдел сделок, отдел оформления наследственных прав граждан, отдел по засвидетельствованию верности копий и отдел по принятию мер к охране наследственного имущества. Специализация предполагает более глубокое изучение предмета и всего круга вопросов, с ним связанных. Не случайно именно в Первой конторе работали наиболее опытные и наиболее искушенные в соответствующих вопросах специалисты.

Отношения у Первой конторы с Минюстом, по воспоминаниям Инны Алексеевны Ломоносовой, были замечательные: открытые, доброжелательные и эффективные. Это касалось и союзного и республиканского Минюста и Управления юстиции по Москве. Стоило только обратиться по какому-либо вопросу, как там сразу начиналась работа, и достаточно оперативно давался ответ. Такую оценку работы Минюста в те годы дают многие нотариусы, да и как могло быть иначе, если там работали опытные нотариатчики, такие как Р.И. Виноградова, В.Б. Чельшев и многие другие. Отношения были настолько конструктивные, что даже проверки, которые проводились регулярно, превращались, по сути, в анализ и обучение. Эта идиллия, правда, не распространялась на вопросы материального обеспечения, но об этом ниже.

Обучение проводилось регулярно, для нотариусов — ежемесячно. Несколько контор объединялись в своего рода «куст», и для них проводились

занятия. Занятия, кстати, проводились не только для нотариусов, но также для консультантов и даже для секретарей. Татьяна Ивановна Сопина вспоминает, что первая среда каждого месяца была настоящим кошмаром: утром учеба, но поскольку она не освобождала от работы, то в среду были установлены вечерние часы приема в нотариальных конторах. После учебы надо было выходить на работу в контору и работать до позднего вечера.

На самом деле обучение не ограничивалось только такими плановыми и очными формами. Первая контора делала регулярные обобщения практики, делались обзоры, готовились ответы на обращения нотариусов Москвы, анализировалась статистика. Очень важным направлением работы стали обзоры и анализ ошибок и подготовка методических рекомендаций по самым разным вопросам нотариальной деятельности. В структуре Первой конторы был свой методический совет, велась кодификация. На базе Первой конторы также проводились очные занятия, в том числе и для старших нотариусов. Вели эти занятия как нотариусы Первой конторы, так и работники Минюста, такие как Розалия Ильинична Виноградова. Были также формы обучения с «отрывом от производства»: нотариусы направлялись на республиканские учебные курсы в Правовую академию при Минюсте. Ее тогда возглавлял Лев Семенович Халдеев.

Первая контора Москвы была полноценным «предприятием». В Первой конторе работало 94 сотрудника, из них 58 – это нотариусы. У старшего нотариуса было 4 заместителя по количеству отделов. Действовали партийная, комсомольская и профсоюзная организации. Это был слаженный производственный коллектив. Очень интересный штрих к портрету эпохи: случалось так, что в Первую контору отправляли на исправление провинившихся нотариусов районных контор – действительно, в таком коллективе «не забалуешь». Эпоху характеризует и такой случай. Однажды одного из нотариусов Первой конторы за грубое нарушение дисциплины старший нотариус Ломоносова «понизила», переведя на работу в менее престижный «отдел копий». Возмутилась партийная организация: как это члена партии без разрешения партийной организации посмели наказать. У администрации, как мы видим, руки были связаны.

Еще одной отличительной чертой Первой конторы была богатая социальная жизнь: проводились вечера, конкурсы, отмечались праздники и

Инна Алексеевна Ломоносова. Фото 2003 г.

юбилеи, издавалась настенная газета. Эта социальная жизнь конторы обнаружила в людях многие таланты, в том числе к музыке, поэзии, живописи.

Здание в Бобровом переулке, в котором сегодня располагаются две палаты, имеет свою интересную историю, которая также связана с Первой конторой. Именно Первая получала это здание для своих нужд. Раньше это был жилой дом, и его пришлось расселять. Здание находилось в ужасном состоянии и было совершенно не приспособлено под нужды нотариата. Чтобы эти нужды были учтены при ремонте, Инна Алексеевна Ломоносова сама стала на время архитектором и вместе с прорабом делала поэтажную планировку здания. Эта планировка сохранилась, кстати, и в наши дни. Во время ремонтных работ один из солдат нашел клад золотых монет. Его начальство хотело замять историю и оставить парня «с носом», но Инна Алексеевна не могла такого допустить ни как человек, ни как нотариус: парню таки выплатили причитающееся вознаграждение.

Где-то с середины 80-х годов постепенно нагрузка на нотариусов стала расти. Сезонные колебания были всегда. Так, после получения дипломов к нотариусам направлялись целые потоки выпускников делать копии дипломов. Но со временем появилась и большая категория, ранее почти незаметная, — это граждане, отъезжающие из СССР временно или на ПМЖ в другие страны. Дело в том, что переводы и документы для предъявления за границей могли удостоверить только Первые конторы. В середине — конце 80-х гг. это была уже весьма значительная часть посетителей Первой конторы. Иногда девушки прямо из загса в свадебном наряде приходили в контору, чтобы сразу оформить надлежащие документы.

Граждане вообще-то слабо себе представляли содержание деятельности нотариуса. Иногда открывалась дверь, входил без очереди какой-нибудь гражданин и говорил, что он буквально на секундочку, ему, мол, только печать поставить.

В Первой конторе к нотариусам становится очень трудно попасть, очереди невероятные... Люди с раннего утра занимали очередь и ждали открытия конторы. Во дворе, где теперь разбит небольшой сквер, в то время росло два дерева, так вот люди настолько уставали стоять в очереди, что залезали на эти деревья немного отдохнуть. Сами нотариусы не могли подчас протиснуться к своему кабинету. Похожая ситуация и в районных конторах.

Не хватало технических сотрудников, да и техники тоже не хватало. По воспоминаниям Ломоносовой, ксероксы в Москве стояли только в Первой и, может быть, еще в какой-то районной конторе. Доступ к ним был очень ограниченным: столь привычная для наших дней техника считалась спецтехникой и надо было получать разрешение на копирование, а в конце дня отчитываться за каждую сделанную ксерокопию. Потом все это сверялось с данными счетчика на аппарате. Сейчас это кажется смешным, но тогда ксерокопирование превращалось в серьезную головную боль. Не только копировальная техника, но и простые пишущие машинки были в дефиците.

Татьяна Ивановна Сопина в те годы была старшим нотариусом 25-й конторы в Люблино. Она вспоминает, что, несмотря на то, что районные

конторы довольно оперативно стали открываться (на момент появления Основ в Москве работала 41 контора), эффективной их работу трудно было назвать, и в первую очередь потому, что техническое оснащение было просто никаким. И в кадровом вопросе был страшный перекося: даже если увеличивали количество нотариусов, то при этом не выделяли дополнительных ставок на технический персонал.

Вот примеры из жизни этой конторы. Первая машинка «Оптимa» в конторе появилась только через 6–7 лет после ее открытия. В конторе, где работали 10 нотариусов, был только один консультант, ставку второго консультанта выбили буквально с боем. В конторе была только ставка уборщицы, то есть всего 35 рублей в месяц. Татьяна Ивановна вспоминает, что ей самой вместе с консультантом приходилось приходиться за час до открытия конторы и самой делать какую-то уборку, мыть пол, чтобы прием начинался в чистом помещении.

Для каких-то контор находили такое решение: приглашались машинистки из московской службы быта «Заря», они и оказывали услуги, а деньги шли в «Зарю». Никаких договоров, естественно, у контор со службой быта не было, да и не могло быть. На самом деле это Управление юстиции как юридическое лицо договаривалось с «Зарей». Машинистки работали по тарифам этой фирмы. Сегодня машинистка пришла, завтра ее направили на другой объект. Как тут работать? Понятно, что это не могло быть выходом из положения, конторы должны сами иметь необходимый штат для подобной работы.

Напомним, что на нотариусов в те годы были возложены обязанности следить не только за законностью сделок, о чем писалось выше, но и за правильностью оформления документов всеми учреждениями и организациями в стране. Приходит к нотариусу документ; если нотариус обнаруживает, что документ оформлен ненадлежащим образом, то он должен подготовить представление в эту организацию, а организация была обязана в месячный срок ответить, как она исправила ситуацию и какие меры приняла, чтобы этого не повторилось. Трудно сказать, как дело обстояло в других регионах, но в Москве нотариусы приучили все организации правильно оформлять документы. Это было большим делом, ведь нотариусы фактически наладили делопроизводство в сфере оформления документов во всей Москве.

Важно подчеркнуть, что нотариус в это время не просто делал копию договора, он еще должен был проверить правильность самого договора, то есть сам документ удостоверялся как договор, его содержание проверялось. Это требовало очень больших затрат и времени и сил. Особой сложностью как раз отличались учредительные договоры, а они шли просто валом.

Это еще не все. В советское время существовали так называемые лекции для общественности. Многие вероятно уже подзабыли, что существовала такая общественная обязанность, как чтение лекций на предприятиях, в школах и в жилищных конторах, встречи с населением. Нотариусов довольно активно привлекали к этому виду общественной работы. Но и это еще не все. А работа с обращениями граждан? Ежедневно люди обращались с письмами по самым разным вопросам, довольно часто нотариусам пере-

направлялись письма из Минюста и других ведомств. На все эти обращения необходимо было ответить по существу.

Переход на хозрасчет и становление корпоративного начала

В 1985 г. приходит к власти Михаил Сергеевич Горбачев. Сначала появился тезис об «ускорении», слова про «перестройку». 9 октября 1985 г. в «Правде» публикуется «Комплексная программа развития производства товаров народного потребления и сферы услуг на 1986–2000 годы». В этой программе сказано, что «в соответствии с поставленной партией задачей ускорения социально-экономического развития страны на базе научно-технического прогресса программа предусматривает всемерное увеличение производства, расширение ассортимента и повышение качества товаров народного потребления и развитие услуг, оказываемых населению».

Отрасли народного хозяйства, ориентированные на эти цели, должны были развиваться ускоренными темпами. В число такой приоритетной отрасли, как «услуги правового характера», попал и нотариат: «Повысить уровень и качество работы юридических консультаций и нотариальных контор по обслуживанию населения. Увеличить сеть юридических консультаций и нотариальных контор, укрепить их материально-техническую базу, оборудовать необходимыми средствами оргтехники. Принять меры к созданию условий для дальнейшего расширения практики оказания населению услуг правового характера непосредственно на предприятиях, стройках, в колхозах и совхозах».

Минюст СССР отреагировал мгновенно. На следующий же день, то есть 10 октября 1985 г., был издан приказ за № 18 «О мерах по дальнейшему улучшению работы с кадрами нотариата и повышению уровня нотариального обслуживания населения, предприятий, учреждений и организаций».

Мособлпланом нотариальные действия были отнесены к услугам правового характера, а взываемая пошлина стала рассматриваться в качестве платы за услугу. Соответственно, нотариусам стали спускать план по увеличению «платных услуг населению». Н. И. Агамиров и А. В. Скурлатов ходили в эту и другие организации, доказывали, что никакого плана по нотариату быть не может, и вообще это не сфера оказания платных услуг, и т. д. Натиг Исмаилович пытался их вразумить, мол, даже если рассматривать как платные услуги, то ведь получается абсурд: основные средства поступают от наследственных дел, поэтому чтобы увеличить поступления, надо увеличить смертность. Но ведь это действительно абсурд! Это то же самое, что спускать план похоронным бюро! Оказалось, и им уже спустили план...

Руководство отбивалось как могло, но план на 1986 г. спустили, увеличив его по отношению к фактическим цифрам 1985 г. Как ни странно, но на следующий год план был выполнен.

Тот, кто работал сдельно в промышленности или сфере услуг, получал справедливое вознаграждение. Это естественно. Что от этого получали нотариусы? Ничего!

Ничего не оставалось, как искать какие-то выходы. Н.И. Агамиров вспоминает, что он собрал группу нотариусов и они провели «мозговой штурм». Основной вопрос: какие дополнительные услуги нотариусы могут оказывать населению? Через пару месяцев появился подробный перечень. Платными стали консультации, составление, проекты и т. п., появилось понятие «техническая работа».

Основная подготовительная работа была проведена в 1987 году. После этого нужно было прорабатывать вопрос в Минюсте. В каком Минюсте? Выбор пал на союзный. Там был и министр не ретроград, и отдел нотариата замечательный. Надо учесть, что вопрос ведь был не в том, чтобы сразу вводить хозрасчет, а только в том, чтобы провести предварительное статистическое исследование, пока даже без взимания реальных денег: нотариусы должны были просто заполнять соответствующие квитанции. Это дало бы первые представления об объеме этих дополнительных платных услуг, надежную статистику, на которую можно было бы опереться.

Были подготовлены карточки для заполнения, розданы нотариусам через кустовые семинары. В течение месяца нотариусы в Московской области их заполняли, не взимая никаких денег. Однако с населением велись беседы, мол, со следующего месяца за эти услуги придется платить. Народ, кстати, реагировал очень спокойно. Это было время, когда и инфляция уже начала раскручиваться, и в большом количестве появились первые кооперативы. Народ потихоньку уже привыкал платить за все сам.

Пока шло это статистическое исследование, было разработано временное положение о переходе государственных контор на новые экономические условия работы. Собрав все документы, Н.И. Агамиров записался на прием к министру юстиции СССР Б.В. Кравцову. Министр не слишком разбирался в вопросах нотариата и направил Агамирова со всеми его наработками в отдел нотариата своего министерства. Это было лучшее решение из всех возможных, так как в этом отделе у Агамирова была поддержка со стороны Р.И. Виноградовой, В.Д. Потемкиной, А.А. Коноваловой. Правда, Р.М. Низовский, начальник отдела нотариата и загсов Министерства юстиции СССР, несколько дистанцировался от идеи хозрасчета.

В феврале 1988 г. появляется приказ Министра юстиции СССР «Об экономическом эксперименте по переводу отдельных нотариальных контор на новые условия работы». Эксперимент проводился в Эстонии, Казахстане и пяти российских регионах, включая Московскую область.

Эксперимент с первых дней себя очень хорошо зарекомендовал. Эффективность работы нотариусов повысилась. Поэтому буквально через несколько месяцев после выхода приказа, в мае 1988 г., в Сергиевом Посаде (тогда г. Загорск) было проведено межрегиональное совещание с участием нотариусов и руководителей органов юстиции Московской, Ярославской и Ивановской областей и Москвы. Москву представляла старший нотариус Первой нотариальной конторы Инна Алексеевна Ломоносова. Совещание было посвящено актуальным вопросам нотариальной деятельности и переходу государственных нотариальных контор на хозрасчет.

Межрегиональное совещание с участием нотариусов и руководителей органов юстиции Москвы, Московской, Ивановской и Ярославской областей, посвященное актуальным вопросам нотариальной деятельности и переходу государственных нотариальных контор на новые экономические условия работы (г. Загорск, ныне г. Сергиев Посад, май 1988 года). На переднем плане третья слева: старший нотариус Первой Московской государственной нотариальной конторы И. А. Ломоносова

14 февраля 1989 г. начальник Управления юстиции Мосгорисполкома А. Ф. Агафонов издает приказ «О проведении экономического эксперимента по переводу государственных нотариальных контор г. Москвы на новые условия работы по оказанию дополнительных услуг правового характера». В нем сказано, что в соответствии с приказом Министра юстиции СССР «Об экономическом эксперименте по переводу отдельных нотариальных контор на новые условия работы» и решением общего собрания работников государственных контор все нотариальные конторы Москвы переходят на новые условия работы по оказанию дополнительных платных услуг населению. Группа нотариата Управления юстиции должна организационно обеспечить проведение эксперимента. Организация работ и контроль за исполнением приказа возлагалась на заместителя начальника Управления тов. Алферова А. И. Интересно, что ни в одном документе слово «хозрасчет» так и не появилось, но все, в том числе и начальство, употребляли именно этот термин.

Переход на хозрасчет всеми без исключения нотариусами был встречен с энтузиазмом. Он решал очень многие проблемы.

Во-первых, появлялась заинтересованность работать эффективнее, и в том числе сверхурочно. Нотариусы часто стали работать в обед и оставаться после работы. Материальный фактор был мощным стимулом.

Во-вторых, самым узким местом государственного нотариата были технические работники. Трудно работать эффективно, если на пять нотариу-

сов только один технический работник. Появилась возможность тем или иным способом нанять дополнительного технического сотрудника.

В-третьих, это технические средства. В основном это были пишущие машинки. Их также не хватало. Со стороны Минюста нотариусы получали хорошую профессиональную поддержку, но материальная поддержка, как мы видели, была просто никакой. Нотариат был просто пасынком у Минюста в этом вопросе.

В-четвертых, помещения нотариальных контор были всегда и неизменно обшарпанными. В их ремонт деньги вообще никогда не вкладывались.

Хозрасчет был выгоден всем, даже местному бюджету. Сегодня многие уже не помнят, но 5% от суммы всех заработанных средств контора должна была, помимо прочих отчислений, перечислять в местный бюджет. Этот момент особо контролировала налоговая инспекция.

Нотариусы вспоминают это время с неизменной улыбкой: и заработная плата выросла в среднем в полтора раза, и все проблемы с техникой и техническим персоналом постепенно решили, и наконец-то сделали ремонт в своих офисах.

В принципе, можно было пойти и дальше в плане не только технического обеспечения, но и в плане улучшения условий труда. Так, в 1989 г. в 25-й конторе стали содержать повара и кормить всех ее сотрудников бесплатно. Тут даже не в деньгах дело, просто сотрудники очень много сил и времени тратили на то, чтобы где-то просто пообедать. Чаще всего они приносили какую-то еду в баночках и на электроплитках «подпольно» — поскольку пожарники за этими плитками охотились — все это разогревали. Когда появились деньги, в конторе официально установили плиту, подключили ее, и проблем с пожарниками уже не было. С тех пор в конторе у Татьяны Ивановны Сопиной всегда работает повар и все сотрудники нормально и бесплатно питаются.

К сожалению, хозрасчет решал не все проблемы. Вопросы штатного расписания остались за Управлением. Чтобы иметь дополнительного технического работника, надо было получать разрешение на дополнительную ставку либо находить какие-то «левые» способы решения проблемы. Свои же «кровно заработанные» деньги приходилось буквально выпрашивать в Управлении, когда речь заходила о ремонте. Мало кому это разрешали. Приходилось искать какие-то обходные пути. Со временем у нотариусов стали появляться претензии к тому, как управление распоряжается деньгами, ими заработанными.

При всех своих «но» хозрасчет сделал одну очень важную вещь, считает Татьяна Ивановна Сопина: он изменил психологию нотариусов, он показал, что возможно самофинансирование нотариата, что можно самому решать проблемы, а не смотреть постоянно в сторону Минюста и ждать от него подачек. Хозрасчет показал, что денег, которые нотариусы зарабатывают, хватает на все основные нужды и на вполне достойную зарплату. Без этого поворота в сознании, вероятно, не было бы и нового российского нотариата.

Делегаты Первого Учредительного съезда Ассоциации нотариусов России (Сочи, 19 апреля 1991 г.)

При этом, отметим, отношение к радикальной реформе нотариата и Основам в среде московских нотариусов было поначалу сдержанным. Мало кто тогда мог заглянуть так далеко в будущее и увидеть те плюсы, которые Основы предоставляли нотариату. Многие считали, что следует развивать хозрасчет, менять систему отчислений, повышать отчисления на зарплату, оснащать конторы кадрами и техникой, а новые формы могут и подождать.

Госнотариат даже в его хозрасчетной версии был обречен, считает Инна Алексеевна Ломоносова, — с позиций сегодняшнего дня это уже очевидно. Жизнь общества, и в первую очередь экономическая жизнь, так резко изменилась, что госнотариат бы просто не справился.

Есть еще один вопрос, который нуждается в освещении — это формирование корпоративного начала в нотариате, самого духа корпоративности. Маловероятно, что без него могла бы состояться столь серьезная реформа нотариата, которая произошла в 1993 г.

18–19 апреля 1991 г. в Сочи состоялась учредительная конференция Ассоциации нотариусов России. Утвержденный на ней устав определял Ассоциацию как добровольную самоуправляющуюся общественную организацию нотариусов. Главная цель Ассоциации — объединение усилий нотариусов «для обеспечения организационных и юридических гарантий реального самоуправления нотариальных органов и социальной защищенности нотариусов, повышение профессионального уровня работников нотариата и совершенствования правовой помощи, оказываемой ими гражданам, предприятиям и организациям, укрепление законности в гражданско-правовых отношениях». Председателем Ассоциации был избран Натиг Исмаилович Агамиров.

Надо сказать, что создание Ассоциации в известном смысле было прямым продолжением эксперимента с хозрасчетом. Это касается даже не материальной стороны проведения такого обширного мероприятия. Хозрасчет дал нотариусам, с одной стороны, определенное ощущение самодостаточности, а с другой — понимание общих интересов, понимание того, что теперь только сообща можно отстаивать свои законные права и интересы. Как бы ни смотрели на нотариусов в Минюсте, по какому остаточному принципу их бы ни финансировали, нотариусы узнали себе цену в прямом и переносном смысле. И еще. В Ассоциации нотариат обрел то, что потерял в первые же годы советской власти, — он вновь стал элементом гражданского общества.

Заключение

Многие нотариусы, которые проработали в государственном нотариате, считают, что советское время оставило после себя сильнейшую школу нотариата со своими традициями и достижениями. К ценному наследию советского нотариата обычно относят коллективизм, чувство солидарности. Тогда каждый стремился поделиться своими знаниями, опытом, помочь коллеге. Это было в порядке вещей.

У нотариусов, проработавших долгое время в государственном нотариате, есть ощущение какой-то разобщенности в нотариате современном. Раньше по любому сложному вопросу можно было посоветоваться с коллегами, проконсультироваться, что-то обсудить. К тому же твоя работа была на виду у коллег и, соответственно, злоупотреблений было гораздо меньше даже при том, что и личной ответственности было куда как меньше. Сейчас все иначе. Да и чисто профессиональное общение теперь затруднено. Каждый сам отвечает за себя. Это отразилось и на психологии людей и на общении, нет уже той легкости и непосредственности, которые были присущи нотариату советского времени. Да и солидарность сменилась скорее конкуренцией. Теперь твои знания — это твои конкурентные преимущества.

Свобода и ответственность идут рука об руку. Новый нотариат предоставляет нотариусам самостоятельность и широкие возможности, теперь это уважаемая профессия. Однако за все хорошее надо платить. Возможно, отчуждение и даже некоторое одиночество современных нотариусов и есть та самая плата.

Мы вкратце обрисовали советский период в развитии отечественного нотариата. Все законы и приказы сохраняются для истории, в этом нет сомнений, все эти документы будут храниться в архивах, и при необходимости их можно достать и изучить. Но у истории нотариата было еще одно важное измерение — человеческое: то, как реальная жизнь нотариусов протекала, чем люди жили, что их беспокоило, о чем заботились, как работали, как дружили, как свободное время проводили. Все это может уйти безвозвратно, если не будет как-то сохранено. У автора есть скромная надежда, что этот небольшой очерк хотя бы в том, что касается последних лет советской истории, все же сохранил какие-то черты эпохи, аромат реальной жизни, а не только запах бумаг.

Приложение 1

Нотариальные конторы г. Москвы длительное время возглавляли старшие нотариусы:

- Яковлева Аделаида Львовна – 1 МГНК
- Ломоносова Инна Алексеевна – 1 МГНК
- Ильюшин Федор Федорович – 2 МГНК
- Новикова Надежда Александровна – 3 МГНК
- Смирнова Лидия Петровна – 3 МГНК
- Кушцова Елена Николаевна – 4 МГНК
- Горбачева Маргарита Давыдовна – 5 МГНК
- Курдовер Елизавета Марковна – 6 МГНК
- Корнюковская Лидия Анатольевна – 7 МГНК
- Зайчикова Ольга Петровна – 8 МГНК, 31 МГНК
- Королева Марина Ильинична – 9 МГНК
- Баханович Тамара Станиславовна – 10 МГНК
- Самсон Нина Аркадьевна – 11 МГНК
- Мельникова Вера Алексеевна – 12 МГНК
- Мухаметов Тахир Кафиатович – 13 МГНК
- Тарасова (Игнатова) Любовь Александровна – 14 МГНК
- Якименко Ольга Владимировна – 14 МГНК
- Кабанова Галина Александровна – 15 МГНК
- Павленко (Давыдова) Татьяна Степановна – 16 МГНК
- Поповкин Николай Александрович – 16 МГНК
- Никифорова Светлана Александровна – 17 МГНК
- Похлебкина Марина Григорьевна – 18 МГНК
- Горайнова Нина Зиновьевна – 19 МГНК
- Глазкова Светлана Викторовна – 20 МГНК
- Левин Юрий Ильич – 21 МГНК
- Кубасова Е. М. – 22 МГНП
- Герасимова (Жукова) Галина Константиновна – 23 МГНК
- Новикова Надежда Александровна – 24 МГНК
- Володина Мария Павловна – 25 МГНК
- Сопина Татьяна Ивановна – 25 МГНК
- Кузнецова Нина Сергеевна – 26 МГНК
- Тыщук Светлана Артуровна – 27 МГНК
- Иванова Жанна Федоровна – 28 МГНК
- Ткаченко Ирина Ивановна – 28 МГНК
- Козлова Наталья Леонидовна – 29 МГНК
- Шаляпина Александра Ивановна – 30 МГНК
- Германова Галина Степановна – 30 МГНК
- Корнеева Нелли Васильевна – 32 МГНК
- Кудинова Зоя Александровна – 33 МГНК
- Махрина Нина Александровна – 34 МГНК

Нотариусы, много лет проработавшие в государственном нотариате до принятия Основ законодательства о нотариате:

Эйдинова Эсфирь Борисовна, Андриюхина Елизавета Николаевна –
руководители наследственного отдела 1 МГНК
Зими́на Римма Ивановна – руководитель отдела сделок 1 МГНК
Гозин Иван Иванович – руководитель копийного отдела 1 МГНК
Глухова Валентина Сергеевна, Щетинин Алексей Дмитриевич –
руководители отдела по принятию мер к охране наследственного
имущества 1 МГНК
Мельникова Вера Алексеевна – 1 МГНК
Ушакова Алла Константиновна – 1 МГНК
Рубцова Людмила Сергеевна – 1 МГНК
Репина Нина Ивановна – 1 МГНК
Моря Лидия Ивановна – 1 МГНК
Степанова Надежда Сергеевна – 1 МГНК
Горохова Екатерина Алексеевна – 1 МГНК
Кравцова Юлия Ивановна – 1 МГНК
Орлова Марина Анатольевна – 1 МГНК
Едакова Светлана Ивановна – 1 МГНК
Дворянчикова Елена Анатольевна – 1 МГНК
Абдулина Назия Абдульхаковна – 1 МГНК
Олейнова Антонина Ивановна – 1 МГНК
Шиндина Наталья Петровна – 1 МГНК
Евдокимова Марина Ивановна – 1 МГНК
Ништ Зинаида Львовна – 1 МГНК
Авдеева Ирина Владимировна
Браймайстер Раиса Львовна
Бушина Лидия Георгиевна
Вербицкая Лариса Яковлевна
Вулис Илья Давыдович
Гуленко Тамара Павловна
Гудкова Лилия Наядовна
Еремина Анжелика Анатольевна
Ермакова Антонина Николаевна
Ефименко Людмила Григорьевна
Завалищев Юрий Иванович
Зорин Дмитрий Алексеевич
Калинина Ирина Владимировна
Киреева Лариса Николаевна
Кирюхина Зоя Викторовна
Климова Елена Николаевна
Коломиец Наталья Петровна
Корнеева Ангелина Валентиновна
Куклина Наталья Васильевна
Куликова Галина Николаевна
Курченко Антонина Митрофановна

Лабзова Лариса Георгиевна
Левина Нина Георгиевна
Мальцева Любовь Александровна
Невмянова Алла Аббясовна
Полынькова Людмила Федоровна
Перепелкина Галина Ивановна
Попова Лидия Михайловна
Потравко Елена Викторовна
Рейнгард Ирина Анатольевна
Русакова Нина Сергеевна
Селезнева Лариса Дмитриевна
Семенова Елена Владимировна
Сержантова Светлана Вячеславовна
Сиверскова Татьяна Николаевна
Ступак Александр Константинович
Тарасевич Марина Сергеевна
Фролова Татьяна Викторовна
Цветкова Александра Семеновна
Цымбаренко Алла Геннадьевна
Шаркова Маргарита Моисеевна
Щербакова Наталья Николаевна
и многие-многие другие

**Руководители отдела нотариата Управления юстиции
Мосгорисполкома**

Горовец Антонина Михайловна
Ганелина Марина Леонидовна
Игнатенко Александра Владимировна
Рябова (Потемкина) Валентина Дмитриевна

Глава третья

Становление нового российского нотариата

Предваряя этот экскурс в историю московского нотариата, хотелось бы сказать несколько слов об особенностях данной работы и ситуации (информационной и этической), в которой оказался автор.

Как это ни покажется странным, но за двадцать лет, прошедших с момента создания Московской городской нотариальной палаты (МГНП), так и не была написана ее история. До сего дня даже не появилось сколько-нибудь обстоятельной публикации, в которой история Палаты излагалась бы достаточно систематически и достоверно. Надеемся, что эта небольшая работа хотя бы отчасти восполнит данный пробел.

Московские нотариусы и сама Московская городская нотариальная палата всегда были в гуще непростых событий, разворачивавшихся на юридических просторах России, да и собственная история московского нотариата не безоблачна, она наполнена подлинным драматизмом, а подчас и трагизмом, и неотделима от истории всего российского нотариата, от процессов и событий, проходящих в Федеральной нотариальной палате. Это неудивительно, поскольку МГНП – крупнейшая нотариальная палата страны. Процесс становления Федеральной нотариальной палаты, да и всего нотариата России был неразрывно связан с московским нотариатом, а московские нотариусы были и остаются ключевыми фигурами в этом процессе.

Однако какой бы сложной ни была история нотариата, какие бы страсти ни бушевали, сколь бы трагичными ни были отдельные страницы этой истории, можно с уверенностью сказать, что это была, в конечном счете, история успеха, история большой победы. И драматизм этой истории, который мы постараемся отразить, только подчеркивает цену и значимость этой победы.

Еще древнеримский историк Тацит сказал, что удачу каждый приписывает себе, а вину за поражение возлагает на другого. Эту мысль перефразировал Джон Кеннеди, сказав, что «у победы тысяча отцов, поражение – всегда сирота». Реформа нотариата, создание в России нотариата латинского типа – это безусловная и яркая победа. Вполне понятно, что найдется немало людей, которые бы хотели подчеркнуть свой вклад, а может быть, и свои особые заслуги в становлении нового нотариата. Каждый из них внес свой вклад: кто-то был на авансцене и его все видели, кто-то, пусть и не столь заметно, но все это время «работал на идею». Первых меньше, вторых больше, но без тех и других не было бы того, что мы сегодня называем свободным нотариатом.

Это обстоятельство возлагает на автора определенные моральные обязательства. Автор не вправе давать оценки и пытаться как-то ранжировать вклад участников этого процесса. Награды будет раздавать история, и надо признать, что еще слишком мало времени прошло, чтобы заниматься этим делом. Но кроме истории есть еще жизнь, а она немалыми шагами идет вперед, подчас забывая о тех, кого уже с нами нет. Люди уходят. С ними уходит и память о событиях недавнего прошлого. Но

Эмблема Московской
городской нотариальной
палаты

самое обидное – это то, что уходит и память о людях, которые отдавали свое время и свои знания, вкладывали душу в создание в России свободного нотариата. Сейчас важно не только описать роль «основных игроков», но и не забыть о тех, кто честно трудился и вносил посильный вклад в общее дело.

Вторая этическая проблема отчасти связана с первой. История московского, да и российского нотариата в целом была далеко не безоблачной. За многие годы накопилось много взаимных обид и упреков. Конфликты, как мы знаем, сказывались не только на чести, достоинстве и деловой репутации, но и на самой жизни людей. Как быть в этой ситуации, что освещать и как, а что не освещать и почему? Сегодня у каждого участника событий есть право высказываться и у каждого есть право на ответ, если он с чем-то не согласен. Однако как быть в отношении людей, уже ушедших из жизни? Как защитить их доброе имя, если сами они этого сделать не могут? Давая сегодня слово участникам событий, автор обязан соблюдать «презумпцию добропорядочности», следить за тем, чтобы данный материал не стал местом голословных обвинений или сведения счетов, и в первую очередь сведения счетов с теми, кого уже нет среди нас.

В этой ситуации было очень непросто выбрать линию изложения, которая бы давала достаточно точную фактическую картину происходившего, но при этом не заостряла внимания на обстоятельствах, которые и теперь все еще вызывают не только разночтения, но и непримиримые споры. В этой связи мы постарались максимально исключить субъективные личностные оценки и суждения. Поэтому в основу повествования были положены в первую очередь документы, а также воспоминания людей, имевших непосредственное отношение к описываемым событиям. Скажем сразу, что воспоминания – это весьма ненадежный источник информации. Прошло уже довольно много времени, и мало кто помнит достаточно твердо даты и события. К тому же в интервью чаще приходилось иметь дело не столько с фактами, сколько с оценками тех событий, а они, как мы понимаем, всегда нагружены личным отношением, часто весьма субъективным.

При прочих равных условиях приоритет все же отдавался документам: протоколам и стенограммам общих собраний нотариусов Москвы и заседаний Правления. К сожалению, приходится констатировать, что и многие документы уже утрачены.

нотариат был местом принудительной ссылки для юристов. Представьте себе, что к моменту подготовки нового нотариального законодательного акта 40 процентов людей, работавших на ставках нотариусов, не были юристами. Это были и воспитатели детских садов, и преподаватели начальных классов, и зоотехники, и кто угодно. Нам необходимо было перевернуть всю эту машину для того, чтобы в нотариат пришли люди с высшим юридическим образованием. Но никто не верил, что нам удастся это осилить. Однако я и мои товарищи были уверены, что в нашей стране достаточно специалистов, но для них нужны совершенно иные условия работы. Да и сам нотариат нужен был другой»¹.

Сейчас, по прошествии многих лет, становится ясно, что государственный нотариат шел к своему глубокому кризису и не мог справиться с задачами, поставленными историческим ходом реформ. После распада Советского Союза появление небюджетного нотариата в постсоветской России явилось закономерным следствием проводимых в стране рыночных реформ. Однако в те годы людей, понимавших масштабы проблем, было не так много, еще меньше было людей, предлагавших пути решения этих проблем.

Одним из путей решения проблемы должен был стать хозрасчет. В порядке эксперимента хозрасчет стали внедрять в Московской области. Хозрасчет, по сути, позволял часть взимаемых денежных средств оставлять в распоряжении нотариальных контор, и, соответственно, направлялись эти средства на их нужды, включая материально-техническое обеспечение, заработную плату, надбавки и премии. Экономический стимул показал свою эффективность: повысились и качество, и эффективность работы нотариусов.

В рамках эксперимента стали развиваться и институты самоуправления – советы нотариусов. Этот процесс содействовал быстрому росту объединительных тенденций в нотариате. Нотариальное сообщество, некогда совершенно разрозненное, стало осознавать себя как единое целое. Процесс завершился учреждением в апреле 1991 г. в г. Сочи Ассоциации нотариусов России, Президентом которой был избран организатор эксперимента в Московской области, начальник отдела организации юридической помощи – заместитель начальника Управления Минюста РФ Натиг Исмаилович Агамиров. Необычайный эмоциональный подъем царил на учредительном съезде. Нотариусы не только впервые ощутили чувство профессиональной солидарности, но и во многом преодолели взаимную отчужденность, связанную с особенностями самого рода деятельности. Но самое главное – нотариусы почувствовали, осознали, что времена меняются, что в новой России социальный запрос на их деятельность будет как никогда высок.

Начало 90-х гг. с их объединительными тенденциями и успешно развивавшимся хозрасчетом заложило определенные предпосылки, организационные и теоретические, для дальнейшего перехода на нотариат латинского типа.

Идея реформирования российского нотариата на принципах нотариата латинского типа рождалась постепенно, вспоминает Александр Викто-

¹ Московский нотариат. Кто есть кто. М.: РИА «Внешторгиздат». 2004. С. 28.

Первый Учредительный съезд Ассоциации нотариусов России. С докладом об основных задачах и направлениях деятельности первой профессиональной общественной организации российских нотариусов выступает Председатель Ассоциации нотариусов России Н. И. Агамиров. В Президиуме съезда (слева направо): председатель Совета нотариусов Саратовской области Л. Е. Ткаченко, главный специалист Управления юстиции г. Москвы Г. Л. Польшкова, начальник Управления юстиции Краснодарского края А. П. Кирста, заместитель министра юстиции РСФСР С. Я. Тетюк, начальник Отдела нотариата Министерства юстиции СССР Р. М. Низовский, председатель Совета нотариусов Московской области Т. А. Никулкина (Сочи, 19 апреля 1991 г.)

рович Скурлатов, который тогда работал заместителем начальника Управления юридической помощи населению Минюста. Были три важнейших предпосылки: теоретические, организационные и политические. Теоретические предпосылки вызревали в основном в ходе периодических встреч с европейскими коллегами по линии Минюста. Этих встреч, конференций, симпозиумов и ознакомительных поездок в конце 80-х – начале 90-х гг. было немало. К организационным предпосылкам, считает Скурлатов, в первую очередь следует отнести названную встречу в Сочи государственных нотариусов практически из всех российских регионов. Это был первый и очень важный опыт самоорганизации нотариусов.

По роду своей деятельности нотариусы были очень разобщены, к тому же они были пасынками в системе Минюста: практически все средства, «зарабатываемые» нотариусами, шли на поддержание судебной системы, а самим нотариусам почти ничего не оставалось. Нотариусы это понимали и с этим чувством жили и работали. Поэтому встреча в Сочи стала знакомым явлением. Она показала, что времена меняются: о нотариусах впервые вспомнили, их впервые собрали. Идея перехода на хозрасчет, которую пос-

ледовательно проводил Натиг Исмаилович Агамиров, тогда получила общую поддержку. Она, считает Скурлатов, была хорошей переходной идеей, которая, однако, со временем обнаружила некоторые скрытые опасности. Когда началась уже плотная работа над Основами, в системе Минюста появилось немало противников перехода на нотариат латинского типа. Они прекрасно понимали, что потеряют те немалые отчисления, которые им давал хозрасчет нотариусов. Немало противников было и из числа самих нотариусов, которые уже привыкли к работе в системе хозрасчета. Сказывались эффект привыкания и непонимание перспектив.

Сколько бы денег нотариусы ни зарабатывали для Минюста и его управлений, считает Скурлатов, все равно сами нотариусы в этой минюстовской системе распределения были последними. Львиная доля зарабатываемых нотариусами средств не доходила до государственных нотариальных контор. Их материально-техническое оснащение реально не улучшалось, его уровень продолжал оставаться крайне низким, что, естественно, сказывалось и на качестве правовой помощи.

Нотариусами в регионах местные власти управляли как хотели и отдавали им подчас самые нелепые, а иногда и противозаконные распоряжения. Нотариусы были вынуждены действовать с оглядкой на руководство. Необходимо было изменить статус нотариусов, сделав их лицами свободной профессии, как это имеет место в странах Европы.

Однако основная масса нотариусов не очень верила в возможность столь глубокой реформы нотариата. К тому же, полагает Скурлатов, их вполне устраивал хозрасчет, который приносил вполне приличные по тем временам деньги. Этим нотариусов пытались переубедить, объяснить, что пока они находятся под властью чиновников, они не могут рассчитывать на то, что будут свободны от их произвола: сегодня чиновники решили так, а завтра могут все переиначить.

Политические предпосылки также не замедлили появиться. После ликвидации союзного Минюста у российского Минюста были развязаны руки. К тому времени в России был взят курс на развитие рынка и частной собственности. Эти два обстоятельства позволили начать серьезный разговор о реформировании нотариата.

В этой ситуации необходимо было оглянуться назад на историю дореволюционного нотариата, который после реформ 60-х гг. XIX века развивался по модели нотариата латинского типа, а именно баварского типа, и эта модель тогда себя в России очень хорошо зарекомендовала. Именно ее и было решено реализовывать в России современной. Однако переходить к этой модели надо было из той конкретной экономической и правовой ситуации, в которой находилась страна. Поэтому изучался опыт бывших соцстран, где реформирование нотариата началось немного раньше; был важен, в частности, опыт Польши. Изучался также опыт стран с развитой системой латинского нотариата: Италии, Франции, Германии и Австрии. В этой работе, вспоминает Скурлатов, помогали итальянцы, но больше всего реально своими рекомендациями помогли немцы. Очень ценными также были поездки в Германию, изучение опыта ее федеральных земель.

Группа российских нотариусов и адвокатов проходит стажировку в Академии юстиции Земли Северный Рейн – Вестфалия (г. Реклингхаузен, Германия, июнь 1991 г.)

Идея латинского нотариата вызревала постепенно, и рождалась она в ходе дискуссий. В них участвовали в основном трое: В. С. Репин, А. В. Скурлатов, А. И. Тихенко; они-то и составили интеллектуальный и организационный «костяк». На первом этапе к этим дискуссиям подключались также В. Б. Чельшев и Н. А. Поповкин.

Представляют интерес воспоминания Юрия Артемьевича Костанова, работавшего в это время начальником Управления юстиции Москвы. Из них следует, что тогда мало кто понимал, что такое нотариат вообще. Еще меньше людей понимало, в каком направлении он должен развиваться. По его собственным словам, он и сам имел лишь весьма общее представление о нотариусах и их работе.

В июне 1991 г. силами Ассоциации нотариусов России и Ассоциации адвокатов России при поддержке Минюста РСФСР была организована стажировка в ФРГ для российских нотариусов и адвокатов. Проходила она в Академии юстиции земли Северный Рейн – Вестфалия в городе Реклингхаузене. Нотариат, его проблемы и пути развития, естественно, оказались в фокусе внимания. В Германии члены делегации смогли предметно познакомиться с нотариатом латинского типа, оценить ту роль, которую он играет в правовой системе страны с развитой рыночной экономикой, а соответственно и ту роль, которую он может играть в жизни реформируемой России.

Ю. А. Костанов вспоминает, что именно во время этой поездки он близко познакомился с А. И. Тихенко и у них сложились доверительные отношения. Они часами обсуждали возможные пути реформирования российского нотариата. По словам Костанова, из командировки он вернулся убежденным сторонником возрождения в России свободного нотариата.

Встреча в Министерстве юстиции РФ. Главный эксперт закона РФ «О нотариате» Андреа Йемма (Италия), Вице-президент ФНП Г. К. Жукова, нотариусы г. Москвы: Т. И. Сотина, Л. Ф. Польшкова и др. Москва, май 1992 г.

Буквально через несколько дней после возвращения в Москву Костанов обсудил с Тихенко вопросы подготовки законопроекта о создании частного нотариата в Москве, а затем обратился к мэру Москвы Г. Х. Попову. Гавриил Харитонович эту идею поддержал полностью и подготовил письмо Б. Н. Ельцину, но уже с предложением издать указ об образовании в Москве в порядке эксперимента частного нотариата. Особенность ситуации в то время заключалась в том, что основные законы обсуждались и принимались довольно долго, а экономическая ситуация в стране требовала быстрых решений, часто даже оперативных. Поэтому Президент был наделен особыми полномочиями в экономической сфере и в сфере поддержки предпринимательства. Поэтому проект указа был подготовлен на основе норм, содержащихся в законодательстве о предпринимательстве и предпринимательской деятельности.

Документы ушли к Б. Н. Ельцину, который обещал в течение двух недель подписать указ. Но буквально через 3–4 дня, вспоминает Костанов, ему позвонил министр юстиции Н. В. Федоров: «Вы готовили? А почему вы думаете только о Москве? А вся Россия?» Он пригласил Костанова к себе на разговор, в ходе которого предложил готовить не указ для Москвы, а закон для всей России.

Работа над законом явно ускорилась, однако поначалу чувствовалось и сильное сопротивление: «Все мы вышли из вчерашнего дня, — говорит Костанов, — и трудно было юристам, воспитанным на советском законодательстве, понять, как это может быть, что нотариус, который именем Российской Федерации удостоверяет сделки, не является государственным служащим. Это в голове не укладывалось».

Сомнений в том, что закон рано или поздно будет принят, у Костанова не было, поэтому он считал необходимым сосредоточить свою работу на том, чтобы на уровне Москвы подготовиться к принятию закона. И все же помимо этой работы Костанову приходилось регулярно приезжать в Минюст, отлавливать очередного руководителя и «серьезно» с ним беседовать. В. С. Репин, по воспоминаниям Костанова, подключился к этой работе позже.

В ходе работы над проектом закона позиции трех основных ее участников несколько разошлись, правда, не на уровне концепции и подходов, а скорее, вспоминает Скурлатов, в организационных и тактических вопросах. На Коллегию Минюста было представлено два варианта законопроекта: вариант Тихенко и вариант, подготовленный Репиным и Скурлатовым. Коллегия решила не распылять силы и провести работу по объединению двух вариантов в один проект закона. После заседания Коллегии, на которой было получено «добро», работа активизировалась.

Итак, можно с уверенностью сказать, что «Основы» появились на свет благодаря исключительно интеллектуальным и организационным усилиям москвичей. Кроме трех «отцов-основателей» к работе в той или иной форме привлекались Р. И. Виноградова, Н. А. Поповкин, В. Б. Челышев и другие опытные московские нотариусы, с которыми проводились обсуждения и консультации; сотрудники Минюста, в том числе заместители министра юстиции Ю. Д. Северин (куратор проекта Основ в министерстве) и Г. Г. Черемных. Именно последний был назначен представителем Президента России при прохождении законопроекта в Верховном Совете, докладывал его в комитетах и на пленарных заседаниях.

Споры среди нотариусов о том, кто же внес наибольший вклад в принятие Основ, чьи идеи и чьи усилия позволили возродиться в России латинскому нотариату, продолжаются и по сей день. Совершенно очевидно, что вряд ли кто-то один смог бы это сделать. Возрождение латинского нотариата в России – это результат усилий многих людей, целой команды единомышленников, а также большой группы людей, которые стремились помочь и реально помогали, подчас не являясь сами нотариусами.

Александр Викторович Скурлатов высказался по данному вопросу довольно лукаво: «Если вы меня спросите, кто писал Основы, то я должен буду сказать, что в то время в министерстве компьютер был только у меня!», а потом вполне серьезно добавил: «Если бы министру юстиции Николаю Федорову не удалось убедить в необходимости принятия Основ Б. Н. Ельцина, который, как известно, был активным сторонником реформ, не было бы у нас никакого свободного нотариата! Без политического решения это было бы невозможно, как невозможны были и многие реформы того времени!»

И все же поддержка Ельцина в то время не гарантировала успешного прохождения законопроекта в Верховном Совете. Надо вспомнить, что это было за время. Конец 1992 – и почти весь 1993 г. вошли в нашу историю как период конституционного кризиса. В декабре 1992 г. Верховный Совет не утвердил премьер-министром Егора Гайдара. В январе 1993 г. в Верховном Совете начали активно и уже в практической плоскости решать вопрос об

Розалия Ильинична Виноградова в 1991 г. была награждена медалью Анатолия Кони. Фото 2003 г.

импичменте Президенту Ельцину. На состоявшемся в марте 1993 г. Съезде народных депутатов за импичмент проголосовали 618 депутатов (56,2% из 1097 депутатов) при требуемых 699 голосах. Ельцин в это время также вел активную борьбу с Верховным Советом и готовил референдум «о доверии». В это самое время и депутаты и общественность активно обсуждали не только общую ситуацию, но и появившиеся проекты конституции, предлагавшие различные пути развития политической системы России.

На фоне этой «большой политики» нотариат был по большому счету никому не интересен, вопрос о нотариате никто не рассматривал в качестве ключевого или даже сколько-нибудь значимого. Нельзя не признать, что это обстоятельство сыграло на руку нотариату. В другое время, возможно, не удалось бы так в общем-то относительно легко провести столь революционный законопроект.

Итак, проект Основ поступает в профильный комитет Верховного Совета, но, как правило, комитет сам работу с законопроектами не ведет, а передает их в аппарат Верховного Совета. В это время в Секторе гражданского законодательства Юридического отдела Аппарата Верховного Совета работала Валентина Дмитриевна Потемкина, которая не только имела практический опыт работы в нотариате, но еще в течение четырех лет проработала в отделе нотариата союзного Министерства юстиции в одном кабинете, «бок о бок», с Розалией Ильиничной Виноградовой¹. О необычайной ценности такого общения Валентина Дмитриевна вспоминает до сих пор.

¹ Розалию Ильиничну всегда очень высоко ценили в нотариате. Еще в советское время ее слово весило больше, чем слово министра. По любому вопросу о нотариате последнее слово всегда было за ней. Она была «нотариатчиком», что называется, до мозга костей.

Законопроект попал в Юридический отдел, и его, естественно, закрепили за «нотариатчиком» — В. Д. Потемкиной. Пока шла работа над законопроектом, «командированный» для этой работы Анатолий Иванович Тихенко каждый день как на работу приходил в Верховный Совет. Надо сказать, что в Аппарате был еще один специалист по нотариату — это Людмила Юрьевна Швецова¹, она была секретарем Р. М. Цивилева, тогда — заведующего Юридическим отделом Аппарата Верховного Совета РФ. В этом смысле для плодотворной работы над законопроектом были все условия: профессиональная среда, общий язык и взаимопонимание.

По окончании работы над «профессиональной» частью законопроекта настала очередь работы над его «финансовой» частью. Эту часть А. И. Тихенко дорабатывал с Михаилом Михайловичем Фориным². Форин в это время очень плотно работал над Налоговым кодексом вместе с Александром Петровичем Починком, председателем Комиссии по бюджету, планам, налогам и ценам. Форина высоко ценили в этой комиссии. Тихенко, Форин и Починок «засели» за работу над тарифами, и разработанный ими вариант прошел через комиссию по бюджету без особых сложностей.

Еще на этапе подготовки законопроекта все хорошо понимали, что судьба нового нотариата зависит не только от наличия закона, но также и от финансового обеспечения нотариальной деятельности, то есть от решения вопроса о тарифах. Понимая это, Александр Починок был согласен с установлением достойных тарифов. Не случайно, как вспоминал Костанов, после встречи с Починком Репин воодушевился и стал «настоящим локомотивом» по продвижению Основ.

После работы, которая была проделана в Аппарате Верховного Совета, проект закона вернулся в комитет по законодательству, которым тогда руководил М. А. Митюков. Вот тут уже начались споры, и споры жаркие, подчас даже нелицеприятные, они продолжились и на пленарных заседаниях. В этих спорах основная часть нагрузки уже легла на плечи В. С. Репина и на Г. Г. Черемных. Практически все предложенные депутатами поправки были «отбиты»: из 31 одной поправки была в конечном счете принята лишь одна.

Мы видим, что все очень удачно сошлось, все срослось как бы само собой. Можно было бы, пожалуй, говорить и о провидении, если только не знать, какие люди над этим «провидением» работали и какие усилия они для этого прикладывали.

Итак, Основы были приняты 11 февраля 1993 г. Большое число государственных нотариусов, во всяком случае в Москве, буквально сразу перешло на частную практику. Минюст утвердил образец лицензии для этих нотариусов и разослал его в регионы. По воспоминаниям Костанова, это было страшное зрелище: текст нормальный, он и сейчас практически тот

¹ Л. Ю. Швецова проработала в Аппарате Верховного Совета с 16 апреля 1991 г. по 9 февраля 1993 г. До этого она долгое время работала в российском Минюсте. А. И. Тихенко в одном из интервью вспоминал, что когда перешел на работу в отдел нотариата Минюста России, то многому учился у В. Б. Чельшева и Л. Ю. Швецовой. См.: <http://www.mirnot.narod.ru/tih-int99.html>.

² М. М. Форин был «человеком государственного склада ума, великолепным профессионалом и при этом необычайно скромным человеком», так о нем отзываясь В. Д. Потемкина.

же, но оформление было ужасным. Костанов обратился в Гознак, и они изготовили более тысячи бланков лицензий с большим числом степеней защиты. Часть Управление оставило себе, а часть передало в Минюст.

Первые десять лицензий были вручены в торжественной обстановке прямо в Минюсте, вручал их Костанов во время проведения брифинга с представителями средств массовой информации, организованного Г. Г. Черемных.

Вот имена первых десяти нотариусов:

1. Тихенко Анатолий Иванович
2. Ломоносова Зинаида Алексеевна
3. Горбачева Маргарита Давидовна
4. Сиверскова Татьяна Николаевна
5. Поповкин Николай Александрович
6. Самсон Нина Аркадьевна
7. Платонова Елена Михайловна
8. Зимина Римма Ивановна
9. Андриухина Елизавета Николаевна
10. Климова Елена Николаевна

Лицензия номер один была, естественно, вручена Анатолию Ивановичу Тихенко.

Начало работы Московской городской нотариальной палаты

Ниболее полную картину того, как формировался молодой небюджетный нотариат Москвы, каковы были его первые шаги, с какими проблемами пришлось столкнуться на первых порах, дают материалы собраний нотариусов.

Первое (учредительное) собрание московских нотариусов, занимающихся частной практикой, состоялось 5 мая 1993 г. На собрании присутствовали 20 нотариусов и два приглашенных гостя – заместитель министра юстиции Г. Г. Черемных и начальник Управления юстиции по Москве Ю. А. Костанов. Председателем собрания был избран В. С. Репин. В повестке дня было всего два вопроса: необходимо было избрать оргкомитет по созданию Московской городской нотариальной палаты и подготовить устав палаты.

Костанов, первым взявший слово, высказал мнение, что работа оргкомитета не может ограничиться только подготовкой устава и вопросами организации самой Палаты. Он подчеркнул, что в связи с переходом ряда нотариусов на частную практику сразу остро встает вопрос о передаче наследственных дел, о завещаниях и, конечно же, об архивах.

Репин предложил, чтобы кроме оргкомитета сразу был избран также и Президент Палаты. Предложение казалось вполне разумным, так как в любом случае оргкомитету нужен был председатель. Однако Черемных на это предложение резонно возразил, что Президент должен избираться только после того, как будет готов устав и будут понятны процедура избрания и

Перед открытием Учредительного собрания Московской городской нотариальной палаты (слева направо): заместитель министра юстиции РСФСР В. Б. Парфенов, Президент Московской городской нотариальной палаты В. С. Ретин, нотариус г. Рима Андреа Йемма, председатель Ассоциации нотариусов России Н. И. Агамиров (Москва, июнь 1993 г.)

Учредительное собрание Московской городской нотариальной палаты. В президиуме (слева направо): заместитель министра юстиции РСФСР Г. Г. Черемных, посол Италии в России Федерико ди Роберто, Президент Московской городской нотариальной палаты В. С. Ретин, начальник Управления юстиции города Москвы Ю. А. Костанов, председатель Ассоциации нотариусов России Н. И. Агамиров (Москва, июнь 1993 г.)

полномочия Президента. К тому же Черемных отметил, что пока еще частнопрактикующих нотариусов не так много и, конечно же, будет более правильным избирать Президента более солидным числом нотариусов. Было решено избирать Президента на следующем собрании нотариусов.

Первое собрание завершилось избранием оргкомитета. В него вошли 7 человек (А. И. Тихенко, А. В. Скурлатов, Т. И. Сопина, Н. В. Пошеченкова, А. В. Сафонов, Б. В. Панферов, В. С. Репин). Председателем оргкомитета был избран В. С. Репин.

Через месяц, 4 июня, состоялось второе собрание нотариусов. На нем уже присутствовали 56 нотариусов и три приглашенных гостя: Чрезвычайный и полномочный посол Итальянской Республики в Российской Федерации Федерико ди Роберто, заместитель министра юстиции Г. Г. Черемных, начальник Управления юстиции Москвы Ю. А. Костанов, Президент Ассоциации нотариусов России Н. И. Агамиров и нотариус г. Рима профессор Андреа Йемма¹.

Собрание было одновременно и торжественным – не только по причине присутствия высоких гостей, но и потому, что это было, по сути, учредительное собрание, первое учредительное собрание свободных нотариусов в России. Оно было и весьма деловым, поскольку на нем закладывались основы дальнейшей работы и выявлялся реальный расклад сил в самой Палате. В повестке дня три ключевых вопроса: принятие Устава, избрание Президента, избрание Правления.

В начале собрания с приветственным словом к его участникам обратились гости. Первым выступил посол Италии Федерико ди Роберто. Он подчеркнул, что создание Палаты – это важнейшее событие не только в жизни нотариата, но и в построении демократического общества в России, и пообещал Палате не только свою личную поддержку, но и поддержку Италии. Затем выступили другие гости собрания.

Черемных отметил, что, несмотря на то что государственные и частнопрактикующие нотариусы еще какое-то время будут существовать параллельно, становится ясно, что именно на долю вторых придется основная нагрузка по удостоверению сложных сделок с собственностью, которых в условиях становления рынка будет все больше и больше.

Сильное впечатление произвело выступление Андреа Йеммы, в котором он поделился своими впечатлениями от успехов российского нотариата: когда в 1987 г. он впервые посетил Министерство юстиции СССР, то не мог и предположить, что уже через несколько лет в России будет создан нотариат латинского типа, а он сам примет участие в подготовке закона в качестве эксперта.

¹ О нотариусе Андреа Йемма надо сказать особо. Этот человек внес весомый вклад в то, что Россия получила нотариат именно латинского типа. Человек удивительной судьбы, он воевал в составе итальянских войск во время Второй мировой войны на территории СССР, был ранен, попал в плен, где провел не самые лучшие годы своей жизни, но при этом все же полюбил Россию, ее народ, ее литературу и даже ставил русские пьесы в лагерном театре. По возвращении в Италию изучил русский язык и всегда живо интересовался жизнью страны, с которой его жизнь оказалась крепко связанной. Более подробно с биографией Андреа Йеммы можно познакомиться здесь: <http://www.espressoweb.ru/ru/13/ctim-2.html>.

*Виктор Сергеевич Репин.
Президент ФНП в 1994–1996 гг.
Президент МГНП в 2001–2007 гг.*

Костанов же отметил проблемы: он отметил, что создание частного нотариата пока вызвало лишь ухудшение работы московского нотариата в целом и связано это с издержками переходного периода. Но при этом он заявил, что верит, что будущее именно за свободным нотариатом, и высказал слова благодарности итальянским гостям за поддержку и помощь.

После единогласного принятия Устава также единогласно избрали Президента (им стал В. С. Репин) и членов Правления в составе 9 человек (7 членов Оргкомитета, а также А. К. Ступак и Г. К. Жукова). Вопрос об избрании Вице-президента решили перепоручить новому Правлению.

6 июля 1993 г. Московская городская нотариальная палата была зарегистрирована Управлением юстиции Москвы, а 27 июля выхо-

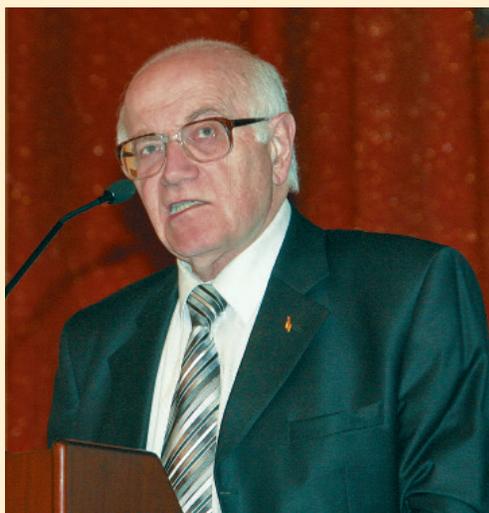
дит постановление Правительства Москвы № 723 «О выполнении постановления Верховного Совета РФ «О порядке введения в действие Основ законодательства РФ о нотариате». Этим постановлением Управлению юстиции г. Москвы предписывалось сдавать занимающимся частной практикой нотариусам в аренду помещения бывших государственных нотариальных контор с оплатой в размере эксплуатационных расходов на содержание нежилого фонда по г. Москве, хотя, как показал дальнейший ход событий, это постановление реально не исполнялось.

18 августа 1993 г. было проведено третье собрание нотариусов, занимающихся частной практикой. На нем уже присутствовали 108 из 140 частных нотариусов.

Это было последнее собрание, на котором Костанов выступал в качестве начальника Управления юстиции Москвы. Вскоре он покинет этот пост и отношения Палаты с органом юстиции станут не столь конструктивными. Следует отметить, что на этот раз Костанов выступил с довольно резкой критикой состояния дел в частном нотариате, поскольку возникающие проблемы нельзя было объяснить только сложностями организационного периода.

Первое, что он отметил, это жалобы граждан на работу частнопрактикующих нотариусов. По словам Костанова, они часто необоснованно отказывают гражданам в совершении нотариальных действий и завышают тарифы.

Вторая проблема связана с отказом банков принимать документы, удостоверенные частнопрактикующими нотариусами. Банки мотивируют свой отказ тем, что опасаются «мнимых частных нотариусов». И хотя это не вина самих нотариусов, однако проблема есть и ее следует решать вместе с Палатой. Костанов обратил внимание и еще на одну проблему: не сбылись надежды на то, что появление небюджетного нотариата уменьшит нагрузку на государственных нотариусов. Нагрузка не уменьшилась, а очереди выросли.

Юрий Артемьевич Костанов

Поэтому, считает Костанов, Управление юстиции должно проводить в отношении частного нотариата политику всемерной поддержки и помощи при одновременном усилении с них спроса. В чем должна выражаться поддержка? Во-первых, необходимо всячески содействовать нотариусам в вопросах аренды помещений. Арендная плата должна соответствовать эксплуатационным издержкам, то есть она должна быть минимально возможной. Во-вторых, Управление юстиции совместно с ГУВД должны решить проблему «лженотариусов» в Москве.

Наконец, Управление юстиции Москвы должно оказать всяческую информационную поддержку частному нотариату. Ужесточить же контроль за деятельностью нотариусов надо по целому ряду вопросов. Во-первых, необходимо контролировать прием граждан, ведение реестра и соответствие взимаемых тарифов закону. Во-вторых, надо решить возникшую проблему ведения наследственных дел. Если в округе не осталось государственных контор, то эти дела должны будут вести частные нотариусы. В-третьих, надо решать проблему стажеров из государственных контор. Многие стажеры по причине их закрытия оказались не у дел. Если МГНП не озаботится их судьбой, то уже в ближайшее время сами нотариусы останутся без помощников. В заключение Костанов высказал одну очень важную мысль: Палате необходимо в самое ближайшее время взяться за пропаганду частного нотариата, и в первую очередь — средствами телевидения.

Надо сказать, что с первых дней функционирования нового нотариата обнаружили многие его проблемы, по поводу которых в скором времени произошло обострение отношений Палаты с органом юстиции. Из выступлений Репина и некоторых других нотариусов было видно, что сами нотариусы это тоже достаточно хорошо понимали.

Возможно, Репин как человек, проработавший долгое время в Министерстве юстиции и возглавлявший в нем профильное Управление, понимал это лучше других. С самых первых дней нового нотариата в его выступле-

ниях на общих собраниях чувствуется беспокойство. Действительно, в отличие от подавляющего большинства стран, где наследственные дела ведут суды, в России их ведут нотариусы. Однако статья 36 Основ оставляет ведение наследственных дел за государственными нотариальными конторами.

В своих комментариях¹ к Основам Репин объясняет «волю законодателя», оставившего ведение наследственных дел за государственными нотариальными конторами, исключительно практическими соображениями, мол, у частных нотариусов нет необходимых ресурсов для ведения таких дел (постоянных помещений, архивов и др.). Конечно, доля лукавства в его словах о «воле законодателя» есть. Ведь совершенно очевидно, что когда готовились Основы, его авторы (а это все до одного будущие частнопрактикующие нотариусы) приложили немало усилий, чтобы свободные нотариусы были освобождены от ведения сложных и многосоставных наследственных дел.

Однако на практике данная норма вызвала неоднозначную реакцию Минюста. Чиновники министерства в этом увидели свидетельство неприкрытого эгоизма небюджетного нотариата. В то же время ситуация с наследственными делами давала полное право региональным управлениям юстиции увеличивать число государственных нотариусов с целью борьбы с очередями в государственных нотариальных конторах. Отношения с Минюстом начали портиться. Позднее сам Репин отозвался об этой норме как о «законодательном промахе», который приходилось в каждом конкретном регионе решать по-своему, иногда весьма экзотически.

Понимание того, что судьба небюджетного нотариата зависит не только от буквы закона, но и от того, как проявит себя новый нотариат, как Палата сумеет организовать работу, возникло уже на первых собраниях нотариусов. Это понимание, в частности, вызвало к жизни Кодекс нотариальной чести, который стал, по сути, первым в России профессиональным этическим кодексом нотариусов. Подготовка проекта Кодекса была поручена А. В. Сафонову.

18 августа 1993 г. состоялось заседание Оргкомитета по подготовке Учредительной конференции полномочных представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации, в работе которого от Московской палаты приняли участие В. С. Репин, Б. В. Панферов и А. В. Сафонов. Вся организационная и финансовая нагрузка по подготовке этой конференции легла на Московскую палату. Учредительная конференция состоялась в Москве 22 сентября 1993 г., и эту дату можно считать днем рождения Федеральной нотариальной палаты.

Следующее собрание частнопрактикующих нотариусов Москвы состоялось 21 января 1994 г. К этому моменту Палата уже насчитывала 265 нотариусов. Чуть раньше, в конце 1993 г., она получила помещение для своей работы в том здании в Бобровом переулке, где находится и по сей день. Неоценимую помощь в этом вопросе оказал опять-таки Юрий Артемьевич Костанов.

Палата на своем собрании приняла ряд важных решений. Во-первых, было решено создать архив и нанять для работы с ним специалистов-архива-

¹ См. <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=261>.

риусов, хотя надо заметить, что эта задача так и не была реализована; во-вторых, принято решение о создании информационного центра и организации методической работы, в рамках которой должны разрабатываться типовые документы, обзоры, методики, справочно-информационные материалы.

Было также принято принципиальное решение о том, что у Московской городской и Федеральной палат должен быть единый аппарат, по меньшей мере, на первоначальном этапе развития. Несмотря на то что к этому времени существовали уже 42 региональные нотариальные палаты, было понятно, что именно Московская городская нотариальная палата должна будет организационно обеспечивать и работу Федеральной палаты.

Особо остро в этот период встал вопрос о безопасности деятельности нотариусов в Москве. От московских нотариусов поступило несколько заявлений о том, что они подвергаются рэкету, что в их адрес поступают угрозы со стороны криминальных структур. Обсуждались различные варианты обеспечения безопасности – от приглашения отдельных специалистов на работу до создания собственной службы безопасности. Главным же направлением обеспечения безопасности было признано расширение взаимодействия с правоохранительными органами. Не будем забывать, что это были «лихие 90-е» годы с их разгулом организованной преступности.

Что касается численности нотариусов в Москве, то было одобрено соглашение, заключенное между Управлением юстиции Москвы и МГНП, которое подписали и. о. начальника Управления юстиции Москвы Г. П. Вавилова и А. В. Сафонов. По этому соглашению общее число частных и государственных нотариусов в Москве должно было равняться 407. По условиям соглашения эта численность не должна была меняться вплоть до следующего совместного решения Управления и Палаты. Однако этот пункт договоренностей не был соблюден Управлением и число нотариусов вскоре превысило установленную цифру.

На этом же собрании был принят за основу разработанный А. В. Сафоновым Кодекс нотариальной этики, который, правда, было решено еще доработать, уточнить формулировки. Этот Кодекс приобрел окончательный вид только через шесть лет, на собрании 30 сентября 2000 г., и уже имел название Профессиональный кодекс, а буквально через полгода, в апреле 2001 г., на основе московского кодекса собранием представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации принимается Профессиональный кодекс нотариусов Российской Федерации – основной документ, по сей день регулирующий вопросы контроля профессиональной деятельности нотариусов.

На пятом по счету общем собрании 3 июня 1994 г. МГНП насчитывала уже 264 нотариуса. Было отмечено, что проблема безопасности нотариусов за прошедшие месяцы обострилась. Практически каждый десятый нотариус стал объектом пристального интереса криминального мира. Из более чем тридцати случаев попыток рэкета некоторые были оценены как крайне серьезные. Поэтому была создана собственная служба безопасности, но также был заключен договор с РУОП ГУВД г. Москвы, которое тогда возглавлял В. Б. Рушайло.

*Александр Викторович Скурлатов.
Президент МГНП в 1995–1997 гг.*

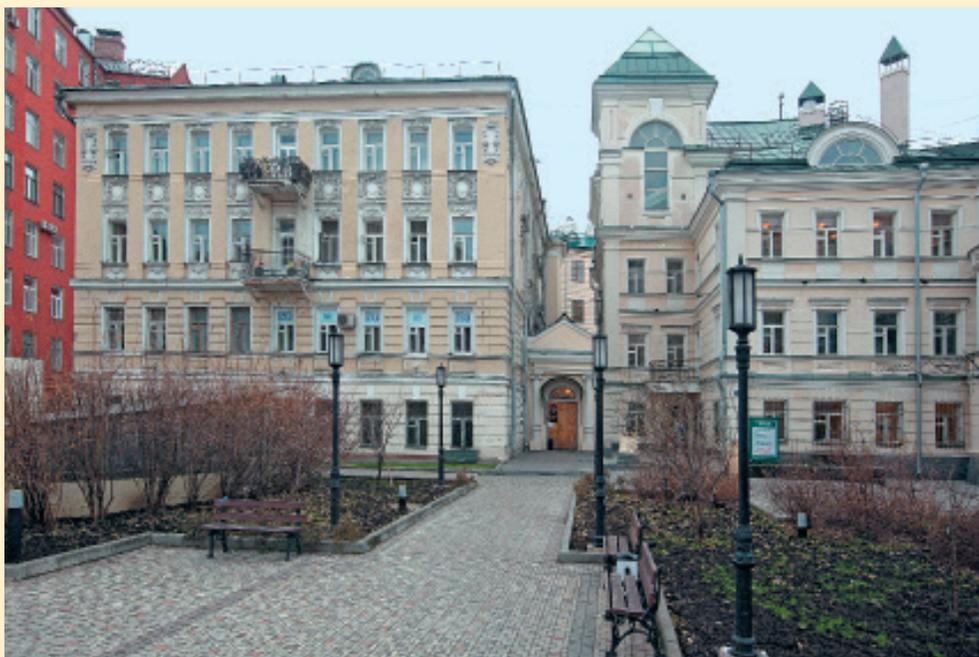
Проверки, проводившиеся Палатой, выявили серьезные нарушения в работе некоторых нотариусов. В отношении двух нотариусов были подготовлены материалы в суд о прекращении полномочий, а в отношении одного иск уже находился в суде.

Кроме этих болезненных вопросов на собрании обсуждались и важные вопросы международного сотрудничества. В.С. Репин доложил о подписании соглашения с нотариусами Варшавы и Парижа, о том, что готовятся к подписанию соглашения с Римом, Кельном, Мадридом и что уже в 1994 г. начнутся зарубежные стажировки московских нотариусов. Репин также проинформировал, что решен вопрос о проведении российско-итальянского симпозиума, на котором Московская палата будет

достойно представлена. Активно велась работа по вступлению молодого российского небюджетного нотариата в Международный Союз Латинского Нотариата.

1994 г. знаменателен еще и тем, что был сформирован аппарат МГНП и ФНП, в том числе и методическая служба, руководил которой С.В. Огнев. Фактически это была не просто единая команда, обслуживающая две палаты, а единый орган. Репин со Скурлатовым также работали в тандеме, не деля проблемы на свои и чужие. Обширный круг вопросов, не ограничивающийся вопросами финансово-хозяйственной деятельности, приходилось решать дирекции. Ей приходилось заниматься вопросами межрегионального и международного сотрудничества, повышения уровня профессиональной подготовки нотариусов, организации профессионального контроля и прочими вопросами деятельности Палаты. Весь этот комплекс вопросов составлял круг обязанностей последовательно сменявших друг друга исполнительных директоров: Александра Ивановича Алферова, Анатолия Васильевича Бизякина, Владимира Сергеевича Игонина и Юрия Васильевича Иутина. Системы комиссий, существующих в настоящее время во всех нотариальных палатах, тогда еще не было.

В связи с избранием Репина Президентом Федеральной нотариальной палаты он попросил освободить его от должности Президента МГНП и предложил вместо себя избрать А.В. Скурлатова. Кандидатура Скурлатова предварительно обсуждалась на Правлении и была одобрена. Проголосовали по кандидатуре Скурлатова нотариусы единогласно. На собрании также

С 1995 г. МГНП работает в доме 6 в Бобровом переулке

приняли решение об увеличении числа членов Правления Палаты с девяти до двенадцати человек и избрали ревизионную комиссию из шести человек.

К началу 1995 г. удалось окончательно решить вопрос о передаче в аренду всего здания по адресу Бобров пер., дом 6, строение 3. Большая организационная работа по согласованию с городскими властями вопросов передачи помещения была проделана первым исполнительным директором Палаты Александром Ивановичем Алферовым, перешедшим в феврале 1995 г. на частную нотариальную практику. Договор аренды от имени МГНП подписал уже сменивший А.И. Алферова новый исполнительный директор А.В. Бизякин.

Помещение, переданное в аренду, находилось в ужасном состоянии и требовало серьезного ремонта: из дыр в полу можно было смотреть на коллег, работавших на нижнем этаже, даже обменяться с ними репликами, а потолок второго этажа и вовсе приходилось подпирать бревнами, чтобы избежать его обрушения. Зинаида Алексеевна Ломоносова, до перехода на частную практику возглавлявшая Первую государственную нотариальную контору, находившуюся в том же здании, рассказывала, что в ее рабочем кабинете любила располагаться на ночлег здоровенная крыса. Это приводило в ужас сотрудников.

Начался капитальный ремонт, продолжавшийся несколько лет. Практически это было строительство нового дома для Палаты. Пришлось менять все: лестничные марши, несущие конструкции, межэтажные перекрытия, систему водоснабжения и прочие коммуникации, не говоря уже об отделочных работах. По мере производства ремонтных работ люди пере-

Прием России в члены Международного Союза Латинского Нотариата на XXI Конгрессе МСЛН. Слева направо: нотариус г. Москвы А. И. Алферов, Президент ФНП В. С. Ретин, нотариус г. Рима А. Йемма, исполнительный директор МГНП А. В. Бизякин (Берлин, май 1995 г.)

бирались из комнаты в комнату, заседания Правления приходилось иногда проводить на чердаке. Вся эта работа легла на плечи заместителя исполнительного директора Андрея Владимирович Тяхта, который с этой задачей блестяще справился.

24 февраля 1995 г. состоялось общее собрание МГНП уже под председательством А. В. Скурлатова. Число нотариусов на этот момент составляло 367 человек. В центре внимания оставались все те же вопросы: организация работы архива, аренда помещений частными нотариусами и др.

Правление доложило также, что его члены и работники методического отдела Палаты принимали активное участие в разработке законопроекта о переходе российского нотариата на единую организационную основу в виде свободного нотариата. Несмотря на то что текст законопроекта был согласован с Минюстом, Советом Федерации и с региональными палатами, все же были опасения относительно его дальнейшей судьбы. Поэтому собрание рекомендовало Правлению для подстраховки усилить работу на уровне Москвы по совершенствованию законодательства, регулирующего нотариальную деятельность московских нотариусов. Было также рекомендовано усилить работу с органами, регистрирующими сделки с недвижимостью, а также с органами, осуществляющими оформление имущественных прав граждан.

В начале 1995 г. произошло знаменательное событие: 27 апреля в Берлине на Ассамблее нотариатов – членов Международного Союза Латинс-

кого Нотариата Федеральная нотариальная палата была признана официальной организацией, представляющей российский нотариат, и принята в члены Союза со всеми правами и привилегиями. Самой многочисленной в составе делегации нотариусов России (более 29 человек) была группа нотариусов Москвы. Знамя Российской Федерации в зал, где проходила церемония, внес Президент ФНП Виктор Сергеевич Репин. Данное событие имело не только международный резонанс, но и внутривластическое значение. Признание нотариата России авторитетным международным юридическим сообществом создавало определенные гарантии необратимости процесса формирования в России свободного нотариата.

Законопроектная работа 1994 – 1995 гг.

Об этом эпизоде в истории нотариата следует поговорить особо, тем более что и теперь о нем продолжают спорить. К тому же он довольно серьезно повлиял на дальнейшие события, произошедшие в жизни самой Московской городской нотариальной палаты и стал во многом точкой окончательного расхождения во взглядах некогда единой команды, работавшей над Основами.

Работа над проектом закона «О внесении изменений и дополнений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» велась в основном силами методического отдела Палаты (С. В. Огнев, В. А. Бочковенко) при участии А. В. Скурлатова и под руководством В. С. Репина. Большую помощь в работе оказывали и другие московские нотариусы.

Данный законопроект в качестве первоочередной задачи ставил переход всех нотариусов страны на единую организационную основу – на частную практику, упразднение государственных нотариальных контор. Единая организационная основа деятельности давала возможность четко определить правовой статус нотариуса как уполномоченного государством лица с делегированными полномочиями, устранив саму возможность отождествления нотариусов с предпринимателями, установить четкий порядок финансирования деятельности через нотариальный тариф, а не государственную пошлину, снять болезненный вопрос с оформлением наследственных прав.

10 февраля 1995 г. проект закона был внесен в Государственную Думу Советом Федерации. Активную поддержку законопроекту оказала Елена Борисовна Мизулина, тогда – член Совета Федерации Федерального Собрания и заместитель председателя Комитета СФ по конституционному законодательству и судебно-правовой реформе.

Первоначально планировалось подготовить новую редакцию Основ, и эта версия документа представляла из себя объемный многостраничный документ, состоящий из общей и особенной частей. Однако в ходе проработки текста в министерских кабинетах, а потом и в комитетах Госдумы, где у законопроекта было немало противников, проект становился все тоньше и тоньше, стал наполняться отсылочными нормами. Текст законопроекта приходилось постоянно править, исключать из него радикальные по тем временам новеллы, например такие, как о приостановлении полномочий

нотариуса, о праве нотариусов выдвигаться в депутаты законодательных собраний. Об отвергнутых предложениях законопроекта Репин говорил как о нормах, для принятия которых еще не настало время, не созрело понимание депутатов, но которые рано или поздно будут востребованы и приняты.

После длительных споров и дискуссий было принято болезненное решение отказаться от полной переработки Основ – ее новой редакции, исключить из проекта Особенную часть, т. е. существенно сузить рамки законопроекта, ограничившись только внесением изменений в Основы. Что касается главной цели законопроекта – перехода нотариата на единую организационную основу деятельности, то ее удалось отстоять и достичь понимания и в депутатском корпусе. Главный аргумент был очень прост, но доходчив и понятен для депутатов и чиновников – это освобождение бюджета от лишнего финансового бремени, содержания малоэффективных государственных нотариальных контор. С этим соглашались все.

В таком крайне усеченном виде проект закона «О внесении изменений...» 14 апреля был принят Государственной Думой в первом чтении. Однако 18 мая в адрес Председателя Госдумы И. П. Рыбкина направляется Заключение Президента Российской Федерации на законопроект, содержащее 11 замечаний, касающихся в основном организации контроля со стороны органов юстиции и доступа к профессии нотариуса: и назначение на должность нотариуса, и контроль над деятельностью нотариусов должны, по мысли Президента, осуществлять только органы юстиции. Даже кандидатура помощника нотариуса, по мысли Президента, должна утверждаться органом юстиции, а не нотариальной палатой, как это предусматривалось в законопроекте.

Одно из замечаний, содержащихся в Заключении Президента, было абсолютно неприемлемым. Это особенно понятно сегодня, в наши дни. Замечание касалось ключевого вопроса – членства в нотариальной палате (пункт 9 Заключения), и поэтому имеет смысл привести это замечание дословно:

«9. Федеральная нотариальная палата является общественным некоммерческим объединением. На нее распространяется действие как статьи 30 Конституции Российской Федерации, так и законодательство об общественных объединениях. В этом свете часть первая статьи 29 Основ об обязательном членстве в Федеральной нотариальной палате нотариальных палат субъектов Российской Федерации противоречит части второй статьи 30 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает норму о том, что никто не может быть принужден к вступлению в какое-либо объединение или пребыванию в нем. Эта норма действует в равной мере в отношении любых членов общественных объединений, как индивидуальных, так и коллективных. Статья 29 Основ противоречит статье 15 Федерального закона «Об общественных объединениях», в которой закрепляется принцип добровольности членства в объединениях. Указанная статья Основ противоречит также ряду актов международного права, регламентирующих право на объединение, в том числе: Всеобщей декларации прав человека, международному пакту о гражданских и

политических правах, Конвенции МОТ № 87 «О свободе ассоциации и защите права на организацию» и № 58 «О применении принципов права на организацию и проведение коллективных переговоров». Все они закрепляют принцип добровольности членства в общественных объединениях. При этом необходимо исходить из положения части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, объявляющей, что эти принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются частью ее правовой системы. В связи с изложенным предлагается из новой редакции части первой статьи 29 исключить слова: «основанное на их обязательном членстве». Это же замечание касается новой редакции части второй статьи 2 проекта. Предлагается из новой редакции статьи 2 часть вторую исключить».

Больших трудов стоило добиться понимания депутатов в том, что принцип добровольности членства как нотариусов в нотариальных палатах, так последних в ФНП не может быть положен в основу организации нотариата в силу специфики деятельности нотариусов как уполномоченных государством лиц и действующих от его имени, что Международный Союз Латинского Нотариата организован именно на этих принципах. И 6 октября 1995 г. Госдума принимает закон уже в окончательной редакции. По сути, все основные замечания, содержащиеся в Заключении Президента и предлагавшиеся в нем поправки Государственная Дума отвергла.

Однако 25 октября Совет Федерации отклоняет принятый закон (постановление № 645-1 СФ) «ввиду неприемлемости отдельных его положений». Государственной Думе предлагается создать согласительную комиссию. В качестве сопредседателя от Совета Федерации в эту комиссию направляется Е. Б. Мизулина, которая в течение двух недель должна была собрать и обобщить предложения депутатов Совета Федерации для их обсуждения в согласительной комиссии. Однако Государственная Дума предпочитает действовать иначе, она 10 ноября 1995 г. постановлением № 1286-1-ГД преодолевает вето Совета Федерации, и уже принятый закон направляется на подпись Президенту России.

Но 27 ноября 1995 г. закон возвращается Президентом России (письмо № Пр-1711 на имя Председателя Госдумы) в Государственную Думу «для повторного рассмотрения». Характер возражений, однако, несколько меняется, смещаются акценты, смягчаются тон документа и категоричность его суждений: «Представляется, что предусмотренный Федеральным законом порядок создания нотариальных палат как общественных объединений, выражающих профессиональные интересы, а также порядок осуществления нотариальными палатами полномочий не в полной мере соответствует статье 30 Конституции Российской Федерации». Появляются и новые возражения. Первое касается дисциплинарной ответственности нотариуса: «Дисциплинарная ответственность нотариуса неприемлема, поскольку дисциплинарная ответственность может быть установлена только в трудовых правоотношениях». Второе касается самого названия закона. Президент указывает, что Конституция не предусматривает такой формы нормативного правового акта, как «Основы законодательства Российской Федерации», и предлагает привести название закона в соответствие с Кон-

ституцией. Президент также отмечает, что остаются неясными механизмы совместного контроля деятельности нотариусов нотариальной палатой и органом юстиции. Президент полагает, что «государственный контроль должен осуществлять соответствующий орган, а не некоммерческая организация, выражающая профессиональные интересы, которая по своей сути представляет собой не что иное как профессиональное объединение». Законопроект в целом требует серьезного пересмотра в сторону усиления контроля со стороны органов юстиции за всеми сторонами нотариальной деятельности. Как мы видим, пусть и в более мягкой форме, но вето Президента имело все ту же линию, что и его Заключение — линию на государственный контроль над нотариатом. Надо сказать, что и Заключение и вето говорили также о серьезной озабоченности Президента судьбой наследственных прав граждан при ликвидации государственных нотариальных контор.

Очень возможно, что законопроект стал заложником тех непростых отношений между Думой и Президентом, которые сложились в 1995 г.: в преддверии выборов Дума продемонстрировала свою оппозиционность теряющему популярность Президенту, а Президент изо всех сил стремился показать, что он все еще хозяин положения.

Теперь, по прошествии времени, очевидна несостоятельность утверждения о возможности добровольного членства нотариусов в нотариальной палате. Истина в итоге возобладала, точку в этом вопросе поставил Конституционный суд России, но это произошло гораздо позже — в 1999 году. А двумя годами раньше, 2 сентября 1997 г., законопроект был снят с рассмотрения Советом ГД ФС РФ (Протокол № 94, п. 90), поскольку с 1996 г. Репин уже не являлся Президентом ФНП и дорабатывать закон стало просто некому.

Известно, что Анатолий Иванович Тихенко в принципе был против принятия «поправок» в Основы и считал необходимым работать над новым законом. Поэтому он отказался участвовать в работе над «поправками» в Основы. К тому же его не устраивало многое в законопроекте и самой его концепции. Он был против содержащейся в нем нормы о праве нотариусов избираться в законодательные органы государственной власти при одновременном сохранении за ними должности нотариуса, считал нецелесообразным участие нотариусов в политике и опасался политизации нотариата, поскольку нотариус должен сохранять полную независимость и объективность в своей деятельности. В отношении оформления наследственных прав Тихенко придерживался той точки зрения, что, как и в других странах системы латинского нотариата, этим вопросом должны заниматься суды, а не частнопрактикующие нотариусы.

Дальнейшая судьба законопроекта «О внесении изменений...» решилась на совещании у министра юстиции РФ С.В. Степашина, на котором присутствовали Президент ФНП А.И. Тихенко, Президент МГНП Г.Г. Черемных, заместитель министра юстиции Ю.М. Степанов, а также сотрудники соответствующего управления Минюста. В ходе совещания Степашин опросил присутствующих, как они относятся к тому, чтобы продолжить

работу над законом с учетом замечаний Президента России. Черемных и другие участники совещания ответили согласием, а Тихенко возразил, сказав, что это будет стагнацией нотариата. В этой ситуации Степашин принял решение не продолжать работу над законопроектом.

Избрание А. И. Тихенко

Хотим мы того или нет, но без процессов, происходивших в ФНП, мы не поймем и процессов, происходивших в МГНП. На этом этапе становления нотариата две палаты были связаны как сиамские близнецы, и все проблемы, возникавшие в ФНП, сразу же превращались в проблемы МГНП, и наоборот.

Начало 1996 г. было бурным. Правление ФНП постоянно дискутировало о перспективах дальнейшего развития, при этом какого-то единства позиций не было. Высказывались мнения об ошибочности предложенного Репиным курса. Репин очень остро переживал неудачу с законопроектом, отклоненным Президентом, и практически перестал появляться в офисе ФНП.

Своего рода поворотным моментом в истории нотариата не только московского, но и российского стало собрание представителей нотариальных палат. Собрание проходило на арендованном судне, пришвартованном на зимнее время на Речном, поэтому оно получило название «собрание на барже».

26 января 1996 г. Президент страны подписал федеральный закон о введении в действие с 1 марта 1996 г. части второй Гражданского кодекса, в соответствии с которым норма об обязательном нотариальном удостоверении сделок с недвижимостью сохраняла свою силу только до принятия федерального закона о государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним. Понятно, что нотариальное сообщество находилось в тревожном ожидании относительно дальнейших перспектив своей работы. На повестке дня стояла реальная угроза замены нотариальной формы сделок ее государственной регистрацией. И хотя сам закон о государственной регистрации вступил в силу только в 1998 г., нотариусы сразу же после подписания Президентом указанного выше закона озадачились вечными российскими вопросами: «кто виноват» и «что делать»?

«Собрание на барже» началось с отчета Репина о проделанной работе. Начал он с поздравления нотариусов со вступлением нотариата России в Международный Союз Латинского Нотариата, затем перешел к анализу ситуации. В завершение своего выступления он попросил собрание освободить его от должности Президента ФНП и поставить вопрос о своей отставке на голосование.

Развернулась дискуссия, вопрос был поставлен на голосование, и дважды решение так и не было принято. Репин взял слово и заявил, что он, будучи доктором наук, лишен возможности заниматься научной деятельностью, что он больше просто не намерен работать, а заставить его исполнять обязанности Президента никто не вправе. После этого собрание утвердило

Анатолий Иванович Тихенко. Президент ФНП в 1996–2001 гг. Фото 2000 г.

решение об отставке и началась подготовка к тайному голосованию по выборам нового Президента.

Надо заметить, что в те годы Устав ФНП был достаточно демократичен и прост. В нем не содержалось положений, подобных существующей ныне процедуре избрания Президента и Правления ФНП: не было порядка выдвижения кандидатов и предвыборной кампании, квалификационных требований к кандидатам в Президенты, требований о квалифицированном большинстве голосов. Избранным на должность Президента ФНП мог стать любой нотариус, а не только президент нотариальной палаты.

Были выдвинуты три кандидата: Геннадий Григорьевич Черемных, Анатолий Иванович Тихенко и Анатолий Михайлович Степанов. Если выдвижение первых двух известных нотариусов, людей, принимавших непосредственное участие в принятии Основ законодательства РФ о нотариате, вопросов не вызвало, то кандидатура заместителя министра юстиции А. М. Степанова, а его предложил Репин, вызвала ропот в зале. Участники собрания попросили объяснений, каким образом на должность Президента ФНП может избираться государственный чиновник, не являющийся нотариусом, как это соответствует уставу ФНП, а главное — закону?

На эти вопросы Репиным и Степановым были даны комментарии, правда, не совсем убедительные. В частности, Репин объяснил, что Степанов —

это уважаемый человек, который имеет вес в органах государственной власти и способен принести огромную пользу нотариату, поскольку на любом уровне может решать важнейшие принципиальные вопросы. Кроме того, с ним имеется предварительная договоренность. А вопросы его статуса можно урегулировать, наделив полномочиями нотариуса в любой момент.

Степанов добавил, что он обдумал это решение, что у него имеется лицензия на право нотариальной деятельности, а остальные формальности можно легко уладить¹. После достаточно острых выступлений все же было принято решение о допуске кандидатуры А. М. Степанова к участию в выборах.

Черемных в своем выступлении обозначил актуальные проблемы, в том числе перспективы оформления сделок и необходимость выбора путей их решения. Он также выразил уверенность, что уход Репина в отставку не должен сказаться на уровне работы ФНП, поскольку есть и другие достойные кандидаты на пост Президента ФНП.

Затем слово взял Тихенко. Он заявил, что избранный Репиным курс ошибочен, приоритеты развития выбраны неправильно. По мнению Тихенко, необходимо сосредоточить усилия не на упразднении государственных нотариальных контор, а на сохранении действующих ставок государственной пошлины и нотариальной формы сделок с недвижимостью. Он заверил собрание, что в случае избрания его Президентом ФНП незамедлительно приступит к работе над законопроектами о нотариате, над подготовкой поправок в ГК и ряд других законов.

В результате тайного голосования победил Тихенко с небольшим перевесом голосов. За кандидатуру Степанова, как и следовало ожидать, проголосовали считанные единицы представителей нотариальных палат.

После «собрания на барже» произошли серьезные изменения практически по всем направлениям работы Федеральной нотариальной палаты. Тихенко начал кардинальное переустройство не только аппарата, но и всей организационной структуры ФНП. Сотрудники основных отделов аппарата ФНП, приглашенные на работу еще Репиным, в основном перешли в штат МГНП. Произошло окончательное разделение на москвичей и федералов.

Федеральная нотариальная палата постепенно стала представлять собой систему комиссий, подчиненных Правлению. Позднее система ФНП приросла учрежденными ею дочерними организациями – фондами. Эта структура с тех пор практически не изменилась.

Вместе с тем организационная перестройка ФНП пошла в какой-то мере на пользу и МГНП, ее аппарат приобрел упорядоченный вид и мог полностью сосредоточиться на проблемах московского нотариата. По наиболее значимым вопросам правоприменения стали практиковаться совместные семинары и совещания с представителями науки, городских служб, прежде всего со специалистами Департамента муниципального жилья и Управления юстиции. Встречи с ведущими правоведами страны, в

¹ Строго говоря, наличия лицензии было бы совершенно не достаточно, так как по закону требовалось пройти годичную стажировку и сдать квалификационный экзамен (ст. 2 Основ).

частности с А. Л. Маковским, доводились до нотариусов в виде стенограмм, изданных специальными выпусками бюллетеня нормативных и информационных материалов.

Шла активная работа по подготовке постановления Правительства Москвы, которым предусматривался целый комплекс мер по укреплению нотариата в городе. Работа увенчалась успехом. Постановление «О мерах по развитию и укреплению нотариата Москвы» за № 258 вышло в марте 1996 г. Наряду со многими важными решениями организационного характера оно предусматривало также и разработку закона Москвы о нотариате, который, однако, появился на свет только через десять лет.

После совещания у С. В. Степашина все же был подготовлен, по сути, новый проект федерального закона «Об изменении Основ законодательства РФ о нотариате». За № 96700078-2 этот законопроект вносится 24 апреля 1996 г. в Государственную Думу. Законопроект, который условно назывался законопроектом ФНП, на самом деле был по решению Совета Думы подготовлен Комитетом по законодательству. Его автором считался депутат В. В. Гребенников. Вот что об этом законопроекте на общем собрании ФНП в Кисловодске сказал Тихенко: «Закон, который подготовлен Комитетом по законодательству, и был законом, который мы условно называли законом ФНП, ...был передан в Комитет по законодательству, а точнее вообще никуда не передавался, потому что этот проект закона готовился представителями Комитета по законодательству, т. е. заместителем председателя Комитета по законодательству В. В. Гребенниковым с участием двух представителей Министерства юстиции, двух представителей ФНП и одного технического работника Комитета по законодательству».

Представление о нем можно получить из пояснительной записки к этому проекту: «Необходимость внесения изменений и дополнений в законодательство о нотариате назрела давно. Она обусловлена не только требованием усиления степени защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц в связи со становлением рынка недвижимости и накопленным опытом в сфере экономической деятельности всех субъектов предпринимательских отношений, но и вступлением Российской Федерации в Международный Союз Латинского Нотариата и члены Европейского Совета».

В пояснительной записке сказано, что прежний состав Государственной Думы уже рассматривал и принял Закон «О внесении изменений и дополнений в Основы законодательства Российской Федерации о нотариате», но на него было наложено вето Президента. В силу того, что «с тех пор отношения в сфере нотариальной деятельности подверглись существенным изменениям. Поэтому было принято решение о нецелесообразности преодоления вето Президента Российской Федерации... Было также решено идти не по пути отдельных поправок, а подготовить новую редакцию Закона».

В пояснительной записке утверждалось также, что «представленный проект Федерального закона “Об изменении Основ законодательства Российской Федерации о нотариате” доработан с учетом всех замечаний Президента Российской Федерации от 27.11.95 № Пр-1711». Это утверждение вызывает определенные сомнения, так как «все замечания» принять было

просто невозможно, ряд из них напрямую противоречил самому смыслу латинского нотариата. По большому счету из вето Президента было принято только несколько возражений. В первую очередь было изменено название: «Основы законодательства...» теперь стали именоваться «Федеральным законом о нотариате в Российской Федерации».

В записке также сказано, что основными положениями новой редакции являются:

1. Предлагается механизм постепенного перехода к системе единого нотариата в Российской Федерации.

2. Усиление роли государственного контроля за осуществлением нотариальной деятельности в лице Министерства юстиции Российской Федерации и органов юстиции субъектов Российской Федерации.

3. Предусматривается повышение степени ответственности каждого нотариуса.

4. Наряду с усилением контроля со стороны государства предусматривается контроль Федеральной нотариальной палаты и нотариальных палат субъектов Российской Федерации за правильностью совершения нотариальных действий и выполнением членских обязанностей нотариусами.

5. Вводится новый статус нотариальной палаты, являющейся некоммерческой организацией, с обязательным членством нотариусов в целях защиты прав и законных интересов физических и юридических лиц.

В целом же проект, даже с точки зрения количества статей, не намного отличался от действующих Основ.

Так что же это был за законопроект, и какое отношение он имел к так называемому «проекту Тихенко», или «закону Тихенко»? Прояснить этот вопрос помогла Надежда Васильевна Сучкова, один из ближайших соратников Тихенко и разработчиков «его закона». У нее сохранились большая часть архива, связанного с этой работой, а также копии протоколов общих собраний и заседаний Правления того периода. Она сказала, что после избрания Тихенко на должность Президента ФНП он срочно собрал группу по подготовке закона о нотариате. В группу вошли: А. И. Тихенко, М. М. Фортин, Н. В. Сучкова, несколько позднее к ней присоединился Н. Ф. Шарафетдинов. Группа менее чем за два месяца подготовила проект закона. Данный законопроект был не только обстоятельным, но и исключительно новаторским. Вот что о нем позднее писал Шарафетдинов: «В предельно сжатые сроки (около двух месяцев) подготовлен качественно новый проект закона, соответствующий по форме и содержанию всем установленным стандартам полноценного федерального закона (проект А. И. Тихенко). Коренным образом изменены и общая, и особенная части. Законопроект содержит предложения по усовершенствованию взаимодействия органов государственной власти и нотариата. В нем конкретизируется порядок взаимодействия органов юстиции и нотариальных палат всех уровней, предусматривается переход нотариата на единую организационную систему нотариата латинского типа, вводятся объективные критерии определения количества нотариусов в нотариальном округе: их число устанавливается в зависимости от численности населения, проживающего на территории соответствующего

нотариального округа, уровня экономического развития региона и количества предприятий и организаций в округе, количества нотариальных действий, совершенных в предшествующий период. Проведена большая работа по уточнению всего понятийного аппарата: определены статус нотариуса как публичного должностного лица, статус нотариальной палаты как особой формы некоммерческих организаций, основанной на обязательном членстве нотариусов, предлагается введение нотариального партнерства. Предусмотрена особая доказательственная сила нотариального акта. Расширены полномочия нотариусов, в том числе установлены обязательная нотариальная форма всех сделок с недвижимостью, а также обязательное нотариальное удостоверение договоров об учреждении юридических лиц. Подробно разработаны правила совершения всех нотариальных действий. Предлагается новая система тарификации нотариальных действий»¹.

«Проект Тихенко», по словам Н. В. Сучковой, в начале апреля 1996 г. был готов и стал распространяться как среди региональных палат, так и среди депутатов Государственной Думы. С ним могли ознакомиться все, кто только хотел.

Проект закона № 96700078-2, который был представлен Гребенниковым 24 апреля, во многом являлся компиляцией закона Репина, который был взят в качестве основы, и обширных заимствований из «проекта Тихенко». Законопроект Гребенникова постоянно дорабатывался, пополнялся, причем источником для его пополнения служил, как правило, «проект Тихенко».

Законопроект Гребенникова был вынесен на обсуждение собраний региональных нотариальных палат, собрания Федеральной нотариальной палаты. Он также был рассмотрен Комитетом по законодательству и судебно-правовой реформе Государственной Думы РФ, а Совет Государственной Думы принял решение о направлении его в Высшие суды, Администрацию Президента, министерства и в ведущие научные учреждения.

Однако до слушаний в Госдуме законопроект так и не дошел, хотя долгое время там находился, и был снят с рассмотрения только 20 октября 2005 г. в связи с отзывом его автором — депутатом Государственной Думы В. В. Гребенниковым (протокол Совета Государственной Думы № 115).

Проволочки с законопроектом тормозили всю законотворческую деятельность ФНП. Однако это не отразилось на организации работы внутри самого нотариального сообщества и на международном сотрудничестве ФНП.

Большое внимание стало уделяться пропаганде свободного нотариата в средствах массовой информации. Так, в 1996 г. на ОРТ выходит программа «Если», в которой ведущий Владимир Познер представил экспертов: нотариусов Анатолия Тихенко и Алексея Сафонова, главу Московской адвокатской палаты Юрия Костанова и судью Мосгорсуда Ольгу Егорову. Тема передачи, озаглавленной «Если нотариус допустил ошибку», была выбрана не случайно. Она позволяла наглядно, на конкретных примерах показать преимуще-

¹ Шарафетдинов Н. Ф. Закономерности и стратегия развития нотариального сообщества // Нотариальный вестник. 2011. № 3.

тва свободного нотариата перед государственным. Это было особенно важно, так как в массовом сознании все еще доминировали представления обо всем государственном как о более надежном. Была затронута также тема преимуществ для граждан нотариальной формы сделок с недвижимостью. Особый интерес в студии вызвали вопросы о гарантиях для граждан в случае, если нотариус совершает ошибку, и о механизмах компенсации ущерба и морального вреда. Успех передачи во многом был связан с блестящей «работой» в студии А. И. Тихенко. Точные и доходчивые аргументы, безупречная логика, умение выделить главное и безусловное личное обаяние – все это запомнилось зрителям. Тихенко не уходил даже от самых острых вопросов, более того, он намеренно обострял их постановку. Это касалось и «сверхдоходов» нотариусов, и фактов коррупции в их среде. Передача о нотариате, которая руководству ОРТ поначалу казалась рискованной с точки зрения ее вероятных рейтингов, побила все рекорды: ее посмотрели 42 млн телезрителей. Как одна из наиболее рейтинговых по итогам «телевизионного года» передача была еще дважды показана во время летних повторов. Ее совокупная аудитория приблизилась к 100 млн человек.

Если у населения понимание значения института свободного нотариата, а вероятно, и доверие к нему росли, то недоверие к нему со стороны властных структур, желание как-то ущемить нотариусов усиливались. Размеры государственной пошлины за совершение нотариальных действий продолжали свое неуклонное снижение, а с 1 января 1998 г. вступил в силу Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», окончательно упразднивший обязательную нотариальную форму сделок с недвижимостью. Нишу нотариусов стали постепенно занимать риэлторские компании. Обязательная нотариальная форма ипотеки просуществовала дольше – до конца 2004 г.

Избрание Г. Г. Черемных

Для Московской городской нотариальной палаты в тот период главной болевой точкой продолжала оставаться проблема ведения наследственных дел. Она встала в полный рост и перед московскими нотариусами, и перед Управлением юстиции Москвы, которое с 1994 г. возглавил Борис Сергеевич Салюков.

В нарушение достигнутых договоренностей об общей численности нотариусов в Москве Управление стало постоянно «восстанавливать» необходимое число государственных нотариусов. Мотивация была такова: во-первых, происходит постоянный переход государственных нотариусов в частные, а во-вторых, прежнее руководство Управления, мол, неправильно посчитало необходимое число государственных нотариусов. Ситуация сложилась патовая: происходил численный рост нотариусов в Москве, тогда как проблема ведения наследственных дел не решалась.

Как вспоминает Черемных, Управление юстиции Москвы издает приказ о наделении ряда частнопрактикующих нотариусов правом оформления наследственных прав граждан. Однако руководство МГНП, не согласив-

шись с таким решением, обращается в Государственно-правовое управление Мэрии Москвы в связи с нарушением статьи 36 Основ. Обращение поддерживается, и Управление юстиции вынуждено этот приказ отменить.

Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что отсутствовал порядок определения количества должностей нотариусов в нотариальных округах. Приказ министра юстиции РФ по данному вопросу был подписан только через 12 лет, после того как в 2006 г. были внесены поправки в Основы, прямо предписывающие принятие такого порядка Минюстом и ФНП. А в те годы отсутствие нормального правового регулирования развязывало руки Управлению в бесконтрольном увеличении численности нотариусов в государственных нотариальных конторах. Нельзя не сказать и о том, что государственные нотариальные конторы стали обрастать коммерческими структурами, специализирующимися на изготовлении проектов документов для их последующего нотариального удостоверения нотариусами государственных нотариальных контор. Практически применялась та самая система хозрасчетного госнотариата, которая в свое время дала толчок для разработки Основ. Только теперь эта система становится средством зарабатывания денег для госструктур и коммерсантов на так называемом свободном рынке юридических услуг.

Отчетно-выборное собрание МГНП, второе за историю Палаты, состоялось 20 июня 1996 г. В качестве приглашенных гостей в работе принимают участие многочисленные представители Минюста РФ и Управления юстиции по Москве, представители московской прокуратуры, прессы, а также семи региональных палат и ФНП.

Собрание вышло довольно бурным, хотя сама повестка дня, если не считать выборов Президента и Правления, не предвещала особых баталий. Однако именно выборы стали катализатором принципиального разговора по всем накопившимся проблемам: целевые взносы, архивное дело, численность нотариусов и проблема ведения наследственных дел.

Были и внешние причины, накалявшие общую атмосферу собрания, — вступила в силу часть вторая Гражданского кодекса РФ, которая сделала обязательной нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью. В это же время Комитет по бюджету Государственной Думы, рассматривая закон о госпошлине, предложил их резкое снижение.

Анализу вопроса с наследственными делами во многом было посвящено выступление Т.И. Сопиной. По ее мнению, большим просчетом в работе МГНП является тот факт, что частнопрактикующие нотариусы так и не начали вести наследственные дела. Эти дела — действительно сложные и требуют высокой квалификации, поэтому не всякий молодой нотариус может их вести, но научиться этому не только можно, но и нужно. В противном случае Управление юстиции вынуждено будет идти на контрмеры, и чиновников можно в этом понять. Т.И. Сопину всецело поддержал Репин. Он вновь высказал свои сожаления, что закон о едином нотариате так и не принят, при этом подчеркнул, что нет альтернативы ведению наследственных дел частнопрактикующими нотариусами и настало время окончательно этот вопрос решить.

Репин высказал следующее предложение: поскольку пока нет возможности решить этот вопрос на уровне федеральном, необходимо внести проект закона о нотариате Москвы, где точно установить порядок определения численности нотариусов, и при этом передать ведение наследственных дел частнопрактикующим нотариусам.

Эти предложения встретили возражения Тихенко, который высказался категорически против того, чтобы нотариусы работали не по закону, в котором четко определяется компетенция по наследственным делам. Поэтому вопрос должен сначала быть решен на законодательном уровне, тем более что Уголовный кодекс вводит уголовную ответственность для нотариусов за нарушение закона. При этом он сделал оговорку, что приказать или запретить независимому нотариусу никто не может, и если нотариус считает, что вправе оформлять наследственные дела, то пусть оформляет под свою ответственность.

В связи со сложившейся ситуацией начальник Управления юстиции Москвы Салюков разъяснил позицию своего ведомства. С его слов, он также придерживается модели единого нотариата на основе нотариата свободного, именно за ним он видит будущее. Однако вопреки своим убеждениям он вынужден постоянно возрождать нотариат государственный. Управление, по его словам, отвечает за то, чтобы москвичи были всесторонне обеспечены нотариальной помощью. По существу, он прямо упрекнул руководство Палаты. По мере перехода государственных нотариусов на частную практику сокращается число нотариусов, ведущих наследственные дела, а МГНП в лице своего Правления отказывается поддержать законодательную инициативу о внесении изменений в Основы. Московская городская Дума уже была готова выступить с законодательной инициативой о внесении соответствующих изменений в закон, но именно Палата торпедировала эту инициативу.

В этой связи, в категоричной форме заявил Салюков, количество должностей нотариусов государственных нотариальных контор будет определяться независимо от мнения нотариальной палаты, т. к. главным критерием в этом вопросе будет только один – это создание надлежащих условий для оформления наследственных прав граждан.

Тихенко разъяснил свою позицию по данному вопросу, высказавшись в том плане, что нельзя по модели, удобной для Москвы, строить законодательство, которое будет применяться для всей страны. Вопрос не в том, чтобы латать старый закон, а в том, чтобы разработать новый, в котором бы четко были определены все вопросы переходного периода, как из государственных контор нотариусы должны перейти в частные без негативных последствий для института нотариата и для правовой защищенности граждан. Только так, на основе закона, можно и нужно решить вопрос о едином нотариате.

В такой напряженной атмосфере проходили выборы Президента и Правления Палаты. На должность Президента баллотировались несколько человек, а после самоотводов остались три кандидата: А. В. Сафонов, А. В. Скурлатов и Г. Г. Черемных. По результатам тайного голосования из 274 голосов подавляющее большинство – 197 было отдано Г. Г. Черемных.

При обсуждении кандидатов в его пользу прозвучало несколько важных аргументов, среди них такой: именно Черемных, и только он, сможет наладить работу с Министерством юстиции РФ и Управлением юстиции Москвы, поскольку сам долгое время работал в должности заместителя министра юстиции.

Черемных изложил свое видение решения проблем московских нотариусов и при этом не согласился с позицией Тихенко. Москва, заявил Черемных, — это субъект Российской Федерации и вправе решать свои проблемы самостоятельно. Соответственно и московский нотариат имеет право решать свои проблемы, не оглядываясь каждый раз на позицию ФНП. Если модель Москвы, по словам Тихенко, нельзя распространять на Россию, то верно и обратное, а это значит, что есть чисто московские проблемы, которые могут быть решены только самой Москвой. Поэтому на повестке дня стоит вопрос о московском законе о нотариате.

Черемных высказался также против бюрократизации работы органов управления Палаты. Лучшее средство против бюрократизации, по его мнению, — это работа на общественных началах, то есть совмещение повседневной работы нотариуса и общественной работы в Палате. В речи Черемных прозвучал тезис о том, что действующее законодательство позволяет частнопрактикующим нотариусам самостоятельно достойно зарабатывать. Во время отсутствия нотариуса, избранного в органы управления нотариальной палаты, его обязанности исполняются замещающим лицом, нотариальная контора работает непрерывно, а значит — приносит доход. Поэтому выплата вознаграждения за выполнение общественных обязанностей дискредитирует самого нотариуса и институт нотариата в целом. В этой связи нотариусы, выдвигающие свои кандидатуры на выборные должности, и прежде всего Президент Палаты, должны руководствоваться не меркантильными соображениями, а иметь иные побудительные мотивы, главный из которых — это стремление решать проблемные и текущие вопросы, причем бескорыстно.

На собрании МГНП, состоявшемся через два месяца, 19 сентября 1996 г., были внесены изменения в Устав Палаты и утвержден бюджет на 1996 г. Практика, когда Палата по полгода жила без утвержденного бюджета, была не редкостью. Черемных решил ее пресечь, поэтому в самом начале 1997 г. (17 января) состоялось собрание Палаты, главной целью которого было утверждение бюджета на 1997 г.

Однако обсуждением бюджета дело не ограничилось. Черемных проинформировал собрание, что, не дожидаясь принятия федерального закона, Палата подготовила свой Закон о нотариате города Москвы. Этот проект в двух вариантах был передан на проработку в администрацию мэра Москвы Ю. М. Лужкова. Черемных также обратил внимание нотариусов на то, что в Палате налажена учеба, и он рекомендовал нотариусам активнее посещать занятия, которые ведут опытнейшие московские нотариусы, а главное — посылать в обязательном порядке на них своих помощников.

Правление также подготовило проект положения «О фонде содействия нотариальной деятельности Московской нотариальной палаты» и

вынесло его на обсуждение общим собранием. В положении записано, что «основной целью фонда является содействие членам Палаты и оказание им материальной помощи при организации и осуществлении нотариальной деятельности на основе принципов взаимной товарищеской взаимопомощи. Пенсионерам или бывшим членам Палаты, сложившим полномочия нотариусов по возрасту или болезни, Фонд оказывает социальную поддержку». По сути, целью Фонда содействия является создание страхового фонда на случай какой-либо нотариальной ошибки, или если что-то случится с нотариальной конторой, или в случае возникновения чего-то непредвиденного.

На этом собрании выступил Президент ФНП А. И. Тихенко. Он высказал свою точку зрения на те

опасные тенденции, которые имеют место и в нотариальном сообществе Москвы, и во властных структурах. Государственная Дума уже ограничила полномочия нотариусов в вопросах сделок с недвижимостью, теперь она обсуждает возможность ликвидации региональных палат и подчинение нотариусов напрямую управлениям юстиции в регионах. Эти тенденции возникли не на пустом месте, «поскольку некоторые нотариусы довольно сильно компрометируют институт частного нотариата».

Действительно, общественное мнение в отношении частнопрактикующих нотариусов не было благоприятным. Негативные публикации появлялись как в центральной, так и в региональной прессе. Цепь причинно-следственных связей между нарушениями нотариусов, публикациями в прессе, негативным общественным мнением и действиями законодателя необходимо было разрушать в каждом из этих звеньев и с каждым звеном работать, но начинать надо было с самих себя — с нотариусов.

Тихенко прекрасно понимал, что одним контролем и мерами дисциплинарного характера нотариата не оздоровишь и нормального сообщества не создашь, что это только один из аспектов, одно из направлений необходимой работы. Необходимость оздоровления, а в некоторых случаях и санация нотариата в качестве первых шагов, надо сказать, осознавалась многими. Тихенко же переживал это как свою личную задачу, как свою миссию. Он понимал, что на карту поставлена не только судьба нотариальных палат, но и самого института свободного нотариата, во многом его собственного детища. Это объясняет не только жесткую логику его суждений, но и их эмоцио-

*Геннадий Григорьевич Черемных.
Президент МГНП в 1997–1999 гг.*

нальность, а часто и резкость. Он видел, что многие нотариусы понимают свой интерес не только узко, но и просто убого, что они пилят сук, на котором сидят не только они, но и все остальные их коллеги. Его поражало также и то, насколько безразлично к этому относилось немалое число нотариусов.

Публикации в центральной прессе, может быть, и стгущают краски, но в основном они имеют под собой реальные факты. В Госдуме считают, что региональные палаты – это не тот орган, который в состоянии контролировать ситуацию в региональном сообществе нотариусов. Тихенко понимает, что причин таких много, и не все зависит от самих нотариусов, однако нотариусы со своей стороны должны сделать все возможное. Первое, что нужно сделать – усилить палаты, их контрольные функции. Для этого необходимо увеличить членские взносы, чтобы палата, которая работает на своих нотариусов, имела достаточные средства для этой работы. Не должно существовать такого положения вещей, когда «члены палаты были бы самыми богатыми людьми России, а палата была нищей»! Определенные средства должны пойти также и на создание при палатах контрольно-ревизионных управлений. Назвать их можно как угодно – ревизионные, экспертные, контрольные – это не важно. Важно, чтобы они могли профессионально проверять деятельность нотариусов. При этом данный орган должен состоять не из нотариусов, поскольку не дело нотариуса кого-то проверять, составлять справки и ходить по судам.

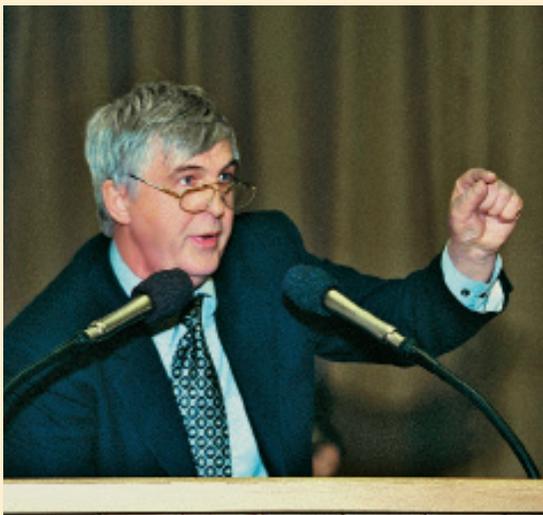
Однако время показало, что идея штатных ревизоров себя не оправдала: проверки профессиональных обязанностей нотариусов не смогли проводить люди, не обладающие профессиональными знаниями, а главное – практическим опытом работы в нотариальной конторе. Иными словами, профессионала должны все же проверять профессионалы, способные дать объективную и непредвзятую оценку работе своего коллеги. Такие проверки надо рассматривать в том числе и как проявление самоорганизации сложившейся корпорации.

Параллельная палата

Мы вплотную подошли к очень важному вопросу, надолго определившему жизнь московского нотариата. Несмотря на то что прошло уже более 15 лет с того события, и сейчас его отголоски порой слышны. Если проводить исторические параллели, то невольно напрашивается сравнение: период развития нотариата Москвы с 1997 по 1999 г. можно образно охарактеризовать как «смутное время» по аналогии с историей Государства российского начала XVII века.

5 марта 1997 г. нотариусами Л. Н. Ивановским, И. Л. Заграем, А. Э. Карнауховой, В. В. Ралько и В. Н. Орловым в Москве было учреждено общественное объединение – нотариальная палата НКО «Московская нотариальная палата», так называемая «параллельная», или «альтернативная» нотариальная палата. 12 июня 1997 г. Управление юстиции Москвы выдало свидетельство № 7731 о ее регистрации. Президентом этой второй нотариальной палаты в городе Москве стал Виктор Сергеевич Репин.

Впоследствии Репин объяснял причины создания этого объединения своими принципиальными расхождениями во взглядах на организацию работы небюджетного нотариата с МГНП и ФНП. Причем эти расхождения, подчеркивал Репин, касаются не сути нотариальной деятельности, а именно вопросов организации работы нотариусов со стороны нотариальной палаты. По его словам, она стала «жандармом для нотариусов».

В. С. Репин. Фото 2000 г.

В интервью журналу «Нотариус» Репин назвал и другие причины. Так, он считал, что конкуренция между нотариусами недопустима, но конкуренция между палатами вполне возможна, поэтому каждый нотариус должен иметь право быть в той палате, в которой ему комфортнее. Только такой подход обеспечит реализацию принципа «не нотариус для палаты, а палата для нотариуса». Аналогичная ситуация, мол, складывается и в адвокатуре. В обеих палатах их руководству придется думать не о чинах и рангах, а о людях, поскольку теперь нотариусы сами будут выбирать, в какой палате им быть. «Теперь нужен не кнут, а пряник».

К тому же, считал Репин, Основы приняты раньше Конституции России. А по Конституции никто не может быть принужден состоять в каком-либо объединении, Конституция не сделала исключений ни для каких объединений. Приоритет у Конституции. Следовательно, в соответствии с этим и нужно трактовать нормы, содержащиеся в Основых.

Резче всех, пожалуй, отреагировал на создание параллельной палаты Президент МГНП Г.Г. Черемных. Он опубликовал несколько статей и дал интервью ведущим юридическим изданиям, в которых заявил не только о незаконности этой палаты, но также обвинил органы юстиции в коррупции. Наибольший интерес представляет его статья «Параллельные нотариальные конторы – вне закона», опубликованная в «Российской юстиции» № 9 за 1997 г.

Правовая аргументация Геннадия Григорьевича заключалась в следующем.

Во-первых, Основами установлены особые публичные функции региональных палат, а это означает, что в каждом субъекте РФ может быть только одна нотариальная палата.

Во-вторых, при наличии двух и более палат у нотариуса появляется право выбора членства в нотариальной палате. Более того, если допустить, что палат может быть несколько, то у нотариуса возникает право вместе с дру-

гими нотариусами создать свою собственную палату. Но такого права закон нотариусам не предоставил.

Наконец, в-третьих, при наличии нескольких палат в регионе возможна миграция нотариусов из палаты в палату, в связи с чем невозможно осуществление контрольных функций и других публично-правовых полномочий, закрепленных в Основах.

Более того, он увидел в создании этой нотариальной палаты источник криминализации нотариата. Дело в том, что нотариусы – члены этой палаты в основном назначались сначала на должности государственных нотариусов и вскоре по их заявлениям переходили на частную практику и зачислялись в параллельную нотариальную палату. Без сговора, считает Черемных, между Репиным и руководством Управления юстиции Москвы такое было невозможно. При этом, считает Черемных, руководство Управления в лице Салюкова и Вишневого, да и Репин прекрасно понимали незаконность создания и регистрации параллельной палаты.

И все же нельзя сказать, что между двумя нотариальными палатами возникла непроходимая стена, контакты продолжались. Так, 4 февраля 1998 г. Управлением юстиции Москвы было зарегистрировано за № н/ую-56/98 трехстороннее Соглашение. Вот небольшой фрагмент его текста: «Управление юстиции г. Москвы, в лице начальника Управления юстиции, государственного советника юстиции 2 класса Салюкова Б. С., Московская городская нотариальная палата в лице Президента Палаты Черемных Г. Г., Московская нотариальная палата в лице Президента Палаты Репина В. С. согласились с установлением штатной численности нотариусов как государственных, так и занимающихся частной практикой, в количестве 650 человек». Инициатива заключения этого соглашения, поддержанная Правлением МГНП, исходила от Черемных, который опасался, что Управление юстиции и вторая нотариальная палата могут довести численность нотариусов в Москве до абсурдной величины. Данное соглашение на многие годы сняло эту проблему.

Практически одновременно с этим удалось добиться согласия Минюста России на упразднение в Москве государственных нотариальных контор. В этот же день, 4 февраля 1998 г., за подписью курирующего вопросы нотариата заместителя министра юстиции РФ Е. Сидоренко в Управление юстиции Москвы направляется письмо за № 09-88, которым министерство дает разрешение на упразднение государственных нотариальных контор в г. Москве.

Драматизм дальнейших событий наглядно демонстрирует ход собрания МГНП 6 апреля в 1998 г. По предложению Президента МГНП Черемных в состав рабочего президиума собрания были включены кроме членов Правления Палаты также Президент ФНП Тихенко и экс-Президент МГНП Скурлатов.

Началось собрание с вечного вопроса о взносах. Он всегда довольно остро дебатировался. Пожалуй, не было ни одного общего собрания, чтобы на нем не обсуждался, и весьма эмоционально, вопрос о взносах. Каждый из Президентов Палаты имел свое собственное представление об организации полномочий Палаты, какие средства необходимы для обеспечения

функций Палаты, а следовательно, — каков должен быть размер взносов. В конечном счете, после оживленной дискуссии было принято решение, что размер взносов составит 25 минимальных размеров оплаты труда (т. н. «минималок»). Насколько острыми были споры, видно из результатов голосования: «за» — 139, «воздержались» — 103, «против» — 27.

Однако не размер взносов составил главное содержание собрания. Хотя вопрос о параллельной палате даже не был включен в повестку дня, именно он стал главным. И в Московской городской, и в Федеральной палатах прекрасно понимали, что уже скоро этот вопрос станет принципиальным, и от того, как он решится, будет в дальнейшем зависеть судьба небюджетного нотариата, и не только московского.

Вот цитата из выступления Черемных:

«Правление МГНП... считает, что создание такой палаты (МНП) грубо нарушает нормы действующего законодательства о нотариате. Об этом мы неоднократно говорили на наших собраниях. Деятельность нотариусов, образовавших параллельную палату, однажды даже была осуждена. Сейчас этот вопрос является предметом рассмотрения в Конституционном суде. И от решения его зависит, как дальше будет строиться и развиваться нотариат. Если Конституционный суд признает, что обязательное членство в палате действительно противоречит статье 30 Конституции, тогда будет одна ситуация: не исключено, что при нашем в кавычках “единстве” может образоваться не только вторая, но и третья, и четвертая, и пятая, и сколько хотите нотариальных палат. Естественно, это будет путь, ведущий к гибели частного нотариата. Но возможен и второй вариант, что Конституционный суд признает, что обязательное членство не противоречит Конституции, и не только статье 55, но и статье 30. Кстати, по запросу Конституционного суда подготовлено соответствующее заключение Министерством юстиции и Генеральной прокуратурой Российской Федерации. В обоих этих заключениях конституционность обязательного членства в палатах не подвергается сомнению. В этой связи я могу доложить, что у нас подготовлены иски о лишении права нотариальной деятельности нотариусов, которые создали вторую палату. Это Виктор Сергеевич Репин, Ивановский, Заграй, Карнаухова, Орлов. Я думаю, что мы этот материал, если будет решение Правления Палаты, направим в суды по месту деятельности этих лиц, которые не платят обязательные по закону членские взносы, допускают иные нарушения закона.

Довожу до вашего сведения, что в настоящее время имеется заключение Генеральной прокуратуры Российской Федерации, касающееся статуса общественного объединения “Коми республиканской нотариальной палаты”. Это вторая палата, такая же, как в Москве, образована в Республике Коми в прошлом 1997 году и тоже как общественное объединение. Из заключения Генпрокуратуры следует, что это общественное объединение образовано в соответствии с “Законом Российской Федерации об общественных объединениях”, а не в соответствии с “Основами законодательства Российской Федерации о нотариате”, поэтому оно не вправе осуществлять предусмотренные законом полномочия нотариальной палаты субъекта

Г. Г. Черных. Фото 2003 г.

Российской Федерации. Одновременно Генпрокуратура поручила прокурору Республики Коми по данным фактам провести совместную с Министерством юстиции республики проверку деятельности так называемого общественного объединения “Коми республиканская нотариальная палата”. Минюстом России в адрес Минюста Республики Коми направлено письмо с предложением пересмотреть полномочия этой в кавычках “палаты” с учетом действующего законодательства о нотариате применительно к ее организационно-правовой форме. Указанное поручение взято Генеральной прокуратурой на контроль. В этой связи не может не удивлять позиция

Управления юстиции города Москвы, которое по-прежнему ключевые вопросы организации нотариата Москвы решает с общественным объединением под названием “Московская нотариальная палата”, в том числе и такие вопросы, как прием квалификационных экзаменов и проведение конкурсов на замещение должностей нотариусов. Думаю, что это дело времени...».

Заявление Черных не было голословным. Дело в том, двумя месяцами раньше, 4 февраля 1998 г., в газете «Коммерсант. Деньги» была опубликована статья «254 способа потерять всё», наделавшая много шума. В ней содержался список из 254 нотариусов Москвы, которые, по утверждению автора, были назначены на свои должности незаконно или с нарушениями. Нотариусы параллельной палаты разделялись на три категории:

1. Государственные нотариусы Москвы, назначенные без прохождения конкурса либо с нарушением состава конкурсной комиссии. В списке 174 фамилии.

2. Частнопрактикующие нотариусы Москвы, назначенные с нарушением состава конкурсной комиссии (при участии представителей общественной организации под названием «Московская нотариальная палата») – 21 фамилия.

3. Частнопрактикующие нотариусы Москвы, прошедшие по конкурсам, не имеющим юридической силы (до 27.03.97) – 59 фамилий.

Автор статьи предупреждал: «Когда мы продаем или покупаем квартиру, оформляем доверенность на машину или заключаем крупную сделку, мы опасаемся нечистоплотного партнера. Нам и в голову не приходит, что опасность нас подстерегает в лице нотариуса. Напротив, увидев его подпись, мы расслабляемся и впервые за последний месяц спокойно засыпа-

ем. А зря. Оказывается, далеко не все нотариусы назначены на должность с соблюдением закона. А значит, заключенные нами сделки могут оказаться недействительными. Так что просыпайтесь». Хотя автор и признавал, что виновником ситуации является Минюст, а не сами нотариусы, все же удар пришелся по ним. В обществе были посеяны семена сомнения. А поскольку никто толком не мог разобраться, справедливы ли опасения, высказанные автором статьи или нет, то и простые граждане, и бизнесмены стали по возможности избегать нотариусов, чьи фамилии были поименованы в списке. Надо сказать, что некоторые нотариусы обратились в суд с исками по поводу этой статьи и выиграли их, это, однако, никак не повлияло на сформировавшееся в обществе недоверие.

Хотя членами МГНП была дана правовая оценка созданию параллельной палаты и нотариусы продемонстрировали, быть может, впервые полное единодушие, все же было решено дождаться правового решения – постановления Конституционного суда, а до этого не предпринимать никаких действий, в том числе и воздержаться от обращения в суд.

Судя по прозвучавшим аргументам и спокойному тону обсуждения члены МГНП были уверены, что Конституционный суд встанет на их сторону. Беспокойство вызывала только позиция Управления юстиции, которое практически все вопросы организации и деятельности нотариата в Москве, отнесенные Основами к совместной компетенции, решало с параллельной палатой. И это несмотря на то что уже было представление Генеральной прокуратуры по аналогичной ситуации, сложившейся в Республике Коми, и письмо Минюста России Минюсту Республики Коми с предложением пересмотреть полномочия «второй палаты».

Обсуждался и вопрос о ведении наследственных дел. Было принято такое решение: в первые месяцы после перехода продолжают вести наследственные дела те из бывших государственных нотариусов, которые вели эти дела и раньше, затем будет проведена паспортизация нотариальных контор, с тем чтобы выявить те конторы, где по чисто техническим параметрам наследственные дела вести можно и для этого есть все условия.

Собранием было также определено, что из числа частных нотариусов первое время наследственные дела будут вести наиболее опытные в этих вопросах нотариусы. Они же будут оказывать консультационную помощь другим частным нотариусам, которые будут подключаться к ведению наследственных дел.

Когда-то поднятый Тихенко вопрос о необходимости создания в палатах ревизионных служб на этом собрании московских нотариусов также нашел свое решение. Московская палата выделила средства и дополнила штатное расписание Исполнительной дирекции Палаты ставками «инспекторов-ревизоров».

Черемных при этом подчеркнул, что ревизоры будут заняты не сбором компромата или уличением нотариусов в нарушениях, а оказанием им помощи в наведении порядка в делах. «Я и сам, – сказал Черемных, – нуждаюсь в такой помощи, поскольку не считаю, что у меня делопроизводство организовано на идеальном уровне».

Решение Конституционного суда появилось через полтора месяца после общего собрания МГНП. В своем постановлении от 19 мая 1998 г. № 15-П Конституционный суд России признал не противоречащими Конституции РФ положения «Основ» об обязательности членства в нотариальной палате нотариусов, занимающихся частной практикой, как условия их профессиональной деятельности, связанной с осуществлением публичных (государственных) функций. Такое же решение Суд вынес и по возложенным Основами на нотариальную палату полномочиям по организации деятельности нотариата, в том числе по учреждению и ликвидации должности нотариуса, определению числа должностей в нотариальном округе и осуществлению контроля за исполнением нотариусами, занимающимися частной практикой, профессиональных обязанностей. При этом Конституционный суд отметил, что «невыполнение занимающимся частной практикой нотариусом требований, связанных с обязательным членством в нотариальной палате, является нарушением законодательства и как таковое может повлечь прекращение судом его деятельности».

После того как решение Конституционного суда было осмыслено руководством обеих палат, было решено провести «объединительное», или «примирительное» общее собрание нотариусов Москвы. Оно состоялось 8 июня 1998 г. и проходило очень непросто.

Проблемы начались буквально сразу. Выяснилось, что если проводить общее собрание только из членов МГНП, то нет кворума. В собрании должно было участвовать не менее 205 членов, а присутствовало на момент открытия собрания только 175. При этом члены «параллельной» палаты в большинстве своем на собрании присутствовали. Если считать общее число нотариусов обеих палат, то кворум имелся, но без участия членов второй палаты собрание становилось неправомочным. Это создало весьма необычную ситуацию, и каждая из сторон решила этим воспользоваться. Однако по мере того как постепенно подходили и регистрировались члены МГНП, усиливалась и позиция этой палаты. Наконец в ходе работы собрания необходимое число в 205 нотариусов МГНП было достигнуто.

Наличие кворума делало возможным принятие решения о взносах, и Черемных предложил рассмотреть этот болезненный вопрос первым. Против, однако, выступил Репин, он заявил, что пока не будет решен вопрос о «единстве», членам его палаты нет смысла что-либо обсуждать, и попросил слова. Собрание согласилось, но вначале слово все же было предоставлено Г. Г. Черемных.

Черемных отметил, что с момента проведения предыдущего общего собрания прошло всего два месяца, в течение которых произошло несколько важных событий. Черемных поблагодарил ФНП за прекрасно организованный I Конгресс нотариусов России. По его мнению, он стал этапным событием в жизни российского нотариата. Важно, что Конгресс был отмечен Международным Союзом Латинского Нотариата, руководство которого (и старое и новое) сочло необходимым не просто присутствовать на Конгрессе, но и приветствовать его. Черемных особо подчеркнул, что российских

нотариусов поздравил Президент России Б. Н. Ельцин, который дал высокую оценку деятельности российского нотариата.

Второе событие – это решение Конституционного суда, которое оглашено и вступило в силу 19 мая 1998 г. Он так интерпретировал его решение применительно к обсуждаемому вопросу о единстве нотариата. Государство имеет право передавать свои публично-правовые функции по совершению нотариальных действий конкретным нотариусам, а также контрольные функции – нотариальным палатам. При таких условиях, пришел к выводу Конституционный суд, контроль такой может осуществляться только при наличии обязательного членства. Если не будет обязательного членства, то можно создать теоретически сколько угодно палат. Кроме того, считает Черемных, каждый нотариус мог, имея гербовую печать на руках, самостоятельно совершать нотариальные действия, никому не подчиняясь и не будучи никому подконтрольным. Вот такую возможность Конституционный суд исключил напрочь. Более того, за нотариусом, сказал Конституционный суд, есть и другой контроль – и со стороны органов прокуратуры, и со стороны судебных органов, и в первую очередь со стороны органов юстиции. Деятельность нотариуса подконтрольна и органам статистики, и налоговым органам. Так что все находится в комплексе, считает Черемных, все взаимно дополняет друг друга. Таким образом, главное в решении Конституционного суда – это признание обязательности членства и наделение палаты организационно-контрольными функциями.

Черемных подчеркнул и тот факт, что начальник Управления юстиции Москвы Б. С. Салюков по-прежнему придерживается такого мнения, что нотариусы, назначенные его приказом на должность, независимо от того, в какой палате они находятся, все являются членами одной нотариальной палаты – Московской городской. Об этом он заявлял в своих публичных выступлениях, в том числе и на заседании Правления МГНП.

Затем слово взял Репин. Он довольно резко отозвался о проведенном ФНП Конгрессе. С его точки зрения, он был вызывающе шикарным. Но это не главное. Главное – Репин согласился с тем, что Палата должна быть одна: «объединение палат – это веяние времени».

Другое дело – это вопрос о контроле. Он высказал мысль о том, что контрольные полномочия должны быть переданы в полном объеме органам юстиции: «Палата призвана защищать своих членов, которые платят ей взносы! А вот возбуждать дела о прекращении полномочий нотариусов – это заключительный этап контрольных полномочий, которые должны быть сосредоточены в органах юстиции – как государственных органах – это более правильно, более разумно. Однако решение Конституционного суда есть решение Конституционного суда...»

Затем Репин перешел к вопросу об объединении. Первое, что он отметил, это неприемлемость разговоров о незаконности второй палаты. Эти разговоры нужны, считает Репин, для того, чтобы опорочить нотариусов, которые в ней состоят. А это нужно, в свою очередь, для того, чтобы через три месяца провести проверку и всех нотариусов «господина Репина» по формальным основаниям «уволить». При этом он заявил, что есть досто-

верные сведения, что на заседании Правления МГНП такая точка зрения высказывалась. Тут уже возмутились упомянутые члены Правления и заявили, что таких идей никто точно не озвучивал.

Репин завершил свое выступление одним важным тезисом. Он считал необходимым подчеркнуть: «Если у региональных палат согласно решению Конституционного суда и есть контрольные функции, то у Федеральной нотариальной палаты таких функций нет и точно быть не может, и любые ссылки по этому вопросу на решение КС он считает безосновательными: Конституционный суд вообще не исследовал полномочия и функции Федеральной нотариальной палаты».

Черемных ответил довольно лаконично и резко: «Объединения, на котором вы настаиваете, быть не может. Все нотариусы являются членами Московской городской нотариальной палаты не по заявлению, а в силу закона с момента издания в отношении каждого из них приказа о назначении на должность. Если это оспаривается, то вы сами загоняете себя в угол. Вы ставите нас перед необходимостью обращения в суд по поводу прекращения полномочий!»

Это выступление поддержала Татьяна Ивановна Сопина. По ее мнению, само слово «объединение» совершенно неуместно, поскольку нет объединения палат. Палаты просто не могут быть объединены по той причине, что они имеют совершенно разный статус. Необходимо понять, что все нотариусы г. Москвы с момента назначения являются членами Московской городской нотариальной палаты. И надо заканчивать эти разговоры. Что касается проверок, то они будут, но не с той целью, чтобы кого-то проверить и уволить. Просто каждый нотариус, который проработал год, должен пройти проверку, это требование закона.

Обстановка накалилась. Многие нотариусы – члены параллельной палаты с такой постановкой вопроса не согласились. По их мнению, МНП столь же законна, а раз так, то надо ставить вопрос об объединении, а следовательно, и о формировании нового Правления, и об избрании нового Президента.

К этому моменту подошло несколько десятков нотариусов МГНП и вопрос с кворумом решился. Это еще более обострило споры, особенно после того, как начались эмоциональные выступления членов параллельной палаты. Они обвиняли МГНП в том, что в прессе была развернута кампания, нанесшая вред их репутации, что удостоверенные ими документы нотариусы МГНП, якобы, не принимают. В такой ситуации нотариусы второй палаты просто не имеют права послушно перейти в организацию, которая так с ними поступает. К тому же они высказали несогласие с утверждением, что их палата нелегитимна, и требовали это доказать, а не утверждать голословно.

На это Черемных заявил, что собрание – это не то место, где доказывается законность или незаконность, но если кто-то на этом настаивает, то можно выяснить этот вопрос в суде. Тогда, правда, судьба многих членов второй палаты может сложиться самым неблагоприятным образом, и это касается в первую очередь тех, кто вышел из МГНП: «Сейчас, если Правление примет решение об обращении с иском в суд к этим людям за то, что

они самовольно вышли из Палаты, не платят взносы, не участвуют в работе собраний и в других мероприятиях, каким будет решение суда? Конечно, однозначным! И, между прочим, Правление МГНП приняло такое решение – обратиться в суд. Исковые заявления готовы, но мы их не направляем в суд лишь только потому, что я надеюсь, произойдет объединение, хотя «объединение» – условный термин...»

Под конец собрания слово взял Тихенко. Он высказал в адрес Репина ряд обвинений в связи с организацией параллельной палаты и заявил, что считает виновным в сложившейся ситуации лично его. Более того, он считает, что Репин не по незнанию или искреннему заблуждению это сделал, а сделал это намеренно. При этом Тихенко процитировал места из интервью Репина журналу «Нотариус» и соответствующие места из его выступления в Конституционном суде.

Что касается «объединения», то все те, кто назначен на должность нотариуса и получил приказ о назначении, автоматически становятся членами МГНП. Ни у кого из второй палаты не должно быть ни малейшего сомнения в том, что их деятельность за те два с небольшим года проверят. Проверят не для того, чтобы уволить, а для того, чтобы документы, ими удостоверенные, имели надлежащую юридическую силу и им могли доверять другие нотариусы. Никто не хочет расправы, но нотариусы из второй палаты должны понять, что выставлять особые требования, «выкручивать руки» – это совершенно неуместно.

Дальше работа собрания пошла строго по повестке дня. Вопрос об утверждении бюджета на 1998 г. был решен очень быстро. Большинство го-

лосов при 8 голосах против и 9 воздержавшихся он был утвержден. На этом общее собрание закончило свою работу.

Прежде чем перейти к анализу «примирительного» общего собрания нотариусов Москвы, которое прошло 15 февраля 1999 г., надо рассказать о двух важнейших заседаниях Правления МГНП, состоявшихся 4 и 11 февраля того года.

На заседании Правления 4 февраля в повестку дня были помимо прочих включены следующие вопросы:

1. Об обращении в суд с иском к Управлению юстиции г. Москвы о признании недействительной регистрации Московской нотариальной палаты.

2. Об обращении в суд с иском о лишении полномочий на право нотариальной деятельности нотариуса Ралько В. В. При этом и Репин и Ралько присутствовали как представители МНП на заседании Правления.

В начале заседания Черемных заявил, что вопрос об объединении нотариата Москвы был обсужден с Репиным и что была достигнута договоренность по следующим пунктам:

Вторая, альтернативная нотариальная палата самораспускается.

Все нотариусы этой «нотариальной палаты» с момента самороспуска автоматически становятся членами МГНП.

Членские взносы нотариусы, состоявшие членами «альтернативной» нотариальной палаты, уплачивают с марта 1999 г., а не с момента назначения на должность.

Черемных высказал предложение, что если Правление МГНП согласится с этим, то Правление «альтернативной» палаты рассмотрит эти вопросы 5 февраля и вынесет на утверждение общего собрания 10 февраля, которое и должно будет принять решение о самороспуске.

Одновременно с этим стали готовиться изменения в Устав МГНП. По ним число членов Правления увеличивалось до 18 человек при ограничении срока работы Правления двумя годами. Срок пребывания Президента в своей должности также предполагалось ограничить двумя годами. При этом устанавливалась весьма своеобразная процедура его избрания, соединяющая прямые выборы с элементами ротации: первоначально избирается Президент, а также первый и второй Вице-президенты. По истечении двухлетнего срока Президент покидает свой пост, первый Вице-президент автоматически становится Президентом, а второй – автоматически первым Вице-президентом. Поэтому каждые два года происходят выборы только второго Вице-президента. Забегая вперед, надо сказать, что процедура оказалась не востребовавшей.

На Правлении МГНП выступил присутствовавший В. С. Репин. Он признал, что разобщенность нотариусов нанесла существенный вред: за неполные два года нотариат сдал свои позиции, а валовой доход нотариуса в месяц упал. Однако это обусловлено не только разобщенностью, но и другими причинами, в частности – сокращением нотариальных действий в сфере недвижимости. У него есть данные, правда только по Московской области, что после создания Московской областной регистрационной службы ежедневные поступления денежных средств в нотариальную контору состав-

ляют всего 2–15 тыс. рублей. Поэтому некоторые нотариусы готовы вновь стать государственными нотариусами с твердым окладом.

Репин также проинформировал, что Минюст РФ разработал проект нового закона, с которым он согласен и который следует поддержать. Суть его в том, что назначение на должность и контроль частнопрактикующих нотариусов полностью осуществляют органы юстиции, Президент Палаты утверждается также региональным управлением юстиции, при этом он входит в состав этого органа. В совместной компетенции нотариальной палаты и органа юстиции остается только установление квоты нотариусов в регионе.

Заместитель начальника Управления юстиции г. Москвы Ю. К. Вишневский высказался в том плане, что наличие двух палат создавало большие сложности и в работе Управления. Видя, что у членов Правления была очень настороженная реакция на слова Репина о положениях нового законопроекта, Вишневский заявил, что это всего лишь проект и еще предстоит совместная работа с нотариусами над ним, а в те его положения, которые озвучил Репин, могут быть внесены изменения.

На вопрос З. Л. Ништ, не будет ли повышена квота нотариусов в Москве в случае объединения двух палат, Черемных ответил, что на данный момент в МГНП состоят 469 нотариусов, а в альтернативной МНП – 188 нотариусов, 15 нотариусов состоят в двух палатах. Таким образом, общее число нотариусов в Москве составит 642 человека при квоте в 650.

Таким образом, за время, прошедшее с момента проведения общего собрания 8 июня 1998 г., число членов МГНП выросло на 49 человек (т. е. на 12%), а МНП – на 68 (т. е. на 57%). Это увеличение произошло преимущественно за счет перехода государственных нотариусов в частнопрактикующие.

Оставался, однако, нерешенным довольно болезненный вопрос о взносах в Федеральную нотариальную палату. Черемных пообещал, что переговорит с руководством ФНП и договорится о том, чтобы взносы в ФНП начислялись с момента реального получения членских взносов от бывших членов МНП.

Правление решило согласиться с предложениями Черемных о порядке объединения, снять с повестки дня вопрос об обращении в суд с иском о признании недействительности регистрации Московской нотариальной палаты, а также вопрос об обращении в суд с иском о лишении полномочий на право нотариальной деятельности нотариуса В. В. Ралько. Было также принято решение и об отзыве из судов уже поданных туда исков о лишении лицензии нотариусов В. С. Репина, И. Л. Загряя, А. Э. Карнауховой, В. Н. Орлова и Л. Н. Ивановского.

Заседание Правления 11 февраля проходило уже после того, как все достигнутые с МНП договоренности Палата исполнила¹. Поскольку на за-

¹ Василий Васильевич Ралько вспоминает, что общего собрания как такового и не было: его и Орлова пригласил к себе Репин, объяснил ситуацию и сказал, что надо соглашаться с предложениями Правления МГНП. Все согласились. Необходимые документы оформили секретари. Вообще, говорит Ралько, во второй палате не было того, что обычно называют общим собранием: просто встречались у Репина ключевые фигуры палаты и принимали необходимые решения.

седании Правления 4 февраля присутствовало только 7 из 12 членов, а на заседании Правления 11 февраля их было уже 11 человек, то Черемных доложил результаты предыдущего заседания Правления. Он рассказал об условиях, на которых проходит объединение. Он также сказал, что на предыдущем заседании Правления было принято решение провести 15 февраля в 10.00 общее собрание нотариусов Москвы. Справедливости ради надо сказать, что вопрос о созыве общего собрания на «предыдущем» заседании Правления от 4 февраля не рассматривался. В протоколе № 2 заседания Правления МГНП от 4 февраля 1999 г. его нет ни в повестке дня, ни в принятом решении. Судя по тексту этого протокола, данный вопрос даже не всплывал в ходе обсуждения. Вероятнее всего решение по созыву общего собрания принималось в оперативном порядке.

Черемных подробно рассказал об условиях, на которых проходит «объединение», и предложил внести в повестку дня общего собрания два ключевых вопроса: вопрос об изменениях в Устав МГНП (докладчик В.С. Репин) и вопрос о доизбрании Правления и ревизионной комиссии (докладчик Г.Г. Черемных). Ломоносова предложила еще раз подчеркнуть для всех собравшихся, что речь идет не об объединении, хотя этот термин постоянно используется, а о том, что бывшие члены МНП становятся членами МГНП на основании закона – Основ и решения Конституционного суда. Поповкин предложил принять декларацию о недопустимости создания альтернативных палат. На это Черемных ответил, что лучше бы продемонстрировать единство нотариата, а не выставлять напоказ внутренние разногласия и обиды. Судя по всему, и он, и многие другие понимали, что и без этих заявлений и деклараций следующее собрание пройдет очень сложно, и не ошиблись.

«Примирительное» общее собрание МГНП 15 февраля 1999 г. действительно прошло драматично. С отчетом выступил Г.Г. Черемных. Он начал издали. Сначала рассказал о достижениях частного нотариата, его заслугах, отмеченных в том числе и Президентом России Б. Н. Ельциным, сказал, что его очень обнадеживает безоговорочная поддержка частного нотариата начальником Управления юстиции Б.С. Салюковым. Потом рассказал о прекрасно проведенном I Конгрессе нотариусов России и об участии московских нотариусов в Конгрессе Международного Союза Латинского Нотариата в г. Буэнос-Айресе в сентябре 1998 г.

Черемных отметил, что московские нотариусы повышают свой научный уровень, среди них теперь есть не только кандидаты, но и доктора юридических наук, многие получают также и научные звания. Московские нотариусы часто публикуются и в научных изданиях. Связям со СМИ уделялось большое внимание: выпускались специализированные передачи о нотариате на канале «ТВ Центр». Черемных особо подчеркнул, что «принимались активные меры по восстановлению доброго имени и репутации нотариусов, опороченных в средствах массовой информации, в частности в статье «254 способа потерять всё» в журнале «Коммерсант. Деньги».

Он затронул также проблему дисциплины и жалоб на нотариусов. Количество жалоб из года в год остается примерно на одном уровне, и это при том, что растет и число нотариусов, и общий объем предоставленных

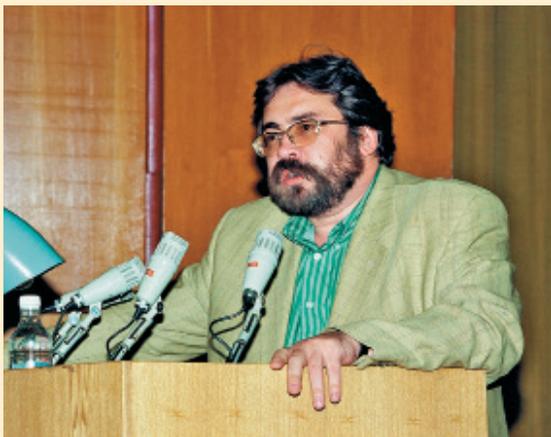
ими услуг. И все же, считает Черемных, успокаиваться нельзя, еще есть над чем работать. В 1998 г. из 101 жалобы только 17 были признаны необоснованными. Из признанных обоснованными самое большое число, 12 жалоб, касается неправомерных отказов в совершении нотариальных действий. Что касается дисциплины, то тут некоторые нотариусы не на высоте: они не сообщают в Палату места своей работы, подчас их вообще приходится разыскивать. Так, в 1998 г. Палата должна была разыскивать, в том числе и по требованию правоохранительных органов, 18 «пропавших» нотариусов, двух так и не нашла!

Переходя к ожидаемому всеми собравшимися вопросу об объединении, Черемных вспомнил историю принятия Основ и заслуги людей, принимавших участие в их подготовке и принятии: «...Кроме многоуважаемого министра юстиции РФ Николая Васильевича Федорова, это все были московские нотариусы: это и Розалия Ильинична Виноградова, и Елизавета Николаевна Андрюхина, и многие другие, все те, с кем министр советовался, кто участвовал в обсуждении концепции и статей Основ. Это и уважаемый Анатолий Иванович Тихенко, вложивший, на мой взгляд, серьезную лепту в подготовку Основ в сегодняшнем виде, в связи с чем и был первым в стране отмечен лицензией № 1 на право частнопрактикующей нотариальной деятельности. Это и Александр Викторович Скурлатов, впоследствии три года возглавлявший МГНП, и, конечно, Виктор Сергеевич Репин, под руководством которого в рамках Управления министерства осуществлялся этот проект. Это была победа. Тогда нам удалось блестяще реализовать нашу идею. Удалось потому, что была команда, команда единомышленников». Однако, считает Черемных, когда Тихенко и Репин оказались «по разные стороны баррикад, в московском нотариате начались проблемы».

Черемных сообщил, что хотя Тихенко и оставил по собственному желанию пост Президента ФНП, но в этой должности он также очень много сделал для нотариата, «работал на виду у всех, достойно, настойчиво, последовательно и принципиально отстаивая интересы нотариального сообщества».

В заключение своей речи Черемных сказал, что поскольку выборы планируется провести только в июне 1999 г., т. е. только через 4 месяца, то чтобы «наши коллеги чувствовали нашу искреннюю готовность к объединению и свою защищенность от любого произвола», необходимо доизбрать в состав Правления 6 человек по их списку и также избрать второго Вице-президента. Для этого надо принять сначала поправки в Устав, предложенные Правлением Палаты. Речь Черемных произвела впечатление на участников собрания.

Затем слово взял А. И. Тихенко. Он поблагодарил Черемных за теплые слова в его адрес, но при этом подчеркнул, что продолжает не соглашаться с ним по принципиальным вопросам жизни Палаты. По поводу же упомянутых «баррикад» он сказал, что его «баррикада только одна – закон». И еще: он не против внесения изменений в Устав, но нельзя это делать впопыхах, не предложив заранее ознакомиться с текстом этих изменений, а этого не было сделано. Этого не было сделано даже на заседании Правления.

Выступление В. А. Сафонова

Тихенко также высказал сожаление, что иски были отозваны. Вопрос о второй палате должен был слушаться в суде 16 февраля, и надо было дождаться его решения. Совсем недавно в Мурманском областном суде решение по аналогичному делу было принято, вторая палата распущена и ее полномочия прекращены. Правление же МГП вместо того, чтобы дождаться решения на основе закона, в спешке приняло соглашательское решение и иск отозвало.

Это только кажется, считает Тихенко, что таким образом можно решить данную проблему.

Когда говорят, что эти нотариусы всегда были с момента их назначения на должность членами МГНП, то лицемерят. Эти нотариусы два с лишним года были вне нотариальной палаты, которая должна была через год после назначения провести проверку их деятельности. Теперь же МГНП должна взять на себя ответственность за работу огромного числа нотариусов, пришедших в Палату.

Предложение доизбрать из числа этих людей в Правление Палаты еще 6 человек противоречит просто здравому смыслу: как можно избирать в руководящий орган людей, которые умышленно два года нарушали действующее законодательство и как можно им доверить «руководить сообществом нотариусов, теми людьми, которые работали за совесть и за честь и соблюдали требования действующего законодательства»? К тому же, отметил Тихенко, довыборы можно проводить только после того, как внесенные в Устав изменения вступят в силу, то есть только после того, как они будут зарегистрированы в Управлении юстиции.

Сафонов, исполнявший на тот момент обязанности Президента ФНП, поддержал позицию Тихенко. Он также посчитал, что вместо следования закону руководство МГНП заняло соглашательскую позицию и приняло решение, которое может иметь самые негативные последствия для будущего московского нотариата. К тому же такое решение Правления идет вразрез с практикой, которая уже сложилась в нотариальном сообществе России: региональные палаты, столкнувшиеся с подобной проблемой, не устраивали торг, а обращались в суд, который и принимал окончательное решение. Эту свою позицию он потом высказывал и на встречах с руководством региональных нотариальных палат.

Полемика по вопросу о «примирительном» решении проблемы второй палаты не закончилась и после его принятия. Как это ни покажется стран-

ным, но споры на эту тему порой возникают и теперь, то есть спустя почти 15 лет. Что уж говорить о времени, когда страсти были раскалены, когда на повестку дня были вынесены не академические вопросы, а вопросы, от решения которых зависела, по мнению сторон, судьба самой профессии нотариуса.

Кто-то считал, что поскольку «примирение» фактически состоялось и тем самым было «узаконено», то следует прекратить всякие прения по этому поводу, а «проигравшим» следует смириться и прекратить публично высказываться. Но кто-то по-прежнему считал, что состоявшееся решение противоречит закону и сложившейся судебной практике, что оно создает опасный прецедент на будущее, и продолжал публично отстаивать свою точку зрения.

В этой «жаркой атмосфере» Управление юстиции «довело» до сведения Правления МГНП информацию, заведомо недостоверную, как выяснилось, которая, в конечном счете, привела к серьезному личному конфликту между А. И. Тихенко и Г. Г. Черемных. Дело дошло даже до судебного разбирательства, в котором суд встал на сторону Тихенко.

Этот эпизод очень точно отражает накал страстей в самой МГНП по поводу «примирительного», или по другой оценке «соглашательского», способа решения проблемы двух палат.

Что касается позиции и «поведения» Управления юстиции Москвы, то его интерес в «примирительном» решении конфликта двух палат был более чем очевиден, поскольку Управление и его руководство сыграли основную роль в создании данного конфликта. Любое иное решение кроме «примирительного» неизбежно поставило бы в повестку дня вопрос о чьей-то личной ответственности. Крайне заинтересовано оно было и в том, чтобы прекратить всякие дискуссии на эту тему.

Тихенко, Сафонов, да и многие другие нотариусы с самого начала придерживались той точки зрения, что вопрос должен решаться в суде. Они считали, что только строгое соблюдение закона, обеспеченное судебным решением, может защитить московский нотариат от серьезных проблем в настоящем и от отложенных конфликтов в будущем. Именно по этому пути пошли региональные палаты в борьбе со вторыми палатами, и суды неизменно вставали на сторону «основных» палат.

Размышляя на тему, каковы же могли быть последствия, если бы события стали развиваться по «примирительному» сценарию, приходишь к выводу, что, вполне вероятно, судами были бы удовлетворены ходатайства МГНП о лишении права нотариальной деятельности нотариусов второй палаты. Это подтверждала уже начавшая складываться судебная практика в других регионах страны. Понятно, что масштабы негативных последствий, в том числе и для людей совершенно невиновных, были бы колоссальными.

Скорее всего, появилось бы основание для признания недействительными нотариально удостоверенных документов нотариусами второй палаты, в том числе сделок с недвижимостью, возможно, — за все время членства этих лиц во второй палате. Без сомнений, эти процессы, подхваченные

и раздутые прессой, приобрели бы огромный резонанс, что не могло бы пройти мимо, быть незамеченным органами государственной власти. Негативная реакция на нотариат со стороны государства и общества в целом была бы неизбежна, а последствия – непредсказуемы.

В нашей культурной традиции слово «компромисс» – почти ругательное, но в то же время мы прекрасно знаем, что в нашей истории никто и никогда не придерживался лозунга Фердинанда I – *Pereat mundus, fiat justitia*. Вероятнее всего и в этом случае было бы найдено какое-то «паллиативное» решение, которое все равно не было бы основано на строгом следовании закону.

У многих сегодня возникает вопрос: почему Черемных, который, пожалуй, резче других реагировал на создание второй палаты и который, судя по его публикациям в прессе, точнее других оценил юридическую несостоятельность второй палаты, в конечном счете сам стал мотором «примирительного» метода решения проблемы и более того, по мнению некоторых, пошел на серьезные уступки и компромиссы? Черемных с его опытом работы, в том числе в государственных структурах, вероятно, понимал такую перспективу. В этой ситуации «примирительное» решение, похоже, было наименьшим из зол.

Из этого конфликта можно извлечь еще один урок. Какие бы страсти ни бушевали, какие бы точки зрения и интересы ни отстаивались, ясно одно: никто не может быть лишен слова или осужден за свое мнение. Эти времена в нашей стране, надо полагать, прошли навсегда. Любой нотариус имеет полное право свободно в соответствии со своими убеждениями высказываться публично по существу той или иной проблемы, в том числе и в случае несогласия с принятым по ней решением. Решение следует исполнять, но никто не имеет права принудить человека замолчать или изменить свою точку зрения.

Второе общее собрание уже «объединенной палаты» состоялось 26 апреля 1999 г. На нем обсуждались вопросы изменений и дополнений в Устав МГНП и выдвижение кандидатур на пост Президента ФНП и, как всегда, вопросы о членских взносах.

На собрании одним из первых выступил приглашенный представитель от ФНП Н. И. Кашурин. Он поделился с нотариусами Москвы довольно тревожными мыслями. В частности, Николай Иванович сказал, что в условиях экономического и политического кризиса начался процесс контрреформ. Предложенный и разосланный в субъекты РФ проект закона о нотариате направлен на «ликвидацию нотариата латинского типа и реставрацию бюрократического нотариата». Этот проект устанавливает тотальный контроль чиновников над деятельностью нотариусов и их увольнением, оставляя при этом за нотариусами полную финансовую ответственность, а Налоговый кодекс, по сути, приравнивал нотариуса к предпринимателю.

В выступлении Кашурина прозвучало требование о необходимости усиления контрольных полномочий в отношении нотариусов: «без жесткого контроля нотариальных палат за деятельностью нотариусов независимый

нотариат обречен. Наступлению на нотариат способствует и слабое осуществление нотариальными палатами своих контрольных функций. Федеральная нотариальная палата во главе с Тихенко проводит в этом вопросе необходимо жесткую линию, чем снискала уважение одних и раздражение других. В этой ситуации особые требования должны предъявляться и к кандидату на должность Президента ФНП».

Кашурин объявил, что в 1998 г. были успешно завершены судебные процессы по защите прав нотариусов: в Конституционном суде – по поводу взносов в Пенсионный фонд, по вопросу о публично-правовом статусе нотариусов и нотариальных палат, в Верховном суде – по вопросу неправомерности отнесения нотариусов к категории плательщиков страховых взносов в ФОМС. Была налажена эффективная работа со СМИ. Второй Конгресс явился настоящим триумфом свободного российского нотариата. Все это делалось по инициативе и при самом активном участии Тихенко. Обращаясь к нотариусам в связи с предстоящим рейтинговым голосованием по выдвижению кандидата на пост Президента ФНП, Кашурин сказал, что в сложившейся ситуации все разногласия и обиды должны отойти на второй план и надо избрать на эту должность человека, способного ответить на вызовы времени. Он считает, что таким человеком может стать только Тихенко.

На собрании прозвучали и другие выступления в поддержку кандидатуры Тихенко, но было немало выступлений и против. Их позиция в основном сводилась к тому, что Тихенко не доработал положенный ему срок в должности Президента ФНП и добровольно оставил ее, сославшись на усталость, а теперь, спустя несколько месяцев, непонятно почему он вновь решил ее занять.

Были также выступления как в поддержку кандидатуры Черемных, так и против нее. Помимо Тихенко и Черемных была рекомендована также кандидатура Шарафетдинова, но тот отказался, так как не отработал в нотариате положенных для этой должности шести лет, и высказался в поддержку кандидатуры Тихенко. При этом Шарафетдинов подчеркнул, что данное рейтинговое голосование особого смысла не имеет по двум причинам. Во-первых, регистрация кандидатов на должность Президента ФНП уже несколько дней как закончилась. Во-вторых, делегаты, которые будут представлять нотариальные палаты на выборах Президента ФНП, не связаны решением своих палат и могут голосовать свободно. К тому же голосование будет тайным. Все это делает бессмысленным обсуждение данного вопроса и тем более голосование по нему.

Тем не менее, несмотря на бессмысленность голосования, оно все же было проведено. Тихенко получил 105 голосов, Черемных – 183 голоса.

По вопросу об Уставе МГНП Черемных доложил, что в процессе работы над ним, в том числе с учетом норм Закона «О некоммерческих организациях» и ГК РФ, доработке и редакционным изменениям подверглись практически все статьи действующего Устава. Основные изменения касаются сроков избрания Президента и членов Правления. Они избираются на два года и не более двух раз подряд. Вводится новый орган – комиссия по этике,

в компетенцию которой входит рассмотрение обращений в Палату по вопросам нарушений нотариусами правил нотариального делопроизводства и профессиональных обязанностей, а также по вопросам, связанным с личным поведением нотариусов. По новому Уставу повышается защищенность нотариуса: при принятии решения об обращении в суд с иском о лишении полномочий Правление должно проголосовать за него двумя третями своего состава.

В обсуждении поправок, а по сути – новой версии Устава, приняло участие большое число нотариусов, в том числе и почти все члены комиссии, готовившие эти поправки.

Наибольший интерес, пожалуй, вызвало выступление Шарафетдинова. В нем он доказывал, что трехчленная модель управления, под кальку переписываемая в уставы всех организаций, совершенно не подходит нотариусам. В нынешних условиях она подходит, заявил Шарафетдинов, разве что обществу филателистов, но не подходит для организации с такими колоссальными государственными полномочиями, как нотариальная палата. Эта структура (общее собрание – Правление/Президент – ревизионная комиссия) плоха тем, что она, по существу, не дает возможность нотариусам активно участвовать в самоуправлении, в решении большого числа вопросов, связанных с жизнью нотариального сообщества. Сколько ни увеличивай состав Правления, все равно в этом органе будет работать очень ограниченное число людей.

«По законам управленческой деятельности, – считает Шарафетдинов, – структура организации должна, по меньшей мере, соответствовать ее сложности. А у нас суперсложная организация. Наша структура управления и самоуправления не соответствует тому, чем она должна заниматься». Фактически работа Президента и Правления сводится к работе управляющего и Президента, который должен оставить все свои профессиональные дела и заниматься только судьбой нотариата в Москве. Правление при этом должно рассматривать абсолютно все вопросы жизни нотариата. «Более того, – сказал Шарафетдинов, – существующая структура дает возможность концентрации власти в руках Президента и Правления; ...один орган – Правление, сам осуществляет проверки нотариусов, сам рассматривает результаты и сам решает – обращаться в суд или не обращаться по вопросу лишения права заниматься нотариальной деятельностью. Поэтому мое глубокое убеждение, что если мы оставим существующую структуру, то это путь тупиковый».

Главный вывод, который сделал Шарафетдинов: надо создать такую структуру самоуправления, которая бы делала московский нотариат конкурентоспособным, прозрачным, демократичным и в то же время эффективным. И с этой точки зрения, считает Шарафетдинов, такая новелла, как комиссия по этике, – это шаг в правильном направлении. Создание комиссий, которые избираются общим собранием и перед ним отчитываются, обеспечит более высокий уровень самоуправления, прозрачности и демократичности в работе палаты.

Следующей такой комиссией могла бы стать комиссия по проверке профессиональной деятельности нотариусов. Были даны следующие по-

яснения: «Сейчас этими вопросами занимается Правление. В состав этих комиссий входят и члены Правления (наиболее опытные нотариусы), и ряд специалистов, которые не являются членами Правления, скажем, специалисты в области аудита, финансовой деятельности и т. д. С моей точки зрения, этими вопросами должна заниматься независимая от Правления и от Президента комиссия. Но комиссия, зависящая от нотариального сообщества. ...Естественно, эта комиссия должна избираться на общем собрании. Туда попадут люди, которым вы верите, которым вы можете смотреть в глаза. Положение об этой комиссии могло бы утверждаться совместным решением общего собрания и Управлением юстиции города Москвы. Создание комиссий приведет не только к расширению участия нотариусов в жизни московского нотариата, но и снимет хотя бы отчасти некоторое противостояние, которое существует между руководством Палаты и всеми остальными».

Шарафетдинов предложил модель взаимоотношений Правления и комиссий, которая бы учитывала тот факт, что между ними также могут возникать разногласия.

Размышления и предложения Шарафетдинова многим понравились, и в целом было рекомендовано при подготовке окончательного варианта их по возможности учесть. Общим собранием при этом было принято решение воздержаться от утверждения новой редакции Устава, а принять предложенный Устав за основу.

Что касается идеи расширения самоуправления за счет создания комиссий, которая так понравилась московским нотариусам, то, по утверждению самого Шарафетдинова, – это не его идея, ее первым высказал и предложил реализовать в Москве А. И. Тихенко. Ему же самому скорее принадлежит заслуга ее систематического изложения.

Избрание Шарафетдинова

Отчетно-выборное собрание состоялось 17 июня 1999 г. Основными пунктами повестки дня были: рассмотрение вопроса об Уставе, отчеты Правления и ревизионной комиссии, выборы Президента и Правления Палаты.

Обстоятельный отчетный доклад Правления за 1996–1999 гг. сделал Черемных. Работа Правления единогласно была признана удовлетворительной. Был также заслушан отчет председателя ревизионной комиссии Лидии Михайловны Поповой. По вопросу об Уставе была заслушана информация о ходе работы над новым его текстом. К тому же выяснилось, что комиссия пока не завершила работу над новым Уставом.

Выборы проходили необычайно драматично, эмоции переклещивали. Несмотря на то что конфликт вокруг второй палаты был решен на основе компромисса, все же было видно, что этот компромисс многими нотариусами хотя и рассматривался как наименьшее из зол, но все-таки именно как зло, а не как благо. Какие-то выступающие приветствовались аплодисментами одной группы нотариусов, какие-то – другой. Обвинения в адрес второй палаты, и в

первую очередь в адрес Репина, были особенно жесткие. Одних не устраивала ситуация со взносами, не доплаченными, по их мнению, нотариусами из второй палаты, других — то обстоятельство, что главный виновник всех неурядиц, каковым они считали Репина, никак не ответил за свои действия.

Еще до начала выдвижения кандидатур на пост Президента МГНП Черемных заявил, что не будет баллотироваться на следующие три года: «Уважаемые коллеги, три недели назад на заседании Правления я официально заявил о своем отказе баллотироваться на пост Президента Московской городской нотариальной палаты. Еще раньше я снял свою кандидатуру и на выборах Президента Федеральной нотариальной палаты. Не посчитайте меня самонадеянным, но я смею утверждать, что убедительно был бы избран и на пост Президента ФНП, и сегодня здесь — на пост Президента МГНП, и лишь потому, что ничем не запятнал свое имя, и что все эти годы искренне служил нотариату.

Официально причина моего ухода, подчеркиваю — официально — с поста в нотариате банальна: за эти 3 года я устал. И второе: хочу в оставшееся для нотариата время хоть немного заработать на жизнь, ибо на пенсию нам с вами рассчитывать не приходится. ...Ухожу с легким сердцем, если хотите, — с чувством исполненного долга». Надо признать, что на время «правления» Геннадия Григорьевича пришлось наиболее острые конфликты, но именно в это время были решены и многие проблемы.

Для избрания на должность Президента МГНП было выдвинуто пять кандидатур: Н. Ф. Шарафетдинов¹, В. С. Репин, Т. И. Сопина, Р. И. Виноградова и Г. К. Герасимова. Розалия Ильинична Виноградова тут же сняла свою кандидатуру, так как считала, что уже не сможет работать в том темпе, который предстоит новому Президенту. Галина Константиновна Герасимова также сняла свою кандидатуру, так как она поддерживала кандидатуру Шарафетдинова и уже решила голосовать за него. Была попытка отвести кандидатуру Репина. Его обвинили в расколе, в недоплате взносов и в злоупотреблениях в бытность Президентом МНП. Но большинство проголосовало против предложения об отводе его кандидатуры. В результате в бюллетени для голосования были внесены три фамилии: Шарафетдинов, Репин и Сопина.

Слово было предоставлено кандидатам. Первым выступил Шарафетдинов.

Необходимо отметить, что он приобрел популярность после своего участия в качестве заявителя в Конституционном суде РФ по делу о взносах в Пенсионный и другие фонды, когда Конституционный суд своим постановлением от 24 февраля 1998 г. № 7-П удовлетворил заявленные требования нотариусов, адвокатов и предпринимателей, сняв с них чрезмерное бремя уплаты тарифов в размере 28 процентов от получаемого дохода. Впоследствии, уже в декабре 1999 г., Шарафетдинов снова участвовал в аналогичном процессе, уже в качестве представителя МГНП, и снова удачно.

¹ Сам Нуриман Фейзрахманович вспоминает, что не хотел участвовать в выборах и сделал это только после обстоятельного разговора с А. И. Тихенко. Анатолий Иванович был убежден, что для нормальной и слаженной работы ФНП и МГНП последнюю должен возглавить единомышленник. В противном случае конфликты могут дорого стоить самому институту нотариата.

В мае 1998 г. Шарафетдинов принял участие в работе Конституционного суда как представитель ФНП по делу о проверке конституционности отдельных положений ряда статей Основ. Конституционный суд в своем постановлении от 19 мая 1998 г. №15-П признал непротиворечащими Конституции РФ положения Основ об обязательном членстве, а также о возложении на палаты полномочий по организации деятельности нотариата.

Выступление Шарафетдинова в полном смысле слова являлось программной речью. Он подробно остановился на анализе ситуации, в которой находится московский нотариат, подчеркнул, что Москва не какое-то исключение, а «проявление той тенденции, которая существует в России. Нотариат вытесняется из сферы гражданско-правовых отношений». Эта тенденция наблюдается в течение последних 5 лет. Он перечислил те сферы, из которых нотариат фактически уже вытеснен, и это не только сделки с недвижимым имуществом. «Серебряный век» нотариата давно закончился, и надо четко понимать, что только хорошо продуманная программа, рассчитанная на 5–6 лет, и совместные усилия региональных и Федеральной палат могут привести к успеху. Основные направления этой программы он изложил в своем выступлении, при этом выделил вопросы, которые можно и нужно решать через судебную систему, в первую очередь через Конституционный суд, а также вопросы, которые необходимо решать на законодательном уровне.

С точки зрения Шарафетдинова, абсолютно недопустимо, когда вопрос о том, будут ли нотариусы удостоверять сделки или не будут, будут ли регистрирующие органы принимать удостоверяемые нами сделки в первоочередном порядке или нет, будет зависеть не от закона, а от того, каковы наши отношения с Управлением юстиции Москвы и другими организациями. «Моя позиция заключается в следующем: эти вопросы должны регулироваться законом, а не хорошими отношениями и не какими-то личностными подходами. Конечно, многое зависит от того, каким образом МГНП будет взаимодействовать с представителями московских властей, но опять-таки лучше всего, когда это взаимодействие строится на хорошей законодательной основе», — заключил он.

Шарафетдинов подчеркнул, что надо всегда помнить, что и Управление юстиции Москвы, и Государственно-правовое управление мэрии Москвы, и нотариусы защищают конституционные имущественные и неимущественные права граждан и делить им между собой, по большому счету, нечего. Что касается реформы системы управления Московской палаты, то он повторил те идеи, которые уже высказывал на предыдущем общем собрании при обсуждении вопроса об Уставе, с той лишь разницей, что число предлагаемых им комиссий должно быть расширено.

Выступление Шарафетдинова явно произвело впечатление, так как последовали многочисленные вопросы по существу его предложений. За многие вопросы он даже благодарил, так как они позволяли ему раскрыть какие-то пункты программы, о которых в выступлении он упоминал лишь вскользь. По вопросам, однако, было видно также и то, что Шарафетдинова мало кто знает, кроме того что он до прихода в нотариат был Президентом

Российской правовой академии Минюста, был советником министра юстиции Н. В. Федорова и членом коллегии Министерства юстиции, что он хороший ученый и прекрасно выступал на слушаниях в Конституционном суде.

Далее выступил Репин. Он сказал, что поскольку Шарафетдинов уже осветил многие вопросы, которые он сам хотел поднять, то он предпочел бы говорить о том, откуда и когда они возникли. А возникли они, по мнению Репина, именно тогда, когда Тихенко пришел к власти в ФНП. Шарафетдинов – это правая рука Тихенко, и все, что достигнуто, и все, что упущено – это их заслуги. А упущено многое, считает Репин. Так, была упущена важная договоренность с Минюстом: «Если контрольные функции все остаются в компетенции органов юстиции, то тогда Министерство юстиции идет на решение проблем сделок с недвижимостью. Вроде договорились. Закон прошел три чтения. Совет Федерации – вето. Дума опрокинула вето. Затем Президент страны дает пять поправок. Но тут приходит новый Президент Федеральной палаты и говорит: этот закон нам не нужен, мы напишем новый закон. И три года мы его пишем. И до сих пор мы все пишем, и пишем, и пишем. И говорим».

Репин не разделял оптимизма Шарафетдинова и его надежд на решение вопросов нотариата через судебные органы и через принятие нужных всему нотариату законов. Проблема Московской палаты, считает Репин, в том, что она идет в фарватере ФНП, тогда как надо налаживать тесные контакты с Управлением юстиции Москвы, чтобы хотя бы сохранить то, что еще можно сохранить: «Законодательство идет своим путем, а отношения – есть отношения», поэтому надо изо всех сил сохранять и развивать в первую очередь отношения на региональном уровне. В своем выступлении Репин предложил также изменить систему взносов: она не должна быть плоской, а должна меняться в зависимости от доходов нотариусов.

Вопросы, заданные устно и содержащиеся в записках, были в основном довольно недоброжелательными, направленными на то, чтобы он признал свою ответственность за создание второй палаты, за недоброжелательные слова в адрес своих коллег нотариусов, произнесенные в Конституционном суде.

Третий кандидат, Татьяна Ивановна Сопина, сказала, что ее выдвижение было для нее полной неожиданностью, соответственно у нее нет подготовленного выступления, а тем более программы. Она также заявила, что считает предвыборную кампанию одного из кандидатов совершенно недобросовестной: его агитаторы накануне общего собрания объезжали конторы и «раздавали посулы по раздаче наследственных дел, посулы по сделкам с недвижимостью», а иногда и угрожали. «Это крайне прискорбно», – заключила Татьяна Ивановна.

Т. И. Сопина полностью согласилась с оценками существующих проблем и предложенными Шарафетдиновым путями их решений. Она даже призналась, что является «его ярым сторонником». Ее шестилетний опыт работы в Правлении говорит о том, что три проблемы волнуют рядовых нотариусов более всего, это: наследственные дела, взносы и сделки с недвижимостью. По вопросу о наследственных делах Татьяна Ивановна

предложила создать единый информационный центр, а каждый нотариус уже сам должен будет побеспокоиться о том, чтобы обеспечить себя всеми необходимыми техническими средствами и соответствующим помещением. Что касается сделок с недвижимостью, то какие бы «посулы вам ни раздавали, не верьте им – не может Президент Московской городской нотариальной палаты решить вопрос по оформлению сделок с недвижимостью».

Татьяна Ивановна также подняла вопрос о взносах. Этот вопрос постоянно дебатруется, однако почти не поднимается вопрос о том, что есть люди, которые уклоняются от уплаты взносов. В целом же ее выступление производило впечатление скорее поддержки кандидатуры Шарафетдинова, нежели своей собственной.

Начались прения по выдвинутым кандидатурам.

Репина поддержал С.А. Цветков. Он высоко оценил Репина и как ученого, и как нотариуса, и обратил внимание на его умение налаживать отношения с государственными структурами, чего остальные, судя по всему, или не умеют, или не хотят: «Когда у нас все хорошо, нам не надо Министерства юстиции, нам не надо Управления юстиции, мы сами себе короли. А когда плохо, когда одни копии остаются, тогда, оказывается, нам и юстиция нужна, и все нужны!»

Сафонов выступил в поддержку Шарафетдинова, охарактеризовав его как человека, своими делами доказавшего, что может решать проблемы нотариата при помощи правовых инструментов и институтов: «В Государственной Думе к его мнению прислушиваются. Что же касается Репина, то с 1993 по февраль 1996 г. Виктор Сергеевич Репин возглавлял Московскую городскую нотариальную палату и Федеральную нотариальную палату. Именно в этот период была принята первая часть Гражданского кодекса, постепенно ушли сделки. Именно тогда был принят закон об уменьшении государственной пошлины».

А.В. Игнатенко задала вопрос начальнику Управления юстиции Москвы Б.С. Салюкову: «Скажите, пожалуйста, Борис Сергеевич, действительно ли позиция Управления юстиции по таким вопросам, как передача наследственных дел, как нотариальная форма удостоверения сделок с недвижимостью, как предоставление нотариусам помещений, зависит от того, кто будет сегодня выбран? Конкретно, будет выбран Репин Виктор Сергеевич или нет?»

Салюков ответил, что все это время он работал с разными Президентами и будет работать с тем, кого изберут московские нотариусы на своем собрании, поскольку именно этому сообществу он доверяет в первую очередь. Нотариусы приветствовали эти слова аплодисментами.

Взявший слово Панферов сказал, что хорошо знает всех трех кандидатов. Он считает, что Репин подвел людей, которые пошли за ним во вторую палату, так как если бы не «согласительная позиция» Черемных и Правления, то сегодня многие бы лишились лицензии. Упрек Московской палате в том, что она шла в русле Федеральной, Панферов считает несостоятельным, поскольку ни один судьбоносный для нотариата вопрос без

Федеральной палаты решить нельзя. «К тому же, — сказал Панферов, обращаясь к Репину, — твое суждение такое: палата шла Московская в фарватере за палатой Федеральной. А ты куда шел со своей палатой в то время? Я тебя спрашиваю. Какие ты вопросы решал конкретные?» Относительно звонков с угрозами Панферов сказал: «К нам в избирательную комиссию поступили сведения сегодня, подошли два нотариуса, сказали, что им звонили с угрозами, если вы не проголосуете за Виктора Сергеевича. Об этом было доложено Северину, вы можете в данном случае его спросить. Я не знаю, кто это. Я Виктора знаю, это дело не Виктора. Это дело его, собственно говоря, доброжелателей, но так тоже нельзя. Нужно отслеживать все эти вещи». Панферов рекомендовал голосовать за Шарафетдинова.

В пользу Шарафетдинова высказалась и Виноградова, сказав, что знает его по работе в Правовой академии, видит в нем завтрашний день нотариата, ценит его эффективную работу. Что касается звонков, то она возмутилась: «Звонили даже мне. С очень нехорошим и некрасивым разговором». Она призвала сторонников Репина все же обратиться к своему разуму и к своему сердцу. «У Шарафетдинова масса идей, которым надо помочь реализоваться», — завершила свое выступление Розалия Ильинична.

Герасимова выступила с анализом работы бывших Президентом, сказала, что она работала с Репиным на уровне Федеральной палаты и считает, что у него, безусловно, много положительных качеств. Черемных также обладает положительными сторонами, и за три года все в этом убедились, Скурлатов — «светлая голова» был хорошим Президентом. Новый Президент должен сочетать положительные стороны этих трех Президентом, и это качество, по мнению Герасимовой, есть у Шарафетдинова.

Гемальдинов выступил в поддержку Репина и охарактеризовал его как человека с большим опытом работы в органах юстиции, прекрасного профессионала, умеющего находить общий язык и компромиссные решения с коллегами. Он сказал, что кандидатуру Репина поддерживает Профсоюз работников нотариата.

Черемных предоставил слово Тихенко. В зале раздались возгласы: «Не давать слова!», «Да уж можно голосовать — все созрели!» Был поставлен на голосование вопрос о том, чтобы заслушать выступление Тихенко и на этом прекратить обсуждение кандидатур. Подавляющее большинство — «за».

В начале своего выступления Тихенко заявил, что готов в любое время обсудить все вопросы и все упреки, которые предъявил ему Репин, и готов это сделать публично, с участием всех заинтересованных лиц. Он сказал, что одно время все боялись, что Федеральная палата «проглотит» Московскую, хотели, чтобы Московская палата была независимой, а в результате получили вторую палату. Это не разрешило ни одной проблемы, но создало много новых. Федеральная палата отстаивает принципы латинского нотариата против начавшегося его огосударствления. Две эти линии представлены, по мнению Тихенко, двумя кандидатами. «Не следует забывать также и то, что упрек Федеральной нотариальной палате со стороны Репина в том, что упущены сделки с недвижимостью, некорректен, поскольку до 1996 года именно Репин был Президентом Федеральной нотариальной

палаты», — повторил он тезис Сафонова. Тихенко обрисовал круг проблем, которые предстоит решать в самом ближайшем будущем, и сказал, что Шарафетдинов — это тот человек, который в состоянии это сделать.

После выступления Тихенко председатель избирательной комиссии Ю.Д. Северин объяснил порядок проведения голосования.

После голосования были объявлены результаты: больше всех голосов набрал Н.Ф. Шарафетдинова — 232 голоса (52,3%). Но этого недостаточно, заключил Северин, поэтому выборы Президента следует считать не состоявшимися, а следовательно, надо решить вопрос о том, готово ли собрание провести второй тур сейчас или же перенести его на другой день.

Здесь надо пояснить следующее. По старому Уставу МГНП для избрания Президента было достаточно простого большинства голосов. Однако Устав не был приведен в соответствие с Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях», а этот закон требовал, чтобы по вопросам исключительной компетенции высшего органа управления решения принимались квалифицированным большинством голосов. Таким образом, вопрос об образовании органов управления и досрочном прекращении их полномочий был отнесен законом к исключительной компетенции собрания и требовал принятия решения квалифицированным большинством голосов. При этом закон количественно это «квалифицированное большинство» не определял. Надо сказать, что в Устав МГНП на предыдущем общем собрании (26 апреля 1999 г.) было внесено требуемое законом положение, что данные решения принимаются квалифицированным большинством, но ни само это число, ни механизм его определения не были установлены.

Федеральный закон «О некоммерческих организациях» также не устанавливал, что делать в случае, если в первом туре победитель не выявлен: продолжать голосовать до бесконечности или же можно провести второй тур из двух кандидатов, набравших наибольшее число голосов. Этот вопрос должен быть урегулирован самим Уставом, но положения о втором туре в нем отсутствовали.

Все это стало предметом жаркой дискуссии. Высказывались самые разные предложения, как можно решить проблему. Ситуация осложнилась еще и тем, что после голосования многие нотариусы стали уходить с собрания.

*Нуриман Фейзрахманович Шарафетдинов.
Президент МГНП в 1999–2001 гг.*

Хотя кворум и сохранялся, но надежд на то, что повторное голосование что-то изменит, не было.

А. В. Федорченко предложил проголосовать за «пакет»: Шарафетдинов – Президент, Репин – Вице-президент. Мол, это предложение точно соберет квалифицированное большинство. Но на это предложение зал ответил свистом.

Черемных, обратившись к залу, попросил всех немного подождать, мол, в данный момент идут консультации между двумя кандидатами, в них участвуют также представители Управления юстиции и ФНП. Обе кандидатуры склонны работать вместе, «в одной упряжке». На эту информацию зал отреагировал аплодисментами.

Как оказалось, идея «пакета», по сути, и была предметом консультаций. По их итогам выступил Репин, он сказал, что «230 – это вполне достаточно для квалифицированного большинства», что нужно прекратить деление нотариусов «на левых, на правых, на правильных и неправильных». И если зал не будет возражать, то Шарафетдинов зачитает согласованный ими список Правления.

Шарафетдинов признал, что решение, которое достигнуто в ходе консультаций, было «больше политическим, чем правовым». Правовые аспекты такого решения, считал Шарафетдинов, должна будет доложить избирательная комиссия в лице Северина. Шарафетдинов зачитал согласованный список: «Президент – Шарафетдинов, состав Правления: Тихенко А. И., Цымбаренко А. Г., Черемных Г. Г., Хошева И. В., Панферов Б. В., Скурлатов А. В., Цветков С. А., Репин В. С., Ралько В. В., Попова Л. М., Виноградова Р. И.». Затем он добавил: «Если предложенный состав Правления будет избран собранием и вопрос о кандидатуре Президента будет решен, то тогда я бы предложил избрать в качестве Вице-президента Репина».

Теперь главным камнем преткновения стал вопрос о «квалифицированном большинстве». Черемных поставил предложение признать «квалифицированным большинством» цифру в 230 голосов. Результат голосования: против – 5, воздержались – 7 человек. «Решение принято», – объявил Черемных.

Против такого решения выступил председатель избирательной комиссии Северин. Он сказал, что понимает желание сэкономить время, но тем не менее закон содержит императивное требование и его надо соблюдать. Во-первых, он считает, что квалифицированное большинство – это $\frac{2}{3}$. Во-вторых, решать таким способом проблему, возникшую в первом туре, нельзя. Должен быть проведен второй тур из двух кандидатов. Что касается выборов Правления, то это вообще самостоятельный вопрос и он рассматривается отдельно от выборов Президента, не должно быть никакой увязки одного с другим. По существу, он выступил против идеи «пакета», не находя для этого никаких правовых оснований.

Затем слово взял Тихенко. Он сказал, что «у Северина нет доказательств того, что квалифицированное большинство – это обязательно $\frac{2}{3}$, что нигде в законе не сказано, какое это число. Это любое число большее простого

большинства». С этой позицией, по его словам, согласно и руководство Управления юстиции в лице Ю. К. Вишневого.

К этому моменту в зале присутствовали 335 человек. Черемных поставил вопрос об утверждении протокола, согласно которому избранным Президентом становится Шарафетдинов. Ему возражают, что голосовать «руками» нельзя, в зале много посторонних, в том числе и журналисты. Но все же голосование начинается и производится «от обратного»: кто против? Против 81 человек. Число воздержавшихся остается невыясненным.

Объявляется решение: Шарафетдинов избран Президентом МГНП.

Черемных просит Шарафетдинова занять кресло председателя собрания и вести собрание дальше вместо него.

Шарафетдинов обращается к собранию: «Уважаемые коллеги! Вы все были свидетелями того, как я вел себя во время этих выборов. Вы были свидетелями голосования. И никто из вас не сможет упрекнуть меня в том, что я каким-то образом рвался к власти, нарушая закон».

Репин пытается всех успокоить, мол, победил Шарафетдинов и спорить здесь не о чем. Теперь вопрос стоит так: сможет ли собрание избрать Правление.

Шарафетдинов поделился информацией о том, что договоренности, которые были достигнуты в ходе консультаций между ним и Репиным, были отчасти уже достигнуты до общего собрания, на личных встречах: если побеждает Репин, то Вице-президентом становится Шарафетдинов, и наоборот. Он также заявил, что между ними нет антагонизма и все вопросы они договорились решать на основе права и закона. Что касается состава Правления, то договорились, что в нем должны быть представлены все «группы». Шарафетдинов входит в состав Правления как Президент, остальные 11 человек это: Тихенко, Цимбаренко, Черемных, Хошева, Панферов, Скурлатов, Ралько, Цветков, Репин, Попова, Виноградова.

Из зала раздаются возражения, что этот список не может быть окончательным, так как есть еще предложения по кандидатурам. Окончательный список кандидатов состоял уже из 16 человек (добавилось пять фамилий: Акимов, Борисова, Польшкова, Игнатенко, Никифорова).

По итогам голосования практически все кандидаты из заранее согласованного списка прошли в Правление, кроме Цветкова. Его обошла Игнатенко, набравшая на 11 голосов больше. После голосования по составу Правления значительная часть нотариусов покинула собрание. Стало очевидно, что ревизионную комиссию избрать не получится никаким, даже самым «компромиссным» способом, поэтому вопрос был перенесен на следующее собрание.

Надо сказать, что члены избирательной комиссии неоднократно заявляли свое несогласие с тем, как проводятся выборы. Так, председатель избирательной комиссии Юрий Дмитриевич Северин выразил свое несогласие с выборами как Президента, так и Правления. Строго говоря, именно избирательная комиссия подводит и докладывает результаты голосования, но она отказалась это делать ввиду, как она считала, имевших место грубых

нарушений. Поэтому результаты доложил сам Шарафетдинов, опираясь на данные счетной комиссии.

В завершение собрания произошло примечательное событие: Тихенко попросил слова и объявил, что Федеральная нотариальная палата приняла решение о награждении Черемных ценным подарком за все, что им было сделано в эти непростые три года. Тихенко сказал, что вручает он этот подарок с «самыми лучшими чувствами благодарности», что годы были сложными, волнительными, иногда волнения переходили в бури, но «самое главное, что все закончилось хорошо и мы будем продолжать дальше работать, сотрудничать и вести нотариат в нужном направлении. Вместе!» Черемных и Тихенко по-дружески обнялись под овации зала.

Опасения, что результаты проведенного таким образом отчетно-выборного собрания будут оспорены, не подтвердились, и ситуация наконец-то стабилизировалась. Правление МГНП совместно с Главным управлением юстиции г. Москвы начали активную совместную работу, которая принесла весомые результаты: в июле 1999 г. принимается постановление Правительства Москвы № 600 об ускоренной государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним при условии представления нотариально удостоверенных правоустанавливающих документов, проект которого был подготовлен Палатой. В результате в Москве, в отличие от многих других регионов страны, в основном сохранялась нотариальная форма сделок с недвижимостью, более того, количество нотариально удостоверяемых сделок с недвижимостью в 1999 г. возросло на 8%. Однако в дальнейшем, по мере становления системы государственной регистрации, создания Федеральной регистрационной службы, количество этих сделок стало неуклонно снижаться.

В целом в 1999 г. нотариусами Москвы было совершено 9 млн нотариальных действий, что на 30% больше, чем за прошлый год. Рост, однако, произошел в основном за счет несложных нотариальных действий: нотариального свидетельствования копий документов (в полтора раза) и подлинности подписей.

Завершился процесс формирования единого небюджетного нотариата, общее число нотариусов Москвы на 1 января 2000 г. составило 652 человека. Если в 1998 г. средняя нагрузка на одного нотариуса в год составляла 13 068 нотариальных действий, то в 1999 г. — уже 14 752.

Палата проводила активную работу по правовой защите нотариусов. Так, в декабре 1999 г. было принято уже упоминавшееся постановление Конституционного суда о тарифах взносов в Пенсионный фонд (размер взносов 20,6% был признан не соответствующим Конституции). Московские нотариусы принимали самое активное участие в подготовке этого решения.

Палата совместно с Прокуратурой Москвы принимала меры по защите нотариусов от неправомерных действий налоговой полиции, которая в нашей стране просуществовала недолго. Удалось также прекратить неправомерные требования органов ГИБДД о представлении сведений о лицах, оформлявших доверенности на право управления, пользования и распоряжения автотранспортом.

Идея создания комиссий оказалась весьма плодотворной. Ее реализация позволила расширить участие нотариусов в управлении Палатой.

Надо сказать, что комиссии существовали и ранее, но после избрания Шарафетдинова их количество было значительно увеличено. Круг их полномочий и сфера деятельности практически распространились на все виды деятельности Палаты, что означало реализацию на практике принципа самоуправления нотариальной палаты.

Были разработаны и утверждены Положения о следующих комиссиях:

- по организации оформления наследственных прав в г. Москве;
- по подготовке нормативных актов, экспертной и методической работе;
- по контролю за исполнением профессиональных обязанностей нотариусов г. Москвы;
- по повышению квалификации и по работе со стажерами;
- по этике нотариусов;
- по социальной защите деятельности нотариусов и сотрудников нотариальных контор г. Москвы;
- бюджетная комиссия.

Кроме комиссий создавались также и рабочие группы по конкретным вопросам.

В работе комиссий приняли участие свыше 120 московских нотариусов. Самой большой по численности стала комиссия по контролю за исполнением профессиональных обязанностей нотариусов г. Москвы. В ней работали более 50 нотариусов. Работа этой комиссии осуществлялась в соответствии с утвержденным Правлением МГНП планом проверок совместно с сотрудниками Главного управления юстиции г. Москвы.

Цель проверок, действительно, состояла не в том, чтобы от кого-то из нотариусов избавиться, а в первую очередь в том, чтобы глубоко и систематически проанализировать работу московских нотариусов в целом и персонально каждого нотариуса в отдельности, выявить типичные ошибки в этой работе, пробелы в законодательстве. Эта работа была в конечном счете направлена на оказание помощи нотариусам, на устранение причин и условий нарушений, допускаемых при совершении нотариальных действий. В 1999 г. было проведено 102 проверки, что в 6 раз больше, чем в 1998 г.

По решению Правления проводились также внеочередные проверки по поступающим в Палату представлениям органов прокуратуры, следствия, обращениям органов внутренних дел, частным определениям судов и жалобам граждан.

Новому составу Правления предстояло решить ряд неотложных проблем. Среди них, возможно, наиболее острой стала проблема оформления наследственных прав. Она дебатировалась, как мы помним, чуть ли не на каждом собрании МГНП. Положение с наследственными делами продолжало оставаться головной болью и для Управления юстиции Москвы.

Созданная при Правлении МГНП комиссия по организации оформления наследственных прав в г. Москве проанализировала практику ведения наследственных дел и сочла ее неудовлетворительной. Дело в том, что в основу наделения нотариусов правом ведения наследственных дел был

положен территориальный принцип. Из 650 нотариусов в Московском городском нотариальном округе наследственные дела вели только 179 нотариусов. Это порождало жалобы граждан по поводу организации приема по наследственным делам.

Ситуация осложнялась: с одной стороны, количество наследственных дел постоянно увеличивалось, с другой стороны, усложнялся и состав наследственного имущества. Все чаще стали наследоваться ценные бумаги, доли в обществах, пакеты акций, предприятия как имущественные комплексы. Это требовало и увеличения числа нотариусов, занимавшихся оформлением наследственных дел, и более высокой профессиональной подготовки каждого из них.

Комиссия пришла к выводу о необходимости изменить существующую практику, когда, во-первых, не все нотариусы города Москвы были наделены правом совершения нотариальных действий по выдаче свидетельств о праве на наследство и принятию мер к охране наследственного имущества; во-вторых, в основу распределения наследственных дел был положен территориальный принцип.

Выход виделся в том, чтобы наделить правом ведения наследственных дел всех нотариусов города Москвы, а само распределение наследственных дел между нотариусами осуществлять на основе закрепления за каждым нотариусом определенных букв алфавита фамилий наследодателей. При этом предполагалось рассматривать алфавитный принцип ведения нотариусами наследственных дел как переходный к свободному принципу их ведения, при котором каждый наследник вправе обратиться к любому нотариусу с заявлением о выдаче свидетельства о праве на наследство. Предлагалось ввести эти изменения с 1 января 2001 г., а за оставшееся время обстоятельно подготовиться. Частью этой подготовки стало создание специальной комиссии по повышению квалификации нотариусов по ведению наследственных дел.

Эти изменения в работе московского нотариата не могли быть введены Палатой в одиночку. Что-то следовало решать совместно с Главным управлением юстиции Москвы, что-то — с Правительством Москвы. Но и самой МГНП предстояла серьезная работа: подготовить соответствующим образом нотариальные конторы, технически их оснастить, доукомплектовать персонал и обучить его. Что касается обучения, то тут основная нагрузка ложилась, конечно, на Палату. Остро стоял вопрос создания централизованного архива и необходимого программного обеспечения для распределения наследственных дел.

Очередное общее собрание состоялось 3 июня 2000 г. В повестке дня стояли вопросы утверждения новой редакции Устава МГНП, утверждения Профессионального кодекса нотариусов г. Москвы, представления нотариусов Москвы к присвоению почетного звания «Заслуженный юрист Российской Федерации» и другие, в том числе и финансовые вопросы.

Отчетный доклад Президента МГНП Шарафетдинова был построен традиционно, т. е. по направлениям деятельности Палаты. Однако выступление не было отчетом в привычном смысле слова. Это был, в первую оче-

А. И. Тихенко и Н. Ф. Шарафетдинов в президиуме собрания. 2000 г.

редь, анализ: финансовой стороны деятельности нотариата в Москве, наиболее распространенных нарушений в деятельности нотариусов и других проблем. Доклад содержал довольно обстоятельный план работы по целому ряду направлений.

Еще одна особенность выступления Шарафетдинова – в нем явно звучали ноты оптимизма, уверенности в том, что большинство проблем, связанных с законодательством как российским, так и московским, удастся решить в самом обозримом будущем. Оптимизм, судя по всему, внушали и слова нового Президента России, который в своей книге очень лестно отозвался о нотариате, правда, ...о французском. Но ведь и российский нотариат принадлежит к нотариату латинского типа, поэтому можно и к нему отнести данные слова, полагал докладчик. Вот то место из книги, которое процитировал Шарафетдинов: «Во французской системе если нотариус поставил печать, то это не просто закон, а железобетонное решение. И ошибиться нотариусу нельзя, потому что тогда он обязан возместить ущерб. Две ошибки – и он разорен. За этот риск они получают там огромные деньги. У нас общество должно понять, что меньшинству, определенным категориям людей государство должно платить очень серьезные деньги для того, чтобы обеспечить интересы большинства»¹.

В своем докладе Шарафетдинов сказал, что за год, прошедший с момента последнего общего собрания, московский нотариат живет без деления на «своих» и «чужих». Избранное год назад Правление работает как единый рабочий орган. Оно не занимается политиканством и интригами, а профессионально и целенаправленно решает правовые и организационные проблемы нотариата Москвы.

¹ Путин В. В. От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000. С. 164.

Прозвучали и очень интересные цифры. К сожалению, некоторые статистические данные Палата стала собирать впервые и поэтому их не всегда можно дать в сравнении с другими годами. И все же: в 1999 г. расходы нотариусов составили около 40% от дохода. Из них: налогообложение – 46%, содержание конторы – 34%, наем сотрудников – 4,4%, страхование профессиональной ответственности – 1,4%; помещения нотариальных контор нотариусами в основном арендуются; в собственности находится около 17% помещений; около 40% нотариусов нуждаются в улучшении помещений нотариальных контор.

Что касается доходов нотариусов, то тут сравнение возможно. В 1999 г., по данным Управления Министерства по налогам и сборам по г. Москве, совокупный валовой доход 577 нотариусов города Москвы, подавших декларации о доходах, вырос в сравнении с 1998 г. на 65%.

Но статистика – вещь лукавая. Оптимистичные и даже бравые цифры о росте доходов разбиваются о другие жесткие экономические показатели. Надо вспомнить, что 1998 г. – это год дефолта, что национальная валюта – рубль значительно «подешевел». С конца августа начал резко падать курс рубля, и крайне трудно оценить, что в действительности означает рост доходов в среднем на одного нотариуса на 65% и был ли реальный рост доходов вообще.

Вот для сравнения данные о курсе рубля к доллару США в это время. С 1 января по 18 августа 1998 г. курс держался в районе 6 рублей за 1 доллар. 22 августа – 7 рублей за доллар. С середины сентября до конца 1998 г. рубль продолжал падение с 16 рублей до 21 рубля за доллар. Весь 1999 г. рубль также продолжал падение с 21 до 27 рублей за 1 доллар США. Так что об увеличении реальных доходов, как и о расширении сферы нотариальных действий в это время, говорить вряд ли приходится.

Из доклада далее следовало, что Палата осуществляет не только меры по защите нотариусов, но также и публично-правовые функции. Поэтому она систематически рассматривает жалобы и заявления граждан, юридических лиц, обращения органов государственной власти.

Шарафетдинов в связи с этим отметил негативную тенденцию 1999 г., сохранившуюся и в 2000 г. Количество жалоб на нотариусов долгие годы держалось примерно на одном уровне, но в 1999 г. произошел их резкий рост. В Палату поступило 454 жалобы на действия нотариусов, что в 4 раза больше, чем в 1998 г. Из этих жалоб лишь 25 отклонены как необоснованные. На некоторых нотариусов за год поступило от 20 до 30 жалоб. Их анализ показывает, что жалобы в основном связаны с: неправильным применением законодательства при удостоверении сделок, неправильным взиманием тарифа и непредоставлением льгот лицам, имеющим на это право. Имело место и грубое отношение к посетителям нотариальных контор со стороны как персонала контор, так и самих нотариусов.

Плановые и внеплановые проверки также выявили нарушения в работе нотариусов. Из двухсот обследованных нотариальных контор 30% не соответствовали установленным требованиям. Были также выявлены нарушения законодательства. Основная их масса связана с тем, что нотариу-

сы не истребовали согласия другого супруга при удостоверении сделок по распоряжению имуществом, согласия органов опеки и попечительства при удостоверении сделок по распоряжению имуществом несовершеннолетнего. Были выявлены случаи, когда нотариусы осуществляли свою деятельность без заключения договора страхования риска профессиональной ответственности, а также допускали нарушения в сфере делопроизводства и ведения нотариального архива.

Имели место факты просто вопиющие. Установлены два факта получения лицензий на право нотариальной деятельности и последующего устройства на работу в качестве помощника нотариуса по поддельным дипломам о высшем юридическом образовании. В связи с этим ГУВД Москвы затребовало у Палаты копии всех дипломов помощников нотариусов.

Был отмечен и такой случай – исчезновение с депозитного счета нотариуса В.А. Беляева конкурсной массы банка в размере 9 миллионов американских долларов. Они были мошенническим путем сняты с депозитного счета нотариуса и похищены. Беляев был лишен полномочий по ходатайству Палаты. Такие случаи дискредитируют не только московский, но и весь российский нотариат, отметил Шарафетдинов.

Начала работу комиссия по этике. Она уже рассмотрела случаи недобросовестной конкуренции и рекламы нотариусами своей деятельности.

Правлением направлены ходатайства в суд о лишении права заниматься нотариальной деятельностью ряда нотариусов Москвы. Некоторые из них, не дожидаясь судебного решения, написали заявление о сложении полномочий нотариуса по собственному желанию. Эти факты создают неверное представление о нотариате. И хотя речь идет о крайне незначительной части нотариального сообщества, страдает имидж всего нотариата. Ситуация не замедлила отозваться и в прессе, и на телевидении, и даже в кинематографе, считает Шарафетдинов. В ряде телесериалов нотариусы – часть криминалитета. Даже в фильме Эльдара Рязанова «Старые ключи» показан нотариус, который ведет себя крайне отвратительно. Сколько ни работай над имиджем, сколько ни делай передач о значении нотариата для граждан и пользе для общества, но ложка дегтя всегда испортит бочку меда. В связи с этим Правление Палаты считает важным рассмотреть и утвердить Профессиональный кодекс нотариусов Москвы и новую редакцию Устава Палаты.

После Президента выступили председатели комиссий. Два выступления представителей «карательных» комиссий, как их в шутку окрестили, вызвали оживленную реакцию у собрания. Председателю комиссии по контролю за исполнением нотариусами профессиональных обязанностей С.В. Глазковой даже мешали начать выступление; председательствующий вынужден был вмешаться.

Глазкова проинформировала, что у всех проверяемых поначалу точно такая же реакция на проверяющих, как и у зала, и ее это не удивляет. Однако, по ее словам, комиссия заметила одну отрадную тенденцию: проверив уже 72 нотариуса, члены комиссии убедились, что отношение к проверкам у проверяемых нотариусов меняется, постепенно лед в отношениях тает и

на членов комиссии проверяемые смотрят уже не как на врагов, а как на коллег, призванных помочь. Составляя план проверок, комиссия решила начать их с руководства Палаты. Большинство уже проверены, в том числе и Тихенко, а сразу после собрания проверка пройдет у Шарафетдинова.

Работу комиссии по этике представляла Р.И. Зимина. Она рассказала о случаях ненадлежащей рекламы и недобросовестной конкуренции, разобранных на заседаниях комиссии. Так, один из нотариусов, понимая отношение граждан ко всему государственному, повесил вывеску «4-я Государственная нотариальная контора», хотя все государственные нотариальные конторы давно уже закрыты. Народ дружно шел именно к нему. Жалоба на такое поведение поступила от соседа-нотариуса.

Начальник Департамента правовой помощи Министерства юстиции Российской Федерации О.В. Хишиктуев прокомментировал ситуацию с государственным нотариатом в России в целом. Казус с вывеской, приведенный Зиминой, на самом деле достаточно показателен. Переход государственных нотариусов в частные по стране в целом идет непросто: за год их доля в общем числе нотариусов сократилась с 20% лишь до 16%, и только потому, что в некоторых регионах нет средств на их финансирование и они были вынуждены перейти в небюджетный нотариат.

С критикой доклада Правления выступил В.Н. Кузнецов. Он сказал, что доклад оставляет очень странное впечатление: «Достижения – Правлению, а недостатки – нотариусам». Нотариусы Москвы ожидали от Правления усилий по объединению нотариата по защите его, а оно вместо этого выискивает внутреннего врага: «Основания быть недовольными имеются. Вот последние проекты Устава и Кодекса профессиональной чести являют из себя образчики воинского устава: первый – устава внутренней службы, а второй – дисциплинарного устава».

Зал встретил слова Кузнецова аплодисментами. Аплодисментами было также встречено предложение перенести обсуждение этих документов на осень. Сама по себе идея комиссий правильная, заявил Кузнецов, но включить в них 120 нотариусов – это значит отвлечь их от прямых обязанностей по защите прав и интересов граждан. (Снова аплодисменты в зале.) Причин недовольства нотариусов Правлением Палаты Кузнецов видит две: во-первых, «не забывшийся министерский менталитет и связанные с ним министерские амбиции отдельных членов Правления»; во-вторых, «сильное влияние и давление федерального Президента Анатолия Ивановича Тихенко». И Правление и Президент должны помнить, сказал Кузнецов, что они не над нотариусами, а первые среди равных (снова аплодисменты).

При голосовании за то, чтобы именно на этом собрании обсудить новую редакцию Устава, высказалось подавляющее большинство. Результаты работы над Уставом представил В.И. Ефимов. Он подробно рассказал обо всех изменениях и дополнениях, которые предполагает его редакция. Удалены неопределенности и урегулированы все вопросы, которые вызывали разночтения. В первую очередь это относится к процедурным вопросам. Что касается нормы о квалифицированном большинстве, то предложено

в Уставе зафиксировать такую формулу – 50% плюс 50 голосов. К примеру, на данном собрании присутствует 408 человек. Половина – это 204 человека, к этому числу добавляется 50 человек; эта цифра в 254 и есть квалифицированное большинство для данного собрания. Процентное же выражение квалифицированного большинства будет для каждого собрания свое. В данном случае оно составляет примерно 62% голосов.

Репин предложил принять данную редакцию за основу и после этого приступить к прениям по отдельным статьям. Его предложение поддержали Скурлатов и Шарафетдинов.

По результатам голосования новая редакция Устава были принята за основу. Дискуссии по Уставу и обсуждение поправок продолжились. Затем слово попросил начальник Управления юстиции Салюков. Он сказал, что Управление юстиции Москвы готово Устав зарегистрировать, поскольку новая его редакция полностью соответствует Конституции и действующему законодательству. Устав в новой редакции был принят общим собранием.

После принятия Устава состоялась продолжительная дискуссия о взносах. Голосовалось два предложения – 4% от совокупного валового дохода нотариуса и 3%. По результатам голосования победило второе предложение, за которое было отдано 174 голоса. В этой ситуации Шарафетдинов предположил, что бюджет сверстать не удастся и вопрос о взносах придется снова поднимать на следующем собрании.

Был объявлен перерыв, но после перерыва выяснилось, что, во-первых, кворума нет: многие нотариусы, сочтя дело сделанным, ушли с собрания, во-вторых, голосование по взносам нельзя считать состоявшимся, так как ни одно предложение не набрало более половины голосов присутствующих на собрании. Оставшиеся пункты повестки дня рассматривать было бессмысленно.

Ни один вопрос повестки дня уже не мог быть рассмотрен. Шарафетдинову осталось только провести церемонию награждения грамотами, для чего кворум не требовался. За вклад в развитие российского нотариата как публично-правового и правозащитного института были награждены 13 нотариусов: Н. Г. Габонян, З. Л. Ништ, Т. М. Шамба, Р. И. Виноградова, С. А. Никифорова, С. В. Глазкова, В. И. Ефимов, В. И. Любимова, А. В. Сафонов., М. Г. Гемальдинов, А. А. Коновалова, Н. П. Шиндина, Е. Н. Андрюхина.

Очередное общее собрание состоялось 30 сентября 2000 г. Главным вопросом повестки дня было утверждение Профессионального кодекса нотариусов Москвы. Значение этого вопроса трудно переоценить. Необходимость его принятия высказывалась постоянно на собраниях нотариусов. Главенствовало мнение, что любая самоуправляемая организация кроме устава должна иметь еще некоторые не всегда формализованные, но всегда разделяемые сообществом представления о должном поведении и поведении, которое дискредитирует данное сообщество и остальных его членов.

С докладом выступил Юрий Дмитриевич Северин. Он изложил концепцию профессионального кодекса, как и на основе чего она сформиро-

На общем собрании. Слева направо: Ю. Д. Северин, А. И. Тухенко и В. А. Сафонов. 2000 г.

валась. Первый заместитель министра юстиции в прошлом, Юрий Дмитриевич пользовался непререкаемым авторитетом и уважением. Именно поэтому ему была поручена подготовка этого нелегкого вопроса.

Надо сказать, что выступление было хотя и непродолжительным, но содержательно весьма насыщенным. Прозвучали тезисы о том, что нотариусы – особая категория профессиональных юристов. Они наделены особыми государственными полномочиями, отсюда и высокие требования и к собственной работе в целом как сообщества, и к каждому нотариусу в отдельности. Опыт работы московского нотариата показал, что поведение отдельного нотариуса может крайне негативно сказаться на всей корпорации. Общественное мнение формируется разными путями: в его основе может быть нравственное чувство людей, возмущенных недостойным поведением, но может работать и зависть, и корысть, и интерес конкурирующих сообществ, однако спусковым крючком к такой реакции практически всегда выступает поведение, а иногда и единичный поступок конкретного нотариуса. Осознанно или подспудно, рано или поздно, но вопрос о необходимости усилить государственный контроль над нотариусами, если нотариальные палаты не справляются, пересмотреть пошлину, а то и вовсе вернуться к государственному нотариату поднимался и в Законодательном Собрании.

При подготовке проекта, пояснил Северин, возникли вопросы по конструкции документа, о том, должен ли кодекс решать вопросы этики, не затрагивая норм профессиональной деятельности. Проведенные обсуждения и изучение отечественных и зарубежных материалов убедили членов

комиссии в том, что кодекс нельзя ополовинить и сделать носителем только этических правил. Включить в него нормы профессиональной деятельности означало сильнее мотивировать и создать более основательную базу для этических норм. Таким образом кодекс, который первоначально планировался как чисто этический, превратился в профессиональный кодекс нотариусов. Первоначально это был сжатый документ, содержащий только этические требования, которые скорее напоминали лозунги. По ходу работы, по замыслу и логике разработчиков, проект стал конкретизированным, насыщенным сборником положений о должном и запретном по всем основным направлениям нотариальной деятельности.

В ходе обсуждения проекта поступило более 100 отзывов, замечаний, предложений, при этом все нотариусы высказались за принятие кодекса. Лишь один нотариус высказал мнение, что кодекс не нужен, поскольку есть присяга.

Вместе с тем, сказал Северин, у части нотариусов сохраняется настороженность в отношении принятия кодекса. Он считает, что источником такой настороженности является преувеличенное представление о свободном характере профессии нотариуса. Такое понимание идет вразрез с тем, что государство возложило на внебюджетный нотариат выполнение публично-правовой функции и вместе с тем уполномочило осуществлять свою деятельность на частных началах. В этих условиях, подчеркнул Северин, нотариусам нельзя жить без механизма поддержания определенной дисциплины и ответственности, чему, в частности, и должен служить кодекс.

У некоторых нотариусов чувствуется некое психологическое отторжение в отношении кодекса, им кажется, что документ расширит сферу ответственности и меры воздействия. Это верно лишь отчасти, поскольку ответственность есть вне зависимости от наличия кодекса: «И если уж так получается, что нотариус, например, совершает акт служебного самоубийства, ну, например, работает, не застраховав свою деятельность, или совершает другие грубые нарушения, то, как ни жаль, а ответственность все равно есть, хотя и кодекса нет пока».

Действительно, главная цель кодекса, его главная направленность в том, что он вводит регулирование вопросов ответственности нотариусов. И это важно, так как многих беспокоит даже не столько наличие ответственности за нарушения, сколько возможность каких-то злоупотреблений со стороны Правления или комиссии. По мнению Северина, гарантии от перегибов и злоупотреблений существуют достаточно надежные.

Во-первых, комиссия профессиональной чести нотариусов, которая уполномочена применять меры воздействия, избирается общим собранием в условиях тайного голосования. Во-вторых, решение комиссии можно обжаловать общему собранию. В-третьих, Президент и члены Правления не вправе давать указания комиссии, в свою очередь комиссия по инициативе собрания может рассматривать материалы и об их проступках или нарушениях. Наконец, сама комиссия не вправе по своей инициативе начинать разбирательство о чьей-либо ответственности.

Уже в ближайшее время кодекс может стать действенным инструментом повышения качества нотариальной деятельности и престижа нотариата. Однако, считает Северин, принятие кодекса – это не просто формальный акт, это и своего рода присяга: присяга не отдельного нотариуса, а всего нотариального сообщества Москвы, поскольку МГНП – ответственная самоуправляемая организация.

Выступавшие отмечали тот факт, что кодекс наконец-то вводит градации ответственности. Проблема была в том, что Основы предусматривали только один вид ответственности – лишение полномочий, т. е. либо лишение права нотариальной деятельности, либо вообще ничего, никакой ответственности. При этом в статье 12 Основ говорилось о дисциплинарных проступках, за которые полагалось освобождение от должности, тогда как само понятие дисциплинарной ответственности не определялось, не определялись ни порядок, ни орган, решавший вопрос о дисциплинарных проступках. Кодекс делает попытку решить эти вопросы. Высказывалось также мнение, что данный документ нельзя принимать без согласования с профсоюзом. Были высказаны также сомнения о допустимости применения понятия «дисциплинарное наказание» в организации, где люди не связаны трудовыми отношениями.

Тихенко в своем выступлении подчеркнул, что если нотариальное сообщество хочет вернуть себе право совершать сделки с недвижимостью и шире участвовать в гражданско-правовых отношениях, то оно должно принять на себя и четкие правила самого сообщества, которые касаются как этических, так и профессиональных обязанностей. Он также информировал московских нотариусов, что готовится кодекс нотариусов Российской Федерации, что он уже практически готов. В его подготовке самое активное участие приняли московские нотариусы.

После этого состоялось голосование. Из 365 человек, присутствовавших на собрании, 193 высказались «за» принятие кодекса, 103 «против» и 34 человека воздержались. Профессиональный кодекс нотариусов Москвы был принят.

Кодекс в том виде, как он был принят, безусловно, нуждался в корректировке. Так, в параграфе 7 «Отношения нотариуса со средствами массовой информации» содержалась норма о том, что «выступление нотариуса в средствах массовой информации по вопросам, касающимся нотариальной деятельности (интервью, пресс-конференция), может иметь место только с предварительного уведомления Комиссии по профессиональной чести». Такая формулировка, по сути, вводила цензуру, что запрещено Конституцией РФ, и слово «уведомление» не спасало ситуацию. Позднее, в редакции от 17.03.2001, эта норма будет сформулирована корректно: «Выступление нотариуса в средствах массовой информации по профессиональным вопросам от имени Московской городской нотариальной палаты осуществляется по предварительному согласованию с Правлением либо с Президентом нотариальной палаты».

В заключительной части собрания грамоты за вклад в развитие российского нотариата как публично-правового, правозащитного и правоприме-

нительного института были вручены И. А. Ломоносовой, Н. В. Пошеченковой, Н. Н. Тоцкому, В. Н. Штукатуровой, И. И. Ткаченко, Г. И. Вергасовой, Ю. Д. Северину, Т. П. Гуленко, И. Г. Черемных.

А через год высшим органом ФНП – собранием представителей нотариальных палат субъектов РФ принимается Профессиональный кодекс нотариусов Российской Федерации, по содержанию и структуре мало чем отличающийся от московского кодекса. На основе этого документа стали проводиться и проводятся по сей день полномасштабный контроль профессиональных обязанностей нотариусов и привлечение нарушителей к дисциплинарной ответственности.

По поводу легитимности принятого ФНП кодекса как документа, регулирующего дисциплинарную ответственность нотариусов, давно ведутся споры. Противоречива и судебная практика по обжалованию нотариусами наложенных на них нотариальными палатами дисциплинарных взысканий в соответствии с кодексом.

Трагедия и ее последствия

Вночь на 1 марта 2001 г. в подъезде собственного дома был убит Анатолий Иванович Тихенко. Это подлое убийство так и не было раскрыто.

Мы не будем описывать эти печальные события, тем более что они достаточно активно обсуждались и освещались в прессе. В «Московских новостях» 15 мая 2001 г. выходит шумевшая статья «Нотариальная печать смерти» Галины Енютиной и Леонида Никитинского.

В 2001 г. ФНП издает книгу «Жизнь, принесенная на алтарь защиты прав человека» (автор и редактор-составитель Л. А. Мощанская, под общей редакцией Н. В. Сучковой и Н. Ф. Шарафетдинова).

Позднее Н. Ф. Шарафетдинов публикует ряд своих работ в память А. И. Тихенко, в частности:

- в «Нотариальном вестнике» № 8 2004 г. «Теологические аспекты нотариата: постулаты нотариальной веры и оптимистичный взгляд на судьбу российского нотариата в свете ненаучного исследования предназначения нотариата и миссии нотариуса»;
- в 2006 г. выходит в свет его книга «Нотариальный феномен в позитивистском, либертарном и юстнатуралистическом типах правопонимания. От феноменологической теории к эссенциальной метатеории» (издана Фондом правовой культуры ФНП);
- в 2010 г. в «Нотариальном вестнике» публикуется статья «Чудесные явления», в которой он дает характеристику Тихенко как, безусловно, неординарной личности: «Историческое значение фактора «Тихенко» и его уникальность состоят в том, что в этой личности соединились три ключевых начала. Великий нотариус был и идеологом нового российского нотариата, и основным разработчиком закона, и практическим двигателем реформ. Редчайший сплав мечты, мысли и действия в одном человеке! И сегодня российский нотариат живет и движется в том

10-летняя годовщина гибели А. И. Тихенко в Храме Христа Спасителя. Февраль 2011 г.

фундаментальном направлении, которое Анатолий Тихенко вместе с единомышленниками очертил в законе и целеустремленно воплощал на практике».

В 2003 г. Федеральная нотариальная палата учреждает высшую награду нотариата – Золотую медаль имени А. И. Тихенко.

В 2011 г. снят документальный фильм «Анатолий Тихенко первый», в котором освещаются заслуги и роль Анатолия Ивановича как основателя небюджетного нотариата.

Историческое наследие Тихенко формировалось позднее, а 17 марта 2001 г. общее собрание нотариусов Москвы началось с минуты молчания в память о нотариусе Москвы, члене Правления МГНП, Президенте ФНП Анатолии Ивановиче Тихенко. После траурной части собрания председательствующий Шарафетдинов сделал заявление: «Уважаемые коллеги, в связи с тем что я избран Правлением Федеральной нотариальной палаты Вице-президентом Федеральной нотариальной палаты, 15 марта на заседании Правления нашей Московской городской нотариальной палаты я сложил полномочия Президента МГНП. В связи с этим по уставу до избрания Президента Московской городской нотариальной палаты обязанности Президента исполняет Вице-президент Виктор Сергеевич Репин. По нашему же уставу собрание ведет Президент, а в его отсутствие – Вице-президент, поэтому я предоставляю слово и бразды ведения собрания Виктору Сергеевичу».

Шарафетдинов попросил 20 минут на отчет о деятельности МГНП в 2000 г., подчеркнув, что он остановится только на ключевых вопросах, поскольку текст отчета был заранее разослан нотариусам и они могли с ним

ознакомиться. Да и на общий настрой собрания явно влияла минувшая трагедия. Тем не менее было отмечено, что Правлением в истекшем году проделана большая работа. Были подготовлены новая структура и штатное расписание Палаты. Правительством Москвы одобрен проект закона Москвы «Об организации нотариата в г. Москве», новая редакция Устава зарегистрирована 10 июля 2000 г., принят Профессиональный кодекс нотариусов Москвы. В октябре 2000 г. началась работа специального курса по теме «Оформление наследственных прав».

Палата подготовила ряд заключений по проектам нормативных актов Москвы («Об особенностях регулирования инвестиционной деятельности при строительстве, реконструкции, капитальном ремонте объектов в жилищной сфере г. Москвы», «Об усилении контроля за жилыми помещениями, освобождаемыми в связи со смертью граждан, а также в иных случаях», «О дополнительных мерах по защите граждан от противоправных действий преступных сообществ при приватизации и отчуждении жилых помещений», «Концепции развития системы ипотечного жилищного кредитования в г. Москве»).

Огромную работу в 2000 г. проводили комиссии, они заработали в полную силу. Именно работа комиссий вдохнула новую жизнь в самоуправление. Во второй половине года была создана так необходимая Палате Бюджетная комиссия. С началом ее работы Правление связывает большие надежды.

Была отмечена активизация работы со СМИ. Особое внимание уделено телевидению. На телеканале «ТВ-Центр» выходили еженедельные выпуски программы «Гаранты права», они были посвящены нотариальной тематике. На вопросы телезрителей отвечали нотариусы Москвы. На этом же канале вышли два выпуска телепрограммы ток-шоу «Слушается дело», посвященные нотариальной тематике. Начата работа по созданию регулярной телепрограммы о нотариате. Предполагается, что программа будет выходить не менее 2 раз в месяц. На «Радио России» в рамках программы «Ваш адвокат» выходили еженедельные выпуски, посвященные нотариальным проблемам.

В центральных и московских изданиях («Время МН», «Тверская-13» «Московская правда», «Новые Известия», «Мир новостей», «Российская юстиция») регулярно публиковались материалы по нотариальной тематике. Особо отмечалась статья известного журналиста Ю. В. Феофанова «Надежнее даже судебного вердикта» в газете «Время МН» о преимуществах нотариального удостоверения сделок с недвижимым имуществом. Статья была подготовлена по инициативе и по материалам МГНП. Неподдельный интерес у журналистов вызвало обсуждение Профессионального кодекса нотариусов Москвы. И печатные и электронные СМИ широко освещали принятие этого документа, его содержание. На радио был организован целый цикл передач, посвященных этому кодексу.

В заключительной части собрания было принято решение провести в мае 2001 г. собрание МГНП, на котором избрать Президента МГНП, а также выдвинуть кандидата на должность Президента ФНП.

В. С. Репин и Л. К. Слиска

Следующее собрание состоялось 23 мая 2001 г. На этом собрании, пожалуй, был поставлен рекорд по количеству высокопоставленных гостей. Присутствовали депутаты Федерального Собрания В. В. Жириновский, Е. Б. Мизулина, Л. К. Слиска, депутаты Московской городской Думы, представители Министерства юстиции и Главного управления Минюста по Москве, представители политических партий, Администрации Президента РФ, руководства УФСБ по Москве и Московской области, президенты и вице-президенты ряда региональных палат и Вице-президент ФНП Е. Н. Клячин. Практически все они выступили с приветственными речами.

На собрании присутствовали 527 нотариусов.

Первый вопрос повестки дня – выборы Президента МГНП. Избирательной комиссией были зарегистрированы четыре кандидата: М. Г. Гемальдинов, В. С. Репин, А. В. Сафонов и Н. П. Шиндина. В прениях по кандидатам выступили 18 человек. Избирательная комиссия определила квалифицированное количество голосов членов МГНП в 290 голосов. Дело в том, что в новой редакции Устава квалифицированное большинство определялось в 55% от числа присутствующих на собрании нотариусов. Всего же на момент проведения собрания в МГНП числился 651 член.

По результатам голосования за М. Г. Гемальдинова подано 2 голоса; за А. В. Сафонову подано 4 голоса; за Н. П. Шиндину подано 222 голоса, или 43% голосов; за В. С. Репина подано 257 голосов, что составляет 48,77% голосов от числа членов Палаты, зарегистрированных на общем собрании. Таким образом, несмотря на то что Репин занял первое место по итогам голосования, на должность Президента он не был избран. Выборы были признаны избирательной комиссией не состоявшимися.

Надо сказать, что в этот день все голосования проходили довольно странно.

Так, несмотря на то что были зарегистрированы на собрании 527 человек, бюллетени получили только 512 нотариусов, а в урне для голосования оказалось только 511 бюллетеней, при этом часть из них были признаны недействительными.

При голосовании по второму вопросу повестки дня – вопросу о снижении размера отчислений Московской городской нотариальной палаты в Федеральную нотариальную палату до 0,25% от валового дохода каждого члена Московской городской нотариальной палаты в зале присутствовали уже только 372 нотариуса. За снижение высказались 172 человека, против – 168, а 32 воздержались. Таким образом «за» снижение высказались менее половины присутствовавших, и решение не было принято.

В. С. Репин доложил, что Правление Московской городской нотариальной палаты выдвинуло кандидатом в Президенты Федеральной нотариальной палаты Геннадия Григорьевича Черемных. Предложение было поставлено на голосование, и за него отдали свои голоса 240 нотариусов из числа присутствовавших на собрании, т. е. подавляющее большинство, поэтому голоса против и голоса воздержавшихся не подсчитывались.

К моменту голосования по вопросу о выкупе помещения, занимаемого МГНП, в зале были уже 383 нотариуса. Нотариусы проголосовали так: «за» – 127 голосов, «против» – 226 голосов, «воздержались» – 30 нотариусов, что означало отклонение предложения о выкупе помещения.

После сложения Шарафетдиновым полномочий Президента МГНП и передачи их Вице-президенту Репину стали заметно портиться взаимоотношения МГНП с ФНП. Катализатором этого процесса явилось письмо председателя комиссии ФНП по контролю за деятельностью нотариальных палат субъектов Российской Федерации, Президента нотариальной палаты Ханты-Мансийского автономного округа К. Н. Осматескула от 15.08.2001 на имя В. С. Репина. В этом обращении содержалась просьба командировать для участия в заседании комиссии по контролю за деятельностью нотариальных палат субъектов Российской Федерации члена комиссии нотариуса г. Москвы Сафонова Алексея Вениаминовича в г. Геленджик Краснодарского края.

Ответ МГНП оказался очень жестким. Во-первых, это был отказ с мотивировкой, что ни общее собрание, ни Правление МГНП не рекомендовали нотариуса г. Москвы Сафонова для работы в комиссии, а во-вторых, в письме содержались доводы об отсутствии правовых оснований для осуществления ФНП контрольных полномочий со ссылкой на статью 30 Основ и заключение Минюста России от 6 июля 2001 г. «Об отказе в регистрации изменений и дополнений в Устав Федеральной нотариальной палаты». Позднее комиссия ФНП, прибывшая для проведения комплексной проверки деятельности МГНП, по распоряжению Репина не была допущена к работе.

Разрыв «дипломатических» отношений с ФНП продолжался практически все время осуществления Репиным президентских полномо-

чий. Больше всего Репина раздражали порядок уплаты взносов в ФНП, предусматривающий определение размера взносов в процентном отношении от дохода каждого нотариуса страны, а также то обстоятельство, что московский нотариат, являясь основным источником финансирования доходной части бюджета Федеральной палаты, главным «поставщиком» членских взносов, фактически отстранен от участия в принятии любых решений ФНП.

Но главное, чего Репин не мог понять, — это нежелание руководства ФНП реагировать на накопившиеся проблемы. Сам он считал приоритетной задачей ФНП не пропаганду в средствах массовой информации преимуществ нотариата и усиление контроля в сфере нотариата, а разработку конкретных и необходимых нотариусам законопроектных инициатив, поскольку из года в год усиливалась тенденция вытеснения нотариата из экономической жизни общества, и прежде всего из его традиционной сферы — оборота недвижимости.

Собрания по выборам Президента МГНП 2001–2006 гг.

Последующему семилетнему периоду в истории Московской городской нотариальной палаты можно дать образное название «второе Правление Репина». Он реально осуществлял президентские полномочия с марта 2001 г. и до своей кончины в декабре 2007 г. Этот период характерен чередой безрезультатных собраний по выборам Президента МГНП. Собрание 23 мая 2001 г. было первым таким собранием. В период с 2001 по 2006 г. пришлось провести еще немало таких собраний, и каждый раз выборы признавались несостоявшимися. Юридически избрание Репина Президентом МГНП было оформлено только на отчетно-выборном собрании 16 мая 2006 г.

Не хочется утомлять читателя стенографическим изложением хода собраний, посвященных выборам Президента МГНП в течение этих шести лет. Ограничимся их кратким обзором.

На собрании 14 ноября 2001 года:

- за кандидатуру В. С. Репина подано 248 голосов, что составляет 44,44% голосов;
- за кандидатуру Н. П. Шиндиной подано 209 голосов, что составляет 37,45% голосов;
- за кандидатуру Г. И. Вергасовой подано 72 голоса, что составляет 12,9% голосов;
- за кандидатуру А. Г. Цымбаренко подано 0 голосов.

Выборы были признаны несостоявшимися.

Следующее собрание, 29 мая 2002 г., проходило очень бурно и напряженно.

В связи с тупиковой ситуацией, складывающейся на выборах уже два раза подряд, было предложено внести изменения в Устав, с тем чтобы в случае повторения подобной ситуации в этот же день провести второй тур выборов из кандидатов, занявших первое и второе места. Было высказано

два предложения по определению квалифицированного большинства, но ни одно из них не было принято. Опасения, что и на этот раз выборы Президента не состоятся, разделяли многие, в том числе и представители Главного управления Минюста России по г. Москве. Ситуация осложнялась еще и тем, что подошло окончание срока полномочий Правления Палаты.

В связи с создавшейся ситуацией слово попросил начальник Главного управления Александр Эммануилович Буксман. Он, по сути, выступил с предупреждением. По словам Буксмана, деятельность МГНП регулируется Федеральным законом «О некоммерческих организациях». Если же на этом собрании не решится вопрос о Президенте и Правлении, то Палата останется без действующих органов управления, так как 31 мая истекают полномочия Правления.

В этом случае согласно закону «О некоммерческих организациях» контролирующий орган, в данном случае Главное управление Минюста по Москве, обязан предупредить некоммерческую организацию о том, что она не может действовать без органов управления, поскольку налицо нарушение устава и закона. Через месяц последует еще одно предупреждение, а еще через месяц, если ситуация не изменится, Главное управление будет обязано обратиться в суд с иском о ликвидации Московской городской нотариальной палаты как действующей в нарушение закона и собственного Устава.

Поэтому, прогнозируя самый худший сценарий развития событий, Буксман предложил внести изменения в Устав, чтобы хотя бы подстраховаться на будущее, если события все же будут развиваться по негативному сценарию. Он завершил свое выступление такими словами: «Я бы вас просил очень серьезно отнестись к сегодняшнему собранию. У вас есть выбор: либо вы принимаете решения, которые направлены на стабилизацию, на выход из тупика, либо вы присутствуете на собственных похоронах. И я вас очень прошу, отнеситесь к этому с большой ответственностью».

Буксман, конечно, лукавил, и «страшилка» была рассчитана на неподготовленных людей. Нотариальная палата – это организация, существующая в силу закона, а не в силу какого-либо акта учреждения, поэтому она не может быть ликвидирована волевым решением, а предупреждения о ее ликвидации могли подействовать лишь на слабонервных людей, ни разу не открывавших Основы законодательства РФ о нотариате. Понятно, что речь начальника главка имела иную цель – обозначить действительно серьезную проблему, дисциплинировать нотариусов для более ответственного отношения к выборам органов управления. Кроме того, А. Э. Буксману как руководителю органа юстиции был небезразличен тот факт, что МГНП не имеет избранного Президента, с которым ему необходимо вместе решать вопросы совместной компетенции.

Однако выборы вновь были признаны несостоявшимися. За кандидатуру Л. М. Поповой был подан 1 голос, за К. А. Корсика – 31 голос (8,8%), за Н. П. Шиндину – 213 голосов (43%), за В. С. Репина было подано 240 голосов (48%). Проведение второго тура Устав не предусматривал.

Собранием вносятся следующие изменения в Устав:

«Избранным на должность Президента Палаты считается кандидат, выбранный единогласно или набравший квалифицированное большинство голосов участников Собрания — членов Палаты, которое составляет 50 процентов голосов участников Собрания — членов Палаты с правом решающего голоса, принявших участие в голосовании, плюс один голос. В случае если ни один из кандидатов не набрал в первом туре квалифицированное большинство голосов, Собрание членов Палаты на этом же заседании проводит повторное тайное голосование по двум кандидатам, получившим большинство голосов. В этом случае избранным на должность Президента Палаты признается кандидат, набравший простое (арифметическое) большинство голосов участников Собрания — членов Палаты, принявших участие в голосовании».

За эту формулировку проголосовали 308 нотариусов при необходимых 274 голосах, и на этом собрание завершило работу.

Что касается выборов Правления, то было принято решение избирать членов Правления открытым голосованием и простым большинством голосов. За это проголосовали 388 нотариусов.

Практически на всех собраниях складывалась ситуация, когда число нотариусов, участвующих в работе собрания, и число нотариусов, принявших участие в голосовании, не совпадает. Более того, и это для нас сейчас важно, — почти всегда не совпадало число выданных бюллетеней и число бюллетеней в урне для голосования. В таком случае непонятно, что же считать числом людей, принявших участие в голосовании. Таким образом формулировка, за которую проголосовали нотариусы, а именно считать и в первом, и во втором туре большинство от числа людей, «принявших участие в голосовании», по меньшей мере, не точна.

Но все оказалось еще хуже: такая формулировка вообще противоречит соответствующей норме Закона «О некоммерческих организациях», которая говорит, что считать надо от числа людей, присутствующих на собрании. Этого обстоятельства не увидел регистратор Управления Минюста, проводивший экспертизу Устава. Устав был зарегистрирован с этими нарушениями. Как позднее выяснилось, в Уставе были и другие нарушения. Так, к компетенции Правления были отнесены вопросы, которые могло решать только общее собрание: принятие изменений и дополнений в Профессиональный кодекс, выборы членов Правления и рассмотрение жалоб членов Палаты на решения Правления Палаты, Президента Палаты и Комиссии профессиональной чести нотариусов Москвы.

Буксман сдержал обещание. 9 октября 2002 г. появляется письмо Главного управления Минюста. Вот цитата из него: «На основании проводимой Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве проверки учредительных и распорядительных документов Некоммерческой организации «Московская городская нотариальная палата», зарегистрированной Главным управлением Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве 28 июня 2002 г., свидетельство о государственной регистрации № 01 в соответствии со ст. 33 Федерального закона Российской Федерации «О некоммерческих организациях» выносится **предупреждение**».

Наталья Петровна Шиндина

Юрий Васильевич Иутин

Как и следовало ожидать, предупреждение не решило проблемы, тем более что проведение собрания было назначено на следующий день после получения предупреждения – на 10 октября 2002 г.

На собрании 10 октября было все же избрано Правление. Из выдвинутых 41 нотариусов были избраны: Виктор Сергеевич Репин, Светлана Александровна Никифорова, Наталья Петровна Шиндина, Галина Ивановна Вергасова, Геннадий Григорьевич Черемных, Алла Геннадьевна Цымбаренко, Ирина Владимировна Хошева, Валентина Николаевна Штукатурова, Александра Семеновна Цветкова, Александр Викторович Скурлатов и Юрий Васильевич Иутин.

Интересно, что первую тройку по количеству голосов составили: Репин (356 голосов), Шиндина (345 голосов) и Вергасова (323 голоса).

Следующим вопросом повестки дня были выборы Президента Палаты. Из трех явных лидеров свою кандидатуру на этот раз выдвинул только Репин. Двумя другими кандидатами были А. Б. Царелунго и В. Н. Кузнецов.

В итоге собрание постановило:

1. Утвердить решение комиссии только в части арифметического количества голосов, поданных за каждого кандидата.

2. Повторное голосование по выборам Президента не проводить.

3. Считать избранным на должность Президента Московской городской нотариальной палаты Репина Виктора Сергеевича как набравшего квалифицированное большинство голосов, 50% + 1 голос от числа участвовавших в голосовании. Голосование и по составу Правления, и по избранию Президента проводилось на основе нового Устава, зарегистрированного в Главном управлении Минюста по Москве. Все с облегчением вздохнули: органы управления Палаты были сформированы и МГНП может полноценно работать. Почти никто, однако, не обратил внимания на имеющиеся юридические нарушения.

Лидия Михайловна Попова обратилась в суд с иском о признании незаконным акта регистрации новой редакции Устава. И районный и городской суды отменяют решение о регистрации изменений и дополнений в Устав. Таким образом, продолжает действовать старый Устав.

В этой ситуации неопределенности относительно результатов выборов Правления и Президента 28 февраля 2003 г. проходит очередное общее собрание. Оно началось с минуты молчания в память об Анатолии Ивановиче Тихенко, погибшем в этот день в 2001 г. На собрании присутствовали 325 человек из 650 членов Палаты. В ходе собрания было решено предоставить мандат одному нотариусу, пришедшему без документов. Только так удалось обеспечить кворум.

В отчетном докладе Репина прозвучали довольно оригинальные выводы: за 2002 г. нотариусами Москвы было совершено 12 миллионов нотариальных действий. Если перевести на язык государственного нотариата, то для осуществления такого количества действий потребовались бы 3 тысячи государственных нотариусов, поскольку 4 тысячи нотариальных действий давали дополнительную единицу государственного нотариуса. Такое количество государственных нотариусов существенно бы обременило бюджет, если учесть зарплату, помещение, оргтехнику и прочее. Несмотря на то что количество жалоб на нотариусов остается высоким – 250 за год, но все это почти в два раза меньше, чем в предшествующие годы. Если соотнести количество жалоб с количеством нотариусов (650 человек), то цифра кажется довольно серьезной, но все относительно, и если соотнести с многими миллионами нотариальных действий, то она покажется просто мизерной. И все-таки 250 жалоб – это серьезно, и необходимо приложить усилия к сокращению их числа.

Докладчик сообщил собранию, что идет работа над проектом закона «О нотариате» и что ведутся переговоры с А. Д. Жуковым (Правительство РФ) и Д. Н. Козаком (Администрация Президента РФ) относительно того, чтобы вопрос о нотариальном тарифе по этому закону решался бы не Думой, а Правительством России по предложению Минюста. Однако депутаты постоянно превращают этот вопрос в политический и неизменно настаивают на снижении тарифов. Очень важно, что в пакете этих проектов новых законов предусмотрена нотариальная форма для сделок с недвижимостью, принадлежащей физическим лицам.

Репин также рассказал о проблемах, возникших в отношениях с ФНП по поводу взносов. Он проинформировал собрание о том, что члены бюджетной комиссии МГНП, обратившиеся в ФНП с целью получения сведений о том, «как ФНП тратит деньги, перечисляемые МГНП, были дважды удалены с заседания Правления ФНП». Репин признал, что у него, действительно, сложный характер и сложные личные отношения с руководством ФНП, но в данном случае обострение отношений связано с действиями самой Федеральной нотариальной палаты.

Слово взял Сафонов. Он счел работу Правления и Президента в 2002 г. неудовлетворительной, поскольку, по его мнению, Правление, по сути, присвоило себе функции общего собрания, самостоятельно внося измене-

На заседании Правления Палаты. 2003 г.

ния и дополнения в Устав. Все помнят, за что они голосовали на собрании 29 мая 2002 г. Но в новом Уставе появились положения, за которые никто не голосовал и которые даже не обсуждались.

При этом некоторые из них стали предметом предупреждения Главного управления Минюста Москвы. Есть по ним и судебное решение. Свою речь Сафонов резюмировал: «Либо с нами не считаются, либо нас считают за тех людей, которыми можно манипулировать. Я считаю, что сегодняшнее присутствие точно того количества, которое составляет кворум – 326, – говорит о том, что доверие к теперешнему руководству во главе с Виктором Сергеевичем с каждым разом все меньше и меньше... До тех пор, пока это будет продолжаться, мы ничем не сможем похвалиться в нашем сообществе».

Поскольку последняя редакция Устава была признана недействительной, то поступило предложение создать комиссию по доработке Устава. Однако в ходе работы общего собрания ушло несколько человек и решения принимать уже было нельзя в связи с отсутствием кворума. Впоследствии о нотариусах, ушедших с собрания, стали говорить: «Они проголосовали ногами».

Работа собрания сконцентрировалась на обсуждении проблемы ведения наследственных дел в Москве, обучения нотариусов вопросам наследственного права в соответствии с частью третьей ГК РФ.

После общего собрания Сафонов подает жалобу в Тимирязевский районный суд Москвы о признании недействительными результатов выборов Президента и Правления МГНП от 10 октября 2002 г. Районный суд иск удовлетворил. Однако Мосгорсуд 12 мая 2003 г. по жалобе Палаты от-

Методический отдел МГНП: слева – В. А. Бочковенко, справа – С. В. Огнев

менил решение Тимирязевского районного суда и направил дело на новое рассмотрение.

В сложившейся ситуации, когда дата нового судебного разбирательства не была определена и продолжала сохраняться правовая неопределенность, Правление решило провести 17 июня 2003 г. собрание МГНП с тем, чтобы либо подтвердить полномочия Президента и Правления, либо провести новые выборы.

На собрании присутствовал уже 501 нотариус. Оно началось с приятного события: по поводу 10-летия независимого нотариата Главное управление Минюста по Москве приказом № 436 от 16 июня наградило почетной грамотой восемнадцать московских нотариусов, еще двадцати была объявлена благодарность. Грамоты вручал начальник Главного управления Буксман.

Палата также наградила почетной грамотой 20 нотариусов, а 28-ми была объявлена благодарность. Розалии Ильиничне Виноградовой за добросовестный, долготелый труд служения нотариату был вручен ценный подарок. Три московских нотариуса – Г. Г. Черемных, В. С. Репин и Е. Н. Андрухина – были представлены к званию «Заслуженный юрист РФ». Было объявлено, что Минюст планирует наградить некоторых нотариусов медалью А. Ф. Кони и медалью «За усердие» 2-й степени.

Затем выступил Черемных и объяснил ситуацию, в которой оказалась МГНП, изложил историю проблемы, как он ее видит, и сказал, что большинство членов Правления видит выход из создавшейся обстановки в новых выборах. При этом выборы надо проводить по Уставу 2000 г., то есть они должны быть тайными, а квалифицированное большинство должно составлять 55%.

После этого слово попросила Н. Э. Гуменюк. Она не согласилась с интерпретацией ситуации Черемных, заявив, что еще до выборов 10 октября 2002 г. было вынесено определение Нагатинского районного суда от 4 октября 2002 г., из которого следовал запрет на проведение выборов 10 октября по Уставу, который был зарегистрирован в Управлении юстиции Москвы 28 июня 2002 г. Более того, был выдан исполнительный лист по данному определению, поступивший обязанному лицу к немедленному исполнению 9 октября 2002 г. Однако он был проигнорирован. Определением судебной коллегии по гражданским делам Мосгорсуда от 2 декабря 2002 г. решение Нагатинского районного суда от 4 октября 2002 г. оставлено без изменения.

Далее выступил Сафонов, который также обращался в суд в связи с выборами 10 октября. Он заявил: «...отход нотариусов от строгого следования закону свидетельствует об очень опасной тенденции: мы как институт публично-правовой уходим немного в другое русло. Мы все меньше и меньше представляем из себя независимого эксперта со стороны государства и все больше уходим в частную лавочку. Об этом свидетельствуют в том числе и выборы 10 октября».

Некоторые нотариусы выступили с критикой и обвинением в новом расколе тех, кто обратился в суд. Тогда слово попросил Буксман. Он, в частности, сказал: «Не надо обижаться на то, что кто-то идет в суд. Надо соблюсти процедуру, и тогда ни один суд не отменит никаких решений. Это азбука». В зале раздались аплодисменты.

Затем было проведено голосование: проводить или не проводить выборы Президента и Правления? Большинство высказалось за проведение выборов. В бюллетень для голосования по Президенту были внесены две кандидатуры – Репин Виктор Сергеевич и Шиндина Наталья Петровна.

Однако вновь ни одному из кандидатов не удалось набрать необходимые 55 процентов голосов.

Состояние неопределенности с органами управления МГНП продолжалось еще довольно долго. Окончательно Президент МГНП был избран только 16 мая 2006 г. на отчетно-выборном собрании, на котором присутствовали 564 нотариуса. Им стал Репин. За его кандидатуру проголосовали 377 человек, или 67% нотариусов, участвовавших в собрании. На этом собрании присутствовал председатель Мосгордумы В. М. Платонов, поздравивший московских нотариусов с принятием Закона Москвы «Об организации и деятельности нотариата в городе Москве» и пожелавший московским нотариусам успехов. Об этом законе Москвы речь пойдет ниже.

Что же касается многострадального Устава Палаты, то изменения в него, касающиеся упрощения процедуры выборов органов управления, все же были внесены, но гораздо позднее. Это произошло на собрании 23 января 2009 г., решением которого было определено квалифицированное большинство голосов по вопросам исключительной компетенции собрания, которое составило не менее 51% голосов присутствовавших на собрании членов Палаты с правом решающего голоса.

Анализ событий, связанных с выборами Президента МГНП, наталкивает на мысли о том, что в начале XXI века у московских нотариусов не было

единства мнений относительно своего лидера. Самой популярной фигурой, безусловно, был Репин, при всей противоречивости его поступков и решений. У всех в памяти были недавно минувшие события – времена параллельной палаты, и имя Репина у многих ассоциировалось с расколом московского нотариата. Судя по всему, это обстоятельство и послужило причиной того, что многие члены Палаты не хотели за него голосовать.

С другой стороны, в работе возглавляемого Репиным Правления МГНП были видны реальные результаты, главным из которых явилось принятие Закона Москвы «Об организации и деятельности нотариата в городе Москве», вступившего в силу в апреле 2006 г. Кроме того, члены Палаты понимали, что из всех претендентов на должность Президента только Репин сможет на любом уровне вести диалог с властью и является в глазах чиновников, пожалуй, наиболее авторитетной фигурой среди московских нотариусов. Репин и сам это понимал, что и побудило его выдвигать свою кандидатуру. А до своего окончательного избрания на саркастический вопрос: «Виктор Сергеевич, как вы смотрите на то, что, подписывая документы, вам приходится постоянно именоваться Вице-президентом МГНП», Репин отшучивался: «Меня все знают как Репина, а как называется моя должность – это вопрос второстепенный!»

Но вернемся к хронологии событий.

В целом 2003 г. прошел достаточно спокойно, хотя эта характеристика довольно условна. Время от времени нотариусам и Палате приходилось доказывать на любом уровне взаимоотношений с фискальными службами, прежде всего с налоговыми органами, что нотариусы не являются предпринимателями, а выполняют государственную функцию, что само понятие «предпринимательство» не может никак соотноситься с нотариальной деятельностью. На этот раз налоговые инспекторы требовали установить в нотариальных конторах кассовые аппараты и оплату нотариального тарифа фиксировать выдачей кассового чека. Министерство РФ по налогам и сборам по вопросу применения нотариусами в работе контрольно-кассовой техники подготовило письмо за подписью заместителя министра С. Н. Шульгина. Из этого письма следовало, что Федеральный закон «О контрольно-кассовой технике» на нотариусов не распространяется. Окончательно нотариусы страны были исключены из числа субъектов, применяющих кассовые аппараты, заключением МНС России от 28 мая 2004 г. № 33-0-11/357@.

Позднее на основе этих подходов удалось снять и более серьезную проблему, долгое время не дававшую нотариусам спокойно работать. Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 137-ФЗ были наконец-то внесены изменения в статью 11 Налогового кодекса РФ, в соответствии с которыми нотариусы были исключены из категории индивидуальных предпринимателей, а впоследствии в Кодекс были внесены изменения об исключении от обложения НДС как нотариального тарифа, так и оплаты правовой и технической работы. Это означало и освобождение нотариусов от ведения обременительного и ненужного учета доходов и расходов применительно к предпринимательской деятельности.

Празднование 10-летия московского небюджетного нотариата. 2003 г.

Большой резонанс в 2002–2003 гг. вызвала внезапно возникшая проблема с замещением временно отсутствующих нотариусов. Проблема была искусственно создана в 2002 г. Главным управлением Минюста России по городу Москве, которое по непонятным причинам изменило свой подход к оформлению полномочий лиц, замещающих временно отсутствующего нотариуса. Начались отказы в издании приказов по надуманным основаниям: в одностороннем порядке нотариусам отказывалось в оформлении полномочий. Требовалось представление оправдательных документов на период болезни – больничных листов, поступали отказы в оформлении полномочий на двух исполняющих обязанности лиц и т. д.

МГНП получает заключение Правового управления Аппарата Госдумы за подписью первого заместителя начальника Управления В. А. Рощина от 12.03.2002 № 1/5327, из которого следует, что порядок наделения лица полномочиями по замещению временно отсутствующего нотариуса носит не разрешительный, а уведомительный характер. При этом, определяя общий период полномочий лица, исполняющего обязанности временно отсутствующего нотариуса, а также уважительные причины временного отсутствия нотариуса, орган юстиции и нотариальная палата должны руководствоваться соглашением, заключенным между нотариусом и лицом, желающим исполнять его обязанности.

Однако это заключение только усугубило ситуацию, и односторонние отказы со стороны Главного управления Минюста приобретают массовый

характер. Дело доходит до того, что отказывая в издании приказов, Главное управление мотивирует это тем, что не представлено оправдательных документов о возможных уважительных причинах временного отсутствия нотариуса. Требование выглядело нелепым: нотариус должен был заранее представить оправдательные документы на случай болезни, хотя он еще не заболел! Более того, чиновникам даже в голову не приходит, что нотариусам не оплачивается пособие по временной нетрудоспособности, не выдаются больничные листы.

Так, двум нотариусам г. Москвы было отказано в издании приказов, поскольку Главное управление считало, что наличие у них инвалидности не является основанием, уважительной причиной временной невозможности исполнения нотариусом служебных обязанностей. С учетом инвалидности нотариусам было предложено организовать свою работу по графику сокращенной рабочей недели с дополнительным фиксированным выходным днем по их усмотрению.

Другому нотариусу, обратившемуся с заявлением о временном замещении на период отсутствия в связи с отпуском, болезнью, наличием инвалидности 2 группы, необходимостью плановой госпитализации два раза в год, необходимостью работы с нагрузкой меньшего объема, переосвидетельствования во ВТЭК – с 21 октября по 31 декабря 2002 г., также было отказано в издании приказа. В уведомлении об отказе указывалось, что наделение помощника полномочиями нотариуса на период нахождения в отпуске (ежегодном или по иным основаниям), болезни (госпитализации) может быть осуществлено по заявлению нотариуса с указанием конкретных сроков и по представлению заранее медицинских и иных документов, подтверждающих невозможность исполнения нотариусом служебных обязанностей.

Эти абсурдные отказные письма были впоследствии отражены как пример бюрократического подхода в Обзоре практики применения ст. 20 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате территориальными органами Министерства юстиции Российской Федерации, направленном подведомственным органам юстиции письмом Минюста от 12.05.2003 № 00/4601-МК за подписью заместителя Министра М. К. Кислицына. Поводом к изданию данного Обзора явились судебные процессы по жалобам московских нотариусов (Е. А. Амелькина, В. Н. Кузнецов, У. С. Новопашина, В. В. Марков и др.) на отказ органа юстиции в оформлении их временного замещения, завершившиеся в пользу нотариусов.

Прийти к взаимоприемлемому решению все же удалось. 18 ноября 2003 г. Президентом МГНП В. С. Репиным и начальником ГУ Минюста по городу Москве А. Э. Буксманом утверждается Положение о порядке наделения полномочиями лица, замещающего временно отсутствующего нотариуса, занимающегося частной практикой, в котором определяется согласованная процедура оформления полномочий. Окончательно проблема была снята после принятия московского Закона о нотариате, где порядку наделения полномочиями лица, замещающего временно отсутствующего нотариуса, посвящена специальная норма.

В 2003 г. МГНП учреждает некоммерческую организацию – Фонд «Институт развития нотариата» (зарегистрирована в г. Москве 19 марта 2003 г.). Наряду с Палатой учредителями выступают московские нотариусы Е. А. Амелькина, Г. А. Вергасова, Н. В. Корнеева, К. А. Корсик, Н. А. Полтавская, И. А. Соловьев, И. И. Якушевская. Председателем Правления Фонда становится нотариус Москвы, доктор юридических наук Константин Анатольевич Корсик.

В качестве основных задач Фонда определяются следующие:

- представительство интересов нотариусов в органах государственной власти, предприятиях, учреждениях, организациях, взаимодействие с государственными органами и нотариальными палатами субъектов Российской Федерации;
- анализ и обобщение нотариальной практики, выработка рекомендаций по применению норм права в нотариальной практике;
- организация подготовки независимых экспертиз по проектам законодательных и нормативных правовых актов;
- пропаганда идей нотариата, в том числе в средствах массовой информации.

Деятельность Фонда направляется на те сферы деятельности, которые МГНП в силу различных причин не может в полной мере охватить, и уже с самого начала работы Фонда видны конкретные положительные результаты.

Так, Фонду удается установить деловые рабочие контакты с рядом ключевых федеральных ведомств, в частности с Минэкономразвития России, с депутатским корпусом. В авторитетном издании журнал «Закон» появляются статьи Президента Фонда по проблемным вопросам нотариальной деятельности. Со временем Корсик становится председателем комиссии ФНП по взаимодействию с органами государственной власти.

Благодаря активной работе Фонда удалось снять с рассмотрения принятый в первом чтении проект федерального закона № 332114-4, внесенный осенью депутатами Госдумы В. И. Гришиным, В. А. Пехтиным и В. С. Плещачевским. Этот законопроект, вышедший из недр Министерства экономического развития и торговли, предусматривал отмену действующего порядка определения количества должностей нотариусов в нотариальном округе, относя к компетенции субъекта Российской Федерации определение минимального количества должностей нотариусов.

Практически принятие этого закона позволило бы снять в нотариальных округах ограничения по численности нотариусов. Целью такого нововведения являлась, по мнению авторов, «отмена квот должностей нотариусов», т. е. устранение административного барьера к наделению полномочиями нотариуса, «увеличение их численности в интересах населения».

Нетрудно представить, к каким последствиям могло бы привести принятие данного законопроекта. Неминуемо последовали бы бессистемная «миграция» нотариусов внутри страны, возникновение дефицита нотариальной помощи в малонаселенных, отдаленных и других районах, увеличение численности нотариусов в наиболее крупных городах, и в первую

Вручение премии «Фемида» Фонду «Институт развития нотариата». 2007 г.

очередь в Москве и Санкт-Петербурге, столицах субъектов Российской Федерации и других крупных городах.

Фонду удалось организовать подготовку отрицательных заключений профильных комитетов Госдумы и ГПУ Президента РФ, благодаря чему законопроект был снят со слушаний.

В 2007 г. Фонд награждается премией «Фемида». 16 февраля 2008 г. за вклад в созидание демократического общества и развитие институтов правового государства Фонд удостоен Высшей юридической премии в номинации «Нотариат» за 2007 г.; 21 октября 2009 г. Фонд признан аккредитованным при Министерстве юстиции Российской Федерации в качестве независимого эксперта, уполномоченного на проведение экспертизы на коррупциогенность.

Тем временем в МГНП возобновляется активная законотворческая работа.

По поручению Минюста России разрабатывается проект федерального закона «Об организации и деятельности нотариата в Российской Федерации». Создается рабочая группа во главе с руководителем Департамента Минюста, д. ю. н., профессором А. С. Самойловым, в состав которой входят Репин, Черемных, Скурлатов, Виноградова, Огнев, Бочковенко. Практически была предпринята еще одна попытка перевести нотариусов страны на единую организационную основу деятельности.

Законопроект предложил новую концепцию будущего нотариата России. Концепция была поддержана Минюстом, рядом ведущих научных учреждений и Государственно-правовым управлением Президента России. Кроме перевода нотариусов страны на единую организационную основу, проект по-новому выстраивал отношения нотариальных палат с органами государственной власти, впервые дал понятия нотариата, нотариальной деятельности и нотариального действия, особо подчеркнул некоммерческий характер нотариальной деятельности, усиливал роль нотариальной палаты в защите нотариуса и оказании ему помощи при осуществлении профессиональных обязанностей, предлагал изменения организационной структуры нотариата в стране.

Впервые появляется идея съезда нотариусов как высшего представительного органа всех нотариусов страны, предлагалась увязка законодательства о нотариате с Федеральным законом «О некоммерческих организациях» в части определения учредительным договором взаимоотношений нотариальных палат субъектов Российской Федерации и Федеральной нотариальной палаты. С текстом законопроекта и комментариями к нему Г.Г. Черемных можно ознакомиться в журнале «Бюллетень нотариальной практики», 2010, № 1.

Законопроект был одобрен Минюстом России, однако дальнейшее продвижение завершилось после появления отрицательного заключения ФНП от 14 октября 2004 г. № 1445, разосланного в том числе и в адрес президентов нотариальных палат субъектов Российской Федерации. В этом письме содержалась информация о наличии еще одного законопроекта, подготовленного рабочей группой, созданной совместно Администрациями Президента и Правительства Российской Федерации, прошедшего экспертизу Совета Европы и получившего положительную оценку экспертов Совета Европы.

В результате «обмена комплиментами» ни тот ни другой законопроект так и не были внесены в Госдуму. Московский законопроект целый год ходил по инстанциям и все же попал в Комитет по конституционному законодательству Государственной Думы, однако дальнейшего его продвижения не последовало.

Что касается повседневной текущей работы, то Правление установило, что нотариальная помощь в период за 2003–2004 гг. в некоторых отдаленных районах Москвы не обеспечена должным образом, что некоторые нотариусы игнорируют порядок рассмотрения обращений и заявлений граждан, не выносят постановлений об отказе в совершении нотариального действия, а это провоцирует рост количества обращений в Палату. В этой связи было принято решение организовать регулярный прием населения по личным вопросам. Рассматривался и вопрос о возможности проведения конкурса на должность нотариуса при условии открытия нотариальной конторы в определенном районе города.

Ситуация с очередями к нотариусам, ведущим наследственные дела, была признана серьезной, поэтому крайне важно было наделить всех нотариусов полномочиями по ведению наследственных дел. Правлением была

утверждена концепция «Наследство без границ», принят проект Положения об организации централизованного учета наследственных дел в соответствии с программой «Наследство без границ».

2004 г., как, впрочем, и последующие два года, можно, пожалуй, охарактеризовать как период несбывшихся надежд и определенного застоя. В этом году количество совершенных нотариальных действий лишь незначительно превысило значения предыдущего года и приблизилось к 16 млн, в то же время свидетельствование копий документов возросло с 11 до 13 млн. Однако не только цифрами характеризуется 2004 г. Определенные неудачи преследовали Палату в различных сферах ее деятельности.

Традиционно основное внимание Палата уделяла законотворческой деятельности, но признать ее успешной довольно трудно, поскольку работа над проектом закона «Об организации и деятельности нотариата в Российской Федерации» успехом не увенчалась. Палата также активно работала над проектом изменений в Гражданский кодекс РФ в части установления нотариальной формы сделок с недвижимым имуществом, работала над поправками в Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в целях введения ускоренной регистрации нотариально удостоверенных сделок, работала над поправками в Закон «Об исполнительном производстве», с тем чтобы восстановить исполнительную надпись. Проводилась работа по приданию нотариальной формы доверенностям на автотранспорт. Однако в этом году данная работа так и не принесла результатов. Не удалось добиться понимания депутатов и в вопросе о государственной пошлине.

По инициативе Палаты к работе над поправками в главу 26 «Государственная пошлина» Налогового кодекса РФ и статью 22 Основ были привлечены авторитетные экспертные организации (Торгово-промышленная палата России, ведущие научно-исследовательские институты страны). Однако их экспертные заключения не были приняты во внимание, а предложенные поправки не приняты.

Причину этих неудач руководство Палаты увидело в неправильной позиции ФНП, с которой у МГНП сложились очень непростые отношения. ФНП не поддерживала любые инициативы МГНП, если не сказать «торпедировала их».

Поэтому Московская палата полностью прекратила выплаты в ФНП, а личные отношения, по воспоминаниям Василия Васильевича Ралько, дошли до того, что не только руководители, но даже сотрудники двух палат друг с другом не здоровались, что вряд ли можно признать нормальным для людей, работающих в одном доме, только на разных этажах.

Еще больше обострились отношения после принятия Федерального закона от 2 ноября 2004 г. № 127-ФЗ, которым с 1 января 2005 г. были введены в действие глава «Государственная пошлина» части второй Налогового кодекса РФ и статья 22.1 Основ законодательства РФ о нотариате. Этот новый законодательный акт оставил вне правового регулирования вопрос о размере оплаты, взимаемой нотариусами за составление проектов документов и

Выборы Президента МГНП в 2004 г.

оказание услуг правового и технического характера; устанавливались только размеры государственной пошлины и нотариального тарифа за совершение нотариальных действий.

Еще до вступления этого закона в силу Правлением Федеральной нотариальной палаты утверждаются Рекомендации по применению Федерального закона от 2 ноября 2004 г. № 127-ФЗ, пункт 4 которых излагается в следующей формулировке: «Составление проекта документа, выполнение технической работы являются составной частью нотариального действия, за совершение которого может быть взыскан только нотариальный тариф. В связи с чем за составление проектов документов и выполнение технической работы отдельный нотариальный тариф или иной какой-либо вид оплаты не взимаются».

Получив текст этих Рекомендаций, Репин приходит в негодование. Он не понимает, каким образом нотариусы теперь смогут обеспечить самофинансирование своей деятельности: платить арендную плату, зарплату сотрудникам, нести прочие расходы и уплачивать взносы. Мало того что размеры нотариального тарифа существенно снижены: за те нотариальные действия, по которым ранее тариф исчислялся в процентном отношении от минимального размера оплаты труда (МРОТ, худо-бедно, но менялся), теперь установлена твердая рублевая сумма. Но главное – ФНП еще и считает неправомерным оплату технической и правовой работы, хотя она взималась еще с советских времен и предусмотрена действующими Основами!

После быстрого и бурного обсуждения вопроса Репин дает поручение методическому отделу готовить запрос в Минфин России как в государственный орган, уполномоченный давать разъяснения налогового законодательства, с изложением правовой позиции МГНП.

Ситуация, действительно, выглядела удручающей. Динамика изменения (правильнее сказать – «снижения») размеров государственной пошлины и нотариального тарифа показывала следующую картину: размер государственной пошлины за совершение сделок, подлежащих оценке, был сокращен в 10 раз, за протест векселя – в 5 раз, за совершение исполнительной надписи тариф снижен с 7 процентов до 0,5 процента взыскиваемой суммы, но должен составлять не более 20 000 рублей. И так практически по всем видам нотариальных действий.

Размеры госпошлины и нотариального тарифа в основной своей массе установлены в твердых рублях (они и по сей день остаются таковыми), хотя ежегодная инфляция составляла более 10%. О каком самофинансировании нотариусами своей деятельности могла идти речь, если при фактическом отстранении нотариусов от удостоверения сделок ФНП запрещает взимание платы за техработу!

Аргументация МГНП была достаточно простой и заключалась в следующем. Согласно ст. 15 Основ законодательства РФ о нотариате нотариус вправе составлять проекты сделок, заявлений и других документов, изготовлять копии документов и выписки из них, а также давать разъяснения по вопросам совершения нотариальных действий. При этом статья 23 Основ, определяя источники финансирования нотариальной деятельности, наряду с оплатой совершенных нотариальных действий в качестве источника финансирования нотариальной деятельности предусматривает также получение денежных средств за оказание услуг правового и технического характера. Эти работы сопровождают практически любое нотариальное действие. Вывод: имеются правовые основания для взимания нотариусами платы за выполнение названных работ, хотя ее размеры новым федеральным законом и не определены.

Предварительно Репин и Черемных проводят консультации в Комитете Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству. По этому поводу Геннадий Григорьевич вспоминает образный и довольно оригинальный тезис председателя Комитета В. Н. Плигина: «Государство не может диктовать нотариусу, сколько стоит его техническая работа, как, например, не может устанавливать, сколько стоит яблоко на рынке».

И вот 31 декабря 2004 г. нотариусы Москвы получают новогодний подарок – заключение № 03-06-03-03 за подписью заместителя министра финансов РФ С. Д. Шаталова на имя Президента МГНП В. С. Репина о правомерности взимания платы за работу нотариусов правового и технического характера с учетом себестоимости этих работ. Разъяснение Минфина России быстро доводится до сведения нотариусов Москвы, а затем эта практика постепенно распространяется по всей стране.

Позднее Правлению ФНП пришлось пересмотреть свои подходы (протокол заседания Правления ФНП от 19–20 июня 2006 г. № 05/06). Кроме того, ФНП получает точно такое же разъяснение, с той лишь разницей, что оно дается Департаментом налоговой и таможенно-тарифной политики Минфина России.

В 2005 г. было положено начало крайне неприятной истории, связанной с проведением конкурса на замещение вакантных должностей нотариусов.

По жалобам не прошедших по конкурсу И. О. Ермошкиной, Э. О. Боруновой, Г. А. Кремлевой были возбуждены судебные процессы о признании недействительными целого ряда конкурсов на замещение вакантных должностей нотариусов. Заявителям сначала было отказано в удовлетворении жалоб. Мосгорсуд указанные судебные решения оставил в силе.

Однако по протесту председателя Мосгорсуда Президиум этого суда все судебные постановления отменил, а дела направил на новое рассмотрение. При повторном рассмотрении жалоб судами первой инстанции вынесены противоположные решения. Жалобы удовлетворены: результаты конкурсов признаны недействительными. Основанием для принятия таких судебных решений послужило установленное судами нарушение со стороны УФРС по Москве процедуры проведения конкурсов, предусмотренной Положением о порядке проведения конкурса на замещение вакантной должности нотариуса (утверждено приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 17 февраля 1997 г. № 19-01-19-97). При этом МГНП к процессу не привлекалась.

Эта история была подогрева публикации в прессе и получила большую огласку. В трех номерах «Московского комсомольца» была опубликована статья Елизаветы Маетной «По прозвищу «Заверь»¹. Впоследствии появились еще две аналогичные публикации. В них утверждалось, что родственники, чаще всего дети нотариусов и крупных чиновников, а также лица, близкие к руководству Палаты, стали победителями конкурса, а более заслуженные и подготовленные к работе в качестве нотариуса люди по конкурсу не прошли. Однако не столько эти факты, сколько информация о вопиющих нарушениях, а подчас и прямых преступлениях, совершаемых нотариусами, примеры чисто человеческой нечистоплотности некоторых нотариусов вызвали большой резонанс в обществе.

Позволим себе дать краткий и совершенно «непрофессиональный» комментарий сложившейся ситуации, а она просто уникальна. Подобного прецедента не было в истории российского нотариата. Из-за нарушения государственным органом (УФРС по Москве) процедурных норм – сроков объявления и проведения конкурсов – наряду с названными в статье Е. Маетной победившими в конкурсе VIP-персонами права на труд лишаются высококвалифицированные юристы, также победившие в конкурсе.

Налицо фактическое нарушение гарантированных Конституцией России трудовых прав этих граждан, ставших нотариусами, которых, однако, отстраняют от занятия профессиональной деятельностью по вине проводившего конкурс государственного органа из-за допущенных им процедурных нарушений.

Суды попросту не исследовали и не дали оценки тому обстоятельству, что назначенные на должности нотариусов люди не повинны в нарушении

¹ Надо сказать, что по прошествии семи лет эта статья все еще активно читается и цитируется. В течение всего 2011 г. в связи с обсуждаемым вариантом изменений в ГК, которые расширят сферу деятельности нотариусов, данная статья снова активно цитировалась. На сайтах риелторских компаний стали ставиться гиперссылки на первоисточник и на перепечатки.

ях, которые были допущены органом юстиции при проведении конкурсов, т. е. они должны страдать не по своей вине. А главное, Основы законодательства РФ о нотариате (статья 12) не предусматривают такого основания прекращения полномочий нотариуса, как нарушение порядка проведения конкурса.

Надо сказать, что в обществе оценка делишек и правонарушений, которые совершаются нотариусами или с их помощью криминальными структурами, предельно негативная. Тут каждый ставит себя на место обиженного или обобранного, и к чувству справедливости у каждого человека добавляется глубоко личное переживание за себя самого, окажись он в такой ситуации. Крохоборство небедных людей также симпатии не вызывает. Статья вызвала настоящий взрыв в обществе именно этими фактами и утверждениями.

Несколько иначе люди реагируют на факты помощи своим детям в их продвижении по карьерной лестнице нотариуса. По большому счету, в нашей стране сейчас мало кого этот вопрос так уж сильно волнует. Положа руку на сердце, многие бы признались в таком грехе. Поэтому, с их точки зрения, уж очень строго осуждать людей, продвигающих своих детей, было бы чистым лицемерием.

В качестве небольшого отступления надо сказать, что ничего плохого в том, что дети идут по стопам родителей, нет. Более того, во многих странах считается нормой и даже благом, когда дети нотариусов сами становятся нотариусами. Династии в этой области приветствуются обществом, а случаи отказа продолжить дело родителей единичны и рассматриваются часто как нонсенс.

Так, известный французский актер Пьер Ришар, отец которого был потомственным нотариусом, рассказывал, что его никто просто не понял, ни из родственников, ни из друзей, когда он отказался продолжить династию, а для его отца это было просто горем. Итальянский нотариус Андреа Йемма, о котором мы говорили в начале статьи, был нотариусом в энном поколении. Первый диплом на право заниматься нотариальной деятельностью, который получил его род, был подписан еще Наполеоном.

В любом случае напрашивается грустный вывод. Нотариусы – победители злосчастных конкурсов, без деления их на категории по признаку «близости к тому или иному благородному телу», стали козлами отпущения несовершенного правового механизма проведения конкурса. Под одну гребенку причесали и правых и виноватых: и названных в публикациях детей высокопоставленных чиновников, и вполне обычных людей, которых, естественно, оказалось подавляющее большинство.

Приходится в очередной раз вспомнить, что русская народная поговорка «Лес рубят – щепки летят» придумана именно в нашей стране.

Наследство без границ. Закон Москвы

Новаторская идея программы «Наследство без границ» развивалась и внедрялась довольно медленно, но необычайно последовательно. Она на несколько лет стала центральной программой Палаты. И этому есть

объяснение. Среди многих миллионов совершаемых нотариусами нотариальных действий основную долю занимали и продолжают занимать такие действия, как свидетельствование верности копий и подлинности подписей, удостоверение доверенностей. Наследственные дела не столь многочисленны, но из всей совокупности нотариальных действий представляют собой, пожалуй, наиболее сложную категорию дел, требующих от нотариуса не только высокого уровня профессиональной подготовки, но и соответствующего оснащения нотариальной конторы.

В отличие от первых трех категорий нотариальных действий наследственные дела предполагают, как правило, многократные встречи с наследниками, часто многочисленными, требуют исследования многих документов и правильного принятия решений, зачастую не в пользу каких-либо обратившихся лиц. Сегодня частнопрактикующие московские нотариусы в год выдают сотни тысяч свидетельств о праве на наследство.

Сам термин «наследство без границ» появился в 2000 г. Во всяком случае в документах он впервые встречается именно в это время. В сентябре 2000 г. на собрание МГНП были приглашены представители московской телекоммуникационной корпорации «Грифин», которые предложили вариант создания корпоративной нотариальной сети. Была представлена довольно широкая концепция, которая могла бы обеспечить постоянный и оперативный доступ нотариусов Москвы к различным информационным ресурсам как самой Палаты, так и к определенным ресурсам Московского городского комитета по государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним (для проверки регистрации собственности объектов недвижимости), ресурсам ГУВД (для проверки паспортов граждан), ресурсам БТИ, ГИБДД и других организаций, а также к юридическим базам данных «Консультант», «Гарант», «Кодекс». Представитель «Грифина» провел презентацию предлагаемого продукта, рассказал, как внутри корпоративной сети может быть реализован принцип, когда любой гражданин может по наследственному вопросу обратиться к любому нотариусу Москвы. Именно этот принцип и был условно назван «наследство без границ». В дальнейшем это понятие закрепилось и стало практически именем нарицательным.

Одним из основных инициаторов внедрения программы стала нотариус Москвы Елена Алексеевна Амелькина. Благодаря ее настойчивости и целеустремленности удалось реализовать этот проект, убедить не только

Елена Алексеевна Амелькина

нотариусов, но, что главное, руководителей Главного управления Минюста в необходимости перехода на новые правила оформления наследственных прав в таком мегаполисе, как г. Москва. В апреле 2001 г. Правление МГНП принимает решение передать на рассмотрение бюджетной комиссии для подготовки экономического обоснования вопрос о программе «Наследство без границ», и реализация проекта переходит в практическую плоскость.

МГНП первой приступила к реализации программы «Наследство без границ», и как первопроходцу ей приходилось все делать впервые, без опоры на чей-то опыт и чьи-то наработки. Важнейшим элементом как раз и стали компьютерная программа «Наследство без границ» и программа «Автодок-Наследство». Строго говоря, это не просто компьютерные программы, а полноценная информационная среда с централизованной системой учета наследственных дел, с базами данных, рабочими местами, системой удаленного доступа и надежнейшей защитой всего этого комплекса от любого несанкционированного доступа.

Понятно, что такая система в один момент не создается. Разработка концепции, модели, ее техническая реализация и отладка – это одна сторона дела. Но требовалось провести большую работу по обучению нотариусов и персонала нотариальных контор. Однако и это еще не все: требуется правовое решение о наделении частнопрактикующих нотариусов полномочиями по ведению наследственных дел в этой системе.

Руководитель Главного управления Федеральной регистрационной службы по Москве А. Э. Буксман в 2005 г. издает три приказа об организации централизованного учета наследственных дел, выдаче свидетельств о праве на наследство и оформлении нотариусами города Москвы наследственных прав по принципу «наследство без границ».

В первом приказе возлагались полномочия на 47 нотариусов, во втором – на 251 нотариуса, а третьим приказом с 1 января 2006 г. уже все нотариусы Москвы ведут наследственные дела. В 2004–2006 гг. Правление МГНП не менее тридцати раз в своих постановлениях обращалось к тем или иным вопросам реализации программы «Наследство без границ». Основной объем работы по этому направлению, естественно, лег на плечи 15 нотариусов, входящих в комиссию по рассмотрению вопросов применения законодательства о наследстве и организации работ по оформлению наследственных прав в рамках реализации программы «Наследство без границ».

Программа «Наследство без границ» теперь внедряется и другими нотариальными палатами.

Другим исключительно важным, знаменательным событием этого времени стало принятие Закона города Москвы «Об организации и деятельности нотариата в городе Москве». Принципиальная договоренность о подготовке проекта данного закона и внесении его в Мосгордуму была ранее достигнута с ее председателем В. М. Платоновым. Однако время шло, а вносить было нечего. В начале 2006 г. инициативу проявил Г. Г. Черемных, который привлек к подготовке проекта В. А. Бочковенко.

Долгожданный Закон города Москвы «Об организации и деятельности нотариата в городе Москве» был принят 19 апреля 2006 г. Он закрепил еди-

ную организационную основу небюджетного нотариата пусть и не в масштабах всей страны, но зато на уровне ее столицы.

По сравнению с федеральным законодательством московский Закон ввел ряд новелл. В частности, он впервые определил нотариат как институт гражданского общества, наделенный публично-правовыми полномочиями, установил, что нотариально оформленные документы имеют доказательственную силу и публичное признание. По тексту Закона слово «лицензия» сопровождается дополнением «квалификационное свидетельство», дабы не отождествлять нотариальную деятельность с предпринимательской, что постоянно практиковалось в деятельности многих государственных структур. Законом введено право нотариуса использовать под нотариальную контору жилое помещение, принадлежащее ему по праву собственности; определено, что вывеска нотариальной конторы, указатели и иная информация не являются рекламой. Эта норма защищает нотариуса от постоянных попыток городских служб привлекать нотариусов к оформлению процедур, установленных для рекламодателей, и незаконных требований об уплате сборов и налога на рекламу.

Некоторые предлагаемые законопроектом нововведения все же были отвергнуты на стадии его согласования. Так, по требованию Прокуратуры Москвы было исключено положение законопроекта, предусматривающее запрет на изъятие органами следствия реестров для регистрации нотариальных действий. Не получило одобрения и содержащееся в первоначальном тексте положение о преюдициальном значении нотариально удостоверенных документов при рассмотрении гражданских дел судами.

Одна из главных задач, которую удалось решить Законом, — это предоставление частнопрактикующим нотариусам права оформлять наследственные права граждан. Второе по значимости достижение — право нотариусов взимать плату за выполнение работ правового и технического характера.

Законом было также определено, что Правительство Москвы устанавливает режим работы нотариусов. Во исполнение этой нормы постановлением Правительства Москвы от 22 августа 2006 г. № 583-ПП «О режиме работы нотариальных контор» нотариусам установлен 8-часовой рабочий день с графиком приема населения не менее 6 часов, а также предоставлено право самостоятельно определиться с возможностью работы в выходные дни и за пределами рабочего времени, организовать работу в режиме дежурной нотариальной конторы.

Был решен и давний болезненный вопрос определения численности нотариусов. Закон установил соотношение: 15 тысяч человек населения Москвы, имеющих постоянную регистрацию по месту жительства, на одного нотариуса. Впоследствии эта норма явилась ориентиром для принятия Минюстом России приказа от 26 ноября 2008 г. № 275, установившего порядок определения количества должностей нотариусов в нотариальных округах для всей страны.

Закон сформулировал такие понятия, как «деятельность нотариата», четко определив компетенцию органов управления Палаты. Было установ-

А. В. Скурлатов. Фото 2001 г.

лено, что только Правление Палаты как постоянно действующий коллегиальный орган управления вправе привлекать нотариуса к ответственности, исправив тем самым ошибку, допущенную в Профессиональном кодексе нотариусов Москвы. Более четко по сравнению с Основами разграничены вопросы профессионального и судебного контроля. В частности, установлено, что проверяющие не вправе давать оценку законности и обоснованности нотариальным действиям. Был регламентирован и ряд других вопросов.

А. В. Скурлатов считает, что Закон Москвы спасал гибнущий нотариат, так как была узаконена оплата технических работ. Черемных в принципе согласен с этим мнением. Он подчеркивает, что

когда размеры тарифа были приемлемы для организации работы контор, нотариусы практически никогда не брали деньги за техническую работу. Но когда нотариуса лишили возможности самофинансировать свою деятельность за счет нотариального тарифа, то взимание платы за эту техническую работу стало фактическим спасением нотариата, а сегодня — основным источником финансирования. И это полностью соответствует законодательству.

В московском Законе, считает Черемных, дальновидно разъединены размер нотариального тарифа и стоимость технической и правовой работы. Это спасало нотариат тогда, спасает его и сейчас, поскольку тарифы были установлены в 2004 г. и с тех пор не менялись, а инфляция давным-давно уже «съела» эти деньги. В отличие от тарифов, которые устанавливаются законом, размер оплаты за техническую и правовую работу нотариус в принципе может устанавливать сам. Но в пункте 10 статьи 15 Закона было решено отразить, что МГНП «рекомендует объем и стоимость правовой и технической работы нотариусов по составлению проектов сделок, заявлений и других документов, изготовлению копий документов и выписок из них, а также по разъяснению вопросов совершения нотариальных действий».

Впервые же размеры оплаты за правовую и техническую работу на 2006 г. были утверждены собранием МГНП 16 декабря 2005 г., т. е. за 4 месяца до принятия самого Закона. Закон же закрепил начавшую складываться практику.

Таким образом, Палата утверждает рекомендации по единым размерам оплаты за работы правового и технического характера. Это важно, счита-

ет Черемных, и для того чтобы люди не звонили и не узнавали, «у кого из нотариусов какие цены», и чтобы не было кривотолков. Данная норма московского Закона впоследствии явилась примером, образцом и для других регионов страны. Так, она практически продублирована в статье 6 Закона Санкт-Петербурга «Об организации и деятельности нотариата в Санкт-Петербурге», принятом 17 декабря 2008 г.

Столь важный для московских нотариусов Закон все же содержал ряд норм, которые в дальнейшем были признаны Верховным судом РФ недействующими. Иск в суд подал А. В. Сафонов. Мосгорсуд отказал в удовлетворении иска. Однако Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда РФ это решение отменила частично и определила, что надлежит принять новое решение, в котором признать недействующими некоторые положения Закона, в том числе статьи 23 «Прекращение полномочий нотариуса» и положения, касающиеся принципа определения членских взносов.

На самом деле, считает сам автор закона Черемных, это благо, что Сафонов подал иск в суд. Если бы, к примеру, действовала норма о прекращении полномочий «в случае наделения нотариуса полномочиями в нарушение требований законодательства Российской Федерации и настоящего Закона», то результаты ряда конкурсов на замещение вакантной должности нотариуса попадали бы под это положение Закона и очень многие из нотариусов могли бы пострадать. Но Верховный суд это основание для прекращения полномочий отменил, и в 2008 г. были внесены соответствующие поправки в Закон.

16 мая 2006 г. прошло отчетно-выборное собрание МГНП. На нем присутствовали 564 нотариуса. С приветственным словом выступил В. М. Платонов. Он рассказал о Законе Москвы, который довольно легко был принят Мосгордумой, и пожелал московским нотариусам успехов. На этом собрании наконец-то В. С. Репин был избран на должность Президента МГНП. За него проголосовали 377 человек, или 67% нотариусов, присутствовавших на собрании. Остальные кандидаты набрали: М. А. Долгов – 33 голоса, У. С. Новопашина – 58 голосов, А. Б. Царелунго – 19 голосов. 71 голос был подан против всех. На собрании также были избраны новое Правление, ревизионная и избирательная комиссии.

19 декабря 2006 г. состоялось общее собрание, на котором в соответствии с повесткой дня следовало утвердить рекомендуемую стоимость правовой и технической работы нотариусов на 2007 г., решить вопрос о размере членских взносов на 2007 г., утвердить смету на 2007 г., а также принять новую редакцию Устава.

Тарифы были утверждены большинством голосов. Вопрос о членских взносах в размер 8500 руб. в месяц тоже решился быстро и подавляющим большинством голосов (486 голосов «за», 60 – «против»). Смета доходов и расходов вообще была утверждена единогласно и практически без дискуссии. Вопрос же об Уставе вызвал дебаты. Еще при рассмотрении повестки дня собрания были попытки исключить вопрос об Уставе из повестки, но это предложение не набрало сторонников, за него проголосовали только 22 человека. Обсуждение состоялось, но когда вопрос о принятии был вы-

Голосование на собрании 19 декабря 2006 г.

несен на голосование, то новая редакция Устава не была принята. «За» голосовали только 146 человек, все остальные были «против». Сразу после голосования многие нотариусы покинули собрание, и для принятия решения по вопросам в разделе «Разное» уже не было кворума.

Пока Московская палата занималась разработкой нового московского законодательства и организацией работы после его введения в действие, в Федеральной палате происходят события, наложившие отпечаток на дальнейший ход событий.

31 марта 2006 г. собранием представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации вносятся изменения в Профессиональный кодекс нотариусов Российской Федерации. Из Кодекса исключается пункт 3.7, в котором говорится, что нотариус должен «избегать личного участия в деятельности политических партий и объединений, вовлечения в политическую деятельность, не позволяющую нотариусу сохранять лояльность, объективность и независимость», т. е. снимается запрет на участие нотариуса в политической деятельности.

19 января 2007 г. ФНП в лице своего Правления заключает Соглашение о сотрудничестве с политической партией «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь», не поставив об этом в известность нотариусов страны.

Правление МГНП, нотариальный актив МГНП крайне отрицательно отнесся к самой идее сотрудничества с политической партией. У нотариусов Москвы не вызывало сомнений, что нотариат должен быть вне политики, что такое сотрудничество может привести к крайне негативным пос-

ледствиям для нотариата в целом. Как мы помним, о такой опасности еще в 1995 г. предупреждал А. И. Тихенко.

МГНП не стала следовать примеру ФНП в вопросе об исключении из Профессионального кодекса нотариусов Москвы положения о запрете участия в деятельности политических партий и объединений, вовлеченности в политическую деятельность.

Примирение

2 декабря 2007 г. после продолжительной болезни скончался Виктор Сергеевич Репин. О человеке судят по поступкам, а их у Репина было немало, а главное – он не боялся их совершать. Способность к принятию решений – вот, наверное, главное достоинство этого человека, равнодушного и преданного своему делу, но и не застрахованного от ошибок. Память о первом Президенте Московской городской и Федеральной нотариальных палат увековечена: на входе в здание в Бобровом переулке установлена памятная доска с его барельефом.

О Викторе Сергеевиче Репине, его роли и его вкладе в судьбу нотариата можно услышать подчас самые противоположные суждения, но была черта в его характере, которая выделяла его и которая неизменно вызывала симпатию у очень многих – это его внимательное и участливое отношение к тому, что на самом деле для каждого из нас является главным в жизни – это семья, дети и забота о них. Валентина Дмитриевна Потемкина считает, что «из всех руководителей, которые были за эти 20 лет, только Репина по-настоящему интересовала не только наша профессиональная деятельность, но и то, чем живут люди помимо работы, не нужна ли какая-то помощь... Он ведь сам из детдома, и было видно, что этот интерес и это желание помочь были искренними, исходившими из глубины души».

Собрание, в повестку дня которого был вынесен вопрос о выборах нового Президента МГНП, прошло 12 марта 2008 г. Из 666 нотариусов Москвы на собрании присутствовали 563 человека. Также на собрании присутствовали: И. Н. Кондрат – руководитель Управления Федеральной регистрационной службы по Москве и Н. И. Кашурин – исполняющий обязанности Президента Федеральной нотариальной палаты.

Протоиерей Михаил Малеев зачитал поздравительное письмо патриарха Московского и всея Руси Алексия II и торжественно вручил Вице-президенту МГНП В. В. Ралько икону с изображением образа Пресвятой Богородицы. Собрание приветствовали своими телеграммами депутаты и видные государственные деятели: Л. К. Слиска, В. В. Жириновский, Ю. М. Лужков, В. М. Платонов.

На должность Президента МГНП баллотировались Галина Ивановна Вергасова, Алексей Анатольевич Масляный, Александр Викторович Скурлатов, Василий Васильевич Ралько. Собранием было установлено, что для избрания на должность Президента МГНП кандидат должен набрать не менее 310 голосов. Все четыре кандидата выступили со своими программами.

Председательствующий на собрании Черемных предложил поручить Правлению обобщить предложения, прозвучавшие в предвыборных программах кандидатов, разработать единую программу и принять ее к исполнению.

Было поставлено на голосование предложение Вергасовой о даче рекомендации всем нотариусам, лишенным полномочий в связи с судебными решениями об отмене результатов конкурсов на замещение вакантной должности нотариуса, для повторного назначения на должность. Это предложение было поддержано подавляющим большинством голосов. Однако было высказано мнение, что вопрос на голосование был поставлен некорректно, так как собрание не вправе напрямую рекомендовать кого-либо конкурсной комиссии для наделения полномочиями нотариуса. Поэтому на голосование была вынесена другая формулировка – поручить Правлению МГНП предоставить рекомендации для повторного назначения на должность нотариуса г. Москвы всем нотариусам, лишенным полномочий в связи с судебными решениями об отмене результатов конкурсов на замещение вакантной должности нотариуса. За эту формулировку нотариусы голосовали единогласно.

В дебатах по кандидатам приняло участие довольно большое число нотариусов. В поддержку В. В. Ралько выступили: Н. В. Репин, А. В. Сафонов, Ю. М. Покровский, Н. П. Шиндина, Л. М. Попова, С. А. Цветков, В. Н. Кузнецов. В поддержку Г. И. Вергасовой: А. В. Бизякин, Е. Ю. Казанова, Т. И. Сопина, М. В. Соколова, Е. А. Амелькина, Е. Г. Мокрородова. Затем председатель избирательной комиссии В. И. Ефимов огласил итоги голосования:

Вергасова Галина Ивановна – 177 голосов (32%);

Масляный Алексей Анатольевич – 0 голосов (0%);

Ралько Василий Васильевич – 324 голоса (59%);

Скурлатов Александр Викторович – 30 голосов (5%);

против всех – 14 голосов (3%).

Таким образом, пятым по счету Президентом МГНП стал Василий Васильевич Ралько, до своего избрания исполнявший обязанности Вице-президента МГНП.

Для многих результаты выборов были в некоторой степени неожиданны. У всех в памяти были все еще свежи воспоминания о многочисленных и безрезультатных собраниях по выборам, а тут один из кандидатов так легко побеждает сразу на первых же выборах, да еще с явным преимуществом!

На собрании было также принято решение ходатайствовать перед Правительством Москвы о выдвижении Геннадия Григорьевича Черемных для присвоения звания «Заслуженный юрист Российской Федерации». Проголосовали единогласно.

Следует отметить, что после этих выборов в работе общих собраний намечился важный поворот. Во-первых, из общего числа нотариусов, которое колебалось в пределах 660–690 человек, на собрании неизменно присутствовали 560–580 нотариусов. Во-вторых, обсуждения за очень редким исключением носили мирный и довольно дружелюбный, конструктивный характер. Наконец, в-третьих, решения почти всегда принимались подавляющим большинством голосов. Период бурных дебатов и апофеоза чело-

веческих страстей ушел в прошлое, похоже, окончательно. Все это свидетельствовало о единении московских нотариусов, об отсутствии принципиальных разногласий по ключевым вопросам организации и деятельности.

Типичным примером такого собрания является общее собрание, прошедшее 23 января 2009 г. На нем присутствовали 578 нотариусов из 689. В повестке дня были вопросы, которые раньше, как правило, вызывали бурные дебаты, в которых каждый стоял на своей точке зрения буквально насмерть. Работа МГНП и Ревизионной комиссии обсуждалась нотариусами, но после обсуждения она была признана удовлетворительной единогласно. Смета доходов и расходов на 2009 г. также обсуждалась, но и она была утверждена единогласно. Вопрос об обучении и содержании стажеров за счет нотариусов также решился положительно (570 – «за», 8 – «против»). Обсуждение тарифов за правовую и техническую работу было заинтересованным и, хотя тарифы в целом были утверждены 567 голосами против 11, все же некоторые из них в ходе обсуждения были изменены в сторону увеличения. И даже повышение членских взносов до 14 тыс. рублей в месяц не вызвало бурных споров. За это предложение проголосовало подавляющее большинство нотариусов при 25 «против» и 10 «воздержавшихся».

Из этой благостной картины несколько выбился лишь вопрос об утверждении изменений и дополнений, вносимых в Устав. Этот вопрос рассматривался последним в повестке дня. Изменения и дополнения в Устав были утверждены 420 голосами против 1. К этому времени 157 нотариусов попросту ушли с собрания.

Нельзя сказать, что собрания в эти годы хоть чем-то напоминали достопамятные застойные времена с их скукой и заранее известными решениями. В наше время на такие собрания независимых нотариусов, да еще в таком количестве, никто бы никогда не собрал. Члены Палаты принимали самое заинтересованное участие в работе собраний, но при этом сами собрания проходили достаточно конструктивно, организованно и продуктивно.

Деятельность Ралько на посту Президента МГНП была сразу сориентирована на преодоление разногласий, сближение позиций МГНП и ФНП, поиск компромиссов. По воспоминаниям Ралько, ситуация была просто

*Василий Васильевич Ралько.
Президент МГНП в 2008–2011 гг.*

неприличной: не только руководители двух палат между собой не здоровались, но постепенно это перешло и на сотрудников МГНП и ФНП, они тоже перестали здороваться и общаться, находясь на разных этажах общего четырехэтажного здания. Первые шаги к сближению, как вспоминает Ралько, незадолго до своей кончины предложил сделать сам Репин. Он пригласил к себе Ралько, который был тогда Вице-президентом Палаты, и сказал: «Вась, мне уже поздно этим делом заниматься, каяться и так далее, но любая война миром заканчивается. Надо менять позицию. Иди в Федеральную палату, наводи мосты, а я соглашусь со всем, что ты сделаешь».

Вот примечательная цитата из интервью Ралько:

Я пришел к Клячину и говорю:

– Все, давай будем дружить!

Клячин немного даже испугался и спросил:

– А что Репин?

Я говорю:

– А что Репин... Репин – самодур! (Клячин испугался еще больше.) Но ведь и любви к нотариату у него не отнимешь!

Потом я вернулся в Палату и говорю Репину:

– Пришлось вас самодуром обозвать.

– Я тебе это припомню! – сказал Репин, улыбаясь.

С этого момента отношения двух палат начали понемногу налаживаться. При Кашурине ФНП даже прислала проверку в МГНП. С этой проверкой тоже был связан довольно комичный эпизод. Кашурин и Ралько заранее договорились о проведении проверки, но никого об этой договоренности в известность не поставили. А на Правлении Федеральной палаты Ралько заявил, мол, почему это все палаты проверяются, а МГНП – нет. В воздухе повисла тишина, и кто-то тихо спросил: «А вы пустите?» Понятно, все еще с некоторым недоверием относились к МГНП и опасались какого-нибудь подвоха с ее стороны. При Ралько стал решаться также и вопрос о погашении задолженности по взносам в ФНП. Какая-то часть этой суммы была погашена, а какая-то «застряла» в банке.

Сближение не могло произойти стремительно после стольких лет прямого противоборства, но стремление преодолеть былую конфронтацию и шаги друг другу навстречу предпринимались с обеих сторон. Наиболее полно это демонстрируют материалы собрания представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации 19 ноября 2009 г., поэтому имеет смысл привести фрагменты стенограммы хода этого собрания.

Сазонова М. И.

– Кто следующий? Василий Васильевич Ралько – Президент Московской городской нотариальной палаты.

Ралько В. В.

– Добрый день, уважаемые коллеги! Сегодня для меня, лично для меня, два исторических события. Первое – то, что наше сообщество посетил министр юстиции. Не просто посетил, принял участие, сказал столько интересного. Второе историческое событие – это то, что я сегодня первый раз выступаю в качестве Президента перед нотариальным сообществом.

Поэтому я хотел бы сказать несколько слов о нашей Палате. Она самая многочисленная, составляет на сегодняшний день семьсот человек. Но не только о количестве, но и о качестве надо говорить. Я горжусь, что у нас работают видные юристы: ученые, доктора, профессора, доценты, крупные специалисты, преподаватели вузов. Мы учредили Академию адвокатуры и нотариата, теперь у нас есть свой вуз. Мы при этом вузе создали высшие курсы повышения квалификации, на которых московские нотариусы повышают квалификацию, из других субъектов тоже приходят к нам и учатся на этих курсах. У нас хорошая Палата.

...Решен и вопрос по взносам. Мы создали комиссию, которая очень долго работала, анализировала и пришла к выводу, какая сумма должна быть. На ближайшем собрании мы поставим вопрос, чтобы перейти на процентные отчисления, процентную оплату взносов, но это очень сложный вопрос для нашего сообщества. Уважаемые коллеги, Московская городская палата готова поддержать материально, оказать помощь Федеральной нотариальной палате в покупке здания, и мы поддерживаем эту идею, поскольку она у нас достойная Палата...

И наконец-то, уважаемые друзья, я считаю, что у нас сегодня счастливый миг. Миг длительным не бывает. Есть предложение Минюста, надо к этому прислушаться, надо каждый день работать на то, чтобы доказывать, что мы нужны государству. Не государство нам, а мы ему нужны, что мы работаем для государства и общества и можем принести очень много хорошего и полезного. И, наконец, я просил бы, чтоб вы не считали мое выступление каким-то покаянием. Каяться, наверно, придется нам всем, но не сегодня и не здесь. Я хотел, чтобы вы считали мое выступление призывом к общению, к открытости, что никак Московская палата не является изгоем. Давайте работать вместе регулярно, либо через Федеральную палату, как угодно. Спасибо за внимание.

Сазонова М. И.

– Я рада, что присутствуют большие сдвиги в понимании, в подходах Московской городской нотариальной палаты. И, конечно же, мне приятно, что Московская палата всячески предлагает свою помощь, и не только на уровне Василия Васильевича. Должна сказать, что и опытные нотариусы, члены Правления, рядовые нотариусы приходят и предлагают деловую помощь, особенно члены Правления Московской городской палаты.

Поэтому мне это, естественно, приятно, и то, что мы все должны быть в одной упряжке, особенно сейчас, это однозначно, неоспоримо. И мне очень приятно осознавать, что Василий Васильевич, как руководитель, как член Правления, понимает это. Спасибо.

Участвуя в формулировании решений собрания представителей нотариальных палат, Ралько внес следующие предложения, которые были одобрены собранием:

- обязать МГНП производить с 1 января 2010 г. оплату членского взноса в ФНП в процентном отношении от валового дохода каждого нотариуса;
- исключить практику привлечения нотариусами к выполнению работ правового и технического характера индивидуальных предпринимателей.

Приведенные материалы показывают, что на посту Президента МГНП Ралько, в отличие от предшественника, проявлял значительно большую

Выступление А. В. Сафонова. Март 2011 г.

дипломатичность. Надо сказать, что Репин не отличался гибкостью и не стеснялся прямо, без обиняков высказывать оппонентам претензии, причем порой в достаточно резкой форме.

Ралько удалось осуществить, казалось бы, невозможное — не только сблизить позиции МГНП и ФНП, но и практически объединить их усилия для решения общих проблем. Московская городская палата стала активно участвовать в проводимых ФНП мероприятиях. На базе МГНП с участием московских нотариусов стали осуществляться проводимые ФНП эксперименты, пилотные проекты по внедрению в нотариальную практику новых информационных технологий, электронной подписи. Московский нотариус становится членом Правления ФНП, чего не наблюдалось с 2001 г. Им становится В. В. Ралько.

Атмосфера единодушия царит не только в деловой жизни, контактах двух палат, но и в неформальном общении коллег. Это проявляется на ставших традиционными олимпиадах нотариусов, на новогодних балах нотариусов, где Сафонов и Ралько, в былые годы находившиеся «по разные стороны баррикад», теперь дуэтом поют «полюбившуюся всем песню «Пчелка» (как сообщает сайт МГНП).

С 2008 г. началась активизация работы комиссий, многие из которых на протяжении ряда лет существовали формально. В. В. Ралько говорит, что всегда видел в активности людей источник успехов Палаты: «Ко мне подходили люди с идеями и я им говорил: беритесь и делайте, финансовую поддержку мы вам обеспечим». Люди увлеченные увлекали за собой и других, налаживались контакты, укреплялось доверие между нотариусами.

Создавались новые комиссии (их на сегодняшний день уже 16), группы по интересам и т. д.

Тем временем после прихода к руководству ФНП М. И. Сазоновой меняются методы работы этой некоммерческой организации. Она начинает позиционировать себя как вышестоящая организация по отношению к региональным нотариальным палатам и к нотариусам, — что-то наподобие нотариального министерства. Деятельность ФНП проходит под знаком принятия решений, носящих административный, приказной характер, чего ранее не отмечалось. В кругу нотариусов это вызывает многочисленные вопросы.

Меняется даже стиль изложения постановлений собрания представителей нотариальных палат субъектов Российской Федерации, при ознакомлении с текстом которых у многих возникают сомнения в правовой чистоте формулировок, а следовательно, — и в юридической силе принятых решений. Вот некоторые из них:

Обязать Московскую городскую нотариальную палату принять меры к уплате членских взносов нотариусами в процентном отношении от их валового дохода с 1 января 2010 года (постановление Собрания представителей нотариальных палат субъектов РФ от 19 ноября 2009 г.);

признать практику неисполнения некоторыми нотариальными палатами решений Собрания — высшего органа нотариального сообщества неконструктивной и негативно сказывающейся на положительном имидже нотариата РФ (постановление Собрания представителей нотариальных палат субъектов РФ от 15–16 апреля 2010 г.).

Если ранее Федеральной нотариальной палатой утверждались методические рекомендации или примерные положения, ориентирующие региональные нотариальные палаты на принятие собственных локальных нормативных правовых актов, то теперь наряду с нормативными документами, прямо поименованными в Основах законодательства РФ о нотариате (например, Правилами нотариального делопроизводства), Правлением ФНП принимается также ряд положений, носящих уже обязательный характер как для нотариальных палат, так и для нотариусов, т. е. имеющих прямое действие; например, Положение о порядке замещения временно отсутствующего нотариуса, занимающегося частной практикой, Положение о порядке изготовления, обращения, учета и использования бланка для совершения нотариальных действий. Все эти документы официально доводятся до общего сведения и размещаются на сайте ФНП.

9 апреля 2010 г. МГНП в довольно дипломатичной форме обращается с письмом № 60/3404 за подписью В. В. Ралько на имя Президента ФНП с вопросами о статусе принятых положений, их юридической силе. Однако ответа не последовало.

Позднее нотариус Москвы А. В. Игнатенко обращается в Мещанский районный суд г. Москвы с заявлением, в котором просит суд признать утвержденное Правлением ФНП 10.12.2008 и согласованное с Минюстом 18.11.2009 Положение о порядке замещения временно отсутствующего нотариуса, занимающегося частной практикой, противоречащим действующим

Т. И. Сотина и К. А. Корсик на выборах Президента МГНП в октябре 2011 г.

щему законодательству. 7 февраля 2011 г. Мещанский суд выносит решение об отказе в удовлетворении жалобы. Однако для заявительницы это был не проигрыш дела, а победа. Отказ в удовлетворении жалобы был судом мотивирован тем, что Положение не затрагивает прав заявителя, поскольку носит рекомендательный характер и является примерным (!!). И это несмотря на императивность и категоричность содержащихся в Положении формулировок, «рекомендующих» разрешительный порядок оформления полномочий и документальное подтверждение каждого факта отсутствия нотариуса.

В статье «Еще раз о правовом регулировании нотариальной деятельности» Г.Г. Черемных, вспоминая парламентские слушания в Совете Федерации в феврале 2010 г., дает следующие комментарии: «Поразила реакция на это замечание Президента ФНП М.И. Сазоновой: “А вот мы вам пропишем, и будете исполнять”. Не хотелось бы вспоминать этот частный неприятный случай, но именно он, на наш взгляд, объясняет неправомерный характер нормотворческой деятельности Федеральной нотариальной палаты»¹.

Таким образом, в условиях длительного отсутствия нормальной современной правовой базы в сфере нотариата этот вакуум с недавних пор стал заполняться директивами ФНП.

Очередные выборы состоялись 4 октября 2011 г. Из 693 нотариусов на собрании присутствовали 642 человека. По старой не очень доброй традиции это было не первое собрание по выборам Президента. Предыдущее собрание 10 марта 2011 г. победителя не выявило, ни один из двух фаворитов (В.В. Ралько и К.А. Корсик) не набрал необходимого количества голосов.

¹ «Нотариус», 2010, № 3.

Константин Анатольевич Корсик (в центре). Президент МГНП с 2011 г.

Ралько на этот раз не стал выдвигать свою кандидатуру. Судя по всему, главной причиной такого решения послужило событие, связанное с непрофессиональными действиями руководства МГНП по переводу, причем совершенно неожиданному, денежных средств в размере 63 млн рублей из вполне благополучного банка в малоизвестный банк ЗАО АКБ МИБ. У этого банка буквально через несколько месяцев после этого была отозвана лицензия и он был признан банкротом. Президентом Палаты в это время был Ралько, и у московских нотариусов естественно возникли вопросы к Ралько, поскольку перечисленные средства являлись их членскими взносами. По поступившему в Палату уведомлению конкурсного управляющего ЗАО АКБ МИБ задолженность установлена и Палата определена в качестве кредитора третьей очереди. Понятно, что в такой ситуации возвращение средств Палате выглядит весьма проблематичным.

Так или иначе, в бюллетень для голосования на должность Президента были внесены 4 фамилии, а по результатам тайного голосования голоса распределились следующим образом:

Никифорова Светлана Александровна – 232 голоса;

Попова Лидия Михайловна – 54 голоса;

Корсик Константин Анатольевич – 337 голосов;

Карнаухова Айгуль Энгельсовна – 13 голосов.

Таким образом, Константин Анатольевич Корсик был избран на должность Президента МГНП. Вице-президентом, как и следовало ожидать, стала Никифорова.

Своей главной целью Корсик назвал «повышение роли профессии нотариуса в социально-экономической жизни страны и признание этой роли обществом и властью». Для этого он пообещал продолжать актив-

ную законопроектную работу, направленную на расширение компетенции нотариусов. Одно из существенных положений его программы, которое, безусловно, импонировало избирателям, – отказ от Президентского вознаграждения.

Вопрос о реализации Константином Анатольевичем намеченных планов лежит уже за рамками нашего повествования. Надеемся, что и эта история получит свое продолжение и будет также положена на бумагу.

Социальная жизнь Палаты в последние годы

Сегодня Московская городская нотариальная палата представляет собой отлаженный механизм защиты как профессиональных, так и социальных прав своих членов.

В Палате уделяется большое внимание социальной защите как действующих нотариусов, так и пенсионеров. В феврале 2009 г. Правление Палаты утвердило Положение о материальной помощи пенсионерам МГНП, и с этого момента начались регулярные ежемесячные выплаты материальной помощи. В настоящий момент она составляет 20 тыс. рублей. Именно такую доплату к пенсии получают с конца 2011 г. 23 сложивших свои полномочия нотариуса-пенсионера. В МГНП действует Положение об оказании материальной помощи нотариусам города Москвы в связи с временной нетрудоспособностью, беременностью и родами. Также приняты документы, в соответствии с которыми оказывается материальная помощь несовершеннолетним детям умерших нотариусов и всем членам Палаты при трудных жизненных ситуациях.

МГНП всегда активно занималась благотворительностью. Последние четыре года Палата оказывает помощь детскому дому № 5 Москвы. Ежегодно оказывается помощь Региональному общественному фонду «Иллюстрированные книжки для маленьких слепых детей» и Региональной общественной организации «Материнская память». Начиная с 2012 г. МГНП оказывает благотворительную помощь Фонду «Подари жизнь». Благотворительностью занимается не только Палата, добровольные пожертвования делают и сами нотариусы: в 2012 г. на их средства были куплены и посажены на территории Федерального научно-клинического центра детской гематологии, онкологии и иммунологии 350 кустов роз.

Международная деятельность, заметно сократившаяся в начале – середине 2000-х гг., с конца 2000-х гг. также стала возрождаться. За последние годы укрепились деловые и дружеские связи с нотариальными палатами столичных городов стран Восточной Европы – Польши, Словакии, Болгарии. Начались переговоры о вступлении МГНП в Ассоциацию «Нотариусов европейских метрополий», в состав которой входят нотариальные палаты Парижа, Брюсселя, Женевы, Мадрида, Рима, Берлина.

Социологи отмечают, что признаком прогрессивного развития любой общности является рост разнообразия элементов ее жизни и степень вовлеченности в эту жизнь ее членов. Также верным признаком того, что общность выходит за рамки утилитарных задач, свидетельством активности

Работа в подшефной детской больнице. Т. И. Сотина и Ю. М. Покровский. 2012 г.

своего существования является вовлеченность ее членов в различные культурные и спортивные мероприятия. С этим в МГНП в последние годы все обстоит более чем замечательно. Комиссия по физкультурно-оздоровительной, спортивной и культурно-массовой работы МГНП была создана 20 ноября 2008 г. и активно работает.

В 2009 г. по инициативе Лидии Михайловны Поповой, являвшейся на тот момент Вице-президентом МГНП, был организован и проведен первый волейбольный турнир памяти Виктора Сергеевича Репина. С тех пор турнир проводится ежегодно и стал традиционным. Число участников турнира растет с каждым годом. В 2012 г. Палата выступила инициатором и организатором Всероссийской нотариальной Олимпиады, участниками которой стали 300 нотариусов из 24 регионов России. МГНП на этой Олимпиаде заняла общекомандное второе место. Спортивные трофеи МГНП, выставленные в ее офисе, впечатляют.

Эта активная социальная жизнь отнюдь не препятствует выполнению Палатой основных своих функций, прежде всего – публично-правовых. В Палате работает 16 комиссий, 13 из которых отвечает за реализацию уставных задач Палаты, связанных с профессиональной деятельностью нотариусов.

Защита профессиональных интересов и социальных прав – одна из сторон медали. Закон обязывает нотариальную палату также осуществлять и профессиональный контроль, следить за соблюдением норм профессиональной этики.

Комиссия профессиональной чести нотариусов Москвы является постоянно действующим органом МГНП, рассматривающим вопросы выпол-

Новогодний праздник в Детском доме № 5. Декабрь 2011 г.

нения нотариусами своих профессиональных обязанностей, этических норм поведения нотариуса и иных требований, предусмотренных Уставом МГНП и Профессиональным кодексом нотариусов Москвы.

Особый статус данной комиссии определяется тем, что выборы в нее проводятся собранием, соответственно и комиссия отчитывается перед собранием и ему подчиняется. Председателем комиссии может быть нотариус Москвы со стажем работы в нотариате не менее десяти лет, а членом комиссии — не менее пяти лет. При этом все члены комиссии должны иметь безупречную профессиональную репутацию и не иметь компрометирующих фактов как в профессиональной деятельности, так и в личной жизни.

Председателем комиссии, избранным в январе 2010 г., стал авторитетный в нотариате человек Натиг Исмаилович Агамиров. Помимо председателя в комиссии работают еще 8 человек.

Основанием для рассмотрения дел в комиссии являются факты, изложенные в обращениях физических и юридических лиц, средствах массовой информации, материалах проверок и представлениях судебных, прокурорских, следственных органов и иных должностных лиц. За время работы комиссии данного состава было проведено 34 заседания и рассмотрено 36 материалов. По 26 материалам комиссия вынесла решение о применении мер дисциплинарного воздействия.

Вопросами повышения квалификации нотариусов и обучения стажеров занимается соответствующая комиссия. В Палате учебе нотариусов и стажеров всегда уделялось внимание, так как от правильной работы нота-

Прием экзаменов в Российской академии адвокатуры. Июнь 2012 г.

риуса очень многое зависит как в его профессиональной деятельности, так подчас и в жизни самой Палаты.

Сегодня московский нотариат составляет 10% всех нотариусов Российской Федерации, и значительную часть его составляют молодые нотариусы, не имеющие должного опыта практической работы. Правление МГНП приняло решение войти учредителем в Российскую академию адвокатуры, которая с этого момента стала называться Российской академией адвокатуры и нотариата. Проректором Академии стал Г.Г. Черемных. В Академии создана единственная в России самостоятельная кафедра нотариата, которую возглавил В.В. Ралько, разработана 72-часовая программа высших курсов. Обучение прошли уже более тысячи человек, в том числе нотариусы Московской области и других регионов России. По решению Правления МГНП обязательную учебу один раз в пять лет проходят все нотариусы и временно исполняющие их обязанности помощники.

Комиссия по связям со средствами массовой информации и имиджу МГНП была создана первоначально как мобильная группа для участия в теле- и радиопередачах ввиду возросшего интереса к нотариальной тематике в СМИ. В марте 2005 г. по инициативе Л.М. Поповой была создана комиссия по

Л. М. Попова. Фото 2008 г.

Живой символ МГНП. Сентябрь 2011 г.

связям со СМИ. За указанные годы нотариусы Москвы неоднократно выступали в теле- и радиопередачах, было снято несколько документальных фильмов, в том числе к десятилетию трагической гибели Анатолия Ивановича Тихенко.

Интересно будет отметить одну важную деталь: в начале работы с телевидением за эфир приходилось платить, однако по мере «раскрутки» нотариальной тематики не только эфиры стали предлагаться бесплатно, но и московские нотариусы стали активно приглашаться телевизионщиками на самые разные по жанру и тематике передачи. И это очень хороший знак для всех, кто знаком с телевизионным делом. Это значит, что присутствие нотариальной тематики или нотариуса повышает рейтинги, что в свою

очередь свидетельствует о повышении общественного интереса к данной тематике.

Очень важно, что МГНП стала издавать свою собственную газету «Буква закона». Она выходит 1 раз в 2 месяца тиражом 999 экземпляров. Главная задача газеты – информирование нотариусов о событиях в московском нотариате и в юридической сфере столицы. Печатная версия распространяется в первую очередь среди нотариусов Москвы, но не только. Часть тиража получают ФНП и региональные палаты. У газеты есть представительство в интернете, электронная версия на сайте МГНП.

В Москве существует и добровольное объединение нотариусов – Клуб нотариусов «Золотая печать», председателем которого является известный московский нотариус Вячеслав Николаевич Кузнецов. Ежегодно Клубом избирается лучший нотариус по профессии с вручением главного приза – статуэтки «Золотая печать». Так, во время проведения в мае 2012 г. в Москве Координационно-методического совета нотариальных палат Центрального федерального округа России Клубом «Золотая печать» проведена очередная церемония вручения ежегодного приза. Лауреатами стали Калужская и Смоленская нотариальные палаты.

Узнав о том, что в Московском зоопарке реализуется программа «Возьми опеку над животным», Правление МГНП принимает решение о заключении договора о благотворительной помощи с зоопарком, взяв под опеку самца Белой совы (*Nyctea scandiaca*). Как сообщила пресс-служба Палаты, согласно договору «МГНП оплачивает кормление и содержание выбранного животного. Содержание составляет 50% от стоимости кормления. У вольера,

где живут совы, появилась новая табличка с эмблемой МГНП и надписью «Опекает полярную сову». Теперь на эмблеме Московской городской нотариальной палаты изображены свиток и перо – символы нотариальной деятельности, а также сова – символ знаний и мудрости.

Палата имеет и свой гимн, авторами которого являются нотариус г. Москвы В. Кузнецов и Н. Лавров. Первым исполнителем гимна московского нотариата стал Иосиф Кобзон в сопровождении объединенного оркестра внутренних войск МВД России.

Вячеслав Николаевич Кузнецов

Гимн Московского нотариата¹

Текст: В. Кузнецов, Н. Лавров

Музыка: М. Лавров

Достойные дети великой Державы
На страже незыблемых принципов права
Стоят, невзирая на время и нравы,
За это почет им, за это им слава.

У всех на виду, а порой под прицелом
Они каждый день защищают отважно,
Преодолевая все трудности смело,
Права, интересы, свободы сограждан.

Припев:

*Во имя закона все действия наши,
Не ради похвал и наград.
Да здравствует должное правде воздавший
Московский нотариат!*

Идеи гуманности в сердце пронесит,
В законе и правде он черпает силы,
Московский нотариус как знаменосец
Для всех в самом сердце огромной России.

¹ Текст Гимна публикуется с согласия его авторов.

Основы создав в этом городе древнем,
Все лучшее взяв в вековых постулатах,
Идет он дорогой единственно верной
Как флагман российского нотариата.

Привет.

Мы помним всех тех, кто сегодня не с нами,
Тех, чьи имена навсегда в наших душах,
Великими их мы гордимся делами
И славу поем им как лучшим из лучших.

Но солнце встает ежедневно как раньше
И мы честно делаем нашу работу
Без прав на ошибку, без толики фальши
Во имя порядка, во имя свободы.

Привет.

Московские нотариусы и Московская городская нотариальная палата отмечены различными наградами. Так, лауреатами юридической премии «Фемида» стали:

Тихенко Анатолий Иванович за 1996 г.;

Шарафетдинов Нуриман Фейзрахманович за 2000 г.;

Корсик Константин Анатольевич за 2006 г.;

Некоммерческая организация Фонд «Институт развития нотариата» за 2007 г.;

Никифорова Светлана Александровна за 2009 г.

Московской городской нотариальной палате за 2011 год в номинации «Право и информационные технологии» была присуждена премия «Фемида» «за разработку, внедрение и распространение новых информационных технологий для оказания эффективной правовой помощи населению», то есть по сути за систему «Наследство без границ», которая теперь внедряется в ряде субъектов Российской Федерации.

Совсем недавно, 9 февраля 2013 г., лауреатом юридической премии «Фемида» в номинации «Законотворчество» стал член Правления МГНП, доктор юридических наук, профессор, проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, нотариус г. Москвы Геннадий Григорьевич Черемных.

Последние пять лет, с 2008 по 2012 г., можно смело назвать довольно удачным периодом для московского нотариата, периодом стабильности и постепенного усиления его позиций.

Палата вышла на новый уровень профессиональной консолидации. В эти годы и в обществе, и во властных структурах постепенно стало созревать осознание негативных последствий отстранения нотариата от важных сегментов гражданского оборота, понимание того, что в корпоративной сфере и в сфере оборота недвижимости это отстранение привело

Вручение премии «Фемиды» Г. Г. Черемных. Февраль 2013 г.

к широкому проникновению туда криминалитета. Вселяет определенный оптимизм наметившаяся положительная тенденция рассматривать нотариат как эффективный правовой инструмент, обеспечивающий исполнение норм права в сфере гражданского оборота.

Так, с 2009 г., в том числе благодаря усилиям МГНП, в российском законодательстве было закреплено обязательное нотариальное удостоверение договоров отчуждения долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью, законодателем была реанимирована долгие годы не действующая исполнительная надпись нотариуса как способ внесудебной правовой защиты прав кредиторов от недобросовестных должников.

Законопроектная деятельность в последние годы является одной из ключевых задач в работе Московской городской нотариальной палаты. МГНП совместно с ФНП ведет самую активную работу в этой сфере, и от того, насколько эффективно нотариусы будут влиять на законотворческий процесс, будут зависеть дальнейшие перспективы развития нотариата как публично-правового института.

Сегодня нотариусы страны испытывают надежду, что во властных структурах будет все же принято решение о необходимости возврата к нотариальной защите прав собственников и в сфере недвижимости. Это было нормой до 1998 г., это сегодня практикуется в развитых странах континентальной системы права.

*Общее собрание в храме
Христа Спасителя.
Март 2008 г.*

*Награждение С. А. Никифоровой
премией «Фемида». 2009 г.*

*Новогодний вечер.
Декабрь 2009 г.*

*Участники
Координационно-
методического
Совета. Москва,
май 2012 г.*

Встреча с берлинскими коллегами в библиотеке им. И. С. Тургенева. Май 2011 г.

Всероссийская нотариальная олимпиада в г. Химки. Февраль 2012 г.

Работа в детской больнице. Апрель 2012 г.

Совет президентов МГНП. Март 2012 г.

На очереди глобальные изменения Гражданского кодекса, внесение в Госдуму проекта федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации», разработанного рабочей группой Минюста России. Впереди много интересной работы.

В этом очерке мы не смогли назвать всех тех неравнодушных людей, которые отдавали и отдают свою энергию и силы, работая в органах управления, комиссиях Палаты, делая это искренне, по зову сердца, не считаясь со временем и здоровьем. Кто-то из них целеустремлен, бодр, полон энергии, кого-то, к сожалению, уже нет с нами. Именно их усилиями и благодаря их работе нотариат Москвы по праву считается флагманом, интеллектуальным центром нотариальной жизни.

Заключение

Московский нотариат за 20 лет прошел большой и сложный путь. На этом пути было многое. Что-то мы отразили, что-то опустили, о чем-то намеренно умолчали. Надо признать, что область, в которой работают нотариусы, предельно конфликтна – это сфера самых существенных человеческих интересов и самых острых конфликтов. Достаточно вспомнить атмосферу 90-х гг., когда новый нотариат зарождался и вырос, и то, как эта атмосфера отразилась на самом нотариате, на судьбе многих нотариусов.

Нотариусы были и всегда будут в самой гуще человеческих страстей и общественных проблем, такова их участь. Государство в 1993 г. четко определило путь нотариата, но при этом все же предоставило определенную свободу выбора, сделав нотариальную корпорацию достаточно независимой.

Февраль 2012 г.

Далеко не все правильно это поняли и решили, что они, как в том анекдоте, приобрели 3 метра государственной границы. Но государство не в «кормление» отдало свои функции, а в «доверие», с надеждой на строгое следование закону и личную порядочность. С системой «кормления» Россия рассталась уже более 300 лет назад.

Нотариат страны еще очень молод. И те болезни роста, о которых мы вспомнили, вероятно, были неизбежны, как это случается в живом и здоровом организме. Но нотариусы смогли самостоятельно разобраться в причинах недугов и сами нашли рецепты излечения. Болезни не приобрели хронический характер и были вовремя излечены, без хирургического вмешательства.

Сегодня, после всех конфликтов и трагедий, может быть, еще острее, чем в начале пути, встает вопрос о дальнейшем развитии, о востребованности обществом нотариальной помощи, о возможностях использования института нотариата как действенного механизма правовой защиты.

По какому пути пойдет нотариат: ударится в рынок – в сферу оказания платных юридических услуг, или на основе соблюдения заповедей латинского нотариата пойдет дальше по пути осуществления изначально присущей ему высокой миссии – защиты прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации, покажет время.

Приложение 2

ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ МГНП

04.06.1993 – 20.06.1996

1-й состав:

Репин Виктор Сергеевич – Президент с 04.06.93 по 03.06.94; Скурлатов Александр Викторович – Президент с 03.06.94 ; Сафонов Алексей Вениаминович – Вице-президент; Тихенко Анатолий Иванович; Ступак Александр Константинович; Сопина Татьяна Ивановна; Панферов Борис Викторович; Пошеченкова Наталья Викторовна; Жукова (Герасимова) Галина Константиновна.

2-й состав:

Ломоносова Зинаида Алексеевна; Андрюхина Елизавета Николаевна, Ткаченко Ирина Ивановна – избраны в члены Правления 03.06.94., т. е. с избранием Скурлатова А. В.

ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ МГНП

с 20.06.1996 по 17.06.1999

3-й состав:

Черемных Геннадий Григорьевич – Президент; Сопина Татьяна Ивановна – Вице-президент; Алферов Александр Иванович; Глазкова Светлана Викторовна; Ништ Зинаида Львовна; Поповкин Николай Александрович; Тоцкий Николай Николаевич; Герасимова Галина Константиновна; Виноградова Розалия Ильинична; Ломоносова Зинаида Алексеевна; Андрюхина Елизавета Николаевна; Селенкова Вера Сергеевна

ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ МГНП

с 17.06.1999 по 10.10.2002

4-й состав:

Шарафетдинов Нуриман Фейзрахманович – Президент до марта 2001 г.; Репин Виктор Сергеевич – Вице-президент; Цымбаренко Алла Геннадьевна; Черемных Геннадий Григорьевич; Хошева Ирина Владимировна; Панферов Борис Викторович; Скурлатов Александр Викторович; Ралько Василий Васильевич; Попова Лидия Михайловна; Виноградова Розалия Ильинична; Игнатенко Александра Владимировна, Тихенко Анатолий Иванович.

ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ МГНП

с 10.10.2002

(переизбраны заново 17.06.2003)

Репин Виктор Сергеевич – и. о. Президента; Вергасова Галина Ивановна – Вице-президент; Иутин Юрий Васильевич; Никифорова Светлана Александровна; Скурлатов Александр Викторович; Хошева Ирина Владимировна;

Цветкова Александра Семеновна; Цымбаренко Алла Геннадьевна; Черемных Геннадий Григорьевич; Шиндина Наталья Петровна; Штукатурова Валентина Николаевна

ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ МГНП
с 17.06.2003 по 16.05.2006

Репин Виктор Сергеевич – и. о. Президента; Вергасова Галина Ивановна – Вице-президент; Иутин Юрий Васильевич; Никифорова Светлана Александровна; Скурлатов Александр Викторович; Хошева Ирина Владимировна; Цветкова Александра Семеновна; Цымбаренко Алла Геннадьевна; Черемных Геннадий Григорьевич; Шиндина Наталья Петровна; Штукатурова Валентина Николаевна

Репин Виктор Сергеевич избран Президентом 19 мая 2006 г., умер 2 декабря 2007 г.

ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ МГНП

Протокол от 17.12.2009

Президент МГНП – Ралько В. В.

Члены Правления МГНП:

Вергасова Г. И.; Игнатенко А. В.; Никифорова С. А.; Ништ З. Л.; Попова Л. М.; Скурлатов А. В.; Черемных Г. Г.; Шиндина Н. П.

ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ МГНП

Протокол от 19.09.2011

И. о. Президента МГНП – Попова Л. М.; Игнатенко А. В.; Никифорова С. А.; Ништ З. Л.; Скурлатов А. В.; Черемных Г. Г.; Шиндина Н. П.

ЧЛЕНЫ ПРАВЛЕНИЯ МГНП
4 октября 2011

Корсик Константин Анатольевич – Президент МГНП
Никифорова Светлана Александровна – Вице-президент МГНП
Иутин Юрий Васильевич – Вице-президент МГНП
Игнатенко Александра Владимировна
Ништ Зинаида Львовна
Скурлатов Александр Викторович
Сопина Татьяна Ивановна
Черемных Геннадий Григорьевич
Шиндина Наталья Петровна

Содержание

<i>Предисловие</i>	<i>3</i>
<i>Глава первая. Нотариат в России и в Москве в XIX и начале XX века</i>	<i>5</i>
<i>Глава вторая. Советский период в истории отечественного нотариата</i>	<i>129</i>
<i>Глава третья. Становление нового российского нотариата</i>	<i>167</i>

